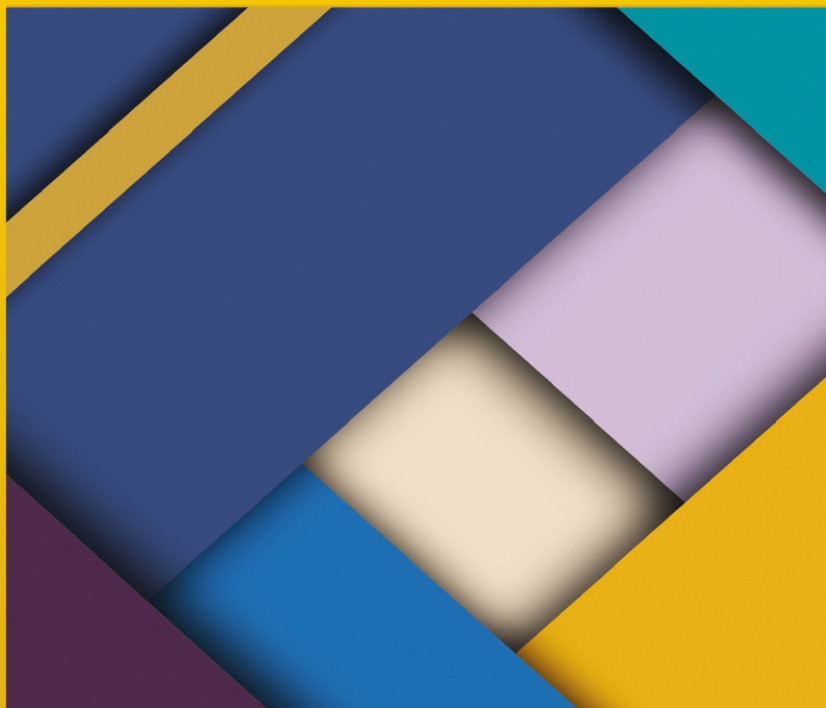

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 13, Number 3
2021

ISSN 2077-1770 (print)
ISSN 2218-7405 (online)

Современные исследования социальных проблем

Том 13, № 3
2021

Modern Studies of Social Issues

Volume 13, Number 3
2021

Главный редактор

Т.А. Марсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2021

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 13, № 3, 2021 / Vol. 13, No 3, 2021

Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: 660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/ Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088	Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010. Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan' Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/ Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088
--	---

Свободная цена
© Научно-инновационный центр, 2021

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБун Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Еркековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалкенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-14-31

УДК 930, 908

МЕДИЦИНСКАЯ ПРОГРАММА АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ (АРА) В РОССИИ В 1921–1923 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДА)

Филиппова М.Н., Романова А.Н.

Цель. Медицинская программа была важным компонентом помощи голодающему населению России в 1921 – 1923 гг., оказанной Американской Администрацией Помощи (АРА). Цель работы – изучение медицинского направления миссии АРА в Петрограде.

Метод проведения работы. Методологическая основа работы – принципы историзма, системности, научности и объективности. Использованы историко-критический, историко-сравнительный, источниковедческие методы. Изучены документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации (Москва), опубликованные исследования.

Результаты. Медицинскую программу АРА выполняла в сотрудничестве с Полномочным представительством Советского правительства и Наркоматом здравоохранения.

Медицинская программа была единой для всех дистриктов. Руководителями Петроградского дистрикта были врачи Г.К. Уокер и У.Х. Гантт. Медицинская помощь Петроградского дистрикта АРА охватывала также Карелию, Псков, Череповец, Вологду и Новгород; её стоимость составила 9% от стоимости помощи АРА по всей России.

В Петрограде сохранились местные квалифицированные медики и медучреждения, но не хватало медикаментов и оборудова-

ния. Объекты помощи АРА – больницы, детские дома и т. п. Ара провела прививочную кампанию против тифа, холеры, оспы. Для обеззараживания городского водоснабжения АРА предоставила хлорную известь.

АРА применяла достижения и принципы современного здравоохранения (системы Пелидизе и Sacratata; врачебный контроль за детьми в столовых, воспитание у людей стандартов гигиены).

Область применения результатов. Результаты работы могут быть полезны современным гуманитарным организациям; могут послужить материалом для научных обобщений в теме помощи АРА, при подготовке учебных материалов по отечественной истории, для развития краеведения.

Ключевые слова: Американская Администрация Помощи (АРА); медицинская программа; голод; У. Х. Гантт; Петроград

THE MEDICAL PROGRAM OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) IN RUSSIA IN 1921–1923 ON THE EXAMPLE OF PETROGRAD

Filippova M.N., Romanova A.N.

Purpose. The medical program was an important component of the American Relief Administration (ARA) mission to the starving people in Russia in 1921–1923. The purpose of the work is to study the medical mission of the ARA in Petrograd.

Methodology. The methodological basis of the work is the principles of historicism, consistency, scientific character and objectivity. The historical-critical, historical-comparative, source study methods were used. The paper used documents from the Central State Archives of St. Petersburg, the State Archives of the Russian Federation (Moscow) and published studies.

Results. The Plenipotentiary representative to the ARA of the Soviet government and the People's Commissariat of Health supported the medical program. The medical program was uniform for all districts.

The supervisors of the Petrograd District were M.D. H.C. Walker and M.D. W.H. Gantt. The medical relief territory included Karelia, Pskov, Cherepovets, Vologda and Novgorod. The medical relief in the Petrograd District costed 9 % of total amount throughout Russia.

The Petrograd district had its qualified specialists and medical facilities. The objects of medical relief were hospitals, shelters, ambulatories etc. ARA vaccinated inhabitants against typhus, cholera, small-pox. ARA shipped bleach to disinfect the city water supply.

ARA used the achievements of modern health care in its work (Pelidise and Sacratama systems; medical control of children in kitchen, education for hygiene standards).

Practical implications. *The data obtained can be useful in work of modern humanitarian organizations; they can be useful for scientific development in the subject of relief of the ARA, in preparation of educational works on Russian history. The results may be of interest to local historians.*

Keywords: *American Relief Administration (ARA); medical program; hunger; Petrograd; W.H. Gantt; humanitarian aid*

Введение

В преодолении небывалого голода 1921–1923 гг. в России значительную роль сыграли иностранные гуманитарные организации. Наиболее крупной из них была Американская Администрация Помощи (АРА), которая не только спасала население от голода, но и оказывала ему медицинскую помощь.

В настоящее время имеется крайне мало отечественных публикаций, освещающих медицинскую программу АРА, причем многие данные о ее выполнении в Петроградском дистрикте отсутствуют в научном обороте. Предоставление медицинской помощи (в первую очередь с целью борьбы с эпидемиями) было необходимо для осуществления основной цели АРА – спасения голодающих. Налаженное взаимодействие с местными медицинскими и управленческими кадрами в Петрограде позволило выстроить четкую организацию помощи и эффективно использовать большой объем передаваемой

помощи. Данный опыт АРА может служить положительным примером для современных гуманитарных организаций. Приведенные данные могут быть полезны также для регионоведов.

Материалы и методы

Для того, чтобы охарактеризовать опыт медицинской помощи АРА в Петрограде, нами использован обобщающий отчет директора по медицине АРА д-ра медицины Г. Бьюкеса [9], статьи главы медицинской программы в Петроградском дистрикте д-ра медицины У. Х. Гантта [10–12]; впервые используются материалы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Государственного архива Российской Федерации (Москва).

Методологической основой работы стали принципы историзма, системности, научности и объективного познания. Были применены историко-критический, историко-сравнительный методы, а также источниковедческие методы. Применены такие общенаучные методы, как описание, объяснение, сопоставление, интерпретация, анализ.

Результаты и обсуждение

Некоммерческая благотворительная фирма АРА, зарегистрированная в 1919 г., была преемником созданных Г. Гувером во время войны гуманитарных организаций. Они оказывали большую помощь детям и взрослым в ряде европейских стран, где занимались практически только обеспечением питания людей, опыта же оказания медицинской помощи в значительных масштабах до операций в Советской России у них не было. Однако здравоохранение в России находилось в тяжелейшем состоянии, и ослабленные голодом люди особенно нуждались в медицинской помощи [9; 13].

Распространению опасных болезней и тяжести их протекания способствовали голод, прекращение практики многими врачами и нехватка (или отсутствие) медикаментов, медицинских средств и оборудования, массовые передвижения беженцев, повсеместное обострение нищеты – весь комплекс последствий войн, револю-

ций, контрреволюций. Угрозу представляли болезни, передаваемые насекомыми (тиф и возвратный тиф), загрязненной водой (холера, брюшной тиф и паратиф лихорадки) и различные экзантемы вирусной природы (высыпания на коже, в том числе оспа) [9, р. 117]. Неизбежно происходило распространение туберкулеза, педикулеза; у людей возникали нарушения обмена веществ, обусловленные голодом [9, р. 117; 11, р. 304]. Распространение этих болезней стало заметно увеличиваться с 1918 г. [2; 9, р. 30].

Узнав о гуманитарном кризисе в Советской России, Американский Красный Крест и Фонд Рокфеллера высказали желание помочь ее жителям. Они располагали значительными финансами и необходимыми медицинскими средствами, но не имели достаточно персонала и опыта для самостоятельной работы в России. 2 сентября 1921 г. АРА договорилась с Американским Красным Крестом о совместной медицинской программе помощи в России, при этом Американский Красный Крест обязался обеспечить русскую миссию оборудованием и финансами на общую сумму 3 млн долларов (впоследствии увеличившуюся) [13, р. 90]. Значительный вклад внесло правительство США, оказавшее поддержку АРА (таблица 1).

Для взаимодействия с АРА Советское правительство образовало специальное Полномочное представительство, назначавшее в каждом дистрикте (территориальные единицы, в которых АРА оказывала продовольственную помощь) своего уполномоченного для посредничества между АРА и местными властями и организациями. Участие в медицинской программе АРА принимал также Наркомат здравоохранения, возглавляемый Н.А. Семашко, при этом между ними никогда не возникало недоразумений и сложностей политического характера [1, с. 38].

Медицинское подразделение АРА прибыло в Россию 21 сентября 1921 г. [9, р. 34]. Штаб-квартира медицинской программы АРА, руководителем которой был назначен военный врач полковник доктор медицины Г. Бьюкес, была устроена в Москве. Предметы медицинской помощи АРА привозила в Москву, откуда их распределяли по дистриктам (тогда как другие виды помощи из-за границы

могли транспортироваться прямо в дистрикт) [9, р. 66]. В каждый дистрикт для руководства программой был назначен врач, при этом границы дистрикта, в которых реализовывались программы продовольственной и медицинской помощи, могли не совпадать и изменяться во времени [9, р. 84; 13, р. 89–91]. Медицинские программы начали действовать в ноябре 1921 г. в Москве, Петрограде, Казани и Самаре, позже – в Симбирске, Саратове, Царицыне, Оренбурге и Уфе [9, р. 82].

Таблица 1.

Финансирование медицинской программы АРА в России [9, р. 73]

Основные жертвователи	Вид пожертвования	Сумма, доллары
Американский Красный Крест	Денежный	3000000
	Медицинские и больничные принадлежности, а также зимняя одежда с парижских складов	804863,15
Конгресс (Правительство США)	Избыточные запасы медицинских принадлежностей	4000000
Фонд мемориала Лауры Спелман Рокфеллер	Денежный*	267392,88
У. Бингем Второй из Бостона штат Массачусетс (под управлением д-ра Г. Бьюкеса)	Продовольствие и одежда для медицинского персонала	95000,00
Д-р Г. О. Эверсоле		5000,00
Фонд «Community Chest» из Рочестера		5000,00
Итого:		8177256,03

Примечание:

* – Оплата расходов на проверку, обработку и транспортировку помощи, предоставленной Конгрессом

Медицинская программа была единой для всех дистриктов и включала следующие направления:

1. Снабжение существующих больниц, диспансеров, фельдшерских пунктов, лабораторий и других санитарных учреждений всем необходимым для проведения эффективной работы.

2. Организация и управление теми амбулаториями и аптеками, которым это было необходимо.

3. Помощь детским домам, домам престарелых, слепых и т. д.

4. Выдача продуктов питания больным пациентам и заключенным.

5. Меры по снижению заболеваемости и улучшению санитарных условий (кампания по вакцинации, кампания по наведению чистоты, поставка дезинфицирующих средств и дезинфицирующих аппаратов, улучшение водоснабжения городов, кампании по купанию).

6. Помощь в обеспечении медицинского персонала питанием и одеждой.

7. Поставка медицинской литературы в университеты и другие учреждения [9, р. 75–76].

Медицинской помощью АРА в Петроградском дистрикте с ноября 1921 до октября 1922 г. руководил супервайзер дистрикта врач доктор медицины Г. К. Уокер, его сменил врач доктор медицины У. Х. Гантт (впоследствии крупный ученый, на судьбу которого значительное влияние оказало личное знакомство в Петрограде с И. П. Павловым и его работами). Общая численность русского персонала, занимавшегося медицинской помощью АРА в дистрикте, составляла 43 человека [9, р. 85]. С самого начала своей деятельности АРА пригласила к постоянному сотрудничеству на должности медицинских консультантов петроградских врачей Ниссена и Гербста [5, л. 1].

Медицинская помощь Петроградского дистрикта распространялась не только на Петроградскую губернию, но и на Карелию, Псков, Череповец, Вологду и Новгород, охватывая территорию с общим населением 2,5 млн человек. По мнению американцев, это было наиболее рационально [9, р. 85]. Ситуацию в этих районах усложняли большие потоки беженцев, многие из которых были сильно истощены и тяжело больны [9, р. 84].

Особенностью Петроградского дистрикта было наличие большого количества оставшихся с дореволюционного времени медицинских учреждений и квалифицированного персонала. Однако вследствие разрухи, а также нехватки топлива за период с 1920 по

1922 г. в Петрограде было закрыто более 100 медицинских учреждений [10, р. 337].

Ввозимые АРА в Россию медицинские товары включали 377 наименований лекарств, 15 – дезинфицирующих средств, 11 – вакцин, 133 вида лабораторных принадлежностей, 627 разновидностей хирургических инструментов, больничных и стоматологических принадлежностей, 54 вида одежды и 5 – очистителей воды, всего 1222 различных наименования [9, р. 93]. На долю Петроградского дистрикта пришлось 9% медицинской помощи, оказанной в России [9, р. 89], то есть ее можно оценить примерно в 736 тыс. долларов (см. таблицу 1).

В Петрограде с середины января до 1 марта 1922 г. было произведено около 250 крупных выдач медикаментов и предметов госпитального оборудования учреждениям социального обеспечения Наркомпроса и других ведомств. Медицинская помощь увеличилась после открытия летней навигации 1922 г. – еще почти 800 приютов, больниц, детских домов, амбулаторий практически «перестали испытывать недостаток в указанных предметах». Уполномоченный Полномочного представителя правительства РСФСР при всех зарубежных организациях ПОМГОЛа по Петроградской губернии З. И. Жуков в августе 1922 г. подтверждал регулярность снабжения [4, л. 111об.].

В середине апреля 1922 г. АРА сообщила о том, что ее задача по снабжению лечебных заведений в Петроградском дистрикте медикаментами, перевязочными средствами и инструментами, предметами госпитального снабжения в значительной степени решена, и АРА планировала увеличивать разнообразие и объемы медицинской помощи [7, л. 48].

Основным объектом борьбы американцы видели тиф, вторым по значимости была холера [13, р. 91]. В 1922 г. наиболее важными из распределяемых в Петрограде медикаментов были хинин (против малярии), йодистые препараты, неосальварсан (против возвратного тифа). Для дезинфекции и дезинсекции АРА предоставила серу, формалин и карболку. Среди других важных медицинских средств

необходимо отметить рыбий жир, формалин, мыло для стирки, мыло туалетное, одеяла, простыни, полотенца. В первую очередь АРА снабжала крупнейшие госпитали, туберкулезный и детские санатории, а также специальные лечебные учреждения – Боткинские заразные бараки, глазные, психиатрические, венерические больницы [4, л. 107, 111об.].

Обобщенные данные по учреждениям Петроградского дистрикта, получавшим медицинскую помощь от АРА, приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Учреждения в Петроградском дистрикте, получившие медицинскую помощь от АРА в ноябре 1921 – июне 1923 г. [9, р. 98]

Вид учреждения	Количество учреждений	Количество подопечных, чел.
Больницы и санатории	521	34573
Амбулатории	333	50669
Детские дома	487	20844
Учреждения дневного сестринского ухода	10	791
Школы	20	6192
Дома престарелых	63	19071
Другие	139	–
Всего:		132140

При рассмотрении практики оказания медицинской помощи АРА можно обнаружить главные принципы, свойственные этой благотворительной организации. Медикаменты, хирургические инструменты, перевязочный материал и все предметы больничного снабжения передавались учреждениям лишь для целевого использования, причём все эти предметы оставались собственностью АРА, а потому АРА оставляла за собой право контроля правильности их расходования и использования. В случае замеченных злоупотреблений АРА могла потребовать возвращения отпущенного имущества и отказаться от дальнейшего снабжения учреждения. Для более точного учета и контроля получаемых от АРА медикаментов и перевязочных материалов администрации учреждений вели особую

приходно-расходную книгу. Равным образом в соответствующие инвентарные описи учреждений требовалось включить предметы медицинского и госпитального снабжения, а так же одежду и белье, предоставленные АРА, так как они поступали лишь в пользование учреждений, но не передавались в собственность больным или призраемым. Эти книги должны были предъявляться лицам, выполнявшим производственный контроль от имени АРА. В целях обеспечения планомерного распределения медикаментов, не позже пятого числа каждого месяца в АРА передавали сведения о приходе, расходе и остатке на первое число месяца для всех препаратов, предметов и материалов, полученных от нее. В случае возникновения недоразумений, американцы приглашали представителей советской стороны в свой медицинский отдел (ул. Морская, д. 40), работавший ежедневно [7, л. 48]. Можно отметить, что ранее в этом помещении находилась канцелярия З. И. Жукова, переехавшего в менее удобное помещение ради обустройства медицинского отдела АРА [8, л. 129].

Помимо снабжения городских учреждений здравоохранения АРА открыла в своем главном офисе амбулаторное отделение с зубным кабинетом. Были открыты 4 диспансера при студенческих кухнях и 2 диспансера при детских кухнях, проводящих лечение 175 пациентов и выписывающих 250 рецептов в день [9, р. 108]. В профилактических амбулаториях АРА проводились обследование и лечение, но в них не было оборудования для изготовления и фасовки лекарств, поэтому в марте 1922 г. американцы советовали производить выдачу лекарств через коммунальные аптеки [7, л. 37].

В августе 1922 г. началось снабжение медикаментами железнодорожных больниц, приемных покоев и амбулаторий Петроградского округа путей сообщения, а также 14 лечебных учреждений Карелии. Инвалиды снабжались теплым бельем, постельными принадлежностями и одеялами [4, л. 111об.].

АРА также занималась медицинским снабжением организаций немедицинского профиля, обращавшихся к ней за помощью. Так, в феврале 1922 г. в Петрограде сохранялась высокая заболеваемость

тифом, и с просьбой выдачи медикаментов к АРА обратилась транспортная часть Петроградского единого потребительского общества (ПЕПО) [7, л. 8]. Супервайзер дистрикта Г. К. Уокер подтвердил готовность обеспечить их необходимыми лекарствами [7, л. 13].

Д-р Г. К. Уокер 6 марта 1922 г. так охарактеризовал ценность медицинской помощи АРА: «Ценность этой нашей работы не подлежит расчету с денежной точки зрения, так как в настоящее время в Петрограде нет совершенно медикаментов и стоимость их на деньги не может быть переведена» [7, л. 25]. В 1922 г. 4 самые большие больницы Петрограда получили от 75 до 100% лекарств и хирургических материалов в виде пожертвований от АРА [10, р. 340].

В связи со сложностью исправления санитарно-эпидемиологического состояния России, АРА рассматривала прививки и вакцинации как наиболее эффективный метод профилактики холеры, болезней группы брюшного тифа и оспы. По заказу АРА институт Пастера приготовил тетравакцину, защищающую от холеры, брюшного тифа и паратифов А и В, а также противооспенную вакцину [9, р. 118, 123]. Всего АРА сделала почти 7 млн вакцинаций тетравакциной, привив более 3 млн советских граждан [9, р. 126].

В отчете от 15 августа 1922 г. З.И. Жуков докладывал, что в Петроградском дистрикте медицинский отдел АРА вел прививочную работу, организовав в мае 1922 г. 6 противохолерных прививочных отрядов: 1 постоянно находившийся на Михайловской улице и 5 мобильных отрядов, действовавших в различных учреждениях. Количество прививочных отрядов к июню увеличилось до 11, один из которых назывался «научным», опробовавшем прививки по новому методу Безредки [4, л. 112]. В этом же отчете Жукова без пояснений приведены 2 схемы организации прививочной кампании АРА в Петрограде (рисунок). Судя по количеству отрядов первая схема относится к указанным 11 отрядам. Относительно второй схемы можно только предположить, что она имеет отношение к порядку прививок, при котором АРА в первую очередь прививала детей, которых она кормила, потом – взрослых, которые получали паек от АРА, и затем – всех остальных желающих [9, р. 122].

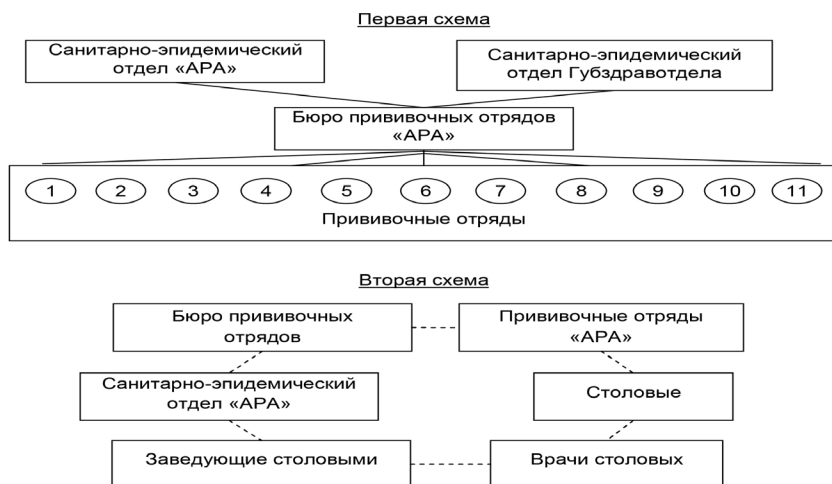

Рис. Две схемы организации прививочной работы АРА [4, Л. 112]

В таблице 3 приведены известные данные по прививочной кампании в Петрограде в 1922 г. Десятки тысяч жителей города получили противохолерные прививки. При этом научный противохолерный отряд сделал 264 прививки в виде подкожных инъекций и 291 прививку – в виде таблетки [4, л. 112об.]. И все же, учитывая, что в городе проживало более 900 тыс. человек [3, с. 16–17], пусть даже при наличии жителей, сделавших прививки ранее, очевидно, что для защиты от холеры дезинфекция питьевой воды была важнее. Важным событием для Петрограда стала поставка от АРА для обеззараживания городской питьевой воды хлорной извести, объем которой к августу 1922 г. составил 362 бочки весом 328732 фунтов [4, л. 112].

Имеются сведения о прививочной кампании против тифа. К середине мая 1922 г. АРА подготовилась к проведению прививочной кампании против тифа у детей и взрослых, питающихся в столовых, а так же у организованных групп (беженские лагеря, закрытые заводы). Был создан необходимый запас вакцины. Оплату сотрудников, проводящих вакцинацию, АРА взяла на себя, причем сотрудники АРА получали американский паек, а сотрудники Губздравицы – советский паек [7, л. 60]. В Петроградском дистрикте АРА проводила также вакцинацию против оспы (таблица 3) [9, л. 126].

Таблица 3.

Прививочная кампания от АРА в 1922 г. в Петрограде [4, л. 112об.], [9, р. 126]

Показатели прививочной кампании	Противохолерная вакцина			Тетра-вакцина	Противооспенная вакцина	
Период	Май	Июнь	Июль**	С весны до начала осени	С 1 по 15 июля	С весны до начала осени
Количество отрядов	1+5*	1+9*	1+9*	—	6*	—
Привито жителей, чел. первично	9194	16154	56 · 8	42285	—	27198
вторично	4813	10876	57 · 3	45000	—	—
третично	198	3950	19 · ·	—	—	—
Всего:	14005	30980	13 · · ·	87285	1860	27198

Примечание:

* – мобильные отряды, действующие по учреждениям,

** – отдельные цифры неразборчивы

Для АРА характерно применение современных медицинских научных подходов и при выполнении своей главной задачи – оказании продовольственной помощи голодающим.

Необходимость быстро и эффективно использовать ограниченный ресурс продовольственной помощи при кормлении детей, и, соответственно, отбирать самых истощенных детей, обусловило применение АРА критериев Пелидизе и Sacratama, опробованных ею в странах Европы [9, р. 58–59; 13, р. 87]. Система Пелидизе, разработанная педиатром К. фон Пике, позволяет оценить степень истощения ребенка по несложным измерениям (масса и длина тела в положении сидя). Sacratama обобщает 4 показателя оценки здоровья, сделанных при осмотре ребенка врачом. В Петрограде применяли оба способа оценки состояния детей [9, р. 59], но, по-видимому, применяли преимущественно систему Пелидизе, потому что в других источниках нам не встретилось упоминание о системе Sacratama в Петрограде. Миссия АРА в Петрограде сразу же по прибытию в конце августа 1921 г. начала масштабную кампанию по оценке состояния детского населения. Для проведения медицинских осмотров во всех районах города было мобилизовано 75 врачей и 150 медсестер. За несколько недель было

обследовано около 100 тыс. детей и установлено, что 42 тыс. детей безотлагательно нуждаются в дополнительном питании [13, р. 53]. Регулярная (с периодичностью 6 недель) оценка состояния детей врачевскими комиссиями (3–4 комиссии на район) продолжалась весь период работы АРА, как сообщается в августе 1922 г. [4, л. 112об.]. В процессе применения системы Пелидизе в Петрограде на основе статистических данных были уточнены критерии оценки состояния детей [12, р. 750]. Это стало возможным благодаря высокой квалификации врачей.

При каждой столовой (как детской, так и беженской) работал врач, обеспечивавший амбулаторную помощь и выявлявший заболевших. Столовые были оснащены аптечками [4, л. 112об.; 9, р. 108]. В своей повседневной работе АРА прививала подопечным детям разумные стандарты гигиены. Большинство кухонь было обеспечено мылом, и перед получением еды дети должны были вымыть руки и лица [9, р. 117].

Многие российские медицинские учреждения получили хорошее оснащение. Кроме того, перед своим отъездом, в марте – мае 1923 г., АРА сделала очень щедрые пожертвования большому количеству больниц и диспансеров в областях, не включенных в дистрикты помощи [9, р. 74].

Большую поддержку петроградским врачам, медсестрам и обслуживающему персоналу оказали посылки с продуктами питания и с одеждой, собранные в рамках медицинской программы АРА на средства У. Бингема Второго из Бостона (см. таблицу 1). Таких посылок пришлось на Петроград 400 и 80 соответственно [9, р. 112]. А в декабре 1921 г. АРА распределила в Петрограде среди наиболее нуждающихся и больных врачей 75 рождественских продовольственных посылок весом более 3 пудов каждая, собранных врачами г. Рочестер (штат Нью-Йорк) [6, л. 4, 12].

Неоспорим большой вклад иностранных гуманитарных миссий в уменьшение заболеваемости в целом по России. В Петроградском дистрикте наряду с АРА, но в значительно меньшем масштабе, оказывали медицинскую помощь Германский Красный Крест, Нансеновский комитет, Шведский Красный Крест, Французский Красный Крест, Международная рабочая организация помощи голодающим России, Нансеновский комитет, общество «Джойнт» Британская миссия [4, л.

109; 10, р. 340], многие из которых начали работать в России еще во время войны.

Борьба с эпидемиями острых инфекционных заболеваний в Советской России происходила неровно [2, с.125-129], но в целом, распространение эпидемий ко второй половине 1922 г. снизились до предвоенных масштабов [9, р 30]. Позднее (в 1924 г.) наибольшее беспокойство вызывало широкое распространение туберкулеза, сифилиса и малярии [10, р. 336].

Медицинская программа АРА была закончена 1 июня 1923 г. [9, р. 97]. По мнению У. Х. Гантта, положительные результаты были достигнуты совместными усилиями советского правительства, местных медиков и иностранной помощи [10, р. 336]. Таким образом, медицинская программа АРА, сделав значительный вклад в материально-техническое обеспечение отечественного здравоохранения, способствовала улучшению жизни советских граждан.

Заключение

1. АРА, исходя из взаимосвязи положения голодающих и состояния здравоохранения в Советской России, внесла существенный вклад в преодоление имевшегося кризиса в здравоохранении в 1921–1923 гг. Петроградский дистрикт был объектом медицинской помощи АРА, получившим 9 % от всего объема оказанной в России медицинской помощи (примерно 736 тыс. долларов).

2. Медицинская программа, реализованная в Петрограде, была идентична программам, реализованным в других регионах Советской России. В Петроградском дистрикте наибольшее значение имели поставки медикаментов, прививочная кампания, помощь в дезинфекции питьевой воды.

3. Петроградский дистрикт имел следующие особенности, влиявшие на осуществление медицинской программы:

- сохранение части квалифицированного медицинского персонала и развитой инфраструктуры здравоохранения с дореволюционного времени,

- большое количество беженцев как в городе, так и в окружающем Северо-Западном регионе,

– медицинская программа Петроградского дистрикта охватывала большие территории по сравнению с территорией, на которой дистрикт оказывал продовольственную помощь.

4. В Петрограде были наиболее заметны следующие принципы работы АРА:

– для повышения эффективности медицинской помощи АРА контролировала правильность ее использования до момента фактического израсходования, при этом предметы помощи оставались собственностью АРА,

– воспитание у населения, особенно у детей, полезных гигиенических навыков,

– применение в своей деятельности современных, наиболее эффективных средств и методов (прививочные препараты, метод Пеллидзе, метод Безредки),

– готовность к сотрудничеству с местными организациями по их инициативе, приводящему к выполнению основной цели,

– использование помощи различного вида (денежных средств, складских запасов, посылок от частных жертвователей).

5. Сотрудничество врачей АРА и петроградских врачей и ученых принесло взаимную пользу в профессиональном отношении, а многим советским участникам обеспечило средства к существованию.

Список литературы

1. Латыпов Р. Американская помощь Советской России в период голода 1921–1923 годов // Вестник института Кеннана в России. М. 2005. Вып. 8. С. 31–46.
2. Прохоров Б. Б., Горшкова И. В. Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX веке // Мир России: Социология, этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 125–137.
3. Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный статистический сборник / Под ред. И. И. Елисейевой и Е. И. Грибовой. Вып. 2. СПб : Судостроение, 2003. 232 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-1058. Оп.1. Д. 435.

5. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 10.
7. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 40.
8. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 59.
9. Beeuwkes H. American Medical and Sanitary Relief in the Russian Famine, 1921–1923. New York: American Relief Administration, 1926. 128 p.
10. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia. II. Hospitals and Health Conditions // *The British Medical Journal*. 1924. Aug 23. pp. 336–340. <https://doi.org/10.1136/bmj.2.3321.336>
11. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia: Change in Type and Incidence of Disease. Part I // *The British Med. J.* 1926. Aug 14. pp. 303–307.
12. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia: Change in Type and Incidence of Disease // *The British Medical Journal*. 1926. Oct. 23. pp. 747–750. <https://doi.org/10.1136/bmj.2.3433.747>
13. Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.

References

1. Latypov R. *Vestnik Kennan Institute in Russia*, 2005, no. 8, pp. 31–46.
2. Prohorov B. B., Gorshkova I. V. Krisisy obshchestvennogo zdorovia v Rossii i SSSR v XX veke [Public health crises in Russia and the USSR in the XX century]. *Mir Rossii: Sotsiologia, ethnologia* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 1999, vol. 8, no. 4, pp. 125–137.
3. *Saint-Petersburg. 1703–2003: Jubileinyi statisticheskii sbornik* [St. Petersburg. 1703–2003: Jubilee statistical collection]/ ed. I. I. Eliseeva, E. I. Gribova. Issue 2. SPb: Sudostroenie, 2003, 232 p.
4. *Gosudarstvennyy Arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F.R-1058. Op. 1. D. 435.
5. *Tsentralnyy Gosudarstvennyy Arkhiv Sankt-Petersburga (CGA SPB)* [The Central State Archive of Saint Petersburg]. F. R-2805. Op. 1. D. 2.
6. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 10.
7. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 40.
8. CGA SPB. F. R-2805. Op. 1. D. 59.

9. Beeuwkes H. American Medical and Sanitary Relief in the Russian Famine, 1921–1923. New York: American Relief Administration, 1926, 128 p.
10. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia. II. – Hospitals and Health Conditions. *The British Medical Journal*, 1924. Aug 23, pp. 336–340. <https://doi.org/10.1136/bmj.2.3321.336>
11. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia: Change in Type and Incidence of Disease. Part I. *The British Medical Journal*, 1926. Aug 14, pp. 303–307.
12. Gantt W. H. A Medical Review of Soviet Russia: Change in Type and Incidence of Disease. *The British Medical Journal*, 1926, Oct. 23, pp. 747–750. <https://doi.org/10.1136/bmj.2.3433.747>
13. Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Мария Николаевна, независимый исследователь, бакалавр истории
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
maiiia.ph@gmail.com

Романова Анна Николаевна, независимый исследователь, кандидат технических наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
rutkaas@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maria N. Filippova, Independent Researcher, Bachelor of History
Saint Petersburg, Russian Federation
maiiia.ph@gmail.com

Anna N. Romanova, Independent Researcher, Candidate of Technical Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
rutkaas@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-32-49

УДК 930, 908

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПОМОЩИ (АРА) В ПЕТРОГРАДСКОМ ДИСТРИКТЕ В 1921–1923 ГГ.

Филиппова М.Н., Романова А.Н.

Цель. Важным аспектом при описании миссии Американской администрации помощи (АРА) в Советской России в 1921–1923 гг., являются действия советских властей, принимавших иностранную помощь для голодающих. Цель работы – проследить формирование государственных органов для работы с АРА в Петрограде и выявить основные направления их деятельности.

Метод проведения работы. Методологическая основа работы – принципы историзма, системности, научности и объективности. Использованы историко-критический, историко-сравнительный, источниковедческие методы. Изучены документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации (Москва), опубликованные исследования.

Результаты. На первых порах в Петрограде миссию АРА принимал Петрогубисполком. Был образован русско-американский исполком. После возникновения представительства советского правительства в Петроградской губернии для работы с АРА Петрогубисполком сотрудничал с ним. Уполномоченным Представителем правительства с ноября 1921 г. был З. И. Жуков. Представительство правительства занималось материальным обеспечением работы АРА, являясь посредником между АРА и советскими учреждениями и организациями. Оно находило источники финансирования для оплаты предоставленных товаров и услуг. С июня 1922 г. Представительство правительства перешло на хозрасчет. Органы советской власти для работы с АРА окончательно сформиро-

вались к осени 1922 г. В Петрограде в работе с АРА участвовали имевшиеся представительства наркоматов (НКВД, Внешторг), ПЕПО, а также милиция и ВЧК.

Область применения результатов. Материалы работы могут быть использованы для научных обобщений в теме помощи АРА, при подготовке учебных материалов по отечественной истории. Результаты могут заинтересовать краеведов.

Ключевые слова: Американская администрация помощи (АРА); голод; Петроград; представительство правительства; З.И.Жуков; гуманитарная помощь

FORMATION OF THE SOVIET AUTHORITIES FOR INTERACTION WITH THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) IN THE PETROGRAD DISTRICT IN 1921–1923

Filippova M.N., Romanova A.N.

Purpose. An important aspect of description of the mission of the American Relief Administration (ARA) in Soviet Russia in 1921–1923 is the actions of the Soviet authorities received foreign aid for their starving people. The purpose of the work is to observe the formation of state organs for working with the ARA in Petrograd and to reveal the main directions of their activities.

Methodology. The methodological basis of the work is the principles of historicism, systematic and scientific characters and objectivity. The historical-critical, historical-comparative, source study methods were used. The paper used documents from the Central State Archives of St. Petersburg, the State Archives of the Russian Federation (Moscow) and published studies.

Results. At the first period the ARA mission in Petrograd was received by the Petrogubispolkom. To cooperate with the ARA mission, the Petrogubispolkom appointed its representatives, formed a Russian-American executive committee. The later established representation of the

Soviet government with the ARA in the Petrograd district cooperated with the Petrogubispolkom. Z.I. Zhukov was the plenipotentiary representative of the government after November 1921. The plenipotentiary representative supported the work of the ARA materially, being an intermediary between the ARA and Soviet institutions and organizations. It found sources of funding to pay for the goods and services. In June 1922 the plenipotentiary representation turned to self-financing. The organ of Soviet authorities for working with the ARA was finally formed by the fall of 1922. In Petrograd the existing representatives of the People's Commissariats (NKID, Vneshtorg), PEPO, police and the Cheka took part in the work with the ARA.

Practical implications. *The data obtained can be useful for scientific development in the subject of relief of the ARA, in preparation of educational works on Russian history. The results may be of interest to local historians.*

Keywords: *American Relief Administration (ARA); hunger; Petrograd; Soviet Representative Plenipotentiary with the ARA; Z.I. Zhukov; humanitarian aid*

Введение

Приглашение гуманитарных иностранных миссий для спасения голодающих в России в 1921–1923 г. является уникальным событием в практике большевиков. Лидером в оказании помощи была Американская администрация помощи (АРА). У гуманитарных организаций, созданных и возглавляемых Г. Гувером, в том числе и у АРА, имелся уникальный опыт помощи гражданскому населению, пострадавшему от Первой мировой войны и ее последствий. При этом для получения наибольшей пользы от иностранной помощи голодающим огромное значение имела работа советских властей. Изучение действий советских центральных и местных властей необходимо для создания объективной картины спасения голодающих.

В настоящее время деятельность миссии АРА в Петрограде остается практически неисследованной. Цель работы – проследить формирование представительства правительства для работы с АРА

в Петрограде и выявить его основные направления деятельности. Опыт организации приема помощи в Петрограде актуален для гуманитарных операций и в сегодняшние дни. Кроме того, этот период истории Санкт-Петербурга мало изучен регионаловедом.

Материалы и методы

Основой для работы стали материалы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Государственного архива Российской Федерации (Москва), которые соотносятся с опубликованными сведениями о деятельности АРА в Советской России. Результаты изложены в хронологической последовательности.

Методологической основой работы стали принципы историзма, системности, научности и объективного познания. Были применены историко-критический, историко-сравнительный методы, а также источниковедческие методы. Применены такие общенаучные методы, как описание, объяснение, сопоставление, интерпретация, анализ.

Результаты и обсуждение

Летом 1921 г. Советская Россия находилась в глубоком социально-экономическом кризисе, надвигающийся голод грозил уже самому существованию нового социалистического государства. В бедственном положении оказались и жители Петрограда, тяжесть их положения показывает, например, то, что за период между 1917 г. и 1920 гг. Петроград потерял 1,6 млн человек, на которые он увеличился за предыдущие 50 лет [20; 41, p. 82].

Первой структурой советской власти для реального противодействия надвигающейся гуманитарной катастрофе можно считать правительственную Центральную комиссию помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол). ЦК Помгол был создан согласно постановлению ВЦИК от 10 июня с дополнением от 18 июля 1921 г. [11, с. 403], при этом была ликвидирована общественная организация ВК Помгол [17].

Основой для взаимодействия Советской власти и АРА явился Рижский договор, заключенный 20 августа 1921 г. и подписанный по уполномочию Совета Народных Комиссаров РСФСР заместите-

лем Народного Комиссара по иностранным делам М. Литвиновым и сотрудником АРА В. Л. Брауном [9, с. 281–286]. 27 августа 1921 г. первая группа американцев прибыла в Москву, где была устроена Центральная штаб-квартира российской миссии АРА [41, р. 71]. 1 сентября 1921 г. в Петроград пришел первый пароход АРА «Феникс» с продовольствием [41, р. 80].

Молодое советское государство в начале 1920-х гг. строило государственные институты, при этом властный и управленческий аппарат Советской России формировался как бюрократический [40, с. 55]. В октябре 1921 г. в состав ЦК Помгол входили представители руководства наркоматов (в основном сами наркомы) путей сообщения, социального обеспечения, здравоохранения, внешней торговли, иностранных дел, национальностей, продовольствия, внутренних дел и некоторых других государственных органов [11, с. 414], что соответствует направлениям работы Помгола и определяет круг учреждений, предоставлявших своих сотрудников для работы с организациями помощи.

До появления централизованной государственной структуры для взаимодействия с АРА в Петроградском дистрикте эти функции полностью взял на себя Петроградский губернский исполком (Петрогубисполком); и впоследствии Петрогубисполком, осуществляя исполнительную власть в губернии и заботясь о своих жителях, активно способствовал работе АРА.

Первым представителем Петроисполкома для работы с АРА стал Карл Миккельевич Бегге. 16 сентября 1921 г. руководители АРА в Петрограде обращались к Бегге как к заведующему делами Внешторга с просьбой согласовать нанимаемых ими сотрудников и установить им жалование и паек [25, л. 9]. В письме от 30 сентября 1921 г. американцы обращаются к нему как к Уполномоченному Представителю Петроисполкома при А.А.П. (Американская Администрация Помощи, так сокращали АРА в сентябре 1921 г.) [25, л. 1]. До этого назначения, с июля 1921 г. Бегге был членом коллегии Внешторга [42], позднее, с 11 ноября 1921 г., – Первым председателем президиума Северо-Западной областной торговой палаты

[21, с. 20], в 1922 г. он продолжил работать Управляющим Петроградского отделения комиссариата внешней торговли [4, с. 309].

19 сентября 1921 г. ВЦИК издал Декрет № 23228, обязательный для исполнения всеми наркоматами, Реввоенсоветом республики и губернскими исполкомами. ВЦИК обязал все учреждения и ведомства рассматривать ходатайства АРА в течение 48 часов, свести до минимума существующие формальности, взять на контроль каждый случай отказа по ходатайствам АРА [10]. 24 сентября 1921 г. ВЦИК создал отдел для взаимодействия с АРА и советским правительством как на высшем, так и на региональных уровнях. Иоганн Пальмер был назначен представителем советской власти при организации АРА, уполномоченным выдавать инструкции всем ветвям власти, в том числе военным, по всем вопросам, касающимся работы АРА. Он имел право реквизировать транспорт и средства связи, предпринимать законные меры против тех, кто противодействует его указаниям или деятельности АРА. В целом, он был наделен полномочиями требовать выполнения всех условий Рижского соглашения [44, р. 79].

3 октября 1921 г. декретом ВЦИК было образовано Полномочное представительство Правительства РСФСР при АРА и назначены уполномоченные по республикам и областям, затронутым голодом [39], среди которых одной из территориальных единиц (дистриктов) стала Петроградская губерния [25, л. 27]. В одном дистрикте работало не более 12 американцев [12, с. 37].

В этот же день 3 октября, в связи с тем, что предварительные мероприятия по организации работы АРА были почти закончены, в Петрограде был сформирован Исполком для решения вопросов по работе АРА. В состав Исполкома вошли К. М. Бегге (как представитель правительства), американцы Д. А. Лоури и К. Г. Боуден, петроградские доктора Ниссен и Гербст, управляющий делами русский служащий Н. Ланге [26, л. 1].

7 октября 1921 г. К. М. Бегге освободили от обязанностей представителя Петроградского исполкома при АРА «в пользу» Горация Абрамовича Залкинда [25, л. 15] (Г. А. Залкинд с 1920 г. по 1938 г. сотрудник Управления Наркомата по иностранным делам (НКИД) [18], в 1922 г. заведующий информационно-правового отдела НКИД [4, с. 301]).

22 октября 1921 г. представителем Петроградского исполкома при АРА назначается Сарра Наумовна Равич [25, л. 142] (с 20 марта 1920 г. она занимала пост уполномоченного НКВД в Петрограде [8, с. 154]).

1 ноября 1921 г. Зиновий Иванович Жуков был назначен Особоуполномоченным Полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи по Петроградской губернии [38, л. 1]. Его кандидатуру выдвинул Петроисполком [25, л. 30].

Жуков работал с миссией АРА до ее окончания [39]. До этого назначения Жуков работал Управделами Иностранного подотдела полномочного представителя НКВД в Петрограде [8, с. 153]. Очевидно, это тот же «старый большевик Зиновий Иванович Жуков», который упоминается в книге [15, с. 10] как бывший капитан дальнего плавания и начальник «морского всеобуча» в Петрограде. Так же его описывают и американцы – как «старого крепкого моряка – большого вождя революции»; по их сведениям, позже Жуков стал директором фабрики игральных карт [43, р. 477].

С 1 ноября 1921 г. в Управлении Жукова его заместителем стал работать Эдмунд Германович Кадиш [28, л. 31, 71; 38, л. 1]. 1 ноября 1921 г. управляющим делами представителя Петроградского исполкома при АРА назначили Аполлинария Константиновича Михайлова [25, л. 132], который позже стал занимать должность старшего секретаря в представительстве Жукова [38, л. 1].

В ноябре 1921 г. должность Полпреда СНК РСФСР при АРА занял Александр Владимирович Эйдук, «прославленный герой революции», а И. Пальмера ввиду его недостаточного политического веса назначили заместителем Эйдука [44, р. 80]. Деятельность А. В. Эйдука в руководстве представительства СНК РСФСР при заграничных организациях помощи голодающим продолжалась с 11 ноября 1921 г. до мая 1923 г. [1, с. 712].

В ноябре Жуков подписывал письма как Особоуполномоченный (или Уполномоченный) Полномочного представителя РСФСР при АРА по Петроградской губернии (всегда опуская слово «правительства») [28, л. 49, 50, 85].

Как видно из следующих документов, в течение некоторого времени в Петрограде для взаимодействия с АРА от лица Советской

власти одновременно назначались как представитель правительства, так и представитель Петрогубисполкома. В архиве имеются, например, письма от 9 и 12 ноября 1921 г. от американцев, в котором они обращались к Г. А. Залкинду в Комиссариат по иностранным делам как к Уполномоченному Представителю Петроисполкома при АРА [25, л. 25; 29, л. 2]. 21 ноября 1921 г. американцы обращались к Г. В. Цыперовичу (Цыперович – глава Петроградского отделения Внешторга [3, л. 19]) как к Уполномоченному представителю при АРА [28, л. 25]. 30 ноября 1921 г. Петроградский исполком назначил З. И. Жукова заместителем Цыперовича по работе с АРА [25, л. 73].

3 декабря 1921 г. постановление Петросовета обязало Представительство Жукова организовать взаимное представительство с Комиссией Помгола [23, л. 25]; об исполнении этого поручения нам не известно.

В связи с увеличением числа иностранных организаций, предоставлявших гуманитарную помощь, постановлением ВЦИК от 7 декабря 1921 г. Полномочное представительство правительства РСФСР при АРА было преобразовано в Полномочное представительство правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим [16], а А. В. Эйдук был назначен его Полномочным представителем [6, л. 7]. Полномочное представительство правительства работало во взаимодействии с Заграничным отделом ЦК Помгол, занималось переговорами с иностранными организациями, подготовкой к подписанию договоров и соглашений с ними, координацией деятельности заграничных организаций и контролем за этой деятельностью, реализацией помощи заграничных организаций, разрешением конфликтов между заграничными организациями и местными советскими учреждениями и организациями. В составе Представительства существовали отделы: организационный, статистический, транспортный, финансовый, хозяйственный, административный, печати; управление делами, секретариат и медицинская часть [16]. Также 7 декабря 1921 г. Пальмера уволили из руководства Представительства «с откомандированием обратно на прежнюю работу» [6, л. 7].

Соответственно изменилась должность З. И. Жукова, 24 декабря 1921 г. он подписывается как Особоуполномоченный Полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим по Петроградской губернии [28, л. 207]. Помимо АРА Жуков работал и с другими иностранными миссиями помощи (Германский Красный Крест, Насеновский комитет, Шведский Красный Крест, Французский Красный Крест, Международная рабочая организация помощи голодающим России, общество «Джойнт») [5, л. 109].

В декабре 1921 г. у З. И. Жукова были 3 сотрудника: Э. Г. Кадиш – заместитель, А. К. Михайлов – секретарь, О. Плессор – сотрудник по поручениям [27, л. 12]. Офисы Жукова и АРА находились в одном здании по адресу Морская улица, д. 40 [4, с. 413].

15 февраля 1922 г. постановлением ВЦИК было создано представительство правительства УССР при заграничных организациях в составе Полномочного представительства правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи голодающим [16]. Полноценное включение трех белорусских дистриктов в систему помощи АРА произошло в январе-феврале 1922 г., при этом БССР отдельный договор с АРА не заключила и присоединилась к договору АРА с РСФСР, соответственно без изменения структуры и названия Представительства [19, с. 63]. На документах Жукова ставился штамп «Уполномоченный Полномочного представителя правительства РСФСР при всех заграничных организациях ПОМГОЛА по Петроградской губернии» (август 1922 г.) [5, л. 109].

Позднее, в связи с ликвидацией ЦК Помгола по постановлению президиума ВЦИК от 7 сентября 1922 г. и созданием Центрального Комитета по борьбе с последствиями голода при ВЦИК (ЦК Последгол) Представительство перешло в ведение Заграничного отдела ЦК Последгола. Эти преобразования повлекли за собой расширение задач, стоявших перед Представительством, которому теперь дополнительно было поручено содействие восстановлению сельского хозяйства [16]. 27 июня 1922 г. Полномочным представителем правительства РСФСР и УССР при всех заграничных организациях по-

мощи был назначен Карл Иванович Ландер [43, р. 181]. Он же был и Полномочным представителем правительства РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи России [7, л. 16; 31, л. 133].

Количество сотрудников в Управлении Жукова увеличилось, составив 1 января 1923 г. 25 человек [38, л. 1, 1об.].

В основном материальные ресурсы, необходимые для работы (топливо, мебель, одежду и т. п.), АРА получала от крупнейшего кооператива города – Петроградского единого потребительского общества (ПЕПО) при посредничестве Жукова.

Столовые АРА были оборудованы Петрокоммундой, Наробразом¹ и Путиловским заводом [22, л. 203].

При необходимости для решения срочных проблем Жуков обращался в различные организации. Так, дрова он получал и от ПЕПО, и от НКИД, и от Чрезутоп, и от Петрообластоп [29, л. 8, 13, 39, 40, 55, 70]. Оборудование для посылочного отдела АРА Жуков получил от хозотдела управления НКИД в Петрограде [28, л. 204].

Значительные усилия Жукова уходили на получение денег у Петрогубисполкома для оплаты расходов АРА [5, л. 11, 11об.]. На первых порах представительство Жукова использовало местные средства, и деятельность АРА обеспечивалась за счет средств Наркомздрава и Наркомобраза [25, л. 30]. Согласно решению Большого Президиума Петрогубисполкома (декабрь 1921 г.) финансовые расходы, связанные с деятельностью АРА, распределялись на Губздравотдел, Наробраз и ПЕПО [23, л. 25], также само представительство Жукова выделяло сумму [22, л. 204об.]. Необходимые кредиты выдавал Петрогубисполком [29, л. 70].

С 1 июня 1922 г. представительство Жукова было переведено на хозяйственный расчет [36, л. 1]. Жуков изыскивал финансовые средства для обеспечения деятельности АРА, в том числе довольно неочевидные. Петрогубисполком выносил решения по предложениям Жукова [24, л. 225, 230]. 29 мая 1922 г. было открыто казино «Спленидид-палас» «под контролем тов. Жукова» с азартными игра-

¹Петрокоммуна – название ПЕПО до июня 1921 г., Наробраз – отдел Петрогубисполкома.

ми и продажей спиртных напитков [37, л. 2, 34], казино освободили от уплаты налога в пользу Помгола [24, л. 230; 37, л. 35], выручку от казино передавали на «расходы по АРА» [37, л. 37]; при этом излишки от доходов казино должны были передаваться на текущие городские расходы – отделу Наробраза и Президиуму Петросовета, Губернскому отделу Труда и Гумту [37, л. 33, 36] на содержание безработных, на покрытие задолженностей по разгрузке пароходов, на улучшение питания инвалидов войны [37, л. 36, 37]. В то же время не было принято предложение Жукова о снятии с ресторана казино местного налога при взимании уравнительного сбора [37, л. 32]. Представительство Жукова получало также доход от четырех клубов Лото [36, л. 2; 37, л. 9, 10]. Для «самостоятельного содержания столовых АРА» был разрешен ввоз немецкого пива, при этом его приравнивали к ввозимым беспошлинно грузам Помгола, и 5 % дохода от продажи передавались в пользу Помгола (фактически осуществлялась одна поставка) [24, л. 433; 36, л. 3; 37, л. 33]. Небольшой доход Представительство Жукова получило и от организации новогоднего концерт-бала 31 декабря 1922 г. [36, л. 4; 37, л. 8].

Взаимодействие представительства Жукова происходило и с другими органами, относящимися к советской исполнительной власти. Кражи и хищения американской помощи расследовали уголовный отдел милиции и Уголовный отдел ПетроЧК [30; 32–34]. Для охраны и сопровождения продовольственных маршрутов в Петрограде действовал 1-ый особый полк войск ГПУ при АРА, в 3-м дивизионе которого на 4 июня 1922 г. состояли 300 человек [35, л. 11, 25].

Значительную работу по контролю за деятельностью АРА провели органы ВЧК-ГПУ [2; 13; 14].

Все кадровые решения АРА, нанимавшей советских граждан, проходили письменное согласование у Советской власти [25, л. 9].

Петроградские руководители, имевшие дело с АРА, не скрывали своего негативного отношения к американцам-«капиталистам». Это было присуще и З. И. Жукову, и Председателю исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Г. Е. Зиновьеву, который, по словам одного из руководителей АРА в Петрограде

Г. К. Уокера, считал присутствие АРА в Петрограде «оскорблением революции» [43, р. 477; 44, р. 81, 126]. С большим недоверием к американцам относились и правительственные чиновники (в том числе и А. В. Эйдук) [2, с. 82–83].

Несмотря на личное негативное отношение к американцам, представители советской власти в Петроградском дистрикте выполнили нелегкую работу. В августе 1922 г. З. И. Жуков в своем отчете в Москву подвел основные итоги своего сотрудничества с АРА [5, л. 109–114]. Он напомнил, что Управление Уполномоченного Полномочного Представителя Правительства при всех Заграничных Организациях Помгола по Петроградской губернии было создано наскоро. А при подведении итогов подчеркивал, что «без местной помощи иностранцам было бы никак не справиться». Главными своими достижениями Жуков считал создание исполнительного аппарата, проявленную инициативу в отношении правильного распределения всех видов помощи (с приоритетом у наиболее нуждающихся), регулирование транспорта грузов в голодающие местности и обеспечение возможно быстрого и безостановочного хода перевозок (имея ввиду значение Петрограда как морского порта и железнодорожного узла, в которые поступали иностранные грузы), централизацию в управлении запросов лечебных учреждений на медикаменты и правильное распределение последних. Была проведена большая работа с городскими учреждениями, приняты меры к устранению препятствий по транспортировке грузов, оказано содействие заграничным организациям по созданию сети столовых, снабжению их необходимым инвентарем, проведению текущего ремонта и другая деятельность [5, л. 113об.].

После того, как стало ясным, что основная цель АРА – спасение миллионов жителей России от голодной смерти – выполнена, Жуков констатировал, что наиболее трудный организационный период закончен, и высказывал готовность участвовать в принятии от иностранных организаций «производственной помощи» [5, л. 114]. Однако, после устойчивого улучшения положения с продовольствием и эпидемической ситуации в России, советская и американская стороны пришли к соглашению о завершении миссии АРА в июне 1923 г.

Заключение

1. В целях решения проблемы голода 1921–1923 гг. центральными и петроградскими властями были созданы эффективные структуры для взаимодействия с АРА, окончательно сформировавшиеся к осени 1922 г.

2. Важную роль при обеспечении условий для работы в Петроградском дистрикте АРА сыграл Петрогубисполком. Начиная работу с миссией АРА, Петрогубисполком назначил своего уполномоченного, был образован русско-американский исполком. После возникновения петроградского представительства правительства РСФСР при АРА Петрогубисполком (в основном посредством Президиума, Здраводела, отдела Наробраза, своего представителя в Представительстве правительства при АРА) активно участвовал в деятельности АРА.

3. В процесс взаимодействия с АРА в Петрограде были вовлечены имевшиеся представительства центральных правительственных структур (петроградские представительства НКВД, Внешторга), а также милиция и ВЧК.

4. Руководителями советских структур, обеспечившими работу иностранных миссий помощи, были «старые большевики», среди которых значительно выделяется З. И. Жуков, занимавший пост Представителя правительства по работе с АРА в Петроградской губернии с октября 1921 г. до окончания миссии АРА. При этом о Жукове в настоящее время имеются лишь отрывочные сведения. Полагаем, его биография заслуживает специального изучения.

Список литературы

1. Архив ВЧК: сб. док. / Ред. Виноградов В. и др. М.: Кучково поле, 2007. 720 с.
2. Баламутенко В. А., Чижова О. Г. «АРА к нам идет без задних мыслей, но возни с ней будет много». Деятельность Американской администрации помощи в России. 1921–1923 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 76–96.
3. Белевич Е. Они были первыми // Консул. 2016. № 4(45). С. 17–20.

4. Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1922 г. /Ред. Гессен А. И., Лившиц Я. Б. Пг., 1922. 424 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 435.
6. ГАРФ. Ф.Р-1058. Оп. 1. Д. 941.
7. ГАРФ. Ф.Р-1058. Оп. 1. Д. 1007.
8. Демяненко И. От Дипломатического агентства НКВД до Представительства МИД Российского государства. Историко-правовой очерк к 50-летию Представительства МИД в Санкт-Петербурге // Международная жизнь. 2017. Февраль. С. 152–164.
9. Документы внешней политики СССР. Т. 4. / Ред. Гапоненко Л. С. и др. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. 836 с.
10. Известия ВЦИК № 211, 1921 г. 22 сентября.
11. Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. М.: Изд. ЦК Помгол. ВЦИК, 1922. 499 с.
12. Латыпов Р. Американская помощь Советской России в период голода 1921–1923 годов // Вестник института Кеннана в России. М., 2005. Вып. 8. С. 31–46.
13. Макаров В.Г. Христофоров В.С. К истории Всероссийского Комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 198–205.
14. Макаров В. Т., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности американской администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.
15. Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974. 319 с.
16. Полномочное представительство правительства РСФСР при Американской администрации помощи (АРА) (1921). Фонд: Р-1058. <http://libinfo.org/index/index.php?id=277> (дата обращения 31.03.2021).
17. Поляков В. А. Российская общественность и иностранная помощь голодающим в 1921 г. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 3–23.
18. Романов А. Периодические издания НКВД в 1920-х годах и руководящие принципы советской внешней политики // Международная жизнь. 2012. № 7. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/703> (дата обр. 10.05.2021).
19. Саматыя В. Деятельность АРА по оказанию помощи беженцам на территории Беларуси в 1920–1923 гг. // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 2. С. 62–65.

-
20. Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 года. М.: Наука, 1973. 232 с.
 21. Федотов В. И. «Три эпохи в одном веке. К 100-летию первого закона в России «О создании торгово-промышленных палат». [Б.г.]: «Издательские решения», 2017. 41 с.
 22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1000. Оп. 5 Д. 138.
 23. ЦГА СПб. Ф. Р-1000. Оп. 5. Д. 311.
 24. ЦГА СПб Ф. Р-1000. Оп. 6. Д. 60.
 25. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 1.
 26. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 2.
 27. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 3.
 28. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 4.
 29. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 6.
 30. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 9.
 31. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 19.
 32. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 49.
 33. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 50.
 34. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 51.
 35. ЦГА СПб. Р-2805. Оп. 1. Д. 72.
 36. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 99.
 37. ЦГА СПб Ф. Р-2805. Оп.1. Д. 110.
 38. ЦГА СПб. Ф. Р-2805. Оп. 1. Д. 158А.
 39. ЦГА СПб. Путеводитель. https://spbarchives.ru/web/group/information_resources/-/archivestore/guide_page/1-170?doAsUserId=8t3AYUCs2WY%3D (дата обращения 01.05.2018).
 40. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада в Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2007. 292 с.
 41. Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919–1923. The Operations of the American Relief Administration. New York. 1927. 609 p.
 42. «Ленин – революционер, мыслитель, человек». <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/111-tom-xi-iyul-noyabr-1921/3954-iyul-1921-tretya-dekada.html> (дата обращения 13.03.2021).

43. Patenaude B. M. *The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford University Press, 2002. 817 p.
44. Weissman B. M. *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923*. Stanford: Hoover Institution Press, 1974. 247 p.

References

1. Archiv VChK: sb. doc. / Red. Vinogradov V. i dr. M.: Kuchkovo pole, 2007. 720 p.
2. Balamutenko V. A., Chizhova O. G. *Istoricheskii archiv*, 1993, no. 6, pp. 76–96.
3. Belevich E. *Konsul*, 2016, no. 4(45), pp. 17–20.
4. *Ves Petrograd: Adresnaya i spravochnaya kniga g. Petrograda na 1922 g.* [All Petrograd: Address and reference book of Petrograd for 1922] / ed. Gessen A. I., Livshitz J. B. Petrograd, 1922. 424 p.
5. *Gosudarstvennyi archiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [The State Archive of the Russian Federation]. F.R-1058. Op. 1. D. 435.
6. GARF. F.R-1058. Op. 1. D. 941.
7. GARF. F.R-1058. Op. 1. D. 1007.
8. Demianenko I. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2017. February, pp. 152–164.
9. *Dokumenti vneshnei politiki SSSR. V. 4* [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 4] / ed. Gaponenko L.S. et al. M.: Gos. izd-vo. polit. lit-ri, 1960, 836 p.
10. *Izvestia VCIK*, no. 211, 1921, 22 September.
11. *Itogi borbi s golodom v 1921–1922 gg* [Results of the fight against hunger in 1921–1922]. Moscow, 1922, 499 p.
12. Latypov R. *Vestnik Kennan Institute in Russia*, 2005, no. 8, pp. 31–46.
13. Makarov V. G., Hristoforov V. S. *Novaya i noveishaya istoria*, 2006, no. 3, pp. 198–205.
14. Makarov V. G., Hristoforov V. S. *Novaya i noveishaya istoria*, 2006, no. 5, pp. 230–243.
15. Panteleev Y.A. *Polveka na flote* [Half a century in the fleet]. M.: Voenizdat, 1974, 319 p.
16. *Polnomochnoe predstavitelstvo pravitelstva RSFSR pri Amerikanskoi administracii pomoschi* [Plenipotentiary Representation of the Government

- of the RSFSR under the American Relief Administration]. 1921. Fond: P-1058. <http://libinfo.org/index/index.php?id=277> (accessed 31.03.2021).
17. Polyakov V. A. *Voprosi istorii*, 2009, no. 12, pp. 3–23.
18. Romanov A. *The international affairs*, 2012, no. 7. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/703> (accessed 10.05.2021).
19. Samatya V. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnih otnoshenii*, 2005, no. 2, pp. 62–65.
20. Semanov S.N. *Likvidatsiya antisovetskogo kronstadtskogo myatezha 1921 goda* [Elimination of the anti-Soviet Kronstadt rebellion of 1921]. M.: Nauka, 1973, 232 p.
21. Fedotov V. I. *Tri epohi v odnom veke. K 100-letiyu pervogo zakona v Rossii «O sozdanii torgovo-promyshlennih palat* [Three epochs in one century. To the 100th anniversary of the first law in Russia On the creation of chambers of commerce and industry], 2017, 41 p.
22. *Centralnyy Gosudarstvennyy Archiv Sankt-Petersburga (CGA SPB)* [The Central State Archive of Saint Petersburg]. F. P-1000. Op. 5. D.138.
23. CGA SPb. F. P-1000. Op. 5. D. 311.
24. CGA SPb. F. P-1000, Op. 6. D.60.
25. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D 1.
26. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 2.
27. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 3.
28. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 4.
29. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 6.
30. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1. D. 9.
31. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 19.
32. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1. D. 49.
33. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1. D. 50.
34. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1. D. 51.
35. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1. D. 72.
36. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 99.
37. CGA SPb. F. P-2805, Op. 1, D. 110.
38. CGA SPb. F. P-2805. Op. 1. D. 158A.
39. CGA SPb. Putevoditel. https://spbarchives.ru/web/group/information_resources/-/archivestore/guide_page/1-170?doAsUseId=8t3AYUCs2WY%3D. (accessed: 01.05.2018).

40. Chistikov A.N. *Partiino-gosudarstvennaya burokratia Severo-Zapada v Sovetskoj Rossii 1920 godov* [Party-state bureaucracy of the North-West in Soviet Russia in the 1920s]. SPb.: Evropeiskii Dom, 2007, 292 p.
41. Fisher H. The Famine in Soviet Russia. 1919–1923. The Operations of the American Relief Administration. New York, 1927, 609 p.
42. *Lenin – revolutioner, myslitel, chelovek* [Lenin is a revolutionary, a thinker, a man]. <https://leninism.su/biograficheskie-xroniki-lenina/111-tom-xi-iyul-noyabr-1921/3954-iyul-1921-tretya-dekada.html> (accessed: 13.03.2021).
43. Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002, 817 p.
44. *Weissman B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923*. Stanford: Hoover Institution Press, 1974, 247 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Мария Николаевна, независимый исследователь, бакалавр истории
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
maiiiia.ph@gmail.com

Романова Анна Николаевна, независимый исследователь, кандидат технических наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
rutkaas@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maria N. Filippova, Independent Researcher, Bachelor of History
Saint Petersburg, Russian Federation
maiiiia.ph@gmail.com

Anna N. Romanova, Independent Researcher, Candidate of Technical Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
rutkaas@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-50-66

УДК 94(47) «1914/19»

УСТРОЙСТВО ИНВАЛИДНЫХ ДОМОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Букалова С.В.

Обоснование. В современном обществе большое значение имеют ценности социальной справедливости, подразумевающие создание эффективных механизмов социальной защиты уязвимых групп, включая людей с инвалидностью. Это делает востребованным изучение исторического опыта формирования системы социальных гарантий для инвалидов.

Цель исследования – реконструкция механизма устройства инвалидов домов как особой формы призрения военных инвалидов, развивавшейся в Российской империи в годы войны.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе структурно-функционального подхода, позволяющего выделить основные элементы системы призрения инвалидов войны, механизмы их деятельности и взаимодействия и основано преимущественно на архивных материалах.

Результаты. Условия Первой мировой войны вызвали необходимость создания специализированных учреждений для пожизненного призрения военно-увечных, не способных к автономному проживанию. Призрение увечных воинов было возложено на Особую Комиссию Верховного Совета по призрению воинских чинов. Также в устройстве инвалидов домов участвовал широкий круг общественных организаций. В устройстве инвалидов домов Особая Комиссия выступает источником финансирования, местные отделения Елизаветинского комитета и Главные Комитеты Земского Союза и Союза Городов выполняли экспертные функции. С инициативой открытия убежищ могли выступать органы местного са-

моуправления, общественные организации. Таким образом, помощь военным инвалидам носила комплексный характер.

Область применения результатов. Выводы могут быть положены в основу исследований истории социальной политики, использованы в преподавании истории социальной работы, могут использоваться при совершенствовании механизмов государственно-частного взаимодействия в решении социальных проблем.

Ключевые слова: Российская империя; Первая мировая война; инвалиды войны; дом инвалидов; Всероссийский Земский Союз; Всероссийский Союз Городов; благотворительность; социальная политика

FOUNDING THE ASYLUMS FOR INVALIDS IN RUSSIAN EMPIRE DURING THE WORLD WAR I

Bukalova S.V.

Background. The values of social justice have a great importance in modern society. It implies the creation of effective mechanisms for social protection of vulnerable groups, including people with disabilities. This makes it necessary to explore the evolution of the social guarantees system for the disabled.

Purpose. Study is reconstructing the mechanism of founding The Invalides (asylum for invalids) as a special form of care for military disabled people, which developed in the Russian Empire during the war.

Materials and methods. Study is carried out on the basis of a structural-functional approach that allow to identify the main elements of the system war invalids care and the mechanisms of their activities and interaction. The research is based mainly on archival materials from the funds of the Special Commission of the Supreme Council for the Care of Families of Persons Called up for War, the Zemstvo Union and the Union of Cities.

Results. Conditions of the First World War I caused the need to organize specialized institutions for the lifelong care of the military cripples, not capable for autonomous living, whose number exceeded 100,000

people. Issue of crippled soldiers care was entrusted to Special Commission of the Supreme Council, which this task a for the care of military ranks. A wide range of organizations also participated in the construction of The Invalides: Red Cross, Zemsky Union and Union of Cities, local self-government, Elizabethan Committee for assistance to families of called up, and others. The article describes the procedure of implementation the projects for the opening of The Invalides, the sources of their financing. A number of examples of creating asylums for invalids are given, reflecting different approaches to their work.

In the construction of The Invalides, a Special Commission acts as a source of funding, local branches of the Elizabethan Committee and the General Committees of Zemsky Union and Union of Cities performed expert functions. Local self-government bodies and public organizations could take the initiative to open shelters for the military-disabled. It can be concluded about the complex character of assistance to the disabled in particular.

Practical implications. The conclusions can be used as a basis for research on the history of social policy, used in teaching the history of social work, can be used to improve the mechanisms of public-private interaction in solving social problems.

Keywords: Russian Empire; World War I; war invalids; The Invalides (asylum for invalids); All-Russian Zemsky Union; All-Russian Union of Cities; charity; social policy

Ранние этапы становления системы государственной помощи для инвалидов в России относятся к малоизученным страницам социальной истории. **Цель** настоящего исследования состоит в реконструкции механизма устройства инвалидных домов как особой формы призрения военных инвалидов в Российской империи в годы Первой мировой войны. На примере подходов к решению этой социальной проблемы возможно раскрыть организационные и финансовые механизмы взаимодействия между государственными и общественными структурами по реализации социальных гарантий для наиболее обездоленной категории жертв войны.

Актуальность

В современном российском обществе большое внимание уделяется ценностям социальной справедливости, подразумевающей действенные социальные гарантии для уязвимых групп населения. После распада советской государственной системы социального обеспечения современная российская многосубъектная система социальной политики продолжает находиться в состоянии поиска оптимальной модели взаимодействия между государством и общественными институтами по созданию социальной инфраструктуры. В этом отношении вызывает интерес изучение отечественного исторического опыта реализации различных социальных проектов, в том числе в отношении инвалидов. Особой страницей этой истории является период Первой мировой войны, когда впервые в широких масштабах были опробованы механизмы сочетания государственного финансирования и традиционной благотворительности.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе структурно-функционального подхода, позволяющего выделить основные элементы системы призрения инвалидов войны и механизмы их деятельности и взаимодействия. Исследование основано преимущественно на архивных материалах фондов Российского военно-исторического архива – Особой Комиссии Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, Земского Союза и Союза Городов.

Результаты и обсуждение

Особенностью Первой мировой войны стали массовые армии и широкое применение артиллерии, что приводило к появлению значительного числа искалеченных солдат. Актуальной задачей государственного управления стало создание системы помощи инвалидам войны. Высочайшим Указом от 10 января 1915 года забота о них была вменена в обязанность Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В его составе была образована Особая Комиссия по при-

зрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей [6, с. 1]. Отметим, что в официальном лексиконе слово «инвалиды» не употреблялось в отношении этой категории жертв войны, однако критерием включения в круг попечения Особой Комиссии была потеря работоспособности в результате воздействия связанных с войной неблагоприятных факторов. Соответственно, задачи Особой Комиссии виделись в возможном содействии восстановлению доходов пострадавших лиц путем снабжения их протезами, подыскания подходящего места службы, обучения посильным ремёслам. Решение этих задач требовало немалых усилий и затрат по созданию соответствующей инфраструктуры, однако не исчерпывало полностью проблему военной инвалидности.

Среди жертв Великой войны – военно-увечных, как их называли в то время, неизбежно образовывалась группа, реинтеграция которой в мирную жизнь была невозможна или чрезвычайно затруднительна. Прежде всего, это инвалиды, не способные обслуживать себя самостоятельно, либо требующие постоянного медицинского ухода. Это инвалиды (например, безногие, слепые), от которых по разным причинам отказались их собственные семьи. Некоторые инвалиды не хотели возвращаться домой, не желая стать обузой для своих близких. Были такие, которых родные привозили в Москву или Петроград и оставляли на произвол судьбы и попечение общественных организаций. Наконец, немалой была и категория инвалидов-уроженцев местностей, занятых неприятелем, которым было попросту некуда возвращаться. По мере продолжения войны число таких людей увеличивалось. Практика показала, что зачастую они оставались при госпиталях, где проходили лечение (образуя т.н. «осадак» или «балласт»), занимая госпитальные койки и негативно влияя на боевой дух раненых, которым предстояло возвратиться на фронт.

Встала задача создания сети специализированных учреждений, которые обеспечили бы приют для самых, пожалуй, обездоленных жертв Великой войны. По данным госпиталей Москвы, Калужской

и Костромской губерний, 2,6% пациентов выписывалось с полной утратой трудоспособности [7, л. 10-11], всего же число раненых и больных, эвакуированных с фронта в тыловые лечебные заведения, оценивается приблизительно в 5 млн. человек [18, с. 4]. Таким образом, число полных инвалидов – потенциальных обитателей инвалидных домов очень приблизительно можно оценить в 130 тыс. человек, тогда как общее число инвалидов войны прогнозировалось в пределах 0,5-1 млн. человек (именно столько регистрационных карточек для проведения сплошной переписи военно-увечных предполагалось напечатать) [1, с. 156, 157].

Первый Дом инвалидов был открыт в Париже в 1674 году. В Российской империи, немало воевавшей на протяжении своей истории, специальные заведения для военных инвалидов были скорее исключением, нежели правилом. В Санкт-Петербурге в 1831 году Николаем I была открыта Чесменская военная богадельня, в 1851 году - Измайловская Николаевская военная богадельня в Москве, позже были открыты Московское Александровское убежище для увечных и престарелых воинов в 1879, Царскосельский дом призрения увечных воинов императрицы Александры Федоровны – в 1906 году [20].

Организация призрения военных инвалидов

Первая мировая война потребовала быстрого и коренного изменения этой ситуации. При этом не были официально определены ответственные за создание инвалидных домов структуры. В целом забота о военных инвалидах была закреплена за Верховным Советом – чрезвычайным квазигосударственным органом, возглавлявшимся императрицей Александрой Федоровной. Согласно его Положению, содержание помощи увечным определялась довольно расплывчато, как «приискание занятий и оказание других видов помощи». В «Наказе Особой Комиссии», регламентировавшем сферу компетенции этого структурного подразделения Верховного Совета, были подробно перечислены возможные меры помощи инвалидам, среди которых было «содействие к помещению в инвалидные

дома, богадельни, приюты и т.п. благотворительные заведения» [5, с. 8], однако проблема заключалась в практически полном отсутствии таковых в Российской империи.

На Особую Комиссию было возложено объединение и руководство деятельностью всех учреждений, занятых призрением увечных воинов и получающих средства от Верховного Совета. Кроме того, исполнение задач Особой Комиссии на местах, то есть непосредственная забота о военно-увечных, были возложены на губернские и уездные отделения Московского комитета Великой Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (Елизаветинского комитета), объединявшие провинциальную элиту и занятые помощью семьям мобилизованных. Отделения Елизаветинского комитета должны были поддерживать местные инициативы помощи инвалидам, самостоятельно организовывать помощь им и инициировать общественную активность в данном направлении [3, с. 65]. На деле такому подходу недоставало упорядоченности и масштабности, дело организации призрения военно-увечных развивалось намного медленнее потребности в нем.

На заседании Верховного Совета 18 июля 1915 года был одобрен план деятельности Особой Комиссии: наиболее безотлагательными из ее задач Верховный Совет признал устройство чтений и занятий в лазаретах; помещение выздоравливающих в убежища и устройство таковых, помещение тяжело увечных, по мере их обучения ремёслам, в родные или патронатные семьи [6, с. 27]. Как видно, специальной задачи открытия инвалидных домов не ставилось.

В мирное время призрение немощных и калек входило в компетенцию органов местного самоуправления. На этом основании все-российские объединения органов местного самоуправления – Всероссийский Земский Союз (ВЗС) и Всероссийский Союз Городов (ВСГ) – заявили о желательности включения в круг своей деятельности призрения инвалидов войны, видя в нем логическое продолжение своего основного занятия – организации лечения больных и раненых воинов. Этот вопрос обсуждался в марте 1915 года на со-

брании уполномоченный губернских земств, которое признало желательным участие Земского Союза в помощи инвалидам войны [2, с. 14]. Такое же решение относительно городских самоуправлений вынес 3-й съезд Союза Городов. При Главном Комитете Земского Союза был образован Отдел помощи увечным воинам, такое же подразделение возникло и при Главном Комитете Союза Городов. Затем появилась Соединённая комиссия по организации помощи увечным воинам при Земском и Городском союзах.

В результате обсуждений был разработан общероссийский план организации помощи военно-увечным. Он существенно отличался от перечня форм помощи, перечисленных в Наказе Особой Комиссии. Общественные деятели полагали, что большинству военно-увечных будет нужна реабилитация в специальных физиотерапевтических институтах и санаториях, снабжение протезами, переобучение. Эти меры позволят инвалидам реинтегрироваться в социум. Меньшинство будет нуждаться в постоянном призрении в приютах. Была составлена предварительная смета повсеместной организации помощи инвалидам, превышавшая 15 млн. рублей. Смета составлялась Отделом призрения и Финансовым отделом Особой Комиссии по согласованию с ВЗС и ВСГ [19, с. 56]. Окончательное решение по этому вопросу должен был вынести Верховный Совет, чьё заседание должно было состояться в декабре 1916 г. [8, л. 159].

Было очевидно, что реализовать этот план способны только органы местного самоуправления, обладавшие в Российской империи значительным опытом деятельности в социальной сфере. Однако столь же очевидным было и то, что у местного самоуправления нет средств для реализации столь крупных проектов. Было признано, что источником финансирования должно стать государство.

Особая Комиссия согласилась с таким подходом, признав право органов местного самоуправления оказывать помощь военно-увечным и получать на это субсидии Особой Комиссии. Также было санкционировано участие Главных Комитетов Союзов, находящихся в жесткой политической оппозиции правительству, в организации этой помощи. За собой Особая Комиссия закрепила роль

центрального органа, утверждавшего и финансировавшего план, а также контролирующего его исполнение. В январе 1916 года Особая Комиссия пришла к соглашению с Главными Комитетами Союзов о том, что финансирование местных комитетов Союзов (совпадавших, по существу, с органами земского и городского самоуправления) будет производиться после получения положительного заключения ВЗС либо ВСГ на предмет соответствия предлагаемых мер общероссийскому плану помощи военно-увечным.

Однако ни непосредственно органам местного самоуправления, ни Земскому Союзу и Союзу Городов казённых средств на нужды инвалидов не отпускалось. Их следовало запрашивать у Особой Комиссии, но, как уже было сказано, местными органами Особой Комиссии считались отделения Елизаветинского комитета, осуществляющие взаимодействие с «организациями, учреждениями и лицами, чьи цели совпадают с целями Особой Комиссии». Финансовые средства авансом перечислялись из Верховного Совета Особой Комиссии, от нее – Главному Комитету Земского либо Городского Союза, оттуда – местному комитету, который наконец переводил их приюту, учебным курсам и т.п. учреждениям. Рассматривать и утверждать отчётность местных учреждений должна была непосредственно Особая Комиссия, также финансовые отчеты представлялись в Главные Комитеты [10, л. 77; 11, л. 34, 61].

Главные Комитеты Союзов не могли влиять на размер и распределение пособий. 5-7 октября 1916 года совещание представителей губернских земств по вопросу осуществления помощи увечным воинам признало желательным, чтобы средства Верховного Совета отпускались Главному Комитету ВЗС для правильного распределения между земствами. Несмотря на претензии ВЗС и ВСГ играть центральную организующую роль в помощи военным инвалидам, инициативы органов местного самоуправления были опосредованы Елизаветинским комитетом: на заседании Особой Комиссии в июне 1916 года была признана и необходимость получать заключение от местных отделений Елизаветинского комитета, которое предшествовало представлению проекта или отчёта в Главный Комитет ВЗС или ВСГ. Так, на-

пример, ходатайство Нижегородской губернской управы о субсидии в 100 тыс. руб. на покупку городской усадьбы для переоборудования под приют и мастерские было возбуждено перед Особой Комиссией и поддержано нижегородским отделением Елизаветинского комитета и Нижегородским губернатором (он же – глава комитета). Также проект был поддержан Отделом помощи увечным Главного Комитета ВЗС, о чём телеграфно сообщалось управляющему делами Особой Комиссии [11, л. 44-44об, 48].

Устройство инвалидов домов

С ходатайством об открытии инвалидного дома необходимо было обращаться напрямую в Особую Комиссию, причём ходатайство должно было быть тщательно разработанным и содержать: подробную смету создания, оборудования и годового содержания учреждения; место возведения, размер и вместимость постройки; заключение местного отделения Елизаветинского комитета и данные о возможности софинансирования проекта [14, л. 3-78]. Таким образом, инициатива в этом деле принадлежала низовым отделениям, типовых проектов не было: где-то речь шла о покупке зданий, их строительстве, расширении существующих, перепрофилировании и т.п.

За пособием на приобретение недвижимости на нужды призрения инвалидов войны также следовало обращаться в Особую Комиссию с указанием подробных данных об объекте недвижимости, по рассмотрении в соответствующих отделах ходатайство перенаправлялось в Верховный Совет для окончательного решения. По общему правилу, земли, приобретённые на средства Верховного Совета и построенные на них здания считались собственностью Верховного Совета, земству же передавалось право использовать недвижимость по назначению [10, л. 117]. Необходимо отметить, что Верховный Совет неохотно субсидировал капитальные вложения в покупку и постройку объектов недвижимости, рассчитывая, вероятно, на изменения в системе призрения военно-увечных с окончанием войны. Именно с такой формулировкой Верховный Совет отказал в финансировании Кинешмской уездной комиссии Ко-

стромского отделения Елизаветинского комитета, которая просила 20 тыс. рублей на постройку приюта для увечных солдат, несмотря на то, что имелись средства для его дальнейшего содержания [9, л. 33]. Предпочтение отдавалось организации помощи инвалидам в наёмных помещениях.

Тем не менее, появлялись и начинали находить своё воплощение разнообразные проекты устройства комплексов призрения и реабилитации военных инвалидов по всей Российской империи. Наиболее масштабный из известных проектов устройства Дома инвалидов был разработан Самарским областным отделением Союза Городов. Городское самоуправление Самары в 1916 году пожертвовало земельный участок в 900 квадратных сажен. Был подготовлен проект постройки Дома инвалидов на 100 человек, требующих постоянного ухода, и 250 инвалидов, проходящих курс реабилитации и обучения. Позже проект был пересмотрен и количество призреваемых увеличилось до 430. Комплекс должен был включать постройку общежития, мастерских, школы, церкви, амбулатории и больницы на 12 коек, пекарни, квасной и кухни, бани и прачечной, дома для старших служащих, дома для младшего обслуживающего персонала, коровника с сеновалом на 12 коров для старших служащих, конюшни на 10 лошадей с сеновалом и каретником, водопровода и канализации, парового отопления, а также устройство на территории асфальтированных дорожек, клумб и фонтанов. Смета на реализацию проекта превысила 1,5 млн. рублей и была согласована с Главным Комитетом ВСГ и Самарским отделением Елизаветинского комитета, однако в мае 1917 года Отдел призрения Особой Комиссии Верховного Совета постановил отложить финансирование, ввиду несвоевременности производства строительных работ из-за дороговизны рабочих рук и строительных материалов. Особая Комиссия предлагала рассмотреть возможность организации в городе Самаре помощи инвалидам в наёмных помещениях [16, л. 1-7, 22-26, 40].

Потребность в учреждениях для постоянного пребывания инвалидов войны иллюстрировать примером Нижегородского приюта для увечных воинов имени генерал-майора Григорьева. На доход с капи-

тала, завещанного генерал-майором еще Нижегородскому приказу общественного призрения, при земской богадельне было открыто отделение на 24 койки, называемое «Григорьевская палата инвалидов». С началом Первой мировой войны палата была переориентирована под призрение военных инвалидов и расширена до 60 мест; дополнительные 36 коек содержались за счет губернского земства. Губернская управа выделила приют в самостоятельное учреждение и арендовала для него отдельный дом. В конце мая 1916 года в приюте проживало уже 75 человек, в начале августа – 80 человек, к 18 октября достигло 100 человек, увеличившись в 1917 году до 160 человек и превысив, таким образом, первоначальную вместимость более чем в шесть раз. При приюте были открыты мастерские для обучения инвалидов ремеслам, также было возбуждено ходатайство о покупке здания для открытия общежития на 200 человек [15, л. 4-4об].

В Воронеже приют для военных инвалидов был учрежден Дамским комитетом при вещевом складе Земского Союза и первоначально размещался в имении госпожи Раевской Гололобово. К маю 1917 года призреваемый контингент достиг 75 человек, и «сверхкомплектные» инвалиды были вынуждены ночевать на открытой веранде и в примыкающих к дому палисадниках. Губернское отделение Елизаветинского комитета решило нанять для них дополнительное помещение [17, л. 26-33].

В городе Козлове Тамбовской губернии местный комитет Союза Городов решил устроить при городской больнице отделения на 50 неизлечимых воинов. К постройке деревянного дома для инвалидов было решено приступить весной 1917 года [12, л. 34, 61]. Лебедянская городская управа Тамбовской губернии предоставила на содержание инвалидов шесть мест в городской богадельне, отнеся их на счёт средств города [4, с. 28]. Однако проекты, предполагающие полную изоляцию нетрудоспособных инвалидов, составляли меньшинство. Чаще проектировалось создание комплексов в сочетании с учебными мастерскими, общежитиями или даже семейным проживанием. Так, в Вологодской губернии местная община Красного Креста приобрела небольшое имение для устройства сельскохозай-

ственной колонии на 25-30 военных инвалидов. 24 тыс. рублей для этих целей ассигновали уездные земские собрания губернии, ещё 20,5 тысяч было собрано частными пожертвованиями; Департамент земледелия ассигновал 3 тыс. рублей и командировал инструкторов для устройства в имении показательного хозяйства. Переоборудование имения под нужды инвалидов и содержание колонии предполагалось за счет средств Особой Комиссии [13, л. 2, 5, 15].

Выводы

В годы Первой мировой войны в Российской империи повсеместно началось создание специализированных учреждений для реабилитации и призрения инвалидов войны. В этом процессе принимали участие многочисленные частные, общественные и государственные акторы: благотворители-жертвователи и благотворительные организации, местное самоуправление, правительственные ведомства. Это обстоятельство, с одной стороны, расширяло общественное участие и ресурсную базу призрения инвалидов. С другой стороны, стихийность, отсутствие четкой регламентации и центрального органа управления, представления о временном характере деятельности Верховного Совета создавали определенные противоречия финансовой и организационной стороны дела.

Существенной особенностью устройства домов инвалидов в период Первой мировой войны была ставка на возможно более широкую интеграцию военно-увечных в трудовые и социальные отношения. Планы по их открытию предполагали сочетание постоянного призрения с семейным проживанием, учебными мастерскими, подсобным хозяйством. Важным моментом было также сформировавшееся представление о моральном долге общества в целом перед инвалидами войны и их семьями. Однако в силу исторических обстоятельств эти тенденции не получили полноценного развития. В советский период инвалидный дом стал зримым образом личной трагедии и социальной изоляции.

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00494

Список литературы

1. Букалова С.В. Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 25 № 187. С. 148-159.
2. Доклад Главного Комитета Собранию уполномоченных губернских земств 12 марта 1915 г. М.: Типография товарищества Рябушинских, 1915. 56 с.
3. Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. 1915. № 1.
4. Ежемесячник Комитета Ея императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. 1915. № 2.
5. Наказ образованной в составе Верховного Совета Особой комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а так же их семей. Казань: б/и, 1915. 13 с.
6. Отчет состоящего под Августейшим председательством ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны образованной в составе Верховного Совета Особой Комиссии по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжении настоящей войны, а также членов их семей за 1915 год. Пг.: Государственная типография, 1916. 194 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12564. Оп. 1. Д. 859.
8. РГВИА. Ф. 12564. Оп. 1. Д. 1177.
9. РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 2072.
10. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 7.
11. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 16.
12. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 25.
13. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 64.
14. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 82.
15. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 85.
16. РГВИА. Ф. 16323. Оп. 1. Д. 89.

17. РГВИА. Ф. 16323. Оп 1. Д. 91.
18. Россия в мировой войне 1914-1918 года: (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление, 1925. 103 с.
19. Труды совещания представителей земств по вопросам осуществления земствами помощи увечным воинам, состоявшегося в Москве 5-7 октября 1916 г. М., 1917. 197 с.
20. Форсова В.В. Общественное призрение военных и их семей в до-октябрьской России // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 8. С. 750-758.

References

1. Bukalova S.V., Shcherbinin P.P. "Hozyaeva uvechnogo dela": stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny ["The masters of the eternal cause": the formation of the system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the First World War]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2020, vol. 25, no. 187, pp. 148-159.
2. *Doklad Glavnogo Komiteta Sobraniyu upolnomochennyh gubernskih zemstv 12 marta 1915 g.* [Report of the Main Committee to the Meeting of authorized provincial Zemstvos on March 12, 1915] Moscow: Tipografiya tovarishchestva Ryabushinskih, 1915, 56 p.
3. *Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic prizvannyh na vojnu* [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 1915, no. 1.
4. *Ezhemesyachnik Komiteta Eya imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Elisavety Feodorovny po okazaniyu blagotvoritel'noj pomoshchi sem'yam lic prizvannyh na vojnu* [Monthly of the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Feodorovna for the provision of charitable assistance to the families of persons called up for war], 1915, no. 2.
5. *Nakaz obrazovannoj v sostave Verhovnogo Soveta Osoboj komissii po prizreniyu voinskih chinov i drugih lic, postradavshih v prodolzhenie*

- vojny, a tak zhe ih semej* [The order of the Special Commission formed as part of the Supreme Council for the Care of military ranks and other persons who suffered during the war, as well as their families]. Kazan, 1915, 13 p.
6. *Otchet sostoyashchego pod Avgustejschim predsedatel'stvom ee imperatorskogo vysochestva velikoj knyagini Ksenii Aleksandrovny obra-zovannoj v sostave Verhovnogo Soveta Osoboj Komissii po prizreniyu voinskih chinov i drugih lic, postradavshih v prodol-zhenii nastoyashchej vojny, a takzhe chlenov ih semej za 1915 god* [Report of the Special Com-mission for the care of military ranks and other persons injured in the con-tinuation of the present war, as well as members of their families, formed as part of the Supreme Council under the Magestic chairmanship of her Imperial Highness Grand Duchess Xenia Alexandrovna for 1915]. Petrograd, 1916, 194 p.
 7. *RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv)* [Russian state military historical archive]. F. 12564. Op. 1. D. 859.
 8. *RGVIA* F.12564. Op.1. D.1177.
 9. *RGVIA* F.12593. Op.1. D.2072.
 10. *RGVIA* F. 16323. Op 1. D. 7.
 11. *RGVIA* F. 16323. Op 1. D. 16.
 12. *RGVIA* F. 16323. Op. 1. d. 25.
 13. *RGVIA* F. 16323. Op. 1. D. 64.
 14. *RGVIA* F. 16323. Op. 1. D. 82.
 15. *RGVIA* F. 16323. Op 1. D. 85.
 16. *RGVIA* F. 16323. Op 1. D. 89.
 17. *RGVIA* F. 16323. Op 1. D. 91.
 18. *Rossii v mirovoi voine 1914-1918 goda: (v tsifrakh)* (1925) [Russia in the world war 1914-1918: (in figures)]. Moscow, 103 p.
 19. *Trudy soveshchaniya predstavitelej zemstv po voprosam osu-shchestvleniya zemstvami pomoshchi uvechnym voenam, sostoyavshegosya v Moskve 5-7 oktyabrya 1916 g.* [Proceedings of the meeting of represen-tatives of Zemstvos on the implementation of assistance by Zemstvos to maimed soldiers, held in Moscow on 5-7 October 1916]. Moscow, 1917, 197 p.

20. Forsova V.V. Obshchestvennoe prizrenie voennyh i ih semej v dooktyabr'skoj Rossii [Public charity of the military and their families in pre-October Russia]. *Vestnik RAN*, 1996, vol. 66, no. 8, pp. 750-758.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Букалова Светлана Владимировна, доцент кафедры политологии и государственной политики, кандидат исторических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Центральный институт управления – филиал)

*бульвар Победы, 5-а, г. Орёл, 302028, Российская Федерация
stl1612@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Bukalova, Associate Professor of the Department “Politicalology and State policy”, candidate of historical sciences, PhD in History

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA)

*5-a, Pobedy boulevard, Oryol, 302028, Russian Federation
stl1612@yandex.ru*

SPIN-code: 2115-8647

ORCID: 0000-0001-7788-9299

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-67-81

УДК 316.42

ГЕОКУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА МИРА П.Н. САВИЦКОГО

Шмаков В.С.

Попытка преодоления противоречий между локальными культурами Запада и Востока, привела евразийцев к пониманию роли географического фактора в развитии социокультурного пространства и осознанию социокультурной миссии России, ее объединительного потенциала.

Целью исследования является анализ влияния географического фактора на развитие геокультурного пространства определяющее особенности социокультурного развития Евразии в концепции П.Н. Савицкого.

Материалы и методы. Использование методологии системного и структурно-функционального анализа способствует объяснению геокультурного развития локальных сообществ на основе изучения применяемых социокультурных практик, дает возможность рассматривать геокультурное пространство как совокупность элементов имеющих устойчивые связи, обеспечивающие воспроизводимость традиций в сочетании с новациям.

Результаты. Показано, что евразийство можно рассматривать как своеобразную попытку подготовки формирования идеологии евразийской государственности способной противостоять давлению западных концепций. Идеи П.Н. Савицкого о влиянии географического фактора на развитие геокультурного пространства России и Евразии в целом, позволяют оценить возможность возвращения Российской Федерации к имперским традициям российской государственности. Исследование развития геокультурного про-

странства Евразии благоприятствует сохранению локальной социокультурной идентичности, способствует формированию системы евразийской интеграции и поиска новых моделей взаимодействия.

Практическая значимость исследования заключается в обозначении и обосновании проблемы влияния географического фактора, «месторазвития» на формирование евразийского геокультурного пространства, в условиях генерирования евразийской концепции развития российской государственности.

Ключевые слова: евразийство; геокультура; местоположение; геокультурное пространство

THE GEOCULTURAL PICTURE OF THE WORLD P.N. SAVITSKY

Shmakov V.S.

An attempt to overcome the contradictions between the local cultures of the West and the East led the Eurasians to understand the role of the geographic factor in the development of socio-cultural space and to realize the sociocultural mission of Russia, its unifying potential.

The **aim** of the study is to analyze the influence of the geographical factor on the development of geocultural space, which determines the features of the socio-cultural development of Eurasia in the concept of P.N. Savitsky.

Materials and methods. The use of the methodology of systemic and structural-functional analysis contributes to the explanation of the geocultural development of local communities on the basis of studying the applied sociocultural practices, makes it possible to consider the geocultural space as a set of elements that have stable connections, ensuring the reproducibility of traditions in combination with innovations.

Results. It is shown that Eurasianism can be regarded as a kind of attempt to prepare the formation of the ideology of the Eurasian statehood capable of withstanding the pressure of Western concepts. The ideas of P.N. Savitsky on the influence of the geographical factor on the develop-

ment of the geocultural space of Russia and Eurasia in general, allow us to assess the possibility of the return of the Russian Federation to the imperial traditions of Russian statehood. The study of the development of the geocultural space of Eurasia favors the preservation of local sociocultural identity, contributes to the formation of a system of Eurasian integration and the search for new models of interaction.

*The **practical significance** of the study lies in identifying and substantiating the problem of the influence of the geographic factor, “location” on the formation of the Eurasian geocultural space, in the context of generating the Eurasian concept of the development of Russian statehood.*

Keywords: *eurasianism; geoculture; location; geocultural space*

Введение

Евразийство как философско-политологическое направление возникло в России в начале двадцатых годов. Политики, философы, экономисты ставили задачу определения места нового государства и формирование путей развития. Идеологически подход евразийцев демонстрировал попытку развить существовавшие в российской геополитике направления: западничество и славянофильство, взяв последнее за основу концепции. Кризис революционной власти возродил пафос противостояния с Европой, возвращения к идее освоения евразийского пространства в процессе становления России как «единой храмы». Причины возникновения евразийства определяются «эпохой перемен», геополитическим кризисом, последовавшим после мировой войны. Любые аналогии грешат, но популярность евразийства в 1990-х гг. есть тому подтверждение. Основатели поставили задачу наметить пути развития российской государственности, воспроизводя имперскую геополитическую концепцию истории России, делая акцент на культурно-историческом своеобразии, исходя из ее пространственного расположения. Важным постулатом замыслов евразийства представляется идея, объясняющая русскую цивилизацию уникальным явлением. Россия принадлежит не к европоцентристской или азиатской цивилизации, а должна рассматриваться как геополитическая концепция

Евразии. В литературе идею влияния географического фактора традиционно отдают И. Валлерстайну [1], тем не менее, П.Н. Савицкий обратил внимание на эту проблему гораздо раньше, связав особенности социокультурного развития Евразии с географическими пространственными условиями. Русская культура определяется как культура евразийская, имеющая русское социокультурное своеобразие, подчеркивавшее определяющую значимость культурной миссии России.

Целью исследования является анализ одного из основополагающих постулатов евразийской классики касающийся проблемы «местоположения», определяющего особенности развития общества. В этом аспекте, необходимость исследовать систему социокультурного развития в тесной связи с географическими пространственными условиями жизнедеятельности является весьма важным. Географический фактор усиливает, усложняет развитие социума, условий системы жизнедеятельности и представляется системообразующей идеей, основным доказательством всестороннего единства российско-евразийского мира. Социокультурное развитие – проблема сама по себе исключительно сложная [2], географический подход еще более усложняет ее изучение. В этом смысле, анализ влияния «месторазвития» на формирование евразийского геокультурного пространства, в условиях генерирования евразийской концепции развития современной российской государственности является актуальной идеей.

Научной новизной является постановка проблемы распространения идеи П.Н.Савицкого на трансформацию геокультурного пространства Евразии в контексте развития современной российской государственности. Идеи евразийцев определяют основу концепции: поиск теории, стратегии и идеологии восстановления имперских традиций собирания земель российских, понимание необходимости сохранения геокультурного пространства России, социокультурной идентичности. Основополагающей гипотезой исследования выделим положение о том, что «выпадение» России после революции и интервенции из европейского социокультурного

пространства стало для основателей своеобразным толчком для переосмысления конъюнктуры страны на мировой арене, поиска ее «нового» места в мире. Это положение распространяется и на современное состояние геокультурного развития России.

Материалы и методы

Теоретической базой исследования служит методологический подход П.Н. Савицкого, сформулировавшего концептуальное понимание специфики развития российской государственности, в зависимости от «месторазвития». Географический фактор определяет социокультурное развитие России, конституирует весомость культурной миссии [15; 16; 17].

Применение методологии системного подхода способствует анализу динамики геокультурного развития локальных сообществ на основе изучения применяемых социокультурных практик, складывающихся под влиянием экзогенных и эндогенных факторов; внутренних и внешних условий взаимодействия сообществ, включая воспроизводство традиционности и этничности. Такой взгляд позволяет осветить процессы социокультурной трансформации как некоторую совокупность коммунифицированных объектов комплекса неразрывно связанных элементов [20]. Структурно-функциональный анализ дает возможность рассматривать локальное геокультурное пространство как совокупность элементов имеющих устойчивые связи, обеспечивающие воспроизводимость традиций в сочетании с новациями в условиях трансформации. Определяющим положением методологического анализа является представление о геокультурном пространстве в рамках концепции объяснения и понимания, двух взаимосвязанных процессов анализа, равнозначных принципов исследования. Объяснение мы рассматриваем как некоторый универсальный способ теоретического отношения к миру, понимание выступает как философский метод, позволяющий интегрировать на основе чувственного восприятия единичное с целым, «достраивать» создаваемую картину дополнительным знанием [19, с. 97–105].

Результаты и обсуждение

Необходимо отметить, что первостепенную роль в популяризации идей евразийства сыграли публицистические работы Л.Н. Гумилёва, В.Л. Цимбурского, А.Г. Дугина, возродивших и осовременивших ключевые идеи евразийства, подготовившие почву для восприятия этих идей в постсоветскую эпоху, которые получили как положительную, так и отрицательную реакцию в политических и философских кругах [3; 4; 18; 6; 7]. Философско-политологическое осмысление базовых идей евразийцев продолжилось достаточно активно [14; 13; 9; 11; 12; 10; 5 и др.]

С нашей точки зрения идеи евразийства базируются на историческом, общефилософском фундаменте и являются органичным, полноценным научным направлением, достаточно традиционным для российской философской мысли, объединяя философию, историю, географию, экономику и другие отрасли знания [8]. По сути евразийство - это оригинальный эксперимент объяснения политического положения России после первой мировой и гражданской войны с использованием новых фактов, позволяющих переосмысливать итоги новейшей истории. Евразийцы создают теоретическую возможность вернуться к историческим традициям Византии и Востока, оказавшим влияние на формирование российской государственности.

Выделим ряд анализируемых нами позиций, вытекающих из концепции П.Н. Савицкого.

1. Евразийство мы рассматриваем как своеобразную попытку подготовки мировоззренческого основания для формирования идеологической платформы создания евразийской государственности способной противостоять давлению западных концепций.

2. Очевидно, что основная идея, касающаяся развития евразийского геокультурного пространства способствует созданию предпосылок, определяющих возможности возврата к имперским традициям российского государства.

В этих утверждениях заложен определенный смысл. Неоевразийцы, взявшие за основу идеи классического евразийства, используют их в формате теоретической базы для объяснения и понимания совре-

менного положения Российской Федерации и тенденций развития, поскольку, в перспективе, речь может идти об исчезновении российской государственности, ее растворении в мировом геокультурном пространстве. Мы полагаем, что П.Н. Савицкий, рассматривая процессы трансформации геокультурного пространства на макро и микро-уровне, определил их изменения по формам и элементному комплексу, делал акцент на том, что социокультурные процессы, обладая общими чертами и закономерностями, объективно отличаются национальной локальной социокультурной спецификой и содержанием.

Формулируя концепцию формирования геокультурного пространства Евразии, П.Н. Савицкий подчеркивал, что в первую очередь речь идет о понимании русской культуры как культуры евразийской, имеющей русское локальное социокультурное своеобразие, определяющее значимость культурной миссии России сопряженную с необходимостью преодоления диссонансов и разногласий между локальными культурами Евразии. Концепция развития культуры евразийцев не признает идеи универсального «прогресса». П.Н. Савицкий отмечает, что если «нет общего восходящего движения, нет постепенного неуклонного общего совершенствования: та или иная культурная среда и ряд их, совершенствующаяся в одном и с одной точки зрения, нередко упадает в другом и с другой точки зрения». П.Н. Савицкий обозначил это задолго до возникновения идеологии мультикультурализма. Автор обращает внимание: «Это положение приложимо, в частности, к «европейской» культурной среде: свое научное и техническое «совершенство» она купила, с точки зрения евразийцев, идеологическим и более всего религиозным оскудением» [15, с. 272]. П.Н. Савицкий пытается найти интеграционные начала: «В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу – особенность русской культу-

ры и геополитики» [16, с. 299]. Очевидно, что попытка противопоставления евразийской культуры романо-германской, позволяет П.Н. Савицкому утверждать собственно культурологический контекст евразийской идеологии, признание эмерджентности культур народов Евразии, выделяя центральную и основополагающую роль «этнографической России» в «неромано-германском мире». Страны и народы, соседствующие с Россией и стремящиеся сохранить, с одной стороны, свою полную политическую от нее независимость, с другой, они тесно связаны, как замечает автор, с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств».

Евразийцы позиционируют российское социокультурное пространство, как особый географический мир, обладающий своеобразной локальной социокультурной идентичностью, сложившийся за длительный промежуток времени. Рассматривая процесс создания российской государственности, евразийцы подчеркивали ряд важнейших факторов, обусловивших ход российской истории: заимствование из Византии православной культуры и формирование государственной структуры, с учетом традиций Востока. П.Н. Савицкий отмечал, «без «татарщины» не было бы России» [17]. Евразийская концепция геокультуры это попытка раскрыть, показать взаимосвязь, аффилированность «народности» и «территории». Взаимозависимость, в то же время, предполагает существование групповых, локальных, национальных разногласий. И в этом смысле, есть необходимость отбраковать, учитывать систему взаимодействия локальных культур, показывать вовлеченность в структуру взаимосвязей и взаимодействий.

Следующее положение затрагивает идею «месторазвитие». П.Н. Савицкий, рассматривая особенности социокультурного развития Евразии, связывал этот процесс с географическими условиями существования социума. Географическое положение России воспринималось принципом экономической, культурной, политической жизни проживающих на этом пространстве народов и получило название «месторазвитие». Основной идеей являлось положение о необходимости синтетического подхода к анализу истории России – Евразии. Для П.Н. Савицкого целостность евразийского мира,

заключается в исключительной роли России в Евразии, он делает акцент на унификации, при этом системообразующим фактором определяется географическое расположение. П.Н. Савицкий как бы предсказывает будущее: «Россия–Евразия есть центр Старого Света. Устрани этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Китай, Япония) превращается как бы в *«рассыпанную хламину»* [16].

Россия представляется своеобразное «цивилизационное» образование, «срединную землю», сформировавшуюся на принципах византийско-славянской-азиатской культуры, не являющуюся ни частью Европы, ни Азии. Она – особая, самостоятельная духовно-историческая реальность: Россия – Евразия, синтез мировой культуры и мировой истории, развёрнутый в пространстве и времени.

Евразийцы, рассматривая геокультурное положение России, утверждают ее основополагающее значение для развития Евразии, фиксируют русскую культуру как «евразийскую», подчеркивают ее своеобразие и самобытность.

Определим ряд основных положений концепции.

1. П.Н. Савицкий утверждает, что месторазвитие оказывается одним из основополагающих факторов возникновения и развития социокультуры. Географический фактор указывается более важным, чем генетический. Именно месторождение, месторасположение генерирует социум, создающий жизненную, устойчивую социокультурную среду, формирующий социокультурное пространство. Складывается особый культурный тип, объединенный средой обитания принадлежащих к нему народов, реализующих возможности, заложенные в особенностях его месторазвития.

2. Понимание и объяснение истории этноса невозможно без объяснения понятия месторазвития. Прежде всего, это определенная совокупность условий проживания и жизнедеятельности, включая особенности климата, ландшафта, почвы, растительности и т.д. В процессе взаимодействия с географической средой, социум, с одной стороны, доминирует, господствует над ней. С другой стороны, сам подвергается ее влиянию. Месторазвитие определяет многие черты характера народа: психологию, социокультуру и т.д.

Евразийство ставило задачу показать воздействие географического фактора на локальные культуры Евразии, подчеркивая необходимость учитывать степень вовлеченности каждой из них в сложный оборот социокультурной, экономической, политической жизни. При объяснении проблемы коммуникаций локальных культур в геокультурном пространстве, необходимо учитывать наличия локальных и глобальных противоречий в «центростремительных и культуuroобразующих» силах. П.Н. Савицкий акцентирует: «Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого Материка, снимается противоположение между Востоком и Западом» [16, с. 299].

Именно евразийцы, а в первую очередь П.Н. Савицкий, проанализировали и обосновали, с точки зрения географии, геополитики необходимость учитывать, что на процесс трансформации культуры географический фактор оказывает решающее значение. Трансформации человеческой культуры, находящейся под влиянием географической среды, оказывает своеобразное давление на формирование геокультурного пространства. Такой подход к объяснению и пониманию геокультурного развития России как Евразии стал достаточно новым в нарративной концепции русской истории.

В заключение отметим, что, во-первых, «месторазвитие» в объяснительной позиции П.Н. Савицкого указывается главным фактором определяющим тип культурно-исторического процесса и свидетельствует о единстве исторических, географических, этнических, экономических основ в развитии евразийского пространства. Географический фактор оказывает определяющее влияние на особенности социокультурного развития в тесной связи с пространственными условиями жизнедеятельности. В то же время, концепция «месторазвития» вполне согласовывается с признанием многовариантности человеческой истории, на процесс функционирования которой оказывает влияние географический фактор. В этом смысле, Россию можно рассматривать как единую на всем ее пространстве и в то же время отличную от прилегающих стран, т.е. демонстрируется «континентом

в себе», Евразией. С этим постулатом связывалось видение особой роли России – Евразии в современном мире, как в самостоятельном развитии, так и в формировании взаимодополняющих друг друга самостоятельных, соприкасающихся областей Евразии.

Во-вторых, географический фактор представляется системообразующей идеей, основным доказательством всестороннего единства российско-евразийского мира. Понимание евразийцами «месторазвития» подчеркивает необходимость признания и уважения многочисленности моделей истории и культуры человечества, детерминирующих духовное начало. Наряду с местными формами социокультуры, возникают и развиваются религиозные формы жизнеустройства, «суть начала внеместные», одни из них больше, другие меньше влияют на исторические процессы. Иерархичность «месторазвитий» обеспечивала возможность различного видения того или иного явления в зависимости от того, в рамках какого из уровней явление рассматривается, отображается и оценивается.

В целом можно зафиксировать, что концепция «месторазвитие» получила фундаментальное парадигмальное значение, обосновывающее современное понимание геокультуры и геокультурного пространства.

1. Евразийство как концепцию, предлагавшую создать симбиоз восточных славян и тюрко-монгольских народов, можно определить как методологию процесса объединения, способом мышления и мировосприятия в процессе поиска общей платформы если не для конфедерации, то для интеграции, формирования моделей сотрудничества и взаимодействия.

2. Евразийство, на наш взгляд, обладает интеллектуальной традицией; не единственным, но заметным, популярным умонастроением и мировосприятием, созвучным поиску Россией своей особой судьбы и места в глобальном мире, элементом сохранения современной русской социокультурной идентичности в геокультурном пространстве. Для русской социокультуры и идентичности, стоящей на распутье, это возобновленный вызов, обусловленный опасением быть лишёнными доминирующего положения или даже подавленными иными культурами.

Европеизация подрывает корни социокультуры, способствует расколу в обществе, предопределяет распад идентичности. Увеличивается пропасть, между интеллектуальной элитой, как правило, легко воспринимавшей западные идеи, и народом, который тяготеет к традиционной социокультуре. Уменьшаются творческие возможности культуры, так как теряется связь со старым социокультурным фондом, а новый мир еще только формируется. Кризис российской государственности оказал известное влияние на трансформацию социокультурной ситуации в Российской Федерации. Основой кризиса трансформации великой русской культуры, которая на протяжении веков считала себя обладающей всемирно-историческим величием, уникальностью, апеллировавшей к предшествующим эпохам, начиная с Византии (Россия – Третий Рим), служит обоснованием реформирования российской государственности акцентировано способной противостоять глобализации. В этом смысле, евразийство становится определенной идеологической схемой, которую можно превратить, в рамках социокультурного пространства страны, в геокультурную, идеологическую парадигму за отсутствием государственной идеологии. Вопрос в том, возможно ли определить, осознать место российского общества в системе меняющегося мира, на основе имеющейся зафиксированной интеллектуальной традиции, весьма заметной и влиятельной в свое время.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. 416 с.
2. Грязнова Е.В., Афанасьев С.В. К вопросу об определении понятия «социокультурное пространство» // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11, № 2. С. 27–41.
3. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 279 с.
4. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19–26.
5. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет. 2021. 270 с.

6. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
7. Дугин А.Г. Основы евразийства. М., АРКТОГЕЯ-центр, 2002. 800 с.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.
9. Коптелова Т.И. Евразийская методология изучения социального развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 141–146.
10. Косик В.И. Немного о «неизвестном» евразийстве // Славяноведение. 2017. № 4. С. 41–51.
11. Матвеева А.М. Геополитическая концепция истории России П.Н. Савицкого. М., Прометей. 2016. 300 с.
12. Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, 2016. 272 с.
13. Орлик И.И. Евразийство: от зарождения до наших дней // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 55–70.
14. Пушкин С.Н. Историософия евразийства. СПб: С.-Петербург, гос. ун-т, 1999. 118 с.
15. Савицкий П.Н. Евразийство // Основы евразийства. М.: Артогея центр, 2002. С. 266–280.
16. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. М. Артогея центр. 2002. С. 297–304.
17. Савицкий П.Н. Степь и оседлость [Электронный ресурс]. <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>. (дата обращения: 20.06.2021)
18. Цымбурский В.Л. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 22–29.
19. Шмаков В.С. Объяснение и понимание в философии истории. Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2000. 240 с.
20. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York. 1969. 289 с.

References

1. Wallerstein I. *Analiz mirovih sistem i situaciya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. St. Petersburg: Publishing House “University Book”, 2001, 416 p.

2. Grjaznova E.V., Afanas'ev S.V. K voprosu ob opredelenii ponjatija «sociokul'turnoe prostranstvo» [On the question of the definition of the concept of “socio-cultural space”]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 27–41.
3. Gumilev L. N. *Geografija jetnosa v istoricheskij period* [The geography of the ethnic group in the historical period]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1990, 279 p.
4. Gumilev L. N. Zametki poslednego evrazijsca [Notes of the last Eurasian]. *Nashe nasledie*, 1991, no. 3, pp. 19–26.
5. Druzhinin A. G. *Idei klassicheskogo evrazijsstva i sovremennost': obshhestvenno-geograficheskij analiz* [The ideas of classical Eurasianism and modernity: a socio-geographical analysis]. Rostov-na-Donu; Taganrog: Južnyj federal'nyj universitet, 2021, 270 p.
6. Dugin A.G. *Osnovy geopolitiki* [Fundamentals of Geopolitics]. Moscow, ARKTOGEJa-centr, 2000, 928 p.
7. Dugin A.G. *Osnovy evrazijsstva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow, ARKTOGEJa-centr, 2002, 800 p.
8. Danilevskij N.Ja. *Rossija i Evropa: Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance.]. St. Petersburg: Izd-vo «Glagol», 1995, 552 p.
9. Koptelova T.I. Evrazijskaja metodologija izuchenija social'nogo razvitiija [Eurasian Methodology for Studying Social Development]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki*, 2014, no. 1 (33). pp. 141–146.
10. Kosik V.I. Nemnogo o «neizvestnom» evrazijsstve [A little bit about the “unknown” Eurasianism]. *Slavjanovedenie*, 2017, no. 4, pp. 41–51.
11. Matveeva A.M. *Geopoliticheskaja koncepcija istorii Rossii P.N.Savickogo* [The geopolitical concept of the history of Russia by P. N. Savitsky]. Moscow: Prometej, 2016, 300 p.
12. Nazmutdinov B.V. *Zakony iz-za granicy: politiko-pravovye aspekty klassicheskogo evrazijsstva* [Laws from abroad: political and legal aspects of classical Eurasianism]. Moscow: Norma, 2016, 272 p.
13. Orlik I.I. *Evrazijsstvo: ot zarozhdenija do nashih dnei* [Eurasianism: from its inception to the present day]. *Novaja i novejšaja istorija*, 2010, no. 1, pp. 55–70.

14. Pushkin S.N. *Istoriosofija evrazijstva* [Historiosophy of Eurasianism]. SPb.: S.-Peterburg, gos. un-t, 1999. 118 p.
15. Savickij P.N. Evrazijstvo [Eurasianism]. *Osnovy evrazijstva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow: Artogeja centr, 2002, pp. 266–280.
16. Savickij P.N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. *Osnovy evrazijstva* [Fundamentals of Eurasianism]. Moscow: Artogeja centr, 2002, pp. 297–304.
17. Savickij P.N. *Step' i osedlost'* [Steppe and settlement]. <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm>
18. Cymburskij V.L. Dve Evrazii: omonimija kak kljuch k ideologii ra nego evrazijstva [Two Eurasias: Homonymy as a Key to the Ideology of Past Eurasianism]. *Evrazija. Ljudi i mify* [Eurasia. People and myths]. Moscow, 2003, pp. 22–29.
19. Shmakov V.S. *Obyasnenie i ponimanie v filosofii istorii* [Explanation and understanding in the Philosophy of History]. Novosibirsk. Izd-vo SO RAN, 2000. 240 p.
20. Bertalanffy L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York, 1969, 289 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация
vsshmakov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy), Leading Researcher
Institute of Philosophy and Law SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
vsshmakov@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2965-1758

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-82-101

УДК 316.33

СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГЕРМАНИИ

*Высоцкая И.В., Йованович Т.Г.,
Топоркова О.В., Лазарева О.В.*

В данной статье анализируется концепция деятельности социально-общественных организаций в системе дополнительного образования пожилых людей Германии. Авторы подчеркивают важность освоения новой парадигмы философского осмысления зарубежного опыта организации и функционирования дополнительного образования с целью внедрения в российское образование успешных технологий обучения с учетом собственного потенциала и традиций. В качестве методологии исследования использовался метод теоретического сравнительного анализа, интерпретации, синтеза полученных данных. Авторы отмечают особую значимость образования для людей старшего возраста с целью поддержки личностного и профессионального развития, сохранения активной жизненной позиции и привлечения пожилых людей к участию в социально-общественной деятельности.

При проведении данного исследования осмысление темы образования людей третьего возраста рассматривалось с социально-философской позиции. По мнению авторов статьи, проблема образования пожилых людей, безусловно, тесно связан с социологией и философией, поскольку для разработки концепции обучения людей третьего возраста необходим анализ ряда социальных и философских проблем. Наше исследование потребовало обращения к философским идеям с точки зрения позитивизма и рассмотрения образования пожилых людей как совокупности теории, практики и социальных реалий. Социальная философия занимает особое место в поиске новых методологических парадигм, а также вносит

определенный вклад в разработку концептуальных основ построения процесса образования людей пенсионного возраста в современном обществе.

Ключевые слова: социально-философский анализ; социально-общественные организации; общественная интеграция; образовательные программы; многофункциональные учреждения; эффективная адаптация; разработка проектов; социальное вовлечение

SOCIAL AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF NON-DEGREE EDUCATION FOR THE SENIOR CITIZENS IN GERMANY

**Vysotskaya I.V., Yovanovich T.G.,
Toporkova O.V., Lazareva O.V.**

This article examines the essence of social and public organizations and presents an analysis of the activity concepts in the system of non-degree education for the seniors in Germany. The authors emphasize the importance of studying a new paradigm of philosophical understanding of foreign experience of the organization and functioning of non-degree education in order to introduce successful technologies into Russian education, according to its own potential and traditions. The methodology, used in the article is the method of theoretical analysis, interpretation, and synthesis of the obtained data. The authors point out the special importance of education for the senior citizens in order to improve their personal and professional development and maintain an active life position. The originality is in the fact that the article analyzes and summarizes the search for a new paradigm of working practice with the seniors in social and public organizations. The obtained results show that social and public organizations perform an educational and civilizing function, as well as protect the rights of the senior population in Germany.

When conducted research, it was required the social interpretation of the topic under consideration as a basic principle. In our opinion, it is necessary to make the social and philosophical analysis of this topic for

the development the concepts of education. Social Philosophy occupies a special place in the search for new methodological paradigms, and makes a certain contribution to the development of conceptual foundations of the educational process formation for the elderly people in the modern society.

Keywords: *social and philosophical analysis; social and public organizations; social integration; educational programs; multifunctional institutions; effective adaptation; project development; social involvement*

Введение

Эффективность работы образовательных учреждений является одним из важных показателей степени развития любой страны, ее экономического, социально-технического потенциала и международного авторитета. Хотя человечество накопило значительный опыт в организации образовательного процесса для пожилых людей, каждая культура и нация учитывают не только специфические условия своей страны, но и опыт других стран. В этих условиях закономерно возрастает интерес российской научно-педагогической общественности к зарубежному опыту [7]. Одним из наиболее перспективных путей может стать изучение достижений Германии в деле формирования образовательных учреждений в системе обучения пожилых людей, поскольку именно в Германии прошли апробацию различные образовательные проекты, направленные, прежде всего, на вовлечение и поддержание развития разносторонней индивидуальности людей старшего возраста.

Несмотря на то, что в России существует ряд образовательных учреждений, так называемых университетов третьего возраста, следует отметить, что система российского образования слабо ориентирована на образовательные потребности представителей «третьего возраста». Разработка организационных, социальных, социально-психологических, педагогических, технологических и иных условий для образования пожилых людей существуют все еще в зачаточном состоянии, на стадии апробации. Отсюда возникает научная и практическая задача, заключающаяся в необходимости поиска, обоснования и применения новых видов, форм, уровней

образования как ресурса сохранения и развития социальной общности «третьего возраста» [1].

Образование для пожилых людей имеет значимость не только лично для человека как субъекта общества и культуры, но и для прогресса развития самого общества и государства [8,9].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что концепция обучения в течение всей жизни, стремительные разносторонние изменения в обществе вызвали интенсивное развитие рынка дополнительных образовательных услуг для людей третьего возраста с целью адаптации в социуме, поддержки личностного и профессионального развития, сохранения активной жизненной позиции. Авторы статьи рассматривают такие формы дополнительного образования для пожилых людей как социально-общественные организации, которые актуальны как для европейских государств, в частности Германии, так и России. Уделяя особое внимание Германии, мы хотим подчеркнуть, что это одно из лидирующих государств мира по экономическому уровню и развитию образования, где данное направление получило особенно прогрессивное развитие в отношении многообразия предлагаемых форм и содержания.

Результаты изучения отечественной научно-педагогической литературы показывают, что в российской науке накоплен большой исследовательский опыт по проблеме обучения людей третьего возраста [1; 5; 6]. Однако, практика современного дополнительного образования для людей данной категории нуждается в расширении научно-практических основ педагогической поддержки. Успешное функционирование системы дополнительного образования для сеньоров в Германии показывает важность освоения зарубежного опыта для раскрытия, сравнения и внедрения в российское образовательное пространство наиболее успешных подходов, технологий обучения, видов и форм образования взрослых, с учетом собственного потенциала и традиций.

Цель исследования определила круг задач:

1. Исследовать формы и функции социально-общественных учреждений в системе дополнительного образования для пожилых людей в Германии.

2. Выявить место социально-общественных организаций в системе дополнительного образования людей третьего возраста и их влияние на общество, а также определить основные виды деятельности данных организаций в Германии.

3. Проанализировать и обобщить практику работы с людьми пенсионного возраста в учреждениях дополнительного образования.

Материалы и методы

Методами исследования явились метод сравнительного теоретического анализа наиболее известных работ зарубежных и отечественных авторов, освещающих развитие системы дополнительного образования представителей «третьего возраста» в Германии, позволившим проанализировать и обобщить практическую деятельность социально-общественных организаций. Основным критерием отбора фактов в нашем исследовании были показатели, давшие возможность определить соответствие уровня развития дополнительного образования в Германии требованиям и запросам общества, а также критериям социально-экономического и научно-технического развития страны. Методы интерпретации, синтеза полученных данных, систематизации информации для определения закономерностей в области дополнительного образования для людей третьего возраста в Германии позволили сделать обоснованные выводы.

Научная новизна заключается в том, что в статье проанализирована и обобщена практика новой тенденции работы с пожилыми людьми в социально-общественных организациях, поскольку образование пожилых людей из традиционно-образовательных учреждений стремится выйти на новый уровень и охватить новые сферы социальной и общественной жизни. В статье охарактеризованы и описаны основные формы и функции социально-общественных организаций, работающих с пожилыми людьми в Германии, что дополняет теоретические знания в области отечественного дополнительного образования взрослых, позволяет проанализировать зарубежный опыт и найти ему применение в российской действительности.

тельности. Авторами статьи выявлены и содержательно раскрыты основные виды деятельности социально-общественных организаций в системе дополнительного образования Германии, расширяющих научные представления о мировой практике развития образования взрослых. В ходе исследования проанализирована практическая работа общественных организаций с людьми пожилого возраста, что позволяет наметить перспективы дальнейшего развития этой образовательной области.

Практическая значимость состоит в перспективе использования практики зарубежного опыта работы социально-общественных организаций с пожилыми людьми применительно к российской системе образования. Результаты исследования могут быть использованы при обучении специалистов в области дополнительного образования взрослых по специальностям: социология, психология, андрагогика, при обучении педагогических работников в системе повышения квалификации.

Результаты

Роль пожилых людей в организации, управлении и саморегулировании процесса обучения в современной Германии становится все значительнее. Обучение взрослых реализуется на местном, региональном и федеральном уровнях. Отечественный исследователь геронтообразования Т.М. Кононыгина считает, что общественные органы, состоящие из числа пожилых людей в Германии даже способны оказывать влияние на законодательную базу страны. К работе в общественных организациях для пожилых людей допускаются все заинтересованные граждане, в том числе и общественные структуры, предлагающие образовательные программы. Также организации берут на себя ответственность за оповещение пожилых людей о планах и программах, оказание поддержки со стороны высококвалифицированных специалистов, осуществление государственных и специальных проектов по образовательным программам [3]. Органы управления образованием на местном уровне проводят работу в специально созданных формах образовательных учреждений.

Следует отметить, что в Германии сложилось несколько типов организаций дополнительного образования для пожилых людей: товарищества, работающие как многофункциональные учреждения; «Бюро», осуществляющие деятельность на федеральном и местных уровнях; «Биржи знаний»; консультационные службы, профсоюзные учреждения и палаты, разговорные кафе, учебные кружки туризма и др. [4].

По нашему мнению, «Товарищества» («Genossenschaften») предоставляют для пожилых людей наиболее продолжительные и самые широкие возможности в системе дополнительного образования. Основанием тому служит специфическая организация самостоятельной инициативы, выдвижение продуктивных требований, как в отношении содержания, так и коммуникативной деятельности. Немецкий исследователь Э. Ольбрихт отмечает влияющие друг на друга «поля развития компетенций» («Felder der Kompetenzentwicklung»), понимая при этом под *когнитивной компетенцией* возможность объединить опыт и знания применительно к новым ситуациям.

Выделены несколько видов компетенций. *Компетенция повседневной жизни* подразумевает эффективную адаптацию к окружающей действительности и к требованиям окружающего мира; *социальная компетенция* рассматривается, как возможность поддерживать контакты в социальных ситуациях и заключать новые контакты, в широком смысле подразумевается возможность любого социального участия. *Аттестационная (оценочная) компетенция* означает возможность оценивания и субъективного контроля над отношениями и развитием личной перспективы; *компетенция преодоления* заключается в возможности справиться со значимыми и критическими жизненными ситуациями, также вариантами преодоления нанесения ущерба, потери и ограничения без разочарования и депрессии [19, стр. 55].

Немецкий педагог А. Крузе замечает, что, когда компетенция определяется как «способность к поддержанию самостоятельной, наполненной смыслом и целями жизни в стимулирующем, поддер-

живающем и ответственном противоречии с задачами и трудностями со стороны поощряющего общества», тогда товарищества предлагают исключительные возможности для пожилых людей [15, стр. 142].

Причина, по которой товарищества играют большую роль для людей пенсионного возраста, состоит в том, что в их названии не отражается принадлежность к определенной возрастной группе. Существует ряд товариществ, которые в целом работают только с людьми преклонного возраста, а не со смешанными группами. Товарищество включает большое число и разнообразие тематических направлений для работы с возрастными слушателями. Как правило, в работе товариществ принято различать три основных вида деятельности: самопомощь, общественную работу и гражданские инициативы. Товарищества пожилых людей следует рассматривать как многофункциональные учреждения. Пожилые слушатели в товариществах выступают в разных ролях, не только как клиенты или потребители помощи, но, и как активные помощники. Обучение в товариществах подразумевает также деятельность в сфере услуг [2] .

В своих целях и практике работы товарищества пожилых людей отражают черты современного гражданина: независимость, высокое самосознание, ориентация на личностные ресурсы и гражданский статус. В обучающих проектах продумываются, апробируются и успешно реализуются планы возрастных участников на будущее. Разработки проектов, которые изначально планировались как поиски контакта с общественной жизнью, часто носят политизированный характер. Присоединение к товариществу представляет собой хорошую возможность для людей пенсионного возраста реализовать свой жизненный или профессиональный опыт, полученный в результате какой-либо деятельности. Здесь развивается и формируется политическая компетентность слушателей. Как сочетание добровольного социального вовлечения и политической ответственности товарищества для людей пожилого возраста являются, по мнению немецкого деятеля Т. Кли, учреждениями будущего. К основным чертам товарищества относятся наличие объединения, а

также большого внимания к социальной системе поддержки участников и особенно женщин.

Т. Кли считает, что реализация проектов данных организаций может служить новой формой государственной поддержки. Сначала участники пытаются организовать и осуществить свою деятельность сообща, не преувеличивая роль каждого и не подавляя кого-либо. Учеба в товариществах для пожилых – это учеба в среде граждан, в число которых входят штатные специалисты и добровольные работники. Содержательная сторона курсов подразумевает работу специалиста в определенной сфере: коммунальная политика, капиталовложения, правоведение, психология, социология, управление и другие [9, стр. 207]. Примерами могут быть следующие курсы: коммунальная политика, культура капиталовложения, гражданские обязательства, управление конфликтными ситуациями, организационное развитие и др. В отличие от других возможностей участия в общественной жизни, товарищества пожилых придерживаются политики «поперечного мышления» (мышления в противоположном направлении «Querdenken»), под которым, по утверждению немецкого педагога У. Отто, понимается следование не собственным целям, компетенциям и обязанностям, а интересам всех участников образовательных программ [20, стр. 214]. Товарищества могут оказать содействие в области здравоохранения, транспортной и социальной политики.

Особую силу товариществ подчеркивает немецкий ученый Э. Ольбрихт. Она состоит в «индивидуализированном обучении, в котором учащийся определяет свое расписание и сопоставляет его с актуальной жизненной ситуацией» [19, стр. 60]. Это позволяет осуществить обучение в условиях, которые это индивидуальное расписание сочетают с развитием в контексте общества, в контексте социальной системы связей и исходящих из отношений между поколениями для активного участия пожилых людей в общественной жизни.

При обучении в товариществах на первый план выступает аспект, который не всегда оценивается пожилыми людьми в полной

мере: учеба в товариществе и через товарищество. Существующие в ведении этих организаций мастерские являются платформой для постпрофессиональной деятельности пожилых людей и продуктивного обмена опытом между поколениями, для осуществления идеи активного участия в управлении товариществом и принятия на себя ответственности. Это является важными учебными шагами и делает возможным определение статуса пожилого человека в обществе.

В Германии наряду с товариществами функционирует «Бюро по работе с пожилыми людьми» («Bundesarbeitsgemeinschaft Seniorenbüros») и «Биржа знаний для пожилых» («Wissensbörse»).

Федеральный комитет «Бюро по работе с пожилыми людьми» – это орган, работающий в федеральных масштабах и объединяющий представителей региональных филиалов [13]. Он содействует раскрытию потенциала пожилых людей, поощряет развитие их самостоятельности, а также стимулирует пожилых людей к активному участию в общественной жизни. Целями комитета «Бюро по работе с пожилыми людьми» являются: просвещение о возможностях в постпрофессиональный период жизни; обучение пожилых людей на региональном и федеральном уровне с целью активного гражданского вовлечения в общественную жизнь; стимулирование общественного участия; укрепление связи между поколениями [10]. Для участников бюро комитет предлагает консультации экспертов, повышение квалификации, контроль качества, участие в проектах национального и европейского масштаба, информацию об актуальных разработках и представление интересов участников.

Существует также филиалы «Бюро пожилых людей» («Seniorenbüros»). Это информационные, консультативные, посреднические центры встреч пожилых людей, осуществляющие деятельность на местном уровне. Такие бюро осуществляют свою деятельность в качестве центров развития инновационной работы с пожилыми людьми. На территории Германии существует около 300 «Бюро пожилых людей», предлагающих разнообразные виды деятельности для пожилых людей, а также согласующих и подчиняющихся федеральному комитету [11].

«Биржа знаний для пожилых» («Wissensbörse») были созданы по инициативе Федерального правительства Германии, и с 1995 года активно работают в различных регионах страны [14]. Это общественная образовательная организация, которая поддерживает городскую администрацией, и существует для обмена опытом и знаниями между поколениями пожилых и молодых людей. Изначально, контакты между участниками организации осуществлялись посредством телефонных звонков, в настоящее время более популярными стали встречи в группах. «Биржа знаний для пожилых» предлагает своим участникам организацию условий для обмена и передачи опыта, знаний и навыков и открытия для них новых перспектив: беседы за круглым столом, установление новых контактов; проведение командных проектов и совместной работы; участие в регулярных встречах и научных конференциях в качестве докладчиков или слушателей; сотрудничество в построении интернет платформы «Биржа знаний для пожилых» и другие виды работ [17].

Регулирование деятельности локальных организаций осуществляют областные организации, к обязанностям которых относятся координация интересов отдельных групп пожилых, универсализация опыта и обмен идеями. Их функционирование реализуется на базе одной из локальных организаций, собравшей наибольший опыт работы в обучении пожилых людей и согласующей свою деятельность с организациями, работающими на федеральном уровне и контролирующими работу всех подразделений. В функционировании данной организации активно участвуют политики, администрация, ученые, сами пожилые люди, представители местных структур. В процессе их работы происходит обмен мнениями и разработка плана и программы совместных действий [22, 24].

Таким образом, управление образованием пожилых людей Германии носит общественно-государственный характер. Стратегия в области образования взрослых осуществляется по открытому способу в соответствии с политикой расширения в последние годы международных обменов и дискуссий, проектов, совместно реализуемых организациями разных стран [21, 29].

Так, наряду с работой профсоюзных организаций, следует отметить также существование различных советов пожилых людей, бюро, городских групп и т.п. «Совет пожилых людей» («Seniorenrat») является организацией, представляющей правовые интересы пожилых людей на местном, региональном и федеральном уровне Германии [25, 308-310]. Это объединение представителей социальной, культурной, экономической, общественно-политической сфер жизни общества. Совет защищает интересы и права пожилых людей и работает независимо от партийной и религиозной принадлежности. «Совет пожилых людей» устанавливает контакты между пожилыми людьми и органами управления. Деятельность организации способствует личной инициативе пожилых людей и созданию новых возможностей для активного участия в общественной жизни, а также развитию условий для контакта различных поколений с целью улучшения и повышения уровня жизни и культуры. «Совет пожилых людей» является посредником между пожилыми и институтами, объединениями и группами, которые занимаются их проблемами [16,18].

Совет осуществляет также поощрение предприятий, приветствующих трудоустройство пожилых. Существует ряд предприятий, которые обращаются с заявкой в «Совет пожилых людей», если им необходим опытный специалист. Совет в свою очередь организует обучающие курсы с выдачей сертификатов, позволяющих продолжить профессиональную деятельность, и трудоустраивает обучающихся [23].

Существуют также «Городские группы для пожилых» («Stadtgruppen»). Участники этих организаций проводят вместе свободное время, праздники и будни.

Отметим, что наряду с университетскими моделями существуют различные консультационные службы («Seniorenbeirat»), бюро («Seniorenbüros»), разговорные кафе («Gesprächscafe») и многие другие организации. Разговорные кафе представляют собой собрание небольшой группы людей и обсуждение интересной для них темы за чашечкой чая или кофе, в уютной атмосфере [26].

Наряду с широко распространенными в Германии организациями, предлагающими образовательные услуги для пожилых людей, такими как народные институты и приюты для пожилых людей, выделяются также группы провайдеров, отличающихся спецификой своих предложений. К ним следует отнести образовательные фирмы, общества по распространению научных знаний в Германии «Работа и жизнь» и «Урания». Учреждения для пожилых людей, ведущие не только образовательную деятельность, включают культурные центры, клубы и сервисные центры для пожилых людей, кружки, разговорные кафе, созданные самими учащимися самоуправляемые группы и объединения пожилых людей [27, 28].

Заключение

В ходе исследования нами было выявлено, что наряду с образовательными учреждениями «Университет третьего возраста», дающими возможность пожилым людям получить образование, в Германии активную работу с людьми третьего возраста ведут социально-общественные организации. Кроме образовательной функции они имеют целью просветительство, консультирование, социально-общественную деятельность и защиту прав пожилого населения Германии. Данные организации представлены на локальном, региональном и федеральном уровнях, при государственной поддержке и контроле деятельности. Следует отметить многообразие форм данных организаций дополнительного образования для пожилых людей: товарищества, «Бюро», «Биржи знаний», консультационные службы, профсоюзные учреждения и палаты, разговорные кафе, учебные кружки и мн. др. В соответствии с формами наблюдается разнообразие функций, отвечающих потребностям пожилых людей и общества. Нами были определены основные виды деятельности социально-общественных организаций: самопомощь, общественная работа и гражданские инициативы. В статье проанализирована и обобщена практика работы с пожилыми людьми в учреждениях дополнительного образования.

Социально-общественная организация работы с людьми пожилого возраста в России существует, как и в Германии. Однако эта рабо-

та представлена не в таком широком диапазоне, и функциональная реализация данных организаций требует существенной доработки. Основной функцией социально-общественных организаций в России является общественная деятельность, однако образовательная и просветительская требуют усиления. Что касается видов деятельности, то основным является общественная деятельность, а организация самопомощи и гражданских инициатив представлены в меньшей степени. Существует потребность в расширении сфер и вариативности деятельности социально-общественных инициатив. Имея государственную поддержку в виде системы грантов, необходимо развитие и поддержка данных организаций на региональном и местном уровне.

Список литературы

1. Высоцкая И.В. Становление и развитие университета третьего возраста в Германии; автореф. дисс. канд. пед. наук ВГСПУ, Волгоград, 2015. 27 с. <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avto-vysockaya.pdf>
2. Высоцкая И.В. Формы работы с пожилыми людьми при обучении использованию новых информационных и коммуникационных технологий в Германии // Материалы XIII международной научно-практической конференции: Теоретические и методологические проблемы современного образования. Москва, 2013. С. 51-53.
3. Кононыгина Т.М. Герагогика (пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей). Орел, 2006. 148 с.
4. Кононыгина Т.М. Управление геронтообразованием: становление, функционирование, перспективы: дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2004. 240 с.
5. Тихаева В.В. Становление и развитие системы дополнительного образования взрослых в Германии: диссертация ... кандидата педагогических наук. Волгоград, 2016. 255 с.
6. Топоркова О.В. О содержании программ высшего технического образования за рубежом: современные тенденции (обзор) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 3. С. 153-167.
7. Шершнева Т.Г. Развитие школьного образования в США в конце XIX-начале XX веков : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : Волгоград, 2004. 19 с.

8. Amaschus A. Die neuen Alten haben sich noch viel vorgenommen. Reiseverhalten von Senioren – heute und morgen, in: FVW international – unabhängige Fachzeitschrift für Touristik und Geschäftsreiseverkehr, 20/1996. S. 40-41.
9. Becker S., Veelken L., Vallraven K.P. (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000.
10. F.U.R.: Die Reiseanalyse Urlaub + Reisen 95, Kurzfassung. F.U.R., Hamburg 1995.
11. Ganser A. Seniorenreisen, in: Seitz E., J. Wolf (Hg.): Tourismusmanagement und – Marketing, Landsberg/Lech 1991. S. 163-179.
12. Gruner + Jahr – Märkte + Tendenzen: Seniorentourismus, G+J Marktanalyse, Hamburg, 1999.
13. Hummel K. Bürgerengagement. Seniorengenossenschaften, Bürgerbüros und Gemeinschaftsinitiativen, Freiburg i.B. 1995.
14. Kade S. Altersbildung. Bd. 1: Lebenssituation und Lernbedarf, Frankfurt. M., 1994.
15. Kruse A. Die Bedeutung der Bildung für die Entwicklung der Kompetenz bei Krankheit und Funktionseibußen im Alter, in: Dettbarn-Reggentin J., Reggentin H. (Hg.): Neue Wege in der Bildung Älterer, Bd. 1: Theoretische Grundlagen und Konzepte, Freiburg 1992. S. 141-155.
16. Naegele G. Bildungs- und Freizeitmodelle für Frührentner. In: Karl, Fred & Walter Tokarski (Hrsg.): Bildung und Freizeit im Alter. Bern 1992: Huber, 139-154.
17. Niederfranke A. Gesundes Älterwerden – Eine Bildungsaufgabe zur Prävention und Rehabilitation, in: HBV 2/1998.
18. Olbertz J., Prager A. Altenbildung in Ostdeutschland vor und nach der Wende.- In: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 125-140.
19. Olbricht E. Das Kompetenzmodell des Alters, in: Dettbarn-Reggentin J., Reggentin H. (Hg.): Neue Wege in der Bildung Älterer, Bd. 1: Theoretische Grundlagen und Konzepte, Freiburg, 1992.
20. Otto U. Lernen in Genossenschaften in: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und

- Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 207-215.
21. Roth S., Simoneit G. Vergesellschaftung durch ehrenamtliche Tätigkeit im sozialen Bereich, in: Kohli, Freter, 1993.
22. Schröter E. Kreative Kulturrezeption auf (Bildungs-) Reisen, in: Spektrum Freizeit 17, 2;3, 1995. S. 144-156.
23. Semmelroth B. Neue Impulse für Gruppenreisen durch die Themenzentrierte Interaktion, Göttingen 1998, unveröff. Dipl.-Arbeit.
24. Semmelroth B. Lernen/Bildung auf Reisen in: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 271-278.
25. Schachtner C. Störfall Alter, Frankfurt a. M., 1988.
26. Seniorenrat. <https://www.seniorenrat-mannheim.de/>
27. Tourismus für Senioren. <https://ec.europa.eu/>
28. Vath R. Das Altern lernen: Die soziale Dimension des Alterns. Hannover/Berlin/Darmstadt/Dortmund, 1973.
29. Wissensbörse zwischen Generationen. Österreich. <https://www.hilfs-werk.at/oesterreich/>

References

1. Vysotskaya I.V. *Stanovlenie i razvitie universiteta tret'ego vozrasta v Germanii* [Formation and development of the University of the third age in Germany]: abstract of Diss. ... of Ph.D. in Pedagogy. Volgograd, 2015, 27 p. <http://vgpu.org/sites/default/files/disfiles/avto-vysockaya.pdf>
2. Vysotskaya I.V. *Formy raboty s pozhilymi lyud'mi pri obuchenii ispol'zovaniyu novykh informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij v Germanii* [Forms of work with older people in teaching the use of new information and communication technologies in Germany]. *Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya* [Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference: Theoretical and methodological problems of modern education]. Moscow, 2013, pp. 51-53.

3. Kononygina T.M. *Geragogika (posobie dlya tekhn, kto zanimaetsya obrazovaniem pozhilykh lyudei)* [Geragogika (manual for those who are engaged in the education of the elderly)]. Orel, 2006, 148 p.
4. Kononygina T.M. *Upravlenie gerontoobrazovaniem: stanovlenie, funkcionirovanie, perspektivy* [Management of geront foundation: formation, functioning, prospects]: Diss. ... of Ph.D. in Sociology. Orel, 2004, 240 p.
5. Tikhaeva V.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslykh v Germanii* [Formation and development of the system of additional adult education in Germany]: Diss. ... of Ph.D. in Sociology Pedagogy. Volgograd, 2016, 255 p.
6. Toporkova O.V. O soderzhanii programm vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya za rubezhom: sovremennye tendencii (obzor) [About the content of higher technical education programs abroad: modern trends (review)]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2020, vol. 29, no. 3, pp. 153-167
7. Shershneva T.G. *Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v SSHA v konce XIX-nachale XX vekov* [The development of school education in the United States at the end of the XIX-beginning of the XX centuries]: abstract of Diss. ... of Ph.D. in Pedagogy. Volgograd, 2004, 19 p.
8. Amaschus A. Die neuen Alten haben sich noch viel vorgenommen. Reiseverhalten von Senioren – heute und morgen, in: FVW international – unabhängige Fachzeitschrift für Touristik und Geschäftsreiseverkehr, 20/1996. S. 40-41.
9. Becker S., Veelken L., Vallraven K.P. (Hg.): *Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft*. Opladen: Leske+Budrich, 2000.
10. F.U.R.: *Die Reiseanalyse Urlaub + Reisen 95*, Kurzfassung. F.U.R., Hamburg 1995.
11. Ganser A. Seniorenreisen, in: Seitz E., J. Wolf (Hg.): *Tourismusmanagement und – Marketing*, Landsberg/Lech 1991. S. 163-179.
12. Gruner + Jahr – *Märkte + Tendenzen: Seniorentourismus*, G+J Marktanalyse, Hamburg, 1999.
13. Hummel K. *Bürgerengagement. Seniorengenossenschaften, Bürgerbüros und Gemeinschaftsinitiativen*, Freiburg i.B. 1995.

14. Kade S. Altersbildung. Bd. 1: Lebenssituation und Lernbedarf, Frankfurt. M., 1994.
15. Kruse A. Die Bedeutung der Bildung für die Entwicklung der Kompetenz bei Krankheit und Funktionseibußen im Alter, in: Dettbarn-Reggentin J., Reggentin H. (Hg.): Neue Wege in der Bildung Älterer, Bd. 1: Theoretische Grundlagen und Konzepte, Freiburg 1992. S. 141-155.
16. Naegele G. Bildungs- und Freizeitmodelle für Frührentner. In: Karl, Fred & Walter Tokarski (Hrsg.): Bildung und Freizeit im Alter. Bern 1992: Huber, 139-154.
17. Niederfranke A. Gesundes Älterwerden – Eine Bildungsaufgabe zur Prävention und Rehabilitation, in: HBV 2/1998.
18. Olbertz J., Prager A. Altenbildung in Ostdeutschland vor und nach der Wende.- In: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 125-140.
19. Olbricht E. Das Kompetenzmodell des Alters, in: Dettbarn-Reggentin J., Reggentin H. (Hg.): Neue Wege in der Bildung Älterer, Bd. 1: Theoretische Grundlagen und Konzepte, Freiburg, 1992.
20. Otto U. Lernen in Genossenschaften in: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft.- Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 207-215.
21. Roth S., Simoneit G. Vergesellschaftung durch ehrenamtliche Tätigkeit im sozialen Bereich, in: Kohli, Freter, 1993.
22. Schröter E. Kreative Kulturrezeption auf (Bildungs-) Reisen, in: Spektrum Freizeit 17, 2;3, 1995. S. 144-156.
23. Semmelroth B. Neue Impulse für Gruppenreisen durch die Themenzentrierte Interaktion, Göttingen 1998, unveröff. Dipl.-Arbeit.
24. Semmelroth B. Lernen/Bildung auf Reisen in: Becker Susanne, Veelken Ludger, Vallraven Klaus Peter (Hg.): Handbuch Altenbildung. Theorien und Konzepte für Gegenwart und Zukunft. Opladen: Leske+Budrich, 2000. S. 271-278.
25. Schachtner C. Störfall Alter, Frankfurt a. M., 1988.
26. Seniorenrat. <https://www.seniorenrat-mannheim.de/>

27. Tourismus für Senioren. <https://ec.europa.eu/>
28. Vath R. Das Altern lernen: Die soziale Dimension des Alterns. Hannover/Berlin/Darmstadt/Dortmund, 1973.
29. Wissensbörse zwischen Generationen. Österreich. <https://www.hilfswerk.at/oesterreich/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Высоцкая Инна Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
nipherty@gmail.com*

Йованович Тамара Георгиевна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
srdjan@live.ru*

Топоркова Ольга Викторовна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
toporkova@vstu.ru*

Лазарева Ольга Вячеславовна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
olgalazareva@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Inna V. Vysotskaya, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences
Volgograd State Technical University

28, Lenin pr., Volgograd, 400005, Russian Federation
niphertity@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3407-9047

Tamara G. Yovanovich, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences
Volgograd State Technical University
28, Lenin pr., Volgograd, 400005, Russian Federation
srdjan@live.ru
ORCID: 0000-0001-7701-6607

Olga V. Toporkova, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences
Volgograd State Technical University
28, Lenin pr., Volgograd, 400005, Russian Federation
toporkova@vstu.ru
ORCID: 0000-0003-0992-5301

Olga V. Lazareva, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, Lenin pr., Volgograd, 400005, Russian Federation
olgalazareva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-102-116

УДК 159.9.07

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКЛОННОСТИ К ЗАВИСИМОСТЯМ У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ

Левина И.Л., Король Л.Н.

Актуальность исследования связана с высоким риском распространения различных видов зависимости в студенческой среде. Изучение склонности студентов к какому-либо действию, связанному с употреблением тех или иных веществ (химическая зависимость), или к какой-либо активности (нехимическая /поведенческая зависимость) позволяет проводить профилактику и раннюю коррекцию до развития зависимости. Целью работы является сравнительный анализ склонности к различному виду зависимости у студентов, обучающихся по различным направлениям и профилям подготовки. Анонимно проанкетирован 121 студент выпускных курсов трех профилей подготовки. Использованы методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей и общей склонности к зависимому поведению Лозовой Г.В., MAST-тест (Мичиганский тест на алкоголизм) и CAGE-тест (стандартизированный опрос для диагностики алкогольной зависимости). Проведенное исследование показало отсутствие среди обследованных студентов лиц с развернутыми формами химической или поведенческой зависимости, но выявило существенные отличия между ними по склонности к разным видам зависимостей. У 36,7% студентов имеется высокий уровень предрасположенности к алкогольной зависимости, а у 14% есть реальный риск развития алкоголизма. Наиболее подвержены развитию химической зависимости студенты-юристы. Полученные в исследовании данные следует обязательно учитывать при разработке воспитательных и профилактических программ, осуществляемых в вузе.

Ключевые слова: студенчество; химическая и поведенческая зависимость; интернет-аддикция; предрасположенность к алкоголизму

COMPARATIVE ANALYSIS OF ADDICTION PROPENSITY IN STUDENTS OF DIFFERENT TRAINING PROFILES

Levina I.L., Korol L.N.

The relevance of the study is associated with a high risk of the spread of various types of addiction in the student environment. The study of students' propensity to any action related to the use of certain substances (chemical dependence), or to any activity (non-chemical /behavioral dependence) allows for prevention and early correction before the development of addiction. The purpose of the work is a comparative analysis of the propensity for different types of addiction among students studying in various areas and profiles of training. 121 graduate students of three training profiles were anonymously surveyed. The method of diagnosing the propensity to 13 types of addictions and the general propensity to dependent behavior by Lozova G.V., the MAST test (Michigan test for alcoholism) and the CAGE test (a standardized survey for the diagnosis of alcohol dependence) were used. The conducted study showed the absence of persons with developed forms of chemical or behavioral dependence among the surveyed students, but revealed significant differences between them in their propensity to different types of addictions. 36.7 % of students have a high level of predisposition to alcohol dependence, and 14% have a real risk of developing alcoholism. The most susceptible to the development of chemical dependence are law students. The data obtained in the study should be taken into account when developing educational and preventive programs implemented at the university.

Keywords: *students; chemical and behavioral addiction; Internet addiction; predisposition to alcoholism*

Введение

Среди форм зависимостей (химических, нехимических, промежуточных), наиболее опасными являются алкоголизм, наркомания, различные формы интернет-аддикции. Распространение употребления психоактивных веществ в России представляет собой большую

социальную проблему и серьезную угрозу национальной безопасности уже в течение последних 3-4 десятилетий [4, 9]. Приходящая на смену химической интернет-аддикция также носит непродуктивный характер, отрицательно влияет на межличностные отношения, здоровье, работу, учёбу, эмоциональное, психологическое состояние, финансовый статус зависимых. Поэтому профилактика и ранняя коррекция всех форм зависимого поведения остается крайне актуальной.

Студенчество принято рассматривать как одну из наиболее уязвимых групп при формировании различных зависимостей [10, 11], в силу возрастной незрелости не способной справиться с неблагоприятными воздействиями социальной среды и противопоставить ей совладающее поведение.

Вместе с тем, проведенные исследования студенческой молодежи свидетельствуют о том, что у подавляющего числа студентов выявлен низкий уровень склонности к алкогольной, наркотической и табачной зависимости [2, 9, 10]. Однако все более опасной становится проблема интернет-зависимого поведения среди молодых людей, которые воспринимают виртуальное пространство как неотъемлемую часть жизнедеятельности современного человека, как средство и инструмент получения новых знаний, работы и финансового благополучия. В связи с этим актуальность исследований риска и распространенности различных видов зависимости в студенческой среде сохраняется.

Цель работы: провести сравнительный анализ склонности к различному виду зависимости у студентов, обучающихся по различным направлениям и профилям подготовки.

Зависимость рассматривается как неадаптивный паттерн употребления психоактивного вещества или какой-либо активности, ведущий к клинически значимому ухудшению или дистрессу и проявлявшийся определенными признаками на протяжении определенного периода времени [8, с. 324].

Склонность к зависимости мы понимаем как интерес, положительное отношение или отсутствие отрицательного отношения к какому-либо действию, связанному с употреблением тех или иных

веществ (химическая зависимость), или к какой-либо активности (нехимическая /поведенческая зависимость).

Согласно описанию этапности развития зависимости [6], этапы инициации, эксперимента и употребления психоактивных веществ можно отнести к склонности, а этапы злоупотребления и физической зависимости от вещества – к собственно зависимости.

Материалы и методы исследования

Проведено анонимное анкетирование студентов выпускных курсов трех профилей подготовки: «Физическая культура», «Теология», «Юриспруденция». Всего проанкетирован 121 человек, из которых 48 – студенты-педагоги, 21 – студенты-теологи, 52 человека – студенты-юристы. Возраст обследованных 19-23 года. В выборке преобладали юноши – 93 человека (76,9%); девушек было 28 (23,1%).

Предварительно проведены беседы по проблемам зависимостей и разъяснению целей и процедур исследования. Заполнение анкет осуществлялось обучающимися самостоятельно; инструкции были даны в самой анкете.

Склонность к зависимостям оценивалась с помощью методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей и общей склонности к зависимому поведению Лозовой Г.В. Отдельно оценивалась склонность к алкоголизму с помощью MAST-теста (Мичиганского теста на алкоголизм) и CAGE-тест (стандартизированного опроса для диагностики алкогольной зависимости [7]).

Для описательной характеристики количественных переменных использовались средние значения со стандартным отклонением; качественные данные характеризовались с помощью процентов; корреляционные связи устанавливались с помощью расчетов коэффициента Спирмена.

Результаты и их обсуждение

В группу обследования были включены студенты вузов старших, в т.ч. выпускных курсов, которые не испытывают в настоящее время проблем адаптации к обучению.

Вначале рассмотрим результаты «прямых» тестов для оценки вероятности алкогольной зависимости.

CAGE-тест (стандартизированный опрос) для диагностики алкогольной зависимости включает в себя 4 вопроса, при двух и более утвердительных ответах на которые вероятность алкоголизма достигает 90% [7, с. 238]. Нет ни одной анкеты с 3-4 утвердительными ответами; на два вопроса из 4 утвердительно ответили всего 9 человек (7,73%); на один вопрос – еще 27 человек (22,3%). Следует отметить, что более половины респондентов, ответивших утвердительно на вопросы теста, являются будущими юристами; остальные равномерно распределились между будущими педагогами и теологами.

MAST-тест (Мичиганский тест на алкоголизм) предполагает, что при наличии 4 и менее баллов (низкий уровень) алкоголизм отсутствует; при 5-7 баллах (средний уровень) – есть подозрение на алкоголизм; при 8 и более баллах (высокий уровень) – вероятно наличие алкоголизма. Выявлено, что алкоголизма, согласно MAST-теста нет у 68,2% респондентов, подозрение на алкоголизм есть у 17,6%, а в 14,1% случаев можно говорить о наличии признаков алкоголизма. Вместе с тем, следует отметить, что никто из респондентов не ответил утвердительно на прямые вопросы, указывающие на наличие алкогольной зависимости.

Средние значения показателей составляют: $1,65 \pm 0,25$ баллов для студентов-педагогов, $1 \pm 0,56$ баллов для студентов-теологов и $4,39 \pm 0,28$ баллов для студентов-юристов (достоверность различий между показателями высокая). Детально результаты MAST-теста представлены на рис. 1.

Рис. 1 наглядно демонстрирует различие показателей у студентов разных вузов. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается у студентов-теологов, в котором практически нет студентов с высокой вероятностью алкоголизма; только относительно двух студентов можно говорить о подозрении на алкоголизм; подавляющее большинство (85,7%) отрицают всякую вероятность этой зависимости.

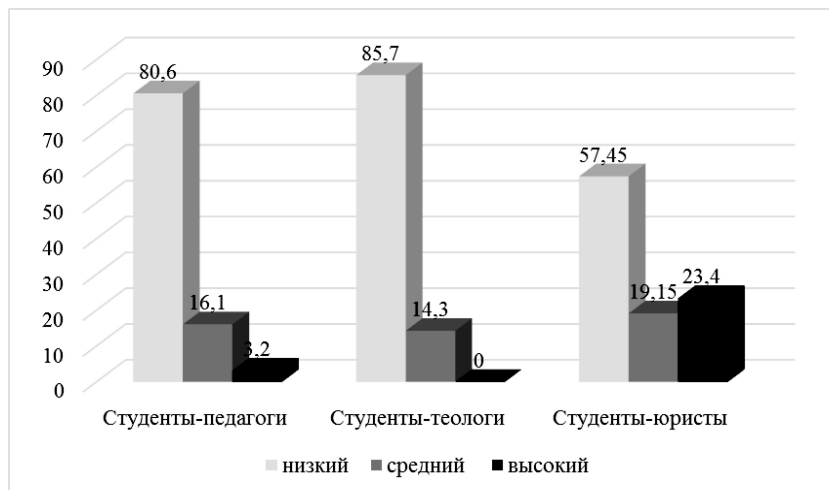

Рис. 1. Результаты Мичиганского теста на алкоголизм у студентов разных профилей подготовки

Похожая ситуация среди студентов-педагогов. Большинство (80,6%) из них не имеют признаков алкогольной зависимости; наличие признаков алкоголизма выявлено лишь у одного из них, а еще семь студентов дали по 5 утвердительных ответов на вопросы этого теста, в основном указывая на чувство вины вследствие употребления алкоголя.

Среди студентов-юристов картина иная. Почти четверть (23,4%) в своих ответах выразили положительное отношение к употреблению алкоголя, что позволяет с высокой вероятностью говорить если не о наличии алкогольной зависимости в настоящее время, то о весьма высоком риске его развития. Еще в 19% случаев респонденты указывают на наличие чувства вины из-за пьянства, невозможность прекратить употребление алкогольных напитков по своему желанию, недовольство близких в связи с частым употреблением алкоголя.

Таким образом, использование стандартизированного опроса и Мичиганского теста на алкоголизм указало на достаточно высокий риск развития алкогольной зависимости примерно у третьей части обследованных студентов, подавляющее большинство которых являются студентами-юристами.

Методика Лозовой Г.В. позволяет диагностировать склонность к большому количеству зависимостей, в т.ч. общую склонность к зависимому поведению. Методика выделяет три степени предрасположенности к зависимости: низкую, среднюю и высокую. На рис. 2 наглядно представлены средние значения показателей по данному тесту у студентов разных профилей подготовки.

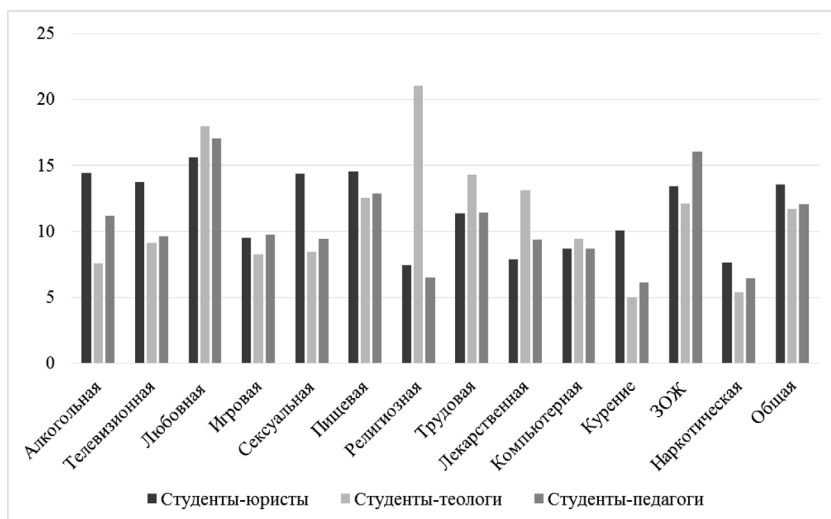

Рис. 2. Средние значения шкал склонностей к зависимостям у студентов различных профилей подготовки

Из рис. 2 следует, что низкая степень склонности выявлена у всех групп студентов для таких видов зависимостей, как: игровая, компьютерная, курение и наркотическая зависимости.

Высокая степень склонности к зависимому поведению выявлена только у студентов-теологов по отношению к религии.

Все остальные показатели располагаются в зоне средних значений (на рисунке обозначена двумя параллельными линиями).

При более детальном анализе выявляется несколько иная картина (рис. 3). Здесь представлены данные по тем студентам, которые имеют высокую степень предрасположенности к той или иной зависимости, т.е. набравшие 18 и более баллов по каждому показателю.

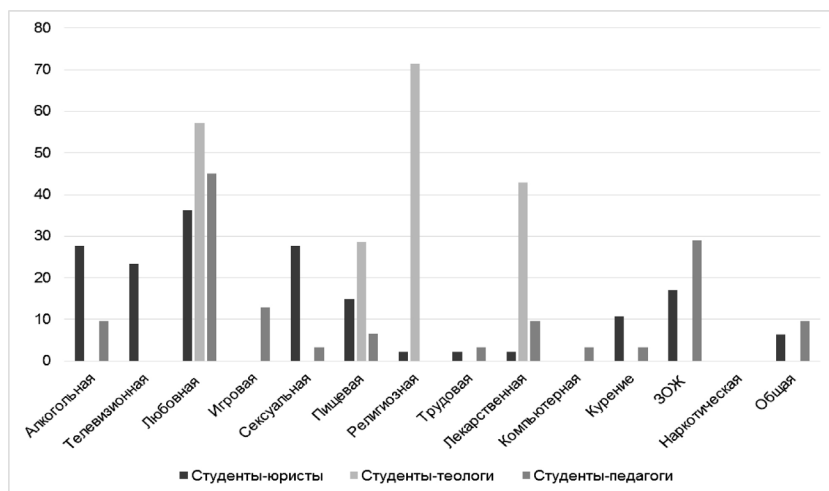

Рис. 3. Доля студентов различных вузов с высоким уровнем склонности к зависимостям

Рассмотрим вначале, к каким зависимостям более предрасположены студенты различных профилей подготовки. Самый высокий показатель имеют студенты-теологи по религиозной зависимости: более 71% обучающихся набрали по 20 и более баллов, что, в принципе, соответствует специфике данного профиля подготовки. Здесь надо отметить следующее. В отличие от других авторов, мы не рассматриваем в данном случае эту зависимость как нечто опасное, что может нанести материальный и моральный ущерб человеку, ограничить круг общения, потерять цель в жизни и связи в ближайшем окружении [2, 5]. В данном случае мы рассматриваем эти проявления как проявление феномена религиозности, как стремление верующих и воцерковленных людей соблюдать религиозные традиции, ритуалы, следовать своему мировоззрению и религиозному опыту [1, с. 148-149].

Высокую предрасположенность показали все респонденты по отношению к любовной зависимости, которая проявляется в концентрации на любимом человеке, страхе потерять его и остаться в одиночестве. Такой вид склонности для лиц молодого возраста – явление совершенно нормальное, и считать это болезненным проявле-

нием неправильно. Следует отметить, что больше всего студентов с этим видом склонности обучаются в духовном учебном заведении.

Таковыми же высокими баллами характеризуются студенты-теологи по показателю лекарственной зависимости, которую можно отнести к варианту химической зависимости [3]. Более 40% студентов-теологов склонны к этому виду зависимости. Причину последнего необходимо выяснять.

К пищевой зависимости склонен каждый пятый обследованный студент, а среди студентов-теологов таковых почти 30%. Возможной причиной такого внимания к пище студентов-теологов являются частые и длительные посты, постоянное чувство недоедания и желание съесть «что-нибудь вкусненькое» во время поста. Среди обследованных студентов других профилей обучения лиц с выраженной склонностью к пищевой зависимости достоверно меньше.

Обращает на себя внимание склонность многих студентов к зависимости от здорового образа жизни, высокий уровень которой показывают 17% студентов-педагогов и 29% – студентов-юристов. Основа такой выраженной склонности не носит болезненный характер, а связана с необходимостью поддерживать свою спортивную форму как профессиональное качество. Следует отметить, что среди семинаристов не выявлено ни одного человека с высоким баллом по этому показателю.

Похожие результаты были получены Алтыбаевой Г.К. с сопр. в исследовании зависимости у студентов медицинского вуза, у которых были обнаружены высокие показатели по так называемым «социально приемлемым» зависимостям: пищевой, любовной, религиозной зависимости, а также зависимости от здорового образа жизни [10, с. 140].

Надо сказать, что ни у кого из обследованных студентов не выявлен высокий уровень наркотической зависимости, хотя 18 человек (14,8%) из числа обследованных имели опыт употребления психоактивных веществ от эпизодического до регулярного. Среди последних большая часть обучается юриспруденции, остальные – педагогике. Ни один семинарист не указал на даже однократное употребление данных веществ.

Курящие отсутствуют среди студентов-теологов, единицы курящих среди студентов-педагогов и почти половина студентов-юри-

стов регулярно или эпизодически курят, хотя зависим от никотина только каждый десятый студент.

Мало студентов со склонностью к телевизионной зависимости, хотя почти все студенты отвечают утвердительно на вопрос, включен ли телевизор во время их пребывания дома. Мало студентов с игровой и компьютерной зависимостью. Очень мало среди них и трудоголиков, что объяснимо достаточно юным возрастом респондентов и отсутствием необходимости много работать.

Относительно алкогольной зависимости следует остановиться подробнее. Из рис. 3 видно, что наибольшее количество респондентов с высоким риском зависимости от алкоголя (26,7%) являются студентами-юристами, а еще 10% обучаются педагогике. Средние значения данного показателя составляют для студентов-юристов $14,46 \pm 2,07$ балла, студентов-педагогов $11,16 \pm 2,22$ баллов и студентов-теологов – $7,57 \pm 1,67$ балла. Эти данные еще раз подтверждают высокий риск развития алкогольной зависимости у студентов-юристов. Это значимо, хотя и в меньшей степени, для студентов других профилей подготовки.

Среди студентов-юристов много лиц со склонностью к телевизионной (23,4%), любовной (27,7%), пищевой (14,9%), никотиновой (10%) зависимости. Вместе с тем, лиц с высоким уровнем общей склонности к развитию зависимого поведения всего 6,4%.

Таким образом, наименее склонными к развитию различных зависимостей являются студенты-теологи, несмотря на наличие выраженной религиозности и, соответственно, религиозной, а также любовной и лекарственной зависимости.

Наиболее подвержены к развитию зависимостей, в т.ч. к алкогольной, любовной, никотиновой и общей – студенты-юристы.

Студенты-педагоги занимают промежуточную позицию и имеют высокую склонность к развитию только любовной и пищевой зависимости, к здоровому образу жизни.

Для выявления и исследования взаимосвязи результатов, полученных с помощью разных анкет по изучению склонностей к зависимостям у студентов разных профилей обучения, данные, полученные в ходе исследования, были подвергнуты корреляционному

анализу по Спирмену. В результате корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи между различными показателями. На основании полученных данных были построены плеяды, отражающие эти взаимосвязи (рис. 4). Все связи – прямые; уровень значимости (от $\leq 0,05$ до $\leq 0,001$) определен толщиной линии.

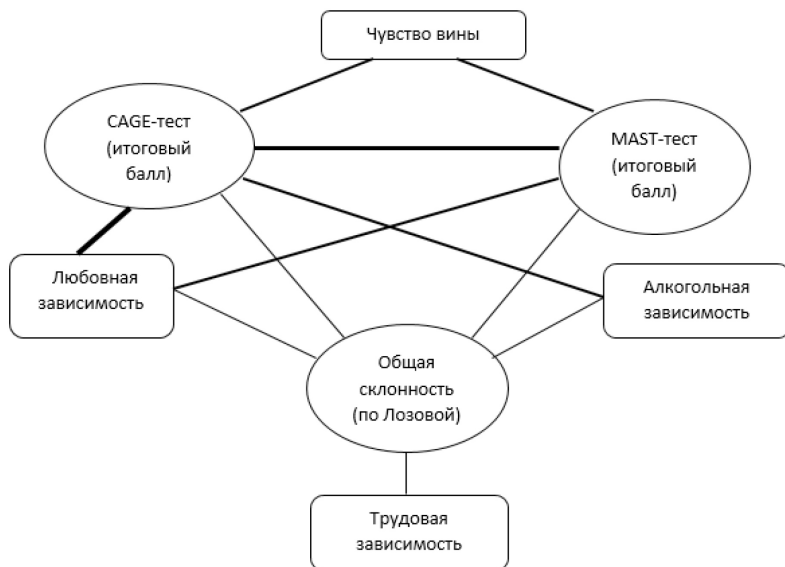

Рис. 4. Корреляционная плеяда показателей склонности к зависимостям у студентов разных профилей обучения

В комментариях к рисунку 4 необходимо отметить следующее. Во-первых, уровень значимости корреляционных связей между отдельными показателями тестов отличался в разных группах студентов, причем наиболее высокими показатели были в группе студентов-юристов. Во-вторых, показатель чувства вины имел умеренной силы прямую связь не только с итоговыми показателями двух тестов, но и со склонностью к любовной зависимости, а также обратную связь с ответом на вопрос относительно возможности прекратить употребление алкоголя по своему желанию. В-третьих, сильная прямая связь между итоговым баллом

CAGE-теста и показателем любовной зависимости требует дополнительного изучения.

Заключение

Проведенное исследование склонности к зависимости, под которой мы понимаем интерес, положительное отношение или отсутствие отрицательного отношения к какому-либо действию, связанному с употреблением веществ или какой-либо активности, показало существенные отличия между студентами различных вузов.

Выявлено, что среди обследованных студентов нет лиц с развернутыми формами химической или поведенческой зависимости.

По отношению к наиболее распространенным в молодежной среде формам химической зависимости – алкогольной и наркотической – ситуация разнонаправленная. Несмотря на то, что почти 15% обследованных имеют опыт знакомства с психоактивными веществами, высокого риска наркотической зависимости не выявлено ни у кого. Но среди обследованных много студентов (36,7%), у которых имеется высокий уровень предрасположенности к алкогольной зависимости, а у 14% есть реальный риск развития алкоголизма.

Наиболее подвержены развитию химической зависимости студенты-юристы. Вместе с тем, высокая подверженность студентов этого вуза здоровому образу жизни служит альтернативой злоупотребления психоактивными веществами.

Полученные в исследовании данные следует обязательно учитывать при разработке воспитательных и профилактических программ, осуществляемых в вузе.

Список литературы

1. Буланова И.С. Специфика религиозности в зависимости от типа религиозной конверсии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. 2014. Т. 5, №1. С. 145-155.
2. Голованова Т.Н. Особенности склонности к различным видам зависимости у студентов вузов // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1(21). С. 69-73

3. Дувалина О.Н., Осипов Л.О. Интернет-зависимость у подростков: причины и последствия. // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 49. С. 25-27
4. Жегусов Ю.И., Корякина З. И. Взаимосвязь потребления табака, алкоголя и наркотиков в молодежной среде // Молодой ученый. 2015. № 4. С. 685-688.
5. Ким Е.В. Особенности профилактики формирования религиозной зависимости в подростковом возрасте // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5-1, С. 56-57
6. Левин Б.М., Левин М.Б. Не оступись... М.: Мысль, 1988. 155 с.
7. Психиатрия. Под ред. Р.Шейдера. Пер. с англ. М.: Практика, 1998. 485 с.
8. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «PR-аддикция» как новый вид поведенческой зависимости // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 4. С. 321-334
9. Талипова Н.А. Причины приобщения студентов к спиртным напиткам и психоактивным веществам // Инновационное развитие профессионального образования. 2015. № 2(08). С. 88-90
10. Факторы аддиктивной предрасположенности у студентов первого курса государственного медицинского университета города Семей / Алтыбаева Г.К., Оспанова Н.Н., Молдагалиев Т.М., Сарсембина Ж.Ж., Сексенбаев Н.Ж., Докенова С.В. // Наука и здравоохранение. 2018. Т. 20, № 5. С. 135-144
11. Хасанова И.И., Котова С.С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 4. С. 146-168.

References

1. Bulanova I.S. Spetsifika religioznosti v zavisimosti ot tipa religioznoy konversii [Specificity of religiosity depending on the type of religious conversion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S.Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2014, vol. 5, no. 1, pp. 145-155.
2. Golovanova T.N. Osobennosti sklonnosti k razlichnym vidam zavisimosti u studentov vuzov [Features of propensity to various types of dependence

- in university students]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari State University], 2016, no. 1(21), pp. 69-73.
3. Duvalina O.N., Osipov L.O. Internet-zavisimost' u podrostkov: prichiny i posledstviya [Internet addiction in adolescents: causes and consequences]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education], 2019, no. 49, pp. 25-27.
 4. Zhegusov Yu.I., Koryakina Z. I. Vzaimosvyaz' potrebleniya tabaka, alkogolya i narkotikov v molodezhnoy srede [Relationship of consumption of tobacco, alcohol and drugs in the youth environment]. *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2015, no. 4, pp. 685-688.
 5. Kim E.V. Osobennosti profilaktiki formirovaniya religioznoy zavisimosti v podrostkovom vozraste [Peculiarities of preventing the formation of religious dependence in adolescence]. *Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 2016, no. 5-1, pp. 56-57.
 6. Levin B.M., Levin M.B. *Ne ostupis'...* [Don't stumble ...]. Moscow: Mysl, 1988, 155 p.
 7. *Psikhiatriya* [Psychiatry] / ed. R. Scheider. M., Praktika, 1998, 485 p.
 8. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. «PR-addikatsiya» kak novyy vid povedencheskoy zavisimosti [“PR addiction” as a new type of behavioral addiction]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 2015, no. 4, pp. 321-334.
 9. Talipova N.A. Prichiny priobshcheniya studentov k spirtnym napitkam i psikhoaktivnym veshchestvam [The reasons for introducing students to alcoholic beverages and psychoactive substances]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* [Innovative development of professional education], 2015, no. 2(08), pp. 88-90.
 10. Faktory addiktivnoy predispolozhennosti u studentov pervogo kursa gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta goroda Semey [Factors of addictive predisposition in first-year students of the Semey State Medical University]/ Altybaeva G.K., Ospanova N.N., Moldagaliev T.M., Sarsembina Zh.Zh., Seksenbayev N.Zh., Dokenova S.V. *Nauka i zdavoookhranenie* [Science and Health Protection], 2018, vol. 20, no. 5, pp. 135-144.
 11. Khasanova I.I., Kotova S.S. Vzaimosvyaz' internet-zavisimosti s sovlayushchim i otklonyayushchimsya povedeniem uchashcheysya molodezhi [The relationship of Internet addiction with coping and deviant

behavior of students]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2017, vol. 19, no. 4, pp. 146-168.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Левина Ирина Леонидовна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, доктор медицинских наук, профессор
Федеральное казенное образовательное учреждение Кузбасский институт ФСИН России
пр. Октябрьский, 49, г. Новокузнецк, Кемеровская область - Кузбасс, 654066, Российская Федерация
levina_i@mail.ru

Король Леонид Николаевич, доцент кафедры геоэкологии и географии, кандидат медицинских наук, доцент
Федеральное государственное образовательное учреждение Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ
ул. Циолковского, 23, Новокузнецк, Кемеровская область - Кузбасс, 654041, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina L. Levina, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Doctor of Medical Sciences, Professor
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Kemerovo region-Kuzbass, 654066, Russian Federation
levina_i@mail.ru
SPIN-code: 8853-0937
ORCID: 0000-0002-3703-1826

Leonid N. Korol, Associate Professor of the Department of Geoecology and Geography, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor
Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of KemSU
23 Tsiolkovsky, Str., Novokuznetsk, Kemerovo region-Kuzbass, 654041, Russian Federation

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-117-130

УДК 101.1:316

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОСНОВА БЫТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Ивенкова О.А., Фанеништыль Т.В.

Обоснование. Глобализация и информатизация усложняют повседневные взаимодействия, расширяя их границы и открывая доступ к непривычному образу жизни, технологиям, достижениям культуры, которые ранее не могли быть включены в рутину повседневности. Скорость информационных потоков и темп социальных процессов влияют на механизмы опривычивания социальных практик и саморепрезентации социальных субъектов, выводя социальный функционал повседневности на новый уровень. Повседневность воспринимается не как монолитная основа бытия социального субъекта, выстроенная на его природной телесности, но и как интегративное поле его социального бытия, соединяющее различные модели восприятия и поведения, создающее альтернативность в интерпретации социальной реальности, в определении и переопределении своего места в ней социальным субъектом.

Цель. Авторы исследуют методологию изучения повседневности с целью выявления её фундирующего потенциала в условиях современной социальной реальности.

Методы. В исследовании авторы опираются на системный подход, включающий в себя приемы и методы феноменологического анализа повседневности, уровневого подхода В.С. Барулина, принципы социального конструктивизма.

Результаты. Возрастание социальной роли повседневности в современном мире обусловлено субъектной ролью конкретного индивида, в повседневном действовании которого реплицируются и изменяются структуры материальной культуры человечества. Повседневность как основа бытия социального субъекта в условиях

социальных трансформаций в связи с глобальными вызовами современности усложняется. Конструируется социальная телесность человека, где повседневность репрезентируется не только как конституирующий модус бытия социального субъекта, но и как конструирующий модус.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть применимы в изучении социокультурных трансформаций и процессов субъективации в условиях глобальных вызовов современности, в формировании исследовательских подходов к пониманию функций современной повседневности.

Ключевые слова: повседневность; социальный субъект; идентичность; природная и социальная телесность; повседневные социальные интеракции

EVERYDAYNESS AS THE BASIS OF BEING SOCIAL ENTITY

Ivenkova O.A., Fanenstil T.V.

Background. Globalization and informatization complicate everyday interactions, widening their boundaries and opening access to unusual lifestyles, technologies, cultural achievements that could not previously be included in the routine of everyday life. The speed of information flows and the pace of social processes affect the mechanisms for identifying social practices and self-representation of social subjects, taking the social functionality of everydayness to a new level. Everydayness is perceived not only as a monolithic basis for the existence of a social subject, built on his natural physicality, but also as an integrative field of his social being, combining various models of perception and behavior, creating an alternative in the interpretation of social reality, in determining and redefining his place in it by a social subject.

Purpose. The authors investigate the methodology of studying everyday life in order to identify its underlying potential in the conditions of modern social reality.

Methods. *In the study, the authors rely on a systematic approach, which includes techniques and methods of phenomenological analysis of everydayness, the level of approach of V.S. Barulin, the principles of social constructivism.*

Results. *The increasing social role of everydayness in the modern world is due to the subjective role of a particular individual, in whose daily activities the structures of the material culture of mankind are replicated and changed. Everyday life as the basis of the existence of a social subject in the context of social transformations in connection with the global challenges of our time is becoming more complicated. The social physicality of a person is constructed, where everydayness is represented not only as the constitutive modus of being a social subject, but also as the constructing modus.*

Scope of results. *The obtained results can be applied in the study of sociocultural transformations and processes of subjectivation in the context of global challenges of our time, in the formation of research approaches to understanding the functions of modern everyday life.*

Keywords: *Everydayness; social subject; identity; natural and social corporeality; everyday social interactions*

Введение

Со второй половины XIX в. в социогуманитарном и социально-философском дискурсах появляются такие категории, как «повседневничество», «жизненный мир», «мир донаучной естественной установки», «Dasein», «структуры повседневности» и др. Повседневность как сфера непосредственного жизненного опыта направляет вектор научных и философских изысканий на субъекта, взаимодействующего с социальной реальностью, интерпретирующего процесс и результаты этого взаимодействия. Она наделяется фундирующей функцией, позволяющей сохранить ориентацию в изменяющемся мире. Это связано с тем, что реальность все быстрее ускользает от привычных методов познания, порождая новые картины мира, возводя и в то же время стирая границы между ними. Детерминированность сменяется неопределенностью, однознач-

ность – альтернативностью, объективность – субъективностью, тем самым актуализируя проблемное поле, которое ранее редко попадало в сферу научно-исследовательских интересов.

Более тридцати лет назад выходит статья Б. Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигль рациональности», в которой создается образ, прочно вошедший в социальную философию как устойчивая ассоциация повседневности [4]. Метафоричность образа плавильного тигля оказалась настолько глубока, что способствовала раскрытию различных граней повседневности как в области социальной философии, так и близких ей культурологических, исторических, социологических и лингвистических исследованиях. Он ознаменовал тенденцию к междисциплинарным исследованиям повседневности и стремление к целостности в исследовательском поиске инвариантных характеристик повседневности и ее внешних детерминант.

Концепт плавильного тигля несет в себе следующие характеристики повседневности как социальной границы процессов «оповседневнивания» и «преодолевания повседневности», как интерактивного фона социальных процессов, как нереплексивной репликации социальных структур. Мы ставим перед собой задачу осмыслить как работает этот концепт в рефлексии современной социальной реальности.

Методы

В нашем рефлексивном анализе концепта повседневности мы опираемся на системный подход, вбирающий в себя феноменологический анализ социального и повседневности [2; 4; 17], уровневый подход В. С. Барулина [1], а также принципы социального конструкционизма [3]. Данный методологический комплекс позволяет представить субъекта повседневных интеракций в качестве источника смысла. Повседневный смысловой опыт раскрывает окружающий мир как данность, как исконно очевидное и нечто само собой разумеющееся. В феноменологической традиции, заложенной Э. Гуссерлем, такой мир получил название «жизненный» [5]. Этот

мир создается и воспроизводится социальным субъектом на основе его представлений, фантазий, интересов, стремлений и сомнений, которые он транслирует вовне, в ответ воспринимая совокупность интенций других субъектов, тем самым разделяя свой жизненный мир с Другими.

Результаты и обсуждение

Тенденция динамизации социальной реальности не позволяет ее мыслить сегодня иначе как реальность социальных взаимодействий, в которой на различных уровнях обнаруживает свое бытие субъект. В рамках уровневого подхода (В. С. Барулин, 80-ые – 90-ые гг. XX века) социальная реальность рассматривается как методологический концепт интерактивных уровней: уровня социальных процессов, уровня социальных функций и структур и социального микроуровня повседневности [1]. Каждый уровень характеризуется определенной диспозицией субъекта во взаимодействии с социальным миром, в том числе, степенью рефлексивности.

Описание микроуровня повседневных социальных взаимодействий совпадает с характеристикой повседневности Б. Вальденфельсом как места рациональности, рассеянной в опыте и каждодневных репликациях. Именно в этом социальном ключе повседневность определяется как граница, где происходят процессы «оповседневнивания» и «противодействия повседневности», и подчеркивает исключительно социально-практический характер ее пограничности.

Мы мыслим повседневность как один из интерактивных уровней социальной реальности, где социальный субъект идентифицируется в структурах материальной культуры как на индивидуальном уровне, так и на социальном уровне [12]. Повседневность рассматривается в качестве социального гибрида, который относится одновременно к физическому, биологическому и социальному мирам [14]. Повседневная реальность является, в сущности, жизненно-глобальной телесно-индивидуально-локализованной социально-интерактивной сферой практик выживания человека в режиме настоящего времени.

Посредством природной телесности субъект интегрируется в социальную реальность, вписывает себя в структуры социального времени и пространства, воспроизводит и поддерживает фон социальной реальности, обеспечивает собственное выживание. В репликации фона субъект укореняется в социальном мире и таким образом формирует свою социальную телесность (образ своего тела). В связи с этим частью повседневной реальности природной телесности субъекта становятся социально сконструированные процессы: социальный режим, социальное пространство, социальное время, социальная драматургия, социальное потребление и т.д.

Таким образом, идентичность социального субъекта в границах повседневности определяются через знания, представления и чувства, задающие переживание самотождественности [6]. В повседневности как на социальной границе природного и социального действуют два потока самообнаружения субъекта: вписывание в социальную реальность природного тела человека и формирование социального тела субъекта.

Б. Вальденфельс, вопреки сложившейся изначально исследовательской традиции обесценивания повседневности и сведения к низшему и второстепенному уровню социальной реальности, постулирует ей «новое значение места изменчивой и варьируемой рациональности» [4]. Это соответствует общей тенденции динамизации социальной реальности [15] и задает вектор восприятия повседневности как динамичной интерактивной среды, по-своему обеспечивающей идентичность социального субъекта. Говоря об «оповседневнивании» социальной реальности, Б. Вальденфельс выделяет преимущества этого процесса для социального субъекта, вписывающего себя в систему взаимодействий.

Повседневность создает целостную и интегрирующую основу каждого проживаемого человеком дня. День за днем человеческая жизнь складывается из элементарного, одновременно сиюминутного и долгосрочного вписывания природной и социальной телесности в структуры социальной реальности [8]. В процессе сборки социальной телесности как нулевой точки возможна определенная

трансформация, когда ощущения и восприятия тела биологического переходят в разряд представлений социальной телесности – определенный эффект конвертации. Повседневность существует в тесном взаимодействии с иными уровнями социальной реальности, и на нее также оказывают влияние общие тенденции динамизации современных социальных процессов. В этом потоке меняется иерархия каналов и слоев многоканальных и многослойных повседневных практик, и мы можем наблюдать их реализацию, не направленную непосредственно на естественное выживание конкретного субъекта, что может быть обусловлено изменением практического содержания социального выживания в современном мире.

Ведущей тенденцией в процессе информатизации социума является расширение высокотехнологичного телекоммуникационного пространства, стирающего географические и культурные границы посредством цифровизации. Социальные коммуникации виртуализируются, в результате чего варьируются и меняются привычные механизмы профессиональной и социально-культурной деятельности. Сама повседневность трансформируется в сложившихся условиях, создавая новые вариации формирования идентичности социального субъекта.

Виртуализация повседневности позволяет расширить объективную базу «оповседневнивания», включив в жизненный мир человека то, что раньше выходило за его рамки. Чуждый опыт, культурные образцы, социальные практики вторгаются в пространство повседневности и раздвигают его границы. Онтологическая избыточность социального субъекта и его глубокая укорененность на уровне повседневных взаимодействий проявляется в конфликте неповседневного и постоянной необходимости вписывать свою природную телесность в социальный строй вновь и вновь. При этом баланс знания алгоритмов повседневных взаимодействий и реализующих их практик (прагматика повседневности [9]) поддерживает эффект реальности происходящего (и может поддерживать его на протяжении всей жизни конкретного человека) и обеспечивает социально-онтологическую достаточность субъекта на элементарном социально-природном уровне социальной реальности.

Аксиоматика идентификации социального субъекта на уровне повседневности социально фундирована: устоявшаяся модель поведения передается по вертикальным и горизонтальным каналам социального взаимодействия, таким образом следующим поколениям транслируется часть жизненного опыта вместе с ассоциированными с этим опытом идентификациями [11]. В повседневных микроскопических действиях такое знание буквально сшивает природную телесность человека с миром социальных взаимодействий и создает первичный природный уровень его социальной телесности. Например, как это видно в исследовательских выкладках Т. П. Ван Тиеновена, микроскопия субъектной диспозиции в повседневной социальной интеракции может дойти до уровня гомеостатической регуляции или индивидуализированной интерактивной репликации [19].

Практический момент приобретения и существования повседневного знания в социально-конструирующем аспекте понижает когнитивный статус и глубину саморефлексии субъекта. Из процессов, конструирующих социальную реальность: хабиtuaлизации, легитимации, институциализации, трансформации [3] – повседневность в большей мере направлена на опривычивание новых действий и практик, она зиждется на стыке естественного и социального знания (как искусственного). Адекватность поведения конкретного человека в повседневном взаимодействии с общественным миром заключается не в возможности описать происходящее, отрефлексировать и в последующем оптимизировать, но в возможности правильно совершать действия. Именно в таком ключе Б. Вальденфельс постулирует характер повседневной рациональности.

Однако современные тенденции социальной реальности уже не несут в себе заложенное классиком противопоставление повседневного экспертному. В потоке микроскопических интерактивно рационализируемых действий можно усмотреть элемент свободы и изобретательства [10]. Общность, продуцируемая повседневными репликациями социального, уже не является силой, определяющей

идентичность человека [2]. В условиях современной социальной реальности такой конструктивной силой является индивидуализация. В повседневности она проявляется в осознанной технологизации собственного социального бытия на микроскопическом уровне.

Индивидуализация повседневности касается как процессов рационализации: анализа, рефлексии, так и фиксации жизненного опыта, его распространения и универсализации (лайфхаки, мастер-классы, тренинги, уникальные практики). Уходит в прошлое линейность и солидарность многих социальных процессов, размываются коллективные и индивидуальные ритмы жизни субъекта. В итоге в повседневных интеракциях оптимальной становится лидерская (социально девальвированная позиция осознанной практики собственной жизни), самореферентная в своей уникальности экспертная диспозиция социального субъекта. Неизменно увеличивающийся диапазон применения информационных технологий способствует трансформации старых и появлению новых форм повседневных практик, соответствующих приоритетам техногенной цивилизации. И одними из основных являются: «новое социальное пространство, новый тип коммуникации, иные условия социального бытия, которое и детерминирует приоритеты конкуренции, соперничества и выгоды» [7].

Социальный субъект, усложняя простое, погружается на микроскопический уровень социальных взаимодействий. При этом рефлексивное вхождение в повседневность становится новым маркером текучей современности [2]. Это становится возможным за счет виртуализации социальной телесности субъекта. Перетекание социального пространства в виртуальное позиционируется как расширение границ повседневности, а не как переход на иной уровень социальных взаимодействий.

Заключение

Рассмотрев проблематику бытийности социального субъекта на уровне повседневности в феноменологических социально-философских исследованиях повседневности, мы пришли к выводу,

что наряду с глобальными процессами опривычивания, типизации, преемственности и воспроизводства социальной реальности, повседневные практики социальных интеракций эвристичны в известной мере и содержат в себе конструктивный потенциал идентификации социального субъекта.

В производстве повседневного опыта социальное бытие субъекта обретает конститутивную основу, вписывая в структуры социальных взаимодействий свою природную телесность. Также социальный субъект обретает свою идентичность в реализации конструктивного потенциала повседневности как уровня социальных взаимодействий методом рефлексивного погружения в повседневные практики. Это позволяет сегодня понимать повседневность не как данную по умолчанию косную и непроблематизированную социальную среду человеческого обитания, но как полноценный уровень паритетного взаимодействия субъекта с миром социальной реальности.

Рефлексия наследия социально-феноменологической традиции исследования повседневности, концептуализированной Б. Вальденфельсом, сквозь призму тенденций динамизации процессов современной социальной реальности дает нам возможность обнаружить повседневного субъекта в качестве звена модели целостного субъекта, конструирующего социальную реальность в процессе становления своего социального бытия.

Список литературы

1. Барулин В.С. Российский человек в XX веке: Потери и обретения себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.

6. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Единство и разнообразие процессов формирования идентичности личности // *Вопросы философии*. 2018. № 1. С. 27–38.
7. Ивенкова О.А. Структуры повседневности как фактор формирования смысложизненных ценностей современного образования // *Социальные трансформации*. 2018. № 29. С. 85–91.
8. Иоселиани А.Д. Глобальное цифровое общество и социальная адаптация к онлайн-повседневности // *Век глобализации*. 2020. № 2. С. 62–71. <https://doi.org/10.30884/vglob/2020.02.06>
9. Ракитов А.И. В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) // *Вопросы философии*. 2018. №9. С. 20–26.
10. Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
11. Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // *Сибирские исторические исследования*. 2015. № 1. С. 8–22.
12. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. 2010. № 2. С. 13–22.
13. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // *Вопросы философии*. 2017. № 8. С. 100–112.
14. Фаненштиль Т.В., Чибир Е.В. Социальное конструирование: событийность и повседневность // *Вестник науки Сибири*. 2018. № 4 (31). С. 203–218. <http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/52466/1/sjs-1153.pdf> (дата обращения: 14.07.2021).
15. Bordoni C. Introduction to Zygmunt Bauman // *Revue Internationale de Philosophie*. 2016. Vol. 3. P. 281–289. <https://www.cairn-int.info/publications-of-Bordoni-Carlo--61911.htm> (дата обращения: 14.07.2021).
16. Käufer S. Everydayness (Alltäglichkeit). In: *The Cambridge Heidegger Lexicon*. Ed. Mark A. Wrathall. UK: Cambridge University Press, 2021. P. 293–296. <https://doi.org/10.1017/9780511843778>
17. Lefebvre H., Levich C. Everyday and Everydayness // *Yale French Studies*. 1987. Vol. 73. P. 7–11.

18. Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 336 p.
19. Van Tienoven T.P., Glorieux I., Minnen J. Exploring the stable practices of everyday life: a multi-day time-diary approach // *The Sociological Review*. 2017. January. https://www.researchgate.net/publication/313016330_Exploring_the_stable_practices_of_everyday_life_A_multi-day_time-diary_approach?ev=prf_high (дата обращения: 12.07.2021).

References

1. Barulin V. S. *Rossiiskij chelovek v XX veke. Poteri i obreteniya sebya* [Russian Human in the XX century. Losing and Finding Yourself]. St. Petersburg: Aletejya, 2000, 431 p.
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity], Translated by Asochakov Yu. V. St. Petersburg: Piter, 2008, 240 p.
3. Berger P.L., Luckman T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. M.: Medium, 1995, 323 p.
4. Bordoni C. Introduction to Zygmunt Bauman, *Revue Internationale de Philosophie*, 2016. <https://www.cairn-int.info/publications-of-Bordoni-Carlo--61911.htm> (accessed 14.07.2019).
5. Emelin V.A. Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. The Unity and Diversity of the Processes of Personal Identity Formation. *Russian Studies in Philosophy*, 2018, vol. 2, pp. 27–38.
6. Fanenshtil' T.V., Chibir E.V. Social Construction: Eventness and Everydayness. *Vestnik nauki Sibiri*, 2018. <http://jwt.su/journal/article/view/849> (accessed 14.07.2021).
7. Husserl E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya*, Translated by D. V. Sklyadneva. SPb.: Vladimir Dal', 2004, 399 p.
8. Ioseliani A.D. Global'noe cifrovoe obshchestvo i social'naya adaptaciya k onlajn-povsednevnosti [Global digital society and social adaptation to the on-line reality], *Vek globalizacii*, 2020, vol. 2, pp. 62–71. <https://doi.org/10.30884/vglob/2020.02.06>
9. Ivenkova O.A. Structures of Daily Occurrence as Factor of Formation of Values of Meaning of Life of Modern Education, in: Egorov, A.G., *Social'ny'e transformacii* [Social transformation]. Smolensk, 2018, pp. 85–92.

10. Käufer S. Everydayness (Alltäglichkeit), *The Cambridge Heidegger Lexicon*. Ed. Mark A. Wrathall. UK: Cambridge University Press, 2021, pp. 293–296. <https://doi.org/10.1017/9780511843778>
11. Lefebvre H., Levich C. The Everyday and Everydayness. *Yale French Studies*, 1987, vol. 73, pp. 7–11.
12. Rakitov A.I. In Defense of Subjectivism (Social Reality, Social Activity, Social Epistemology). *Russian Studies in Philosophy*, 2018, vol. 9, pp. 20–26.
13. Schutz A. *On Phenomenology and Social Relations*. Chicago: University of Chicago Press, 1970, 336 p.
14. Serto de M. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everydayness. 1. The Art of Doing], Translated by Kalugina D. St. Petersburg, 2015, 330 p.
15. Sokolovskij S.V. Metaphysics of Identity and the Study of Identification Processes in Social Sciences. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2015, vol. 1, pp. 8–22.
16. Trufanova E.O. Person in Labyrinth of Identities. *Russian Studies in Philosophy*, 2010, vol. 2, pp. 13–22.
17. Trufanova E.O. The Self as Reality and as Construction. *Russian Studies in Philosophy*, 2017, vol. 8, pp. 100–112.
18. Van Tienoven T. P., Glorieux I., Minnen J. Exploring the stable practices of everyday life: A multi-day time-diary approach. *The Sociological Review*, 2017. https://www.researchgate.net/publication/313016330_Exploring_the_stable_practices_of_everyday_life_A_multi-day_time-diary_approach?ev=prf_high (accessed 14.07.2021).
19. Waldenfels B. Everydayness as a Crucible of Rationality. *Sociologos*, 1991, vol. 1, pp. 39–50.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ивенкова Ольга Александровна, кандидат философских наук,
и.о. заведующего кафедры социологии, философии и работы
с молодежью

Смоленский государственный университет

*ул. Пржевальского, 4, г. Смоленск, Смоленская обл., 214000,
Российская Федерация*

Ivenkova@yandex.ru

Фаненштиль Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки
Национальный исследовательский Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, Томская область, 634050, Российская Федерация
fan_tan@mail.tsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Ivenkova, Candidate of Philosophical Sciences, Acting Head of Department of Sociology, Philosophy and Work with Youth
Smolensk State University
4, Przhevalsky Str., Smolensk, Smolensk Region, 214000, Russian Federation
Ivenkova@yandex.ru
SPIN-code: 5658-9800
ORCID: 0000-0001-7534-1238

Tatyana V. Fanenshtil, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Science
National Research Tomsk State University
36, Lenin pr., Tomsk, Tomsk region, 634050, Russian Federation
fan_tan@mail.tsu.ru
SPIN-code: 8260-2235
ORCID: 0000-0001-8887-608X

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-131-154

УДК 304.2

ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР» В ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Неронов А.В., Неронова М.Ю.

В данной статье дается философский анализ понятия «гендер», как основания идеологии современного феминизма.

Цель: рассмотреть явление феминизма с позиции философского дискурса.

Метод и методология проведения работы: использовались исторический, феноменологический и диалектический методы исследования.

Результаты: современный феминизм можно считать одним из социально-культурных течений в рамках женского движения, обладающим собственной идеологией. При этом радикальный феминизм следует отнести к экстремистской идеологии, направленной на разрушение сложившихся социальных структур, общественного мировоззрения, морали и устоев государственности.

Область применения результатов: Полученные результаты могут быть использованы при изучении современных общественных и культурных процессов.

Ключевые слова: феминизм; гендер, пол, природа, культура, проект модерна, постмодернизм, экстремизм

THE CONCEPT OF GENDER IN FEMINIST IDEOLOGY: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Neronov A. V., Neronova M. Yu.

This article provides a philosophical analysis of the concept of “gender” as the basis of the ideology of modern feminism.

Purpose: *to consider the phenomenon of feminism from the position of philosophical discourse.*

Method and methodology of work: *we used historical, phenomenological and dialectical methods of research.*

Results: *modern feminism can be considered as one of the socio-cultural currents in the women's movement, which has its own ideology. In this case, radical feminism should be attributed to the extremist ideology aimed at the destruction of established social structures, social worldview, morality and foundations of statehood.*

Practical implications: *The results can be used in the study of contemporary social and cultural processes.*

Keywords: *feminism; gender, sex, nature, culture, modernity project, postmodernism, extremism*

Тема феминизма в наши дни является актуальной для гуманитарных наук. Теперь это не просто литературный дискурс на тему изменения положения женщин в обществе, который появился еще в XVII веке в Англии [4]. В XX веке феминизм превратился в заметное социально-культурное движение, оказывающее влияние на умы значительной части населения (особенно в западных странах), а в начале XXI века стал мощной общественной силой, способной воздействовать на политику, традиции и даже государственные институты [11]. Существует много публикаций на тему феминизма, как со стороны представителей этого движения, так и со стороны его противников, однако значительная часть работ оппонентов сосредотачивается на критике феминизма [5], что не позволяет разобратся в сути самого феномена.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть феминизм с позиции философского дискурса, чтобы понять, хотя бы в общих чертах, что представляет собой это явление.

Известно, что в настоящее время существует значительное число направлений феминизма, между которыми имеются определенные различия. Выделяют, например, культуро-феминизм, либеральный феминизм, анархо-феминизм, лесбийский феминизм, марксистский

феминизм, радикальный феминизм и так далее [7, 9, 11]. Мы не ставим задачу вникнуть в такое сложное многообразие направлений, а сосредоточимся на анализе ключевого понятия «гендер», которое признано практически всеми разновидностями феминистского движения и является базовым для обоснования идеологии феминизма.

Обратимся к статье Е.И. Трофимовой, в которой автор определяет значение данного термина [9]. «Английское слово *gender* переводится как пол, хотя правильнее – род, а более точно – грамматическая категория рода. Слово *sex*, также обозначающее пол, коннотируется в человеческом сознании однозначно, только как поведение в момент соития или в *arsamandi* (любовной игре). Для того, чтобы снять устойчивые ассоциации при использовании этого слова, научное сообщество в конце 1960-х – начале 1970-х годов вводит в свой дискурс слово *гендер*. ...Итак, *секс* – биологическое, а *гендер* – культурно-символическое определение пола. Такие конструкты культуры, как «женственное» и «мужественное» могут описываться только с учетом и использованием этого понятия, поскольку появляется возможность выйти за пределы биологических определений. Термин *гендер* подчеркивает «не природную, а социокультурную причину межполовых различий. ...То есть «женское», «мужское» суть биологические, данные от природы половые различия, а «мужественное», «женственное» – понятия, сконструированные обществом и имеющие культурно-символические (гендерные) различия, которые меняются в соответствии с изменением как общества, так и культуры. ...Некоторые исследователи уточняют, что *гендер* – это не совокупность личностных психологических черт, не роль, а продукт «особого социального ...действия (создания)»...» [9, с. 180].

Иными словами, пол есть явление природное, а *гендер* – социально-культурное. Пол дается от рождения, а *гендер* возникает в ходе социализации. При этом феминистки считают, что «Патриархальные идеи затемняют различие между полом и *гендером* и полагают, что все социальные различия между мужчинами и женщинами основываются на биологии и анатомии. Феминистки обычно отрицают, что есть обязательная или логическая связь между полом

и гендером и подчеркивают, что различия полов являются социально или даже политически придуманными» [3, с. 64].

Таким образом, мы обнаруживаем как определение гендера, так и отношение сторонников феминизма к понятиям пол и гендер, где предпочтение отдается последнему. Можно констатировать, что в феминизме термин пол если и не отменяется совсем, как «устаревший и не соответствующий истине», то, по крайней мере, играет вторичную роль по сравнению с гендером. Мужчины и женщины становятся таковыми в ходе социализации, а не от рождения. В качестве примера приведем краткую цитату из Симоны де Бовуар: «женщины сделаны, а не рождены» [15, с. 64]. Следует оговориться, что существуют также феминистки, которые признают различие мужчин и женщин по полу, а не по гендеру [13, с. 167-168], но в рамках данной статьи мы не будем рассматривать их точку зрения на пол и гендер.

Конечно, влияние социализации на формирование людей невозможно переоценить, поскольку лишь благодаря воздействию семьи, а затем друзей, школы и прочих факторов, формируется личность каждого из нас и появляется сама возможность адаптации к социальной жизни. Только что рожденный индивид уже является человеком, но не личностью, поскольку в основных своих проявлениях остается природным существом. Однако, возникает вопрос: действительно ли социализация заменяет в человеческом существе его природное начало, словно забирая у природы своеобразную «эстафетную палочку», чтобы вести человека по жизни на исключительно социокультурных основаниях? Похоже, что сторонники феминизма отвечают на подобный вопрос положительно. Попробуем понять, откуда появилась подобная точка зрения на природу человека и насколько она соответствует истине.

Еще в эпоху господства мировых религий (в случае с Европой мы имеем в виду христианство) человек был разделен на тело и душу, притом что, душа оказалась возвышенной над телом, как дух над природой. Правда, причиной такого деления выступал бог, как непостижимая для человеческого разума сверхъестественная мощь. Именно по воле бога человек стал дуален и оказался поставленным

перед проблемой борьбы души с телом, как природным феноменом, полным несовершенства и греха.

Начиная с XVII века научные открытия стали значительно влиять на мировоззрение европейских стран, что привело уже в следующем XVIII веке к появлению идеологии модерна, основанной на убеждении, что человек, вооруженный научными методами, способен поставить себе на службу силы природы и даже изменить общественное устройство на благо всех людей. Трудно было не поддаться таким заманчивым идеям после «восстановлений наук», предпринятых Ф. Бэконом и Р. Декартом, а также грандиозного успеха научной теории И. Ньютона. По сути, именно эпоха научной революции и последовавшая за ней эпоха Просвещения создали не только систему новых ценностей, но и принципиально новую картину мира, на базе которой и воцарились гуманизм, рационализм, атеизм и вера в прогресс всего человечества. Эта картина мира с ее особой шкалой ценностей была широко популярна и в XX веке, хотя кризис классической философии, искусства и классической науки обозначились еще в конце XIX века.

При этом модернистскую картину мира нельзя назвать научной в строгом смысле этого слова. Значительное влияние на создание такой картины оказала идеология светского гуманизма, которая требовала от науки поистине сверхъестественных прорывов, что позволило бы осуществить повсеместный прогресс в технической, культурной и социальной областях. Социализм-утопизм, марксизм и даже, в какой-то мере, научная фантастика представляли собой нечто подобное «текстам священных писаний», где наука нередко должна была играть роль чуть ли не творящего чуда бога. При этом наука обязана была следовать исключительно целям прогрессивного культурного развития человечества, хотя само научное познание изначально не предполагает в себе ничего иного кроме исследования избранных ею объектов. Когда же наука соединяется с производством и становится прикладной наукой, то и в этом случае, как показывает практика, она остается свободной от дополнительно привносимых в нее социальных идей.

Возникшая светская культура была культурой общеевропейской, она пришла на смену христианской культуре, которая ранее объединяла страны Европы в лоне своей универсальной картины мира и общей шкалы христианских ценностей. Эта культура обладала не только не менее универсальной картиной мира, чем христианская культура, но также и собственной духовностью в виде научно-технического и социального прогресса всего человечества, который, правда, был подкреплён не столько рациональными доказательствами, сколько горячей и искренней верой в светлое будущее людей. Эта идея будущего счастья для всех, как культурная ценность, несла в себе заряд общечеловеческой морали и призывала двигаться на все более высокие уровни развития, чтобы в грядущем люди могли бы поспорить своим реальным могуществом с мифическими эллинскими богами. Такое мировоззрение, будучи в себе логически последовательным, всей своей направленностью требовало отменить религию и обожествить человеческий разум и науку.

Апофеозом торжества рациональности над «устаревшей религией» можно считать успех распространения в науке и образовании принципов картезианства, а также – явление немецкой классической философии, в особенности философии Гегеля, где разум, по сути, отождествляется с богом. С тех пор вся духовность стала сводиться к познающему разуму, который воспарил над природой, как субъект над своим объектом. Такая мировоззренческая позиция возникла и развилась на почве отрицания христианского видения реальности. Сначала в эпоху Ренессанса философский теоцентризм уступил место философскому антропоцентризму, где во главе был поставлен человек, как пока ещё образ и подобие бога, а затем, уже в Новое время человек заменил бога собственным разумом, фактически став на место творца. А заодно человеческий субъект оказался возвышенным над природой, как и сознание над телом.

Таким образом, примат разума и культуры над природой – это результат возникновения светского гуманистического мировоззрения в духе проекта модерна. Это не наука, а, скорее, идеология с убеждением в безграничных возможностях человеческого интел-

лекта, вооруженного единством научной теории и практики. Обратим внимание, что сторонники феминизма придерживаются именно этих взглядов на оппозицию культуры и натуры.

Но и такой идеологии настал конец, произошедший вместе с завершением XIX века, когда разразился кризис в физике. Культура модерна сама отступила перед «посткультурой», потому что распалась прежде единая и убедительная научно-гуманистическая картина мира, где человек был добр и рационален, а мир представлялся познаваемо-податливым объектом приложения его творческих усилий. Но теперь внешний мир оказался не таким понятным, и человек внезапно перестал быть «добрым и рациональным». В постмодернистской реальности людям осталось только выживать, поскольку данная потребность обладает некоторым неоспоримым естественным смыслом. В таких условиях наука превратилась в своеобразный «придаток бизнеса», выполняя заказы в сфере развития многочисленных технологий. Притом, что некоторые из современных технологий причиняют откровенный вред природе и обществу, создавая новые, ранее не виданные проблемы. Неудивительно, что в ряде стран Запада набрали большую силу политические партии «защитников природы», настроенные на внедрение «зеленых технологий», а иногда – и на реальное противодействие дальнейшему научно-техническому развитию общества.

В эпоху постмодернизма уже невозможно рассматривать тело исключительно как биологический и физический объект для разума, поскольку и сама душа человека перестала быть рациональной. С появлением глубинной психологии возникла и укрепилась точка зрения на сложность психического устройства человека, где значительная часть принадлежит сфере бессознательного. Теперь мало знать, что говорит или делает человек, важно понимать мотивы его речи и действий, а эти мотивы нередко являются скрытыми от самого человека. Все больше понимания находит факт тесного взаимодействия психического и физического с наличием прямых и обратных влияющих связей. Как душа может сильно повлиять на тело, так и тело во многом определяет движения души. В наши

дни очень трудно делать столь решительные заключения об отношении психического и физического, как это было возможно в эпоху «торжествующей позиции проекта модерна». И психофизическая проблема не только осталась нерешенной, но еще больше усложнилась в своей трактовке. Что первично – дух или материя, разум или тело?.. Теперь такая постановка вопроса выглядит наивной.

Вместе с тем, в современном мире сохранилось немало «атавизмов», пришедших из прошлого, когда в культуре царила не затронутая кризисом рациональная наука. Например, в образовании. Школьников до сих пор обучают на основании принципов классической науки, что во многом оправданно: при социализации необходимо давать целостный образ картины мира, а не «калейдоскоп с его осколками». Однако, при решении проблем, встающих перед человечеством, было бы недопустимо полагаться на то, что уже «отработало свой ресурс». Нельзя отрицать всеобщий кризис культуры, включая и кризис форм познания, в том числе религии, искусства и науки. Необходимо давать ответы на возникающие вопросы с учетом усложнения условий решения этих вопросов, а не пробовать возвращаться в счастливые времена рационального торжества субъекта над объектом.

Однако, именно это и предлагают делать сторонники феминизма, что особенно хорошо видно на примере их обоснования понятия гендера. Феминистки либо вольно жонглируют данными биологии, доказывая, что деление человеческого рода на два пола является недостаточно обоснованным, либо и вовсе отменяют биологию на том основании, что человек стоит выше природы и не определяется ею. Приведем ряд высказываний Симоны де Бовуар:

«Если мы встаем на человеческую точку зрения и определяем тело, исходя из существования, биология становится наукой абстрактной. ...Кто-то сказал, что род человеческий – это антифизис; слово не совсем точное, ибо человек не может оспорить данность; но он превращает данность в истину тем, как принимает ее; природа для него реальна лишь постольку, поскольку включена в его действие, и его собственная природа – не исключение. ...То есть

можно сказать, что если у высших животных индивидуальное существование более властно утверждает себя у самца, чем у самки, то у человека индивидуальные «возможности» зависят от экономического и социального положения [1, гл.1].

Из приведенных слов одной из видных представительниц феминизма следует, что феминистки «...как правило, отвергают идею, что биология есть судьба, проводя четкое разграничение между понятиями «пол» и «гендер»[3, С.64]. Таким образом, сторонники феминизма настаивают на том, что социальные условия и особенности воспитания делают мужчин мужчинами, а женщин – женщинами. Но на самом деле оба пола равны между собой и разделены, в основном, гендерно, то есть, благодаря «разделяющей социализации». То есть, надо изменить принципы воспитания мальчиков и девочек, чтобы добиться реального равенства между полами.

Тут сразу же вспоминаются революционные идеи времен проекта модерна, настаивающие на том, что люди несовершенны потому, что несовершенно общество. Надо изменить общество и люди станут лучше. Не стоит винить природу, все дело в социокультурных условиях. Человек стоит выше природы и может её менять, в том числе и свою собственную природу. Но, как мы уже упоминали выше, такие идеи в наше время кажутся слишком упрощенными.

Тут важно понять, что социальное влияние на индивида не все-сильно, поскольку человек в значительной мере определяется также и природой, и потому он же создает такое общество, которое «получается», а не выводится из некоего абстрактного идеала. Здесь уместно напомнить афоризм В. Черномырдина: «Хотели как лучше, а вышло как всегда». Идеи могут влиять на общественные процессы, но не могут их контролировать. Мы не можем больше игнорировать того, что человеческое сознание, определенное культурой это не весь человек, а только его часть, притом – не самая значительная. Быстрая деградация людей в условиях толпы убедительно доказывает слабость культурного рассудка и силу бессознательных импульсов. Люди сохраняют свой относительно высокий личностный уровень только в условиях стабильно работающих социальных

институтов и социальных групп, если же те разрушаются, то люди возвращаются к примитивным отношениям как в тюремных сообществах. То есть, природное в людях проявляется в их же психике, и оно никуда не пропадает.

Это не значит, что природное начало несет в себе исключительно деструктивные импульсы. Следует согласиться с основателями глубинной психологии, что явления истинной духовности, или гениальности проистекают из того же «бессознательного источника», откуда появляются и антисоциальные «делинквентные порывы». Влияние бессознательного может хоть как-то объяснить случаи неуспешной социализации личности в нормальных и вполне обеспеченных семьях, живущих в стабильных социальных условиях. Согласно «модернистским идеям» о примате культуры над природой так не должно быть, поскольку успешно социализированные люди, живущие в приемлемых социальных условиях, будут оказывать на своих детей необходимое и достаточное социальное влияние, чтобы те стали такими же успешно социализированными личностями. Но так бывает не всегда. В качестве примера приведем феномен Ильназа Галявиева, стрелявшего по ученикам в казанской школе. Знавшие его люди настаивали на том, что семья этого парня была «нормальная», а сам он казался тихим и вежливым, ничем не выделяясь среди сверстников. Здесь можно было бы затронуть тему негативного влияния Интернета на психику молодых людей, но этот вопрос не входит в рамки нашей статьи. Однако следует указать, что сильная подверженность влиянию со стороны «мировой паутины» во многом определена бессознательными психическими процессами, протекающими в душе человека. Ведь не у всех пользователи Интернета формируется желание убивать себе подобных, что еще раз подтверждает тезис о неспособности социализации в полной мере справиться с человеческой природой.

Оставаясь на позициях диалектической логики, в оппозиции «природа – культура» можно говорить не о примате чего-то над чем-то, а о взаимном влиянии сторон противоречия друг на друга в ходе происходящей борьбы. Моментом единства здесь выступает поня-

тие человеческого рода, которое включает в себя как природное, так и культурное начала, но не позволяет каждому из них одержать однозначную победу над собственным «оппонентом», что приводит к развитию человеческого общества и культуры.

В контексте противоречия между культурой и природой нам кажется уместным рассмотреть противоречивое единство пола и гендера, тем более что представители феминизма сами выделяют гендер в оппозиции к полу, что логически абсолютно правильно. При этом феминистки в один голос утверждают, что половые различия между людьми не так существенны, как различия гендерные. Действительно ли это так?

Не может быть никаких сомнений в том, что социализация, в рамках которой осуществляется и гендерное воспитание, играет важнейшую роль в деле становления полноценной личности, но как было сказано выше, социализация не всесильна и не всегда может обеспечить необходимые результаты, потому, что человек, подвергающийся социально-культурному воздействию, остается природным существом. Не только его пол и физическая конституция даются от рождения, но и ряд качеств, входящих в основу будущего характера. То есть, только что родившийся индивид не такая уж и «*tabula rasa*», как это считалось в недавнем прошлом.

Сторонники феминизма не отрицают это, но указывают, что все люди, независимо от пола «...обладают генетической наследственностью матери и отца и, следовательно, содержат в себе смесь женских и мужских свойств или особенностей. Такая точка зрения признает, что половые различия являются биологическими, но настаивает на том, что они не имеют какой-либо социальной, политической или экономической значимости. Мужчин и женщин следует рассматривать не по их половому признаку, а как личностей. Цель феминизма, таким образом, – достичь внегендерной индивидуальности» [14, с. 113-115].

Да, всякий человек имеет гены отца и матери, но из этого не следует, что он гермафродит. После своего рождения люди оказываются внутри социально организованного рода, который сам делится,

прежде всего, по половому признаку и этого невозможно отменить. Такова диалектика природы вещей, а люди с природной стороны и есть такие «вещи». Во внешних отношениях с необходимостью должно присутствовать не только различие между людьми, но также и моменты противоположности, что проявляется в оппозиции полов. С биологической точки зрения можно считать это фактором, влияющим на выживание вида и генетическую селекцию, хотя нельзя ограничиваться только биологической стороной вопроса. Половое деление, как оппозиция внутри рода дает возможность эволюции человеческого общества и культуры.

Обратимся к вопросу о соотношении женского и мужского начал. В современной литературе существуют разные точки зрения, но мы остановимся на подходе классического философского дискурса, так как он является, наиболее логичным и последовательным в данном вопросе.

«Если рассматривать концепцию Аристотеля..., то на первый план выходит совсем другой аспект, а именно: по природе женщина противостоит мужчине, как материя противостоит форме, и по этой причине должна ему подчиняться, однако, как и существование материи, существование женщины является необходимым элементом мировой гармонии. Если женщина принимает свое природное предназначение, то на своем месте в семье она является скорее партнером и другом мужчины. Ее присутствие в семье является настолько же важным, как и присутствие мужчины, однако при этом связано с выполнением другой жизненной задачи – продолжение рода и ведение домохозяйства» [10, С. 33].

Таким образом, «мужское» и «женское» предстают в классическом философском дискурсе как философские категории, тесно связанные с дуалистическим представлением об устройстве мироздания и человека. Говоря проще в контексте классического философского дискурса, отношение между мужчиной и женщиной рассматривается как противоречивое отношение между духом и материей.

В современной литературе такое соотношение часто представляют как противоречие между культурой и природой. «Женщина

беременеет от семени, вынашивает и рождает детей. Мужчина беременеет от идеи, вынашивает и рождает эту идею в материальном мире. Женщина беременеет в низу живота, ближе к земле. Идеи рождаются в голове, ближе к небу» [2, с. 17].

Согласно К. Юнгу женщина представляет собой Эрос, а мужчина Логос [12]. В области психики это может считаться проявлением противоречия между природой и культурой, где оба момента являются необходимыми: без природы нет самого человека, а без культуры он также недействителен, ибо не может без неё существовать в своем развитии. И на каждый вызов природы человек дает культурный ответ, выходя на новый уровень своего развития. С другой стороны, человек не в состоянии окончательно победить природу и не забудем того, что за каждую победу над собой природа мстит. Природа поощряет человека на локальную победу над собой, но она же выдвигает новые вызовы, не позволяя людям почивать на лаврах.

Такая же борьба с наличием взаимовлияний происходит внутри человеческого рода. Женщины рожают детей и полагают свой Эрос, в ответ на вызов которого, мужчины развивают культуру общества через собственный Логос. Так возникали законы собственности, отцовского права на владение семьей и детьми, так появлялись и эротические мотивы в искусстве, начиная от греческих скульптур и заканчивая средневековыми трубадурами и мотивами любви в современной литературе и поэзии. Даже богатство и власть накапливались при мотивации обладания женщинами, пусть и не без наличия компенсаторной формы сублимации. При этом в искусстве разных эпох и народов находили свое выражение как борьба между полами, так и моменты их гармонии в любви и сотрудничестве, что лишний раз подчеркивает неразрывное единство мужского и женского начал, пусть и положенное в драматической форме противоположностей.

Таким образом, одной из логических ошибок сторонников феминизма в данном вопросе является преувеличение момента борьбы противоположностей и явная недооценка момента единства, который является «вышестоящим» по своему положению. Это оче-

видный признак проявления рассудка, когда берется одно, другое убирается как несущественное, а единство обоих моментов и вовсе остается за пределами внимания.

И здесь нельзя не обратиться к понятию, которое часто появляется в рассуждении сторонников феминизма о гендере. Это понятие равенство. Ранее уже упоминалось, что феминистки настаивают на том, что половые различия между мужчинами и женщинами не существенны, зато разница между мужским и женским гендером кажется им куда более значимой. Так оппозиция пол – гендер уходит на второй план, а вперед выступает противоречие внутри социокультурного феномена, то есть, гендера. И сама проблема соотношения мужчина – женщина превращается в проблему сугубо общественную, без включения в неё природного начала, которое несет в себе причину разделения людей на два пола. Исходная задача упрощается в духе почти неприкрытого волонтаризма и выступает в устаревшей форме менталитета нового времени, когда считалось, что зло в людях проистекает от несовершенства социального устройства государства. А дальше под видом общественной эволюции подаются идеи радикально революционного изменения социума, как не только допустимые, но и необходимые. То есть, а почему бы не изменить саму социализацию людей в духе возникшего гендерного подхода?

Вот что пишет Е. Омельченко в сборнике «Гендер для чайников»: «Социализация – это приспособление индивидов к социальной среде, в которой они родились, их включение в качестве действующих субъектов в различные социальные системы. Вопрос о принудительном характере гендерной социализации был поднят в феминистских теориях. Девочка становится девочкой, а мальчик – мальчиком (не в физиологическом, а культурном смысле) не автоматически, а потому что их так воспитывают. Стать девочкой – значит сначала неосознанно, потом осмысленно принять свою подчиненность, зависимость и вторичность по отношению к мужчине и, понимая это, вести себя, одеваться, говорить как «настоящая и правильная» девочка. Стать мальчиком – значит осознать себя в

качестве первого, основного и властного субъекта». [6, с. 90]. Согласно позиции указанного автора, люди должны все больше индивидуализироваться самостоятельно, а не следовать стереотипам «патриархальной социализации». Для этого еще в ходе периода взросления на уровне молодежного общения необходимо выбирать собственную идентичность, в том числе и отношение к своему гендеру.

Здесь мы видим проявление все той же революционности по отношению к обществу, его истории, сложившемуся традициям и институтам в духе радикального либерализма. Такой либерализм всегда сопряжен с реальным анархизмом, поскольку радикальное отбрасывание форм социализации, нацеленных на укрепление традиционных семей и государственности, ведет к ослаблению общества и его неминуемой деградации, которая последует вслед за деградацией базовых институтов общества, на которых и стоит любая государственность. Это почти детское желание индивидуальной свободы ведет к идее низвержения «мира отцов», как отжившего свой век анахронизма. Однако, при этом забывается тот простой факт, что без нормальной семьи с традиционным разделением гендерных ролей разрушается не только государство, но и гражданское общество. Последнее также не может существовать без определенных законов и правил, а потому нуждается в государстве как системе власти, поддерживающей такие правила, в том числе и при помощи насилия над теми, кто пробует выходить за рамки установленных моральных и юридических законов.

Понятно, что при социализации государство обязано проявлять последовательность в сохранении идеологии, стоящей на страже традиционно сложившейся семьи, а также контролировать образование, продолжая воспитывать в юношах и девушках патриотизм и законопослушание. В обществе не должно быть вседозволенности, а реальная свобода может осознаваться в своей зрелой форме только после получения уроков дисциплины и подчинения. Сначала стань личностью, а уже потом решай проблемы собственной уникальной идентичности. Поощрять же детские капризы в любой их форме

означает лишь одно: спровоцировать неуспешную социализацию воспитуемого в виде повышенного эгоцентризма и неспособности реально оценивать людей и окружающую обстановку. В этом случае мы получим не зрелую и сознательную волю к личной свободе, а исключительно детский произвол, с которым общество считаться не обязано.

Конечно, было бы неразумно отрицать то, что человечество развивается и сильно изменилось по сравнению, например, со средними веками. С победой капитализма и образованием демократических форм государства возникла актуальная проблема равноправия полов. Отметим – равноправия, а не равенства. Когда на фабриках, наряду с мужчинами, стали работать и женщины, то вопрос о равной оплате за равный труд начал «витать в воздухе». То же самое в демократических обществах получилось и с необходимостью признанием прав женщин на участие в выборах наравне с мужчинами. В свое время движение феминисток оказало немалое влияние на процесс изменения положения женщин в плане их политических и экономических прав. Не вдаваясь в подробности этой истории, мы лишь укажем, что за получение женщинами равных социальных прав выступало также немало мужчин. В новых условиях капиталистической действительности проблема социального равноправия между полами выступила как задача, которую необходимо было решить. Но уже во второй половине двадцатого века во многих странах мира проблема равноправия была разрешена в значительной мере и стала уступать свое место псевдо-проблеме достижения равенства между мужчинами и женщинами.

Как известно, равенство это когда $A=A$. То есть, говоря логически, это ничто иное, как тождество. Теперь представим себе такую нелепую формулу: мужчина = женщина ($M=Ж$). Это все равно, что утверждать: огонь = вода. Мужчина и женщина не одно и то же и потому логично будет нашу формулу написать так: $M \neq Ж$ (мужчина не равно женщина). И в этом неравенстве надо видеть лишь одно, а именно – различие между первым и вторым, а не то, что одно лучше другого.

Теперь возникает резонный вопрос: почему столь простая логическая задача с не менее простым ответом не принимаются сторонниками феминизма? Ответ очевиден. Выше уже упоминалось о том, что в согласии с точкой зрения феминизма различие между полами было либо вовсе отброшено, либо объявлено несущественным, то есть, таким, что им можно и пренебречь. Остается только общество, существующее словно бы вне природы, где разум людей все еще продолжает однозначно возвышаться над материей, которой также можно пренебречь. Вот внутри такой «идеальной модели социума» можно вольно обращаться со сложившимися реалиями общества, в том числе его мифологией, историей, традициями, духовной культурой и даже институтами, на базе которых существуют гражданское общество и государство. На самом деле тут видится очевидный «инфантильный волюнтаризм»: мне все это не нравится, и я хочу создать новую модель в согласии со своими субъективными желаниями!

А теперь подведем предварительный итог. Даже столь краткое рассмотрение интерпретации сторонников феминизма понятий пол и гендер, приводит к заключению, что современный феминизм это – не наука, а идеология, не обладающая серьезной философской базой. В современном мире феминизм не столько отражает социальную позицию женщин, сколько является частью леворадикального либерализма, который в наши дни стал выражением «перманентной культурной революционности», разъедающий социокультурные структуры целых государств. В качестве своих ценностей этот «идеологический стрим» выдвигает мультикультурализм, толерантность, ювенальную юстицию, борьбу за права всевозможных сексуальных меньшинств, резко отрицает религию и традиционные ценности.

На первый взгляд в XXI веке эпоха социальных революций должна была завершиться, так как большинство стран мира благополучно перешло к буржуазно-демократической форме существования. Здесь следовало бы приступить к осмыслению и освоению произошедших в обществе изменений. Но, как оказалось, «револю-

ция продолжается». Только теперь это уже не те эпические народные восстания, что помогали ниспровергать исчерпавший свои возможности феодализм, а печально известные «цветные революции» – государственные перевороты, организуемые извне, или революционные движения в области культуры, ведущие к проникновению в общество различных радикальных идеологий. Таким образом, идеи проекта модерна, направленные на освоение сил природы и на намеренное изменение общества все еще продолжают быть движущими силами в современном социуме, но если в XVII–XIX веке они способствовали развитию науки и общества, то в XXI веке стали источниками «перманентной революции», готовой уничтожать и то новое, что было достигнуто при смене социально-экономических формаций. Возникнув в умах философов эпохи Просвещения и социалистов-утопистов, социальная революция не собирается останавливаться на достигнутом.

Мы не станем подробно останавливаться на данной теме, поскольку она не входит в рамки поставленных задач. Важно обратить внимание на то, что современный феминизм является частью вышеуказанной идеологии и проявляет все признаки последней: упорное настаивание на своей точке зрения, желание неперменной реализации собственных идей в поле социальной практики, резкое неприятие иных мировоззренческих позиций и так далее. Не будем касаться внешних причин, обуславливающих существование радикального феминизма, поскольку это увело бы нас в область анализа социально-политических тенденций развития современного мира, чего бы не хотелось. Попробуем понять другое. Например: каковы психологические причины такой жесткой мотивации, которая понуждает феминисток к их непримиримой борьбе за гендерное равенство полов? Ответы на подобный вопрос можно найти, например, в работах К. Юнга.

В качестве основы для дальнейшего анализа мы выбрали именно работы К. Юнга и это не случайно. В современной науке есть и другие направления, но только в глубинной психологии, начиная с З. Фрейда наиболее четко рассматриваются вопросы соотношения

в человеке культурного и природного начал. А учение К. Юнга об архетипах позволяет рационально объяснить явление той самой мотивации сторонников феминизма, которую мы здесь затрагиваем.

Как известно, К. Юнг выдвинул ряд так называемых архетипов, которые создают основы структуры человеческого сознания. Среди них нас интересуют два: анима и анимус. Первый представляет собой женское начало в мужской психике, а второй – мужское начало в женской психике. При этом анимус соотносится с отцовским Логосом, а анима – с материнским Эросом. [12, с. 175]. К. Юнг высказал идею о том, что в ряде случаев мужчины могут оказываться под излишним влиянием своей анимы, а женщины – своего анимуса и тогда наступает состояние «одержимости», которое искажает направленность личности, создавая особую акцентуацию. Вот как пишет об этом сам К. Юнг: «У мужчин Эрос, то есть функция отношения, достигает меньшего развития, чем Логос. Напротив, для женщин Эрос – выражение их подлинной природы. Тогда как их Логос зачатую представляет собой всего лишь досадную ошибку. ...Так происходит потому, что женский Логос составлен из мнений, заменяющих собою размышление; под мнениями я подразумеваю априорные предположения, претендующие на абсолютную истинность. Всем известно, что предположения такого рода могут быть невероятно раздражающими. Поскольку анимус – великий спорщик, его действия лучше всего наблюдать во время тех дискуссий, в которых обе стороны считают себя правыми. ...Сколь бы дружелюбным и любезным ни был Эрос женщины, никакая логика на свете не сдвинет ее с места, если ею движет анимус» [12, 175-176].

То есть, мы имеем дело со своеобразным психологическим «диагнозом». Слово диагноз намерено взято в кавычки, поскольку речь не идет о психическом заболевании, но лишь о нарушении психологической гармонии личности, подобном комплексу неполноценности, или особой акцентуации. Любой радикализм человека с психологической точки зрения обусловлен внутренними проблемами в его душе. Такая психологическая дисгармония может проявиться вовне в самых разных направлениях мысли и деятельности.

Кто-то пробует активно бороться с религией, а кто-то, становится членом радикальной религиозной секты, одни активно продвигают идеи мультикультуральности, а другие отстаивают позиции национализма. В этом ряду находится и современный феминизм, особенно радикальный. Если с точки зрения психологии некоторые женщины одержимы анимусом, то выбор ими пути радикального феминизма с его борьбой против «сексизма и шовинизма за всеобщее гендерное равенство» кажется логичным. Особо подчеркнем, что речь идет о явлениях радикальной идеологии и социальной практики, то есть о проявлении крайностей, выходящих за грань общепринятых норм. Быть патриотом и быть радикальным националистом – это не одно и то же.

Мы не станем говорить о причинах такой одержимости анимусом (у каждой женщины они могут быть разные), но в наше время существует много возможностей для проявления женского радикализма, и движение феминизма одно из самых вероятных. Такое объяснение возникновения внутренних мотивов к принятию радикального феминизма кажется более предпочтительным, чем сведение психологической направленности феминисток к лесбиянству, хотя и не отменяет такой точки зрения, делая её меньшей по объему понятия.

Таким образом, современный феминизм можно считать одним из социально-культурных течений в рамках женского движения, обладающим собственной идеологией. При этом радикальный феминизм можно относить к экстремистской идеологии, направленной на разрушение сложившихся социальных структур, общественного мировоззрения, морали и устоев государственности. Грандиозные проекты по волюнтаристскому переустройству мира и общества на базе возгордившегося рассудка, рано или поздно терпят полное фиаско. Человечество пережило множество попыток воплощения подобных проектов, начиная от усилий по построению коммунизма, планов по переброске рек, или даже потуг к установлению мирового господства одной нации над остальными. Здесь возможен только временный успех, но затем то, что неразумно оказывается недействительным. Даже проект однополярной глобализации превратился в очередную «вавилонскую башню» и не выдержал проверки временем.

Подобное фиаско ожидает и тех, кто пробует разжигать войну между полами с целью победы одной половины человечества над другой. Здесь имеет смысл напомнить, что в истории человечества отношения между полами уже приобретали форму откровенной вражды, достаточно вспомнить охоту на ведьм в средние века.

А теперь подведем итоги нашего исследования. Краеугольным камнем идеологии современного феминизма выступает понятие гендер, как социокультурное явление противопоставленное понятию пола, связанному с природной обусловленностью. Достижение равноправия между полами заменяется утверждением принципиального равенства между мужчиной и женщиной, с возможностью по своей воле выбирать гендерную принадлежность. Традиционные ценности и основанные на них институты отвергаются как «устаревшие», подвергаются жесткой критике. Таким образом, идеология современного феминизма, вместо защиты прав и свобод женщин превратилась в часть той «перманентной революции», которая в наши дни обрела форму лево-радикального либерализма.

В заключение приведем высказывание одной из современных исследовательниц феминизма: «Эта долгая борьба, особенно острая в течение последних двух веков, отнюдь не помогла женщине вернуть уверенность в себе, а наоборот, сделала ее еще более слабой, еще более ранимой. Какими способами она пытается состязаться с мужчиной? ... На самом деле это соревнование порождает зависимость, ибо на всем его протяжении женщина нуждается в том, чтобы в ней признали мужские качества, и причем сделать это должны сами мужчины. Оно заставляет ее постепенно утрачивать свои истинные качества, поскольку она должна сражаться, работать, завоевывать, спорить как мужчина, а не как женщина. Она ведет себя не так, как свойственно ей, а пытается делать все так, как это сделал бы мужчина [8].

Список литературы

1. де Бовуар С. Второй пол. СПб.: Прогресс, 2017 [Электронный ресурс]. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23031636

2. Исмаев М. Власть зеркала. Философская книга-тренинг. Издательские решения, 2020 [Электронный ресурс]. <https://mybook.ru/author/marat-ismatov/vlast-zerkala-filosofskaya-kniga-trening/read/>
3. Королева Т.А. Феминизм как политическая идеология // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 22, №4. С. 60-66.
4. Крыкова И.В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. №2 (11). С. 65-70.
5. Никонов А.П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека. М.: НЦ ЭНАС, 2005. 256 с.
6. Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также мужчинами и женщинами // Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. С. 84-106.
7. Сеть «GWANET – Гендер и вода в Центральной Азии». <http://www.gender.cawater-info.net/>
8. Стейнберг Гусман Д. Душа женщины [Электронный ресурс]. <https://newacropolis.org.ua/articles/dusha-zhinky?l=ru>
9. Трофимова Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 178-188.
10. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре / науч. ред. В.Н. Сыров. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 280 с.
11. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
12. Юнг К. AVION: исследование феноменологии самости. Избранное. Мн.: ООО «Попурри», 1998. С. 159-246.
13. Bryson V. (co-edited by Campling J.) Feminist Political Theory: An Introduction. MacMillan. UK, 1992.
14. Freedman J. Feminism. Buckingham and Philadelphia, PA: Open University Press, 2001.
15. Squires J. Gender in Political Theory. Cambridge & Malden, MA: Polity Press, 1999.

References

1. de Bovuar S. *Vtoroy pol* [Second floor]. SPb.: Progress, 2017. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23031636
2. Ismatov M. *Vlast' zerkala. Filosofskaya kniga-trening* [Power of the mirror. Philosophical training book]. Izdatel'skie resheniya, 2020. <https://mybook.ru/author/marat-ismatov/vlast-zerkala-filosofskaya-kniga-trening/read/>
3. Koroleva T.A. Feminizm kak politicheskaya ideologiya [Feminism as a political ideology]. *Izvestiya rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2006, vol. 22, no. 4, pp. 60-66.
4. Krykova I.V. Feminizm: proiskhozhdenie ponyatiya i ego traktovaniya v sovremennoy nauke [Feminism: the origin of the concept and its interpretation in modern science]. *Analitika kul'turologii*, 2008, no. 2 (11), pp. 65-70.
5. Nikonov A.P. *Konets feminizma. Chem zhenshchina otlichaetsya ot che-loveka* [The end of feminism. How a woman differs from a man]. M.: NTs ENAS, 2005, 256 p.
6. Omel'chenko E. Stanovlenie gendera: Kto i chto pomogaet nam stat' soboy, a takzhe muzhchinami i zhenshchinami [Formation of gender: Who and what helps us to become ourselves, as well as men and women]. *Gender dlya «chaynikov»* [Gender for “dummies”]. M.: Zven'ya, 2006, pp. 84-106.
7. *Set' «GWANET – Gender i voda v Tsentral'noy Azii»* [Network “GWANET – Gender and Water in Central Asia”]. <http://www.gender.cawater-info.net/>
8. Steynberg Gusman D. *Dusha zhenshchiny* [The soul of a woman]. <https://newacropolis.org.ua/articles/dusha-zhinky?l=ru>
9. Trofimova E.I. Terminologicheskie voprosy v gendernykh issledovaniyakh [Terminological issues in gender studies]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2002, no. 6, pp. 178-188.
10. Khitruk E.B. *Muzhskoe i zhenskoe: ot prirody k kul'ture* [Male and female: from nature to culture] / ed. V.N. Syrov. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2017, 280 p.
11. Yukina I.I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of our time] / ed. T. A. Meleshko. SPb.: Aleteyya, 2007, 544 p.

12. Yung K. *AVION: issledovanie fenomenologii samosti. Izbrannoe* [AVION: A study of the phenomenology of the self. Favorites]. Mn.: ООО «Popurri», 1998, pp. 159-246.
13. Bryson V. (co-edited by Campling J.) *Feminist Political Theory: An Introduction*. MacMillan. UK, 1992.
14. Freedman J. *Feminism*. Buckingham and Philadelphia, PA: Open University Press, 2001.
15. Squires J. *Gender in Political Theory*. Cambridge & Malden, MA: Polity Press, 1999.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Неронов Александр Владимирович, кандидат культурологии
ФГБОУ ВО СПХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, 197022,
Российская Федерация
neronov58@mail.ru

Неронова Марина Юрьевна, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО СПХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, 197022,
Российская Федерация
marina.neronova@pharminnotech.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Neronov, Candidate of Cultural Studies
Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation
neronov58@mail.ru

Marina Yu. Neronova, Candidate of Philosophical Sciences
Saint Petersburg State Chemical Pharmaceutical University
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation
marina.neronova@pharminnotech.com

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-155-168

УДК 811

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСВОЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОЛЛИЗИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ И СИСТЕМ

Калабекова Л.Т., Сайджанова В.С.

***Цель.** Материал настоящей статьи призван скорректировать в аспекте практической дидактики методику восприятия сопоставительно-контрастивных исследований студентами высших учебных заведений.*

***Научная новизна** работы состоит в выводе о том, что при лингводидактическом подходе к контрастивному изучению двух и более языковых культур исследователю всегда следует помнить о том облигаторном условии, что методика обучения должна непременно адаптироваться к целям и задачам учебной деятельности.*

***Методологической базой** статьи стал диалектический принцип единства формы и содержания в двух его ключевых проявлениях: семасиологическом и ономасиологическом. В первом случае в сферу изучения попадают структурные особенности сравниваемых языков. Во втором – категория сопоставления носит чисто семантический характер. Целесообразность привлечения к анализу обеих методик обеспечивает возможность учета специфических характеристик каждой из сопоставляемых лингвосистем.*

***В результате** лингводидактического подхода к освоению межъязыковых коллизий в языках разных типов и систем объектом научного исследования становится конкретный эмпирический материал, направленный на преодоление незначительных погрешностей*

или даже ошибок, возникающих в иноязычной речи обучающегося как следствие интерференции.

Область применения результатов. Результаты настоящей статьи могут быть использованы для совершенствования методов обучения иностранному языку как неродному в высшей школе.

Ключевые слова: лингводидактика; контрастивный анализ; межъязыковые коллизии; глагольная парадигма; языковая интерференция

LINGUODIDACTICAL ASPECT OF INTERLINGUAL COLLISIONS ASSIMILATION IN LANGUAGES OF DIFFERENT TYPES AND SYSTEMS

Kalabekova L.T., Saydzhanova V.S.

Purpose. The article is intended to correct the methodology of perception of comparative-contrastive research by higher educational institutions students in the aspect of practical didactics.

The scientific novelty of the study is in the conclusion that according to a linguodidactic approach to the contrastive study of two or more linguistic cultures a researcher should always remember the obligatory condition that the teaching methodology must certainly adapt to the goals and objectives of educational activity.

The methodological basis of the article is the dialectical principle of the unity of form and content in its two key manifestations: semasiological and onomasiological. In the first case, the structural features of the compared languages are under studying. In the second one, the category of juxtaposition seems purely semantic. The expediency of involving both methods in the analysis makes it possible to take into account the specific characteristics of each of the compared linguistic systems.

As a result of a linguodidactic approach to the development of interlingual collisions in languages of different types and systems the object of scientific research is the particular empirical material, aimed at overcoming minor errors or errors that arise in the student's foreign language speech as a result of interference.

Practical implications. *The results of the research can be used in improving the methods of teaching a foreign language as a non-native language in universities.*

Keywords: *linguodidactics; contrast analysis; interlanguage collisions; verb paradigm; language interference*

Сопоставительная лингвистика возникла из необходимости описания разнообразного лингвистического материала в дидактических целях. У истоков становления данной отрасли науки лежат, безусловно, разыскания известного франко-швейцарского лингвиста Ш. Балли. Знания, приобретенные исследователем при обучении немецкому языку франкоязычной аудитории, легли в основу его энциклопедических трудов по общему и сравнительно-историческому языкознанию, французскому и немецкому языкам. Спрос на преподавание русского языка в иноязычной аудитории послужил своего рода стимулятором к появлению сопоставительно-контрастивных разысканий и в нашей стране. Становление и развитие такого рода исследований связаны с именами выдающихся русских языковедов Е.Д. Поливанова, Н.М. Шанского, Л.В. Щербы, В.Н. Ярцевой и др. [6, с. 16].

Сущность упомянутой методики состоит, прежде всего, в совокупности приемов, доказывающих историческую идентичность или родство слов и морфем в тех случаях, когда это не очевидно. Приемы, предлагаемые сопоставительной методикой для двух и более лингвокультур, в основном тождественны, они позволяют эксплицировать обнаруживаемые межъязыковые коллизии в языках неодинаковой типологической направленности [12, с. 104]. При изучении русского языка, писал Л.В. Щерба, приходится прибегать к сопоставлениям с родным языком, т.к. если и можно вывести родной язык из процесса обучения, то изгнать его из голов обучающихся – цель практически неосуществимая [11, с. 56]. Задача педагога сводится к тому, чтобы обнаружить интегральные и дифференциальные черты, возникающие при изучении эквивалентных языковых явлений в двух сопоставляемых языках. Такого рода сравнения

помогают лучше осмыслить специфику вновь изучаемой лингвокультуры сквозь призму родного языка и облегчают практическое овладение ею. Активное усвоение иностранного языка требует от человека определенных усилий, специального обучения, тогда как активное владение родным языком достигается путем повседневной коммуникации в пределах соответствующей языковой среды.

Всякое постижение второго языка ведет к билингвизму, который может быть как чистым, так и смешанным. В первом случае между языковыми культурами не устанавливается никаких сравнений, никаких параллелей. Примером подобного чистого двуязычия может служить владение нашей «старой» русской аристократией в равной степени обоими языками (как русским, так и французским). Французский язык познавался от гувернеров или гувернанток, вовсе не знавших русского. У людей, в равной степени владеющих обоими языками, возникает некий единый язык (*langue à trois termes*, по образному выражению Л.В. Щербы), в котором каждому значению исходной языковой единицы могут соответствовать два варианта экспликации. При этом эти последние используются параллельно. О смешанном же билингвизме мы говорим в тех случаях, когда второй язык изучается с постоянной оглядкой на первый, т.е. усваивается сквозь призму первого. При смешанном двуязычии вновь осваиваемый язык всегда претерпевает то или другое воздействие первого языка, во всяком случае, в смысле категоризации явлений действительности. При изучении языков подавляющее большинство лингвистов обретают именно этот тип двуязычия, т.к. вновь изучаемая языковая культура воспринимается этими последними в той или иной степени в рамках и категориях родной языковой системы [12, с. 6-7].

Итак, сопоставительное исследование двух близкородственных или неродственных языков может проводиться в двух направлениях: 1) научном и 2) лингводидактическом. В первом случае полученные сведения призваны обогатить сопоставительно-контрастивное языкознание свежими научными данными, которые впоследствии могут быть использованы в описательных, чисто теоретических

целях. Во втором – объектом изучения становится конкретный эмпирический материал, направленный на преодоление незначительных погрешностей или даже ошибок, возникающих в иноязычной речи обучающегося как следствие интерференции [4, с. 226-227].

В современной науке о языке помимо интерференции обособляются и такие понятийные категории как *заимствование* и *конвергенция*. При этом проблема соотношения интерференции и заимствования до сих пор остается дискуссионной. Для одних ученых это два разных понятия, другие же инкорпорируют понятие *заимствование* в *интерференцию*. Если интерференция воспринимается в качестве развивающегося процесса скорее психологического порядка, то заимствование помимо некоего процесса являет собой уже состоявшийся результат. Так, в частности, понятие лексического заимствования включается в орбиту интерференции в качестве одной из ее основных разновидностей [1, с. 169].

Интерференции подвержены, как правило, все языковые уровни, однако основным источником речевых погрешностей говорящего лица становится звуковая интерференция. Обучающимся достаточно сложно преодолеть артикуляционный уклад родного языка, поскольку, овладевая иностранным языком, они непроизвольно воспринимают его сквозь «призму» родной лингвокультуры. В ситуации билингвизма речь идет о межъязыковой интерференции, а под взаимодействием литературного языка и диалектов формируется внутриязыковая интерференция [9, с. 11]. Между тем без правильного произношения невозможно развитие умений и навыков говорения, аудирования или письма на иностранном языке. В письменной речи обучающихся обнаруживаются фонологические и фонетические ошибки, а как следствие этого возникают орфографические или грамматические погрешности. В устной речи фонологические и артикуляционные «ляпы» приводят к коммуникативным неудачам [2, с. 4-5].

Усвоению фонетики иностранного языка уделяется достаточное внимание со стороны преподавателей-исследователей, а именно: составляются учебно-методические пособия по изучению фонетического строя той или иной языковой культуры. При этом доста-

точно много учебных пособий посвящены сравнительному анализу фонологической системы русской лингвокультуры и изучаемого иностранного языка. Так, в частности, методом эмпирического анализа было выявлено, что с позиции стандартного китайского языка (путунхуа) типичными произносительными ошибками для китайцев, встречающимися при изучении русской языковой системы, становятся следующие: 1) глухие/звонкие звуки, которые артикулируются как китайские придыхательные/непридыхательные. Правда носители диалектов, в которых имеют место звонкие согласные, произносят, как правило, вместо русских звонких диалектные звонкие; 2) довольно часто китайцы не дифференцируют большинство русских мягких/твердых согласных; 3) вместо русских переднеязычных дорсальных звуков произносят китайские апикальные; 4) вместо русских дрожащих произносятся китайские апикальные боковые звуки; 5) в конце слова и между согласными вставляются китайские гласные звуки; 6) после конечного мягкого согласного произносится гласный звук «и»; 7) русские гласные верхнего подъёма «и/ы» чаще всего не распознаются: вместо «ы» произносится звук схожий по звучанию со звуком «и» [9, с. 18].

В современной лингвистике достаточно много внимания уделяется проблеме *языковых контактов*, под которыми подразумеваются взаимодействие и взаимовлияние двух или нескольких языковых систем в строгом соответствии с числом языков, задействованных в определенной речевой ситуации. Речь идет, в частности, о взаимодействии и взаимовлиянии: 1) диалектов и наречий одной языковой культуры; 2) языков различных социальных групп в пределах одной лингвосистемы; 3) близкородственных языков и, наконец, 4) языковых систем, не связанных близкими отношениями, т.е. языков разной типологической модели. [5, с. 166]. Следует заметить, что термин *языковой контакт* пришел на смену понятию *смешение языков*, которое, впрочем, Л.В. Щерба считал одним из самых малопонятных в современной лингвистике. Ученый находил гораздо более рациональным использование термина *взаимное влияние языков* [10, с. 40-42].

Между тем в языковедческой литературе встречается далеко не одинаковое понимание данной проблематики. Классификации, предлагаемые исследователями-лингвистами, порой разнятся довольно существенно, хотя нельзя не признать и того факта, что сам по себе термин *языковой контакт* является своего рода метафорой, т.к. в реальной действительности речь идет не о контактах между различными языковыми культурами, а о взаимодействиях возникающих между представителями самых разных цивилизаций [3, с. 167].

Известный американский лингвист С. Крашен выдвинул 5 гипотез, которые определяют главные принципы изучения любого иностранного языка. Речь идет о 1) гипотезе усвоения и изучения; 2) гипотезе контролера (редактора); 3) гипотезе естественного порядка; 4) гипотезе входного материала и 5) гипотезе эмоционального фильтра. Научная концепция С. Крашена базируется на тезисе о том, что всякий язык следует осваивать естественным образом. Только при соблюдении этого непреложного условия обучение будет максимально быстрым и продуктивным [14, р. 10-32]. Безусловно, у данной теории есть как сторонники, так и противники. Последние в качестве основного аргумента высказывают мнение о том, что сформулированные С. Крашеном гипотезы невозможно проверить экспериментальным путем.

Сделаем небольшой экскурс в учение американского исследователя и определим для себя те приоритеты, которые, на наш взгляд, могут быть эффективны при изучении любого иностранного языка. Итак, согласно Крашену, существуют две методики овладения иностранным языком: *усвоение и изучение*. Процесс усвоения происходит на бессознательном уровне, т.к. человек ничего не изучает специально. Мы занимаемся усвоением, когда читаем, слушаем музыку или подкасты, смотрим фильмы на иностранном языке, создавая, таким образом, вокруг себя языковую среду. Изучение же – процесс сознательного получения знаний. Для того чтобы воспринятая и воспроизведенная информация была осознана, мы должны совершить над собой некое усилие, должны ее понять. При этом процесс усвоения гораздо эффективнее изучения. При овладении

новым языком необходимо больше времени уделять его естественному восприятию, а не механическому изучению лексики, правил орфографии или грамматики. Мы начинаем говорить и писать на изучаемом языке благодаря именно усвоению.

Изучение инициирует появление *внутреннего редактора*, который контролирует грамотность нашей речи. Благодаря изучению грамматических правил и выполнению упражнений мы обучаемся не просто изъясняться, а учимся грамотно формулировать предложения на иностранном языке. Между тем у людей, которые больше времени посвящают изучению, а не усвоению языка, развивается языковой барьер. Обучающийся начинает бояться сделать ошибку, т.к. слишком сильно контролирует себя и, как следствие, так и не решается заговорить на изучаемом языке. Получается своего рода «парадокс», когда чрезмерное увлечение грамматическими правилами мешает развитию и совершенствованию устной речи. В то же время треть ошибок, совершаемых обучающимися, приходится именно на незнание правил грамматики (морфологического, синтаксического или словообразовательного порядка). Отсюда возникают погрешности в спряжении, склонении, управлении:

Мальчик любят (вместо «любит») играть в компьютерные игры; Бабушка посмотрел (вместо «посмотрела») на меня и улыбнулась;

Мы должны часто помогаем друг друга (вместо «помогать друг другу»);

Я интересую красивый пейзаж (вместо «Меня интересует») [10, с. 122].

Кроме того, недостаточный запас используемой лексики приводит к неточностям в употреблении синонимов, антонимов, омонимов, паронимов и т.д.

Согласно *гипотезе естественной* последовательности, в соответствии с концепцией Крашена, абсолютно любой человек изучает иностранный язык в определенном естественном порядке. Сначала усваиваются общие вопросы и только потом – специальные. Изучаемый материал следует излагать по принципу от простого к

сложному, что, безусловно, способствует эффективному усвоению. Успешное овладение иностранной языковой культурой происходит в том случае, когда обучающийся воспринимает понятный ему материал на слух или зрительно: слушает подкасты, смотрит сериалы, читает доступные тексты (*гипотеза входного материала*). При этом максимальную пользу обучение приносит в том случае, если мы «работаем» с языковым материалом на уровень выше, чем текущий уровень студента, а именно: на уровне *intermediate* наиболее продуктивно изучать тексты, слушать подкасты и смотреть видеоролики, соответствующие уровню *upper-intermediate*. У человека, испытывающего негативные эмоции (такие как страх, злость, раздражение или грусть), появлению которых способствуют стресс, отсутствие мотивации, неуверенность в себе и т.д., развивается так называемый *эмоциональный фильтр*. Бесспорно, все только что перечисленные аффективно окрашенные факторы препятствуют изучению и усвоению любой лингвосистемы. Зачастую именно из-за страха, волнения или неуверенности в себе студенты «грязно» произносят звуки, неверно ставят фразовое ударение или делают ошибки другого порядка.

Как показывает практика работы с франкоязычной аудиторией, одним из наиболее трудных вопросов при обучении русскому языку как иностранному является аспектuality. Хотя определение вида русского глагола становится настоящей «катастрофой» не только для франкоговорящих студентов:

Учитель входил (вместо «вошел») в аудиторию и начал объяснять (вместо «объяснять») урок;

Настоящая любовь может побеждать (вместо «победить») все [10, с. 122].

Богатство и разнообразие префиксальных и суффиксальных форм русской лингвокультуры делают русскую глагольную систему не просто сложной, а порою даже «парадоксальной» для иностранцев. Отсюда возникает трудность в усвоении морфологически отмеченных способов действия (СД) русского глагола, как, впрочем, и всей системы аспектuality. Французский язык, в силу совер-

шенно иного типологического уклада, отличается вербоцентричностью, когда глагольная лексема становится структурообразующим звеном, вокруг которого группируются все другие элементы высказывания [8, с. 178].

Безусловно, студенты высших учебных заведений легче усваивают и гораздо продуктивнее овладевают иностранным языком, если находят сходства последнего с их родным языком или какой-либо другой уже известной им языковой культурой. Проводя такого рода параллели, преподаватель намного эффективнее достигает желаемого результата. Вместе с тем довольно часто возникают и оплошности фонетического, грамматического, лексического порядка, вызванные интерференцией родного или уже знакомого иностранного языка.

Контрастивный подход к исследованию грамматических категорий в рамках как близкородственных, так и неродственных языков представляется приоритетным хотя бы потому, что *a priori* обеспечивается богатым эмпирическим материалом, служащим базой для лингвистического анализа. Сравнительно-типологические разыскания, проводимые как в рамках близкородственных языков, так и на уровне языков неродственных, вскрывают тот факт, что в основе всех расхождений (лексической, семантической и синтаксической природы) лежат, в первую очередь, системные особенности любого отдельно взятого естественного языка [7, с. 27]. В процессе сопоставления двух или более языковых культур нередко высвечиваются специфические особенности отдельно взятой лингвосистемы, которые могут остаться незамеченными при ее изолированном изучении.

Список литературы

1. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: Дисс ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 350 с.
2. Будник Е.А. Лингводидактические аспекты изучения звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 23 с.
3. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 312 с.

4. Закирьянов К.З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометодический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 3. С. 224-233. <https://doi.org/10.15643/libartus-2015.3.6>
5. Захватаева К.С. Языковые контакты: Базовые понятия и их стратификация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 165-170. https://lib.herzen.spb.ru/text/zakhvataeva_126_165_170.pdf
6. Калабекова Л.Т. Грамматический вид в разноструктурных языках: внутрикатегориальные и межкутегориальные взаимодействия (на материале французского, русского, осетинского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2013. 45 с.
7. Калабекова Л.Т. Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков): Монография / под ред. докт. филол. наук, проф. Л.Б. Гацаловой. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2015. 196 с.
8. Соколова О.Л., Скопова Л.В. Дидактические аспекты глагольного управления во французском и русском языках // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 177-182.
9. Чжао Чжэ. Звуковая интерференция в русском языке под влиянием языка-субстрата в условиях русско-китайских языковых контактов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. 22 с.
10. Чжан С., Сергеева Н.Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 120-124.
11. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М. – Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. 95 с.
12. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1958. 184 с.
13. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Paris: Leroux, 1932. 410 p.
14. Krashen S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Prentice-Hall International, 1987, pp. 10-32. <https://www.academia.edu/17109255> (дата обращения: 01.06.2021)

References

1. Bagana Zh. *Jazykovaja interferencija v uslovijah franko-kongolezskogo bilingvizma* [Linguistic interference in the context of Franco-Congolese bilingualism]. PhD dissertation. Saratov, 2004, 350 p.
2. Budnik E.A. *Lingvodidakticheskie aspekty izuchenija zvukovoj interferencii (na materiale rusko-portugal'skogo dvujazychija)* [Linguodidactic aspects of the study of sound interference (based on the data of Russian-Portuguese bilingualism)]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2009, 23 p.
3. Desheriev Ju.D. *Social'naja lingvistika. K osnovam obshhej teorii*. [Social linguistics. To the basics of general theory]. Moscow: Nauka, 1977, 312 p.
4. Zakir'janov K.Z. Sopostavitel'noe issledovanie raznostrukturnyh jazykov: lingvometodicheskij aspekt [Comparative study of multi-structural languages: linguo-methodological aspect]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian humanitarian journal], 2015, vol. 4, no. 3, pp. 224-233. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2015.3.6>
5. Zahvataeva K.S. *Jazykovye kontakty: Bazovye ponjatija i ih stratifikacija* [Language contacts: Basic concepts and their stratification]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2010, no. 126, pp. 165-170. https://lib.herzen.spb.ru/text/zakhvataeva_126_165_170.pdf
6. Kalabekova L.T. *Grammaticheskij vid v raznostrukturnyh jazykah: vnutrikategorial'nye i mezhkategorial'nye vzaimodejstviya (na materiale francuzskogo, russkogo, osetinskogo jazykov)* [Grammatical view in different-structured languages: intracategory and intercategory interactions (based on the data of French, Russian, Ossetian)]: Abstract of PhD dissertation. Vladikavkaz, 2013, 45 p.
7. Kalabekova L.T. *Sposoby glagol'nogo dejstviya v kontrastivnom osveshhenii (na materiale francuzskogo, russkogo, osetinskogo jazykov)* [Ways of verbal action in contrasting studying (based on the data of French, Russian, Ossetian)]. Monograph / ed. by Phd in Philology, prof. L.B. Gatsalova. Vladikavkaz: Publishing house of SOGU, 2015, 196 p.

8. Sokolova O.L., Skopova L.V. Didakticheskie aspekty glagol'nogo upravleniya vo francuzskom i russkom jazykah [Didactic aspects of verbal management in French and Russian]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2020, no. 5, pp. 177-182.
9. Zhao Zhe. *Zvukovaja interferencija v russkom jazyke pod vlijaniem jazyka-substrata v uslovijah russko-kitajskih jazykovyh kontaktov* [Sound interference in the context of Russian and Chinese language contacts]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2017, 22 p.
10. Zhan S., Sergeeva N.N. Tipichnye oshibki v podgotovlennoj ustnoj rechi kitajskih studentov pri izuchenii russkogo jazyka [Typical mistakes in the prepared oral speech of Chinese students in the study of the Russian language]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2019, no. 6, pp. 120-124.
11. Shcherba L.V. *Prepodavanie inostrannyh jazykov v srednej shkole. Obshhie voprosy metodiki* [Teaching foreign languages in secondary school. General issues of the methodology]. Moscow–Leningrad: Publishing house of RSFSR Acad. of Ped. Sciences, 1947, 95 p.
12. Shcherba L.V. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1958, 184 p.
13. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. Paris: Leroux, 1932, 410 p.
14. Krashen S. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Prentice-Hall International, 1987, pp. 10-32. <https://www.academia.edu/17109255> (accessed 01.06.2021)

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Калабекова Людмила Тазретовна, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная

Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
kalabekova@list.ru

Сайджанова Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
victoire@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ludmila T. Kalabekova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
kalabekova@list.ru
ORCID: 0000-0003-4828-6602

Viktoria S. Saydzhanova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
victoire@list.ru
SPIN: 2137-5433
ORCID: 0000-0002-3346-6945

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-169-179

УДК 811.111

КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.

Цель. Авторы ставят целью установление прямых и косвенных средств реализации побудительных речевых актов в современной англоязычной политической коммуникации с учетом присущих ей культурно маркированных национально-специфических средств.

Метод и методология исследования. Основными методами исследования данной работы являются лингвистический, описательный и логико-семантический.

Результаты. Категория побудительности в британском политическом дискурсе имеет ярко выраженные культурно маркированные национально-специфические черты и эксплицитно и имплицитно выражается в разнообразных формах, как лексико-грамматическими, так и синтаксическими средствами. К лексико-грамматическим культурно маркированным национально-специфическим средствам британского политического дискурса можно отнести модальные глаголы, перформативные глаголы с семантикой волеизъявления, наречия со значением необходимого, безотлагательного действия, а также сослагательное наклонение. Синтаксические средства большей частью имплицитуются с помощью условных предложений.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в области политической лингвистики, культурологии и риторики.

Ключевые слова: категория побуждения; эксплицитные и имплицитные средства реализации; политический дискурс; языковые средства; культурно маркированные национально-специфические средства; Великобритания; премьер-министр

CULTURALLY MARKED NATIONAL SPECIFIC MEANS OF EXPRESSING HORTATIVE UTTERANCES IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

Kaufova I.B., Kaufova L.A.

Purpose. *The article deals with analyzing direct and indirect means of implementing hortative speech acts in modern English-language political communication, taking into account their culturally marked national-specific characteristics.*

Methodology. *The linguistic, descriptive methods as well as the method of logic and semantic analysis are used as basic methods of the research.*

Results. *Hortative utterances in British political discourse have distinctive culturally marked nationally specific features and are expressed explicitly and implicitly in various forms, by both lexico-grammatical and syntactical means. The lexical and grammatical culturally marked nationally specific means of British political discourse include modal verbs, performative verbs with the semantics of volition, adverbs with the meaning of necessary, urgent action, and by the subjunctive mood. Syntactic means are mostly implied by conditional clauses.*

Practical implications. *Research results can be applied in political linguistics, cultural science and rhetoric.*

Keywords: *hortative utterances; explicit and implicit means of implementation; political discourse; culturally marked national-specific characteristics; Great Britain; UK Prime Minister*

Язык политики и конкретных политических лидеров вызывает пристальный и устойчивый интерес исследователей многих направлений науки. Это происходит не только в силу его ярко выраженного дискурсивного характера, но и в силу специфической сферы использования, благодаря которой говорящий, а точнее выступающий, осуществляет коммуникативные акты, имеющие социальную значимость и способные радикально изменить существующее положение вещей в мире. В политических речах связь между языком

и характером социальных отношений является ключевой. Высказывания политиков зачастую нацелены не на то, «чтобы слова... соответствовали миру», а наоборот, «связаны с целью так, чтобы мир соответствовал словам» [7, с. 172]. Манипуляция, несомненно, присутствует в политическом дискурсе и определяет, а также изменяет сознание людей с помощью взвешенных и опробованных языковых средств.

Категория побуждения имеет ярко выраженную коммуникативную природу, а повелительные высказывания составляют немаловажную часть речевой деятельности человека. Понятие побудительности с лингвистической точки зрения всегда вызывало интерес исследователей. Если ранее лингвистов интересовали большей частью императивные предложения (А.В. Бондарко [2; 3], В.С. Храковский [8] и др.), то позднее в центре внимания оказались коммуникативно-семантические и прагматические явления, связанные с речевыми актами побуждения (А.О. Любимов [5], И.А. Кудинова [4], А.Ю. Маслова [6] и др.).

В центре внимания данной статьи оказываются прямые и косвенные средства реализации побудительных высказываний в современном британском политическом дискурсе. Актуальность статьи обусловлена обращением к одному из наиболее важных направлений в изучении политической лингвистики – выявлению языковой специфики культурно маркированных национально-специфических средств выражения значения побуждения в британском политическом дискурсе. Необходимость данного исследования также продиктована недостаточной изученностью вопросов, связанных с описанием общих и национально-специфических характеристик данного типа англоязычного дискурса

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые уточняется набор культурно маркированных национально-специфических средств выражения значения побуждения, которые использует в своих публичных выступлениях известный британский политик.

Цель статьи состоит в установлении прямых и косвенных средств реализации побудительных речевых актов в современной англоязыч-

ной политической коммуникации с учетом присущих ей культурно маркированных национально-специфических средств. Предметом исследования в данной статье являются прямые и косвенные побудительные речевые акты в публичных выступлениях Б. Джонсона, действующего премьер-министра Великобритании с 24 июля 2019 г.

В данной статье под побудительными высказываниями мы понимаем высказывания, которые стимулируют слушателя к желательному для оратора поведению. В британском политическом дискурсе категория побудительности реализуется за счет ярко выраженных национально-специфических лексико-грамматических и синтаксических средств.

Практическим материалом исследования послужила первая речь Б. Джонсона после вступления в должность премьер-министра Великобритании, произнесенная им 24 июля 2019 г., в которой он выражал свое негодование критикам и пессимистично настроенным гражданам по поводу судьбы Великобритании после выхода из Евросоюза. Согласно нашему исследованию, повелительное наклонение как прямой способ воздействия на аудиторию практически не употребляется в речи британского лидера в силу исторически сложившейся культурной традиции. Однако к культурно маркированным национально-специфическим лексическо-грамматическим средствам выражения значения побуждения в британском политическом дискурсе можно отнести, прежде всего, модальные глаголы. В проанализированном практическом материале встречается значительное количество модальных глаголов, имеющих своей целью побуждение к действию. Например:

1) *If an agreement is to be reached it **must** be clearly understood that the way to the deal goes by way of the abolition of the backstop*

2) *In the 98 days that remain to us we **must** turbo-charge our preparations to make sure that there is as little disruption as possible to our national life.*

3) *But I am clear that our immigration system **must** change [9].*

Использование глагола *must* в речи британского политика является весьма эффективным средством воздействия и звучит гораздо убедительнее, чем все другие модальные глаголы. Должность

премьер-министра дает Б. Джонсону право употреблять подобные категоричные высказывания, но, тем не менее, в ряде случаев он дипломатично нивелирует авторитарный характер высказывания употреблением местоимения *we*.

Использование глаголов *need* и *have to*, которые указывают на необходимость или вынужденность совершения действия, имеет более тактичный и менее ультимативный характер, но не делают высказывания политического лидера менее действенными. Скорее они способствуют сближению оратора с аудиторией. Например:

1) *And I hope that the EU will be equally ready and that they will rethink their current refusal to make any changes to the Withdrawal Agreement. If they do not, we will of course **have to** leave the EU without an agreement under Article 50 .*

2) *Our national participation in the European Union is coming to an end. This reality **needs** to be recognized by all parties [9].*

Модальный глагол *should* используется Б. Джонсоном для выражения своего мнения и дачи рекомендаций в области внутренней политики, но его речь остается столь же убедительной. Например:

*For our part we are ready to negotiate in good faith an alternative, with provisions to ensure that the Irish border issues are dealt with where they **should** always have been: in the negotiations on the future agreement between the UK and the EU [9].*

Использование модального глагола *will* в побудительных высказываниях Б. Джонсона выражает готовность и решимость совершить безотлагательные действия. Премьер-министр обращается к спикеру парламента, но фактически дает обязательство всей стране, подчеркивая весомость своих обещаний лексическим повтором модального глагола *will* и рядом однотипных по синтаксическому составу предложений, выражая при этом единение себя с народом с помощью личного местоимения *we*. Все эти языковые приемы имеют целью манипулировать общественным сознанием аудитории. Например:

1) *Indeed, Mr Speaker, we **will** begin right away on working to change the tax rules to provide extra incentives to invest in capital and research.*

2) *And we **will** be now accelerating the talks on those free trade deals.*

3) *And we **will** prepare an economic package to boost British business and lengthen this country's lead as the number one destination in this continent for overseas investment [9].*

В ситуации, где британский премьер-министр имеет целью сделать высказывание менее авторитарным, он использует модальный глагол *could*, имеющий в повелительных высказываниях рекомендательный характер. Например:

1) *Our future clean, green, prosperous, united, confident, ambitious – this my friends is the prize, more still the responsibility that it falls on us to fulfill. And to do so, we **could** take some immediate steps.*

2) *No country that values its independence and indeed its self-respect **could** agree to a Treaty which signed away our economic independence and self-government as this backstop does.*

3) *Indeed, Mr Speaker today there are very many brilliant officials trapped in meeting after meeting in Brussels and Luxembourg when they **could** be better deploying their talents in preparing to pioneer new trade deals and promoting a truly Global Britain [9].*

Как видно из приведенных выше примеров, употребление модальных глаголов в побудительных высказываниях является важным инструментом оказания прямого воздействия на слушателя, что, несомненно, помогает оратору в достижении коммуникативной цели.

Лексические единицы языка могут значительно повышать эффективность речевого воздействия побудительного речевого акта. Проанализированный материал показал, что побудительные высказывания с перформативными глаголами с семантикой волеизъявления, а также наречия со значением необходимого, безотлагательно-го действия, эксплицитно усугубляют воздействие на аудиторию. Например:

1) *I have today **instructed** the Chancellor of the Duchy of Lancaster to make these preparations his top priority. I have **asked** the Cabinet Secretary to mobilize the Civil Service to deliver this outcome should it become necessary.*

2) *I have **asked** officials to provide policy proposals for drastically reducing waiting times and for GP appointments.*

3) *And to do so, we could take some **immediate** steps [9].*

Приказы, команды и распоряжения имеют иногда слишком императивный характер, и мудрый политик может добиться цели, прибегая к косвенным побудительным речевым актам, имеющим имплицитное содержание побуждения и реализующимся в политическом дискурсе с помощью сослагательного наклонения. Например:

1) *I **would prefer** us to leave the EU with a deal. I **would much prefer** it.*

2) *I have asked the Cabinet Secretary to mobilize the Civil Service to deliver this outcome **should it become necessary** [9].*

К синтаксическим средствам выражения побуждения можно отнести сложноподчиненные предложения условия и времени. Имплицитный характер побуждения выражается в них не с помощью повелительного наклонения, но тем не менее имеет не менее действенный характер, побуждая слушателей выполнить определенные условия для достижения коллективной цели. Например:

1) ***If an agreement is to be reached** it must be clearly understood that the way to the deal goes by way of the abolition of the backstop.*

2) *And I hope that the EU will be equally ready and that they will rethink their current refusal to make any changes to the Withdrawal Agreement. **If they do not**, we will of course have to leave the EU without an agreement under Article 50.*

3) *And that is why I believe that **if we bend our sinews to the task now**, there is every chance that in 2050, when I fully intend to be around, though not necessarily in this job, we will look back on this period, this extraordinary period, as the beginning of a new golden age for our United Kingdom [9].*

Итак, побудительные высказывания являются неотъемлемой характеристикой британского политического дискурса. Публичные выступления политических деятелей отражают состояние общества, общенациональный культурный фонд и историче-

ское наследие государства и имеют ярко выраженные культурно маркированные национально-специфические черты. Категория побудительности эксплицитно и имплицитно выражается в разнообразных формах как лексико-грамматическими, так и синтаксическими средствами. К лексико-грамматическим культурно маркированным национально-специфическим средствам британского политического дискурса можно отнести модальные глаголы, перформативные глаголы с семантикой волеизъявления, наречия со значением необходимого, безотлагательного действия, а также сослагательное наклонение. Синтаксические средства большей частью имплицитуются с помощью условных предложений. Побудительные высказывания в британском политическом дискурсе направлены к массовому адресату с целью завоевания или удержания власти и являются важной социально значимой реальностью.

Список литературы

1. Бирюлин Л.А. Волюнтаривные рамки в структуре побуждения // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте: тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987. С. 17-20.
2. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Том 43, Вып. 6. С. 492-503.
3. Бондарко А.В. Структура императивной ситуации (на материале русского языка) // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2: Семантика и прагматика повелительных предложений /Отв. ред. Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский. М.: «Наука», 1990. С. 4-9.
4. Кудинова И.А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 23 с.
5. Любимов А.О. Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 196 с.

6. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. СПб, 2009.40 с.
7. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
8. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив. / Отв. ред. В.Б. Касевич. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 270 с.
9. <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-leader-speech-text-idUSKCN1UK1JK> (дата обращения: 27.06.2021)

References

1. Biryulin L.A. Volyuntativnye ramki v strukture pobuzhdeniya [Voluntative framework in the structure of motivation]. *Propozitsional'nye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte: tezisy dokladov rabocheho soveshchaniya* [Propositional predicates in the logical and linguistic aspect: abstracts of the workshop reports]. Moscow, 1987, pp. 17-20.
2. Bondarko A.V. O grammatike funktsional'no-semanticheskikh poley [On the grammar of functional-semantic fields]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [AN SSSR Bulletin. Literature and Language Series], 1984, vol. 43, no. 6, pp. 492-503.
3. Bondarko A.V. Struktura imperativnoy situatsii (na materiale russkogo yazyka) [The structure of an imperative situation (based on the Russian language)]. *Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Chast 2: Semantika i pragmatika povelitel'nykh predlozheniy* [Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2: Semantics and pragmatics of imperative clauses]. Moscow: "Nauka", 1990, pp. 4-9.
4. Kudinova I.A. *Kategoriya implitsitnosti v reklamnom diskurse (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [The category of implicitness in advertising discourse (based on the modern English material)]: Abstract of PhD dissertation. Belgorod, 2010, 23 p.

5. Lyubimov A.O. *Sredstva vyrazheniya pobuzhdeniya v sovremennom portugal'skom yazyke* [Means of expressing motivation in modern Portuguese]: PhD dissertation. Moscow, 1984, 196 p.
6. Maslova A.Yu. *Kommunikativno-semanticheskaya kategoriya pobuditel'nosti i ee realizatsiya v slavyanskikh yazykakh (na materiale serbskogo i bolgarskogo yazykov v sopostavlenii s russkim)* [The communicative-semantic category of incentive and its implementation in the Slavic languages (based on the material of the Serbian and Bulgarian languages in comparison with Russian)]: Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2009, 40 p.
7. Serl G.R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vol. XVII: Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Vol. XVII: Theory of speech acts]. Moscow: Progress, 1986, pp. 170-194.
8. Khrakovskiy V.S. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperative* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1986, 270 p.
9. <https://www.reuters.com/article/us-britain-eu-leader-speech-text-idUSKCN1UK1JK> (accessed 27.06.2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кауфова Инесса Беталовна, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

*пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
ikaufova@yandex.ru*

Кауфова Лола Аслановна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук

Пятигорский государственный университет

*пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация
lkaufova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Inessa B. Kaufova, Associate Professor, Chair of Theoretic Linguistics and Intercultural Communication Practice, Ph.D. in Philology
Pyatigorsk State University
9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
ikaufova@yandex.ru
SPIN-code: 4124-4408
ORCID: 0000-0001-7079-5185

Lola A. Kaufova, Associate Professor, Chair of Experimental Linguistics and Intercultural Competence, Ph.D. in Philology
Pyatigorsk State University
9, Prospekt Kalinina, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
lkaufova@yandex.ru
SPIN-code: 9901-7238
ORCID: 0000-0002-0967-6408
ResearcherID: N-6914-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-180-199

УДК 811.112.2'42:070

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАКТИК МОБИЛИЗАЦИИ В СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РОССИИ: ПРЕДМЕТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ребрина Л.Н., Милованова М.В.

Цель. Статья посвящена изучению предметного измерения конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей России как одной из системно-коммуникативных характеристик протестной коммуникации.

Метод или методология проведения работы. Методология работы базируется на научных тезисах об обусловленности эффективности мобилизации адресностью воздействия; о протесте как коммуникативной системе со своими пространственно-временными, предметными, коллективно-личностными измерениями, сопряженности технологических и социокультурных изменений, привнесении в ходе медиатизации политики функций СМИ в протестные практики; институционализации конфликта в протестных коммуникативных практиках; о параметрах успешности конфликтной коммуникации (концепция «принципиальных переговоров» Р. Фишера и У. Юрии).

Результаты. Определены закономерности проблематизации социальной реальности в рамках коммуникативных практик конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей России.

Область применения результатов. Результаты могут найти применение в социальной сфере, выполняя иллюстративную и рекомендательную функции для специалистов, занимающихся конфликтными социумами, протестным поведением, в частности для оптимизации коммуникации в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: протестная коммуникация; сообщества в социальных сетях; конфликтная мобилизация; проблематизация социальной реальности; медиатизация

SYSTEMIC-COMMUNICATIVE FEATURES OF MOBILIZATION PRACTICES IN RUSSIAN SOCIAL NETWORKS COMMUNITIES: SUBJECT ASPECT

Rebrina L.N., Milovanova M.V.

Purpose. *The article considers the systemic-communicative subject aspect of conflict mobilization in social networks communities in Russia.*

Methodology. *The methodology of the paper is based on the thesis on impact targeting being affected by the effectiveness of mobilization; on protest as a communicative system with its systemic-communicative features (spatiotemporal, subject, collective-personal); conjugation of technological and social and cultural changes; introducing the media functions into protest practices in the course of mediatization of politics; institutionalization of conflict in protest communication practices; the parameters of conflict communication success (postulates of the “principle agent theory” by R. Fisher and W. Ury).*

Results. *The regularities of problematization of social reality within conflict mobilization in the communities of social networks of Russia are specified.*

Practical implications. *The results can be applied in the social sphere, as well as they can perform exemplary and recommendatory functions for specialists dealing with conflict societies, protest behavior, in particular, to optimize communication in conflict situations.*

Keywords: *protest communication; social networks communities; conflict mobilization; problematization of social reality; mediatization*

1. Сообщества конфликтной мобилизации в социальных сетях России как актор протестной коммуникации

Эффективность реализуемого в рамках конфликтной мобилизации («мобилизация против» [6]) побуждения коллективного субъекта к совместному социально-значимому действию обеспечивается, помимо других условий, адресностью воздействия в целенаправ-

ленно создаваемых для этого сообществах социальных сетей (ССС) [4; 15; 17]. Адресность в данном случае отвечает тенденции распределенного посредством самовыставленных фильтров информирования [2]. Конструируемая в СССР солидарность объединяет гетерогенный состав участников (потребителей и продуцентов контента, членов сообществ, поддерживающих сильные и слабые связи, интернет-скептиков, умеренно активных и активных интернет-пользователей [5]); направлена на конкретные цели и поддерживается и после протестной акции. Начинаясь с формирующей протестные настроения информации «волны», мобилизация предполагает в качестве последующих этапов эмоциональное единение и солидарность, принятие решения о формах активности, организационные действия и обеспечение договоренности, посткоммуникацию (обсуждение акций, фотоотчеты, обмен впечатлениями, оценками и пр.) [2]. Названные этапы реализуются организационными, информационными, психологическими, коммуникативными, воспитательными и идеологическими действиями [8]. СССР характеризуются быстрым, широким распространением информации, интерактивностью, добровольной консолидацией на основе общих, разделяемых знаний и оценок, трансграничностью, горизонтальной самоорганизацией, частотными публикациями от лица коллективного автора (ССС) [9; 10].

2. Методология изучения предметного измерения конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей России

В рамках нашего исследования в качестве актуального формата протестной коммуникации изучаются коммуникативные практики конфликтной мобилизации в СССР России в 2019-2021 гг. (см. список изученных СССР в Таб. 1); контент анализируемых СССР содержит: а) внешние публикации, которыми делятся члены сообщества, выступая со-адресантами; б) косвенно мобилизующие публикации администратора / модератора / членов сообщества (инициация разделения СССР желаемых знаний и оценок для консолидации против

оппонента); в) непосредственно мобилизующие администрируемые публикации сообщества (призыв и организация протестной онлайн- / офлайн-акции) (см. [14]). Объем выборки составил 2010 публикаций.

Современный протест рассматривается нами а) с позиций системно-коммуникативного подхода как коммуникативная система со специфичными пространственно-временным (прототипические дискурсивные практики с их жанровыми особенностями), коллективно-личностным (дискурсивное конструирование адресанта и адресата, коммуникативное поведение участников), предметным (дискурсивная проблематизация реальности, базирующаяся на гносеологической неопределенности современной постмодернистской социальной действительности [1; 14; 20]); б) как воплощение сопряжения политической и медийной сфер, привнесения в исследуемую протестную коммуникацию функций СМИ [21]; в) как проявление детерминированных глобализацией информационно-коммуникативных процессов изменения самих субъектов коммуникации, их характеристик (медиатизация личности, Net-мышление как адаптивный механизм сознания) [10; 12; 13; 14; 22]; г) как практики институционализированного разрешения конфликта, выполняющего при должном качестве коммуникации конструктивную функцию (следовательно, данные практики могут быть описаны в параметрах удовлетворительности; см. постулаты концепции принципиальных переговоров представителей Гарвардской школы конфликтологии Р. Фишер и У. Юри [18]).

3. Характеристика дискурсивной проблематизации социальной реальности в сообществах конфликтной мобилизации в социальных сетях России

Список изученных сообществ конфликтной мобилизации в двух социальных сетях России (Вконтакте и Facebook) представлен в Таблице 1. Привлечение указанных социальных сетей обусловливается их более развитым интерактивным инструментарием и наличием статистики.

Таблица 1.

Сообщества конфликтной мобилизации в социальных сетях

Социальная сеть, наименование СС	Дата организации, статус, ссылка	Кол-во подписчиков / участников
ВКонтакте, Россия против повышения пенсионного возраста	2020, открытая, https://vk.com/nopensionreform	26719
ВКонтакте, Оппозиция	2016, открытая, https://vk.com/ruopp	35570
Human Rights	2013, открытая, https://vk.com/pravachelovekapro	20385
ВКонтакте, Команда Навального	2020, открытая, https://vk.com/teamnavalny	266930
ВКонтакте, Волгоградское время	2016, открытая, https://vk.com/perevodchasov	6446
ВКонтакте, Власть Советов	2020, открытая, https://vk.com/vlastsovetovzasocialism	200
ВКонтакте, СоцФем Альтернатива	2020, открытая, https://vk.com/socfemalt	1505
ВКонтакте, Против системы	2020, открытая, https://vk.com/protiv_sistems	554064
ВКонтакте, Я выступаю против Путина и Единой России	2021, открытая, https://vk.com/rusrise	40589
ВКонтакте, «Петербург против повышения пенсионного возраста»	2018, открытая, https://vk.com/spb.protiv	7261
ВКонтакте, Против поправок в Закон СПб «О митингах»	2013, открытая, http://vk.com/club48790960	71
ВКонтакте, Митинг против пенсионной реформы. Воронеж	2018, открытая, https://vk.com/bez_pensii_vrn	758
ВКонтакте, АнтиНавальный	2017, открытая, https://vk.com/antinavalnyy	12755
ВКонтакте, Другая Россия Э.В. Лимонова	2020, открытая, https://vk.com/drugoross	22529
ВКонтакте, Свободные люди Воронежа	2020, открытая, https://vk.com/flame_in_the_dark	761
ВКонтакте, Путин Бессменный (против обнуления президентских сроков)	2020, открытая, https://vk.com/putin_koshei	96

Продолжение табл. 1.

ВКонтакте, Гомель ПРОТИВ	2019, открытая, https://vk.com/gomel_protiv	2124
ВКонтакте, Я Выступаю Против	2021, открытая, https://vk.com/rusrise	40600
ВКонтакте, Против Путина	2021, открытая, https://vk.com/club463266	11216
ВКонтакте Мы против Единой России! Против политики МНИМОЙ стабильности. Против однопартийной власти!	2007, открытая, https://vk.com/club849414	1091
ВКонтакте Озёры против объединения	2018, открытая, https://vk.com/ozeryprotiv	1233
ВКонтакте, Скажем нет газпром-сити	2009, открытая, https://vk.com/club45764	6139
ВКонтакте, Петербург против	2018, открытая, https://vk.com/spb.protiv	7261
ВКонтакте, Протест в регионах	2112, открытая, https://vk.com/protest_regions	242
ВКонтакте, Сычёво против	2018, открытая, https://vk.com/sch_poligon	2959
Facebook, Антипутинцы	2020, открытая, https://www.facebook.com/Antiputintsy	1 171
Facebook, Путин – не наш президент	общедоступная, 2012, https://www.facebook.com/groups/putlerkaput	6 008
Facebook, Протест	общедоступная, 2015, https://www.facebook.com/groups/361052850685424	735
Facebook, Путин-20 лет геноцида и разграбления России	общедоступная, 2020, https://www.facebook.com/groups/674946523102522/about	176
Facebook, Против законопроекта о регулировании просветительской деятельности»	общедоступная, 2021, https://www.facebook.com/groups/1049940495499023	67
Facebook, Я против нового срока мэра Собянина	общедоступная, 2012, https://www.facebook.com/groups/SobianinNet	35296

Продолжение табл. 1.

Facebook, Народ против коррупционеров, олигархов и казнокрадов	Закрытая, 2011, https://www.facebook.com/groups/navalny	28373
Facebook, долой власть чекистов, воров и мракобесов!	общедоступная, 2019, https://www.facebook.com/groups/1209556955888176	1561
Facebook, НЕТ поправкам к Конституции	общедоступная, 2020, https://www.facebook.com/netpopravkam/	4886
Facebook, Международная Российская Оппозиция	общедоступная, 2016, https://www.facebook.com/teamnav	699
Facebook, Против принудительной вакцинации!	общедоступная, 2020, https://www.facebook.com/groups/stopthevaccineforcing/about	607
Facebook, Вместе против принудительной изоляции	общедоступная, 2020, https://www.facebook.com/groups/fight.isolation.rus	208
Facebook, Против развала медицины, науки и образования	общедоступная, 2018, https://www.facebook.com/groups/218022965651083	1273
Facebook, Керчь против коррупции	общедоступная, 2016, https://www.facebook.com/groups/kerch777	1091
Facebook, Врачи и пациенты РФ против принудительного импортозамещения!	общедоступная, 2018, https://www.facebook.com/groups/1807711772613409/about	1704
Facebook, Гражданин поэт. Мировое сообщество против судебного произвола	общедоступная, 2020, https://www.facebook.com/groups/1245369032516674/about	338
Facebook, Против «титан-полимера»	общедоступная, 2019, https://www.facebook.com/groups/pskovprotiv/about	278
Facebook, Брест против строительства завода свинцовых АКБ	общедоступная, 2018, https://www.facebook.com/groups/168788820292870/about	5131
Facebook, За здоровый Владикавказ – против «Электрощинка»!	общедоступная, 2016, https://www.facebook.com/groups/protivec/about	801
Facebook, Москвичи против платных парковок	общедоступная, 2015, https://www.facebook.com/groups/protivparkovok/about	2868

Окончание табл. 1.

Facebook, Народ против коррупционеров	общедоступная, 2016, https://www.facebook.com/groups/1726895347541288/about	70
Facebook, Я ПРОТИВ русского шовинизма!	общедоступная, 2017, https://www.facebook.com/groups/2000445656878207/about	2156
Facebook, Мы Вместе	общедоступная, 2012, https://www.facebook.com/groups/pobedim/about	42019
Facebook, Антикризисный митинг №1	общедоступная, 2016, https://www.facebook.com/groups/anticrisismeeeting/about	1118

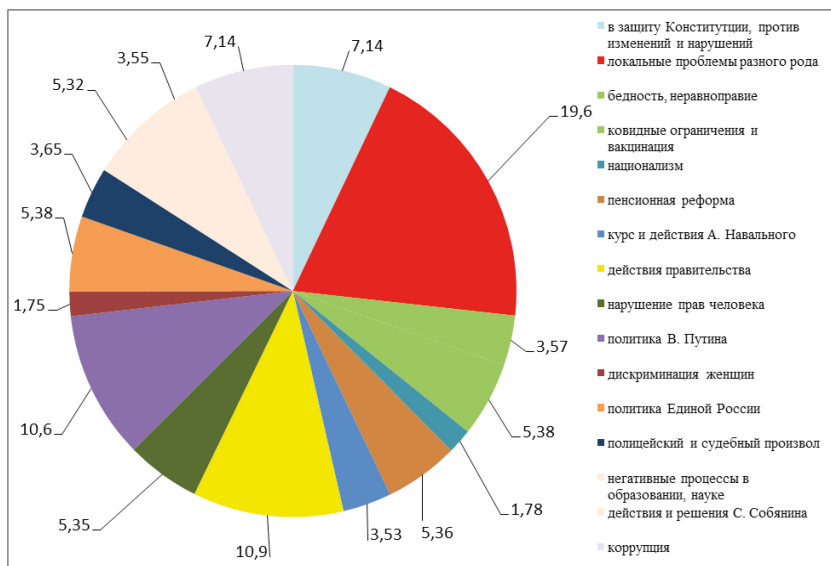
Количественный анализ и систематизация тематических доминант, актуализируемых в анализируемых постах ССС, позволил определить сферы с наиболее высоким «индексом угрозы» (сферы-источники объектов проблематизации, см. Диаграмму 1), т.е. сферы, включающие наиболее частотные проблематизируемые ситуации, вызывающие обеспокоенность активных членов ССС – продуцентов контента / делящихся внешними сообщениями со-адресантов: локальные проблемы (экологические, социальные, экономические и пр.), действия правительства, коррупция, политика Единой России, политика В. Путина, защита Конституции, ковидные ограничения и вакцинация, пенсионная реформа, нарушение прав человека, ситуация в областях образования и науки (в порядке убывания частотности актуализации).

Аналогичным образом (с небольшим различием) выглядит «рейтинг проблемных сфер» с позиции потребителей контента, т.е. тематических доминант, объединивших наибольшее количество участников протестных мобилизационных ССС: решения правительства, политика Единой России, действия В. Путина, локальные проблемы, повышение пенсионного возраста, действия С. Собянина, коррупция и усугубление социального неравенства, нарушение конституционных прав. Дискурсивная проблематизация социальной реальности в рамках ССС находит подтверждение, в частности, в превалировании солидарных реакций членов сообществ над критикующими, что отражает присвоение участниками трансли-

руемых знаний, разделение предъявляемых оценок, формирование соответствующего отношения.

Диаграмма 1.

**«Сферы-источники» объектов проблематизации в сообществах
конфликтной мобилизации в социальных сетях России**

Выполненный анализ и количественные подсчеты показывают, что в анализируемых практиках конфликтной мобилизации в ССС России формирование отношения к некому обстоятельству, явлению как к угрозе реализуется тактиками (в порядке убывания частотности) непосредственной отрицательной оценки современного состояния, призыва к членам сообщества изменить ситуацию, обвинения оппонента, непосредственной негативной оценки оппонента, его качеств, заявления в качестве / цели задачи сообщества «бороться против», указания на негативные последствия имеющей место ситуации / обстоятельства (см. Таблица 1). Оценка чаще всего предъявляется адресату как разделяемая многими, как индивидуальная (в особенности в комментариях), как моральная аксиома, реже – как разделяемая авторитетом.

Таблица 1.

**Стратегии и тактики проблематизации социальной реальности
в рамках конфликтной мобилизации в сообществах СС**

Тактика	(%)	Пример
СТРАТЕГИЯ ОБОСНОВАНИЯ СТАТУСА «ПРОБЛЕМА»		
Указание на негативные последствия имеющей место ситуации / обстоятельства	3,5	<i>Как будет осуществляться экологическая реабилитация Осетии? Что будет с 2.8 миллионами тонн токсичных отходов, отравляющих Осетию не менее, чем сам «Электроцинк». Вот вопросы, на которые мы должны получить ответ [ЗЗК, 18.02.2019, Татьяна Цаголова]</i>
Непосредственная отрицательная оценка текущего состояния	24,7	<i>Госдума текущего созыва завершила свою работу и настало самое время подвести итоги её работы. Депутаты Толстой и Володин назвали работу думы успешной, я бы назвал её постыдной и даже позорной. Повышение пенсионного возраста, нарушение конституции в виде ограничения избирательных прав граждан ..., убыль населения ..., рост цен ..., закон об иностранных агентах, запрет бабушкам торговать с огорода без уплаты патента ..., рост нищеты населения... И все это далеко не полный список побед текущего состава государственной думы ... Пришло время указать им на дверь [ЯВП, 22.06.2021].</i>
Обвинения оппонента (субъекта власти, его сторонников) как доказательство неблагоприятности ситуации	18,2	<i>Герострат-директор, тупо, использовал прессслужбу Главы, для тиражирования фейка о отправке с «Электроцинка» несколько десятков тысячи тонн токсичных отходов. ... Фейк И. Ходыко легко опровергается оплатами за транспортные услуги СК железной дороге. Так что советуем И. Ходыко вспомнить программу школьной арифметики до следующей встречи с Главой Республики, если встреча еще состоится [ЗЗВ, 15.02.2019, Татьяна Цаголова].</i>
Непосредственная негативная оценка оппонента, каких-либо его качеств как доказательство опасности его действий и сложившейся ситуации	17,6	<i>Чиновная братия заняла оборону. Возможно, ученым удастся ее остановить. Пока только притормозили. Сколько же сил надо тратить на отпор воинствующей глупости, кормящейся на средства налогоплательщиков! [ПЗР, 26.01.2021]</i>
Заявления в качестве / цели задачи сообщества «бороться против» как аргумент в пользу негативной оценки ситуации	12,6	<i>Мы предлагаем ... организовать Объединенный Московский фронт. Наша цель – добиться коренного пересмотра политики столичных властей, а это нельзя сделать без отставки Сергея Собянина и его команды. Нужно ... заставить уйти все руководство мэрии, включая лично Сергея Собянина. ... Создадим Объединенный Московский фронт вместе! Защитим свой город! [ЯПНС, 23.06.2021]</i>

Окончание табл. 1.

Призыв к членам сообщества изменить ситуацию как демонстрация недовольства ситуацией	23,4	30 июня будет проводиться «прямая линия» с Путиным. Давайте зададим свои вопросы , касающиеся деятельности Собянина на посту столичного мэра – и про «реновацию» с ее нарушением прав москвичей, и про постоянное вранье мэра, и про разбазаривание бюджетных ... денег при «реконструкции и благоустройстве» Москвы ... Чем больше будет задано вопросов, тем труднее будет игнорировать мнение москвичей об этом недомэрке [ЯПНС, 23.06.2021, Сергей Никонов]
СТРАТЕГИЯ (ПОДКРЕПЛЕННОГО / НЕПОДКРЕПЛЕННОГО) ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ		
Представление оценки как разделяемой многими	38,6%	В моем личном окружении подавляющее большинство антиваксеров охотно привились бы Pfizer, но не хотят прививаться «Спутником V». Потому что они вполне справедливо доверяют лицензии американской MDA и не слишком верят лицензии Минздрава России [ВПРФ, 22.06.2021, Елена Ближенская].
Представление оценки как моральной аксиомы	23,9	Меры властей носят больше « карательный » характер. ... Так ведут себя не власти, а оккупанты в захваченном городе [ЯПНС, 22.06.2021, Дмитрий Сараев]; Когда человек ворует, потому что голодный, понять го можно. Но когда он ворует у голодных , будучи миллиардером ... это уже болезнь . И лечить ее можно только виселицей [ЯВП, 27.06.2021, Дмитрий Сараев].
Представление оценки как разделяемой авторитетом	13,3	Ладно, если бы речь шла только об окружающих меня людях, это ... нерепрезентативно . Но вот российский сервис «Справочник врачей» сообщает, что сейчас 37% врачей не стали бы советовать своим друзьям и близким прививаться, так как «не уверены в эффективности вакцины». Они все тоже поклонники Кашировского и Чумака? Или просто хорошо знают реалии отечественного здравоохранения? [ВПРФ, 22.06.2021, Елена Ближенская].
Представление оценки как индивидуальной оценки адресанта	27,2	Депутаты Толстой и Володин назвали работу думы успешной, я бы назвал её постыдной и даже позорной [ЯВП, комментарий П.С., 22.06.2021]; Ворюги обнаглевшие [там же, комментарий: Т.Г.]; Успешной для кого? Для себя? Вполне возможно. Но не для страны, не для народа [там же, комментарий: Н.М.]; Пусть их волуев лично передумают [там же, комментарий А.Б.]; По моему твёрдому убеждению , государственная массовая медицина может только навредить в сложном случае ... [ВПРФ, 12.06.2021, Елена Ближенская]

Проблематизация социальной реальности в рамках конфликтной мобилизации ССС России, как свидетельствует анализ, обусловливается, в том числе, и логикой медиа и иллюстрирует процесс медиа-тизации политики и личности [13]. Как и исследованные ранее иные

протестные коммуникативные практики (онлайн-петиции и политические блоги России и Германии), публикации в российских мобилизационных сообществах отражают редукцию конструируемой социальной реальности с целью регуляции и мотивации (частотность психологических аргументов, установка на формирование эмоциональной солидарности, селективность информирования); диффузность границ публичного и приватного, категорий адресанта и адресата (высокий процент внешних публикаций, которыми делятся в сообществе его участники, и частотность реализации статусов со-адресанта и со-адресатов; совмещение статусов адресата и адресанта; высокая доля языковых средств с оценочной семантикой (в том числе, по сравнению с аналогичными дискурсивными практиками в Германии) и средств формирования виртуальной солидарности (например, приема идентификации, лексики с семантикой единения, совместного действия, консолидирующих призывов и комплиментов участникам, активная посткоммуникация, фотоотчеты после совместных протестных акций)); широкую публичную субъективность и падение приоритета объективного; трансгрессивность (стремление к максимальным «силе текста» и выраженности воли адресанта даже при краткости формы); умножение субъектов коммуникации; индивидуализацию протестной коммуникации (адресность, персонализация информирования, создание индивидуального и коллективного образа участников, в том числе посредством статистики). При этом следует отметить а) ориентированность публикаций на синкретизм восприятия разномодусной информации участниками ССС (очень активное, существенно более частотное по сравнению с исследованными ранее онлайн-петициями и блогами, а также по сравнению с германскими мобилизационными ССС использование в комментариях изображений, карикатур, плакатов, плакатного вандализма, интернет-мемов, видео- и аудио-контента как адресантами, так и адресатами); б) повышение приоритета эмоционального по сравнению с логическим, субъективного по отношению к объективному, тщательное внимание к комбинаторике; в) толерантность к неполной, неопределенной информации; г) конституирующая роль интерактивности, полифоничности, обеспечивающих цельность

исследуемых протестных мобилизационных практик, что в совокупности говорит не только об изменении участников изучаемого формата протестной коммуникации, но характеристик самих участников (см. о Net-мышлении как развивающемся адаптивном механизме сознания в ответ на медиатизацию общества, глобализацию информационно-коммуникационных процессов [10; 12; 13]). Изучаемая конфликтная мобилизация характеризуется комбинированием, как и аналогичные русскоязычные практики, стратегии жесткого разрешения конфликта (формирование и использование общественного резонанса, непосредственная негативная оценка оппонента, подкрепленное предъявление оценки членам сообщества в ходе проблематизации социальной реальности, обвинения) и стратеги затяжных переговоров (ставка на эмоциональное воздействие, широкая публичная субъективность, селективное информирование). Как практики институционализации протеста мобилизационные практики в СССР при условии должной коммуникации содействуют конструктивизации конфликта (как ситуации острого несовпадения, расхождения интересов) [18]. Как и аналогичные немецкоязычные практики, описываемый жанр протестной коммуникации в России демонстрирует отклонения от ряда постулатов гарвардской школы конфликтологии (см. метод принципиальных переговоров Р. Фишера и У. Юрии [Там же], в частности, перенос отрицательной оценки проблемной ситуации на оппонента как средство формирования противопоставления «мы – они», идентичности и конфликтной консолидации сообщества, эмоционального воздействия; акцентирование позиций, а не интересов (субъективность, эмоциональность, категоричность, выведение за коммуникативный фокус аргументов оппонента); узкий спектр используемых аргументов и привлекаемых авторитетов, вредающий объективности предъявляемых суждений).

Заключение

К сферам с наиболее высоким «индексом угрозы», включающим частотные объекты проблематизации в мобилизационных СССР России как с позиции активных членов сообщества, продуцирующих собственный контент, так и с позиции потребителей контента относятся повышение пенсионного возраста, коррупция и усугубление

социального неравенства, действия власти, политика Единой России, локальные проблемы, защита конституционных прав. Дискурсивную проблематизацию социальной реальности в рамках мобилизационных ССС иллюстрирует превалирование солидарных реакций их членов, отражающее присвоение и разделение членами сообществ транслируемых знаний, оценок, отношения, формирование социальной, в особенности эмоциональной солидарности в изучаемых группах. Позиционирование некого фрагмента социальной действительности как угрозы, проблемы, требующей решения, в мобилизационных ССС происходит преимущественно посредством предъявления массовому адресату (со-адресату) непосредственной отрицательной оценки ситуации, широкого призыва изменить ее, обвинения и отрицательной оценки оппонента, заявления ССС о своей «протестной цели» (борьба против кого-либо / чего-либо). Транслируемая оценка чаще всего предъявляется как разделяемая многими, индивидуальная (в первую очередь комментирующих членов сообщества) или как моральная аксиома. Взаимодействие в мобилизационных ССС реализуется в рамках модели «мы НЕ они», предполагающей самопрезентацию, противопоставление и консолидацию против общего оппонента. Отражая процесс медиатизации политики, исследуемые протестные практики иллюстрируют редукцию конструируемой социальной реальности; диффузность границ публичного и приватного, категорий адресанта и адресата; широкую публичную субъективность и падение приоритета объективного; трансгрессивность и умножение субъектов коммуникации; индивидуализацию протестной коммуникации. Ориентированность публикаций на синкретизм восприятию разномодусной информации, толерантность к неполной, неопределенной информации, приоритетность эмоционального, субъективного, комбинаторики, конституирующая функция интерактивности, полифоничности отражают изменение субъектов коммуникации в условиях глобализацию информационно-коммуникационных процессов и медиатизации общества. Изучаемые коммуникативные практики как практики институционализации конфликта характеризуются сочетанием разных стратегий разрешения конфликта, признаками неудовлетворительности комму-

никации, в частности отклонениями от ряда постулатов гарвардской школы конфликтологии).

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 [The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193].

Список литературы

1. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста // *Философский журнал*. 2018. № 11(2). С. 91-105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>
2. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // *INTER*. 2014. №7. С. 44-73.
3. ВПРФ – Врачи и пациенты РФ против принудительного импортозамещения! <https://www.facebook.com/groups/1807711772613409>. (дата обращения: 30.06.2021).
4. Гладченко И.А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 10, № 2. С. 30-43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10203>
5. Докука С.В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Москва, 2014. 27 с.
6. Есиев Э.Т. Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи // *Русская политология*. 2017. № 2. С. 34-41.
7. ЗЗК – За здоровый Владикавказ – против «Электроцинка»! <https://www.facebook.com/groups/protivec> (дата обращения: 30.06.2021)
8. Киняшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 3. С. 3-10.
9. Кирка А.В. Социально-сетевые сообщества – новый уровень политических коммуникаций // *Вестник Государственного университета управления*. 2012. № 4. С. 47-51.

-
10. Курбатов В.И. NET-мышление: новые реалии информационной эры // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6, № 6. С. 173-181. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.6.14>
 11. ПЗР – Против закона о регулировании просветительской деятельности. <https://www.facebook.com/groups/1049940495499023> (дата обращения: 30.06.2021)
 12. Пронина Е.Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака Net-мышления // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2001. № 6. С. 74-80.
 13. Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 151-167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-151-167>
 14. Ребрина Л.Н. Конфликтная мобилизация в сообществах социальных сетей как актуальная практика протестной коммуникации: коллективно-личностное измерение // Научный диалог. 2021. № 5. С. 115-139. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-115-139>
 15. Шерстобитов А.С., Брянов К.А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 196-202.
 16. ЯВП – Я Выступаю Против!!! <https://vk.com/rusrise> (дата обращения 20.06.2021)
 17. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3-12.
 18. Fisher R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. NY: Penguin Books, 2011. 204 p.
 19. ЯПНС – Я против нового срока мэра Собянина. <https://www.facebook.com/groups/SobianinNet> (дата обращения: 30.06.2021)
 20. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. NY: PG, 2005. 672 p.
 21. Oniszcuk Z. Mediatisation of Politics and Politicization of the Media. Two Dimensions of the Relationship // Studiów Medioznawczych. 2011.

No 4 (47), pp. 1-15. https://studiamedioznawcze.pl/Numery/2011_4_47/oniszczyk-en.pdf

22. Small G., Vorgan G. *I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. New York: Harper-Collins, 2009. 256 p.

References

1. Barash R.E., Antonovskiy A. Yu. Sistemno-kommunikativnoye issledovaniye radikalnykh dvizheniy, ili kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [Systemic-communicative research of radical movements, or how a scientific theory of protest is possible]. *Filosofskiy zhurnal* [Journal of philosophy], 2018, no. 11 (2), pp. 91-105. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105>.
2. Vanke A., Ksenofontova I., Tartakovskaya I. Internet-kommunikatsii kak sredstvo i uslovie politicheskoy mobilizatsii v Rossii (na primere dvizheniya «Za chestnye vybory») [Internet communications as a means and condition of political mobilization in Russia (on the example of the movement “For Fair Elections”)]. *INTER* [INTER], 2014, no. 7, pp. 44-73.
3. *VPRF – Vrachy i pacienti RF protiv prinuditel'nogo importozameshcheniya!* [Doctors and patients of the Russian Federation are against forced import substitution!]. <https://www.facebook.com/groups/1807711772613409> (accessed 30.06.2021)
4. Gladchenko I.A. Novye podhody k izucheniju mobilizatsii v setevykh soobshhestvakh [New approaches to the study of mobilization in network communities]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [The SPbGPU Scientific and Technical Bulletin. Humanities and social sciences], 2019, no. 10(2), pp. 30-43. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10203>.
5. Dokuka S.V. *Kommunikatsiya v social'nykh onlajn-setyah kak Faktor protestnoy mobilizatsii v Rossii* [Social online networks communication as a factor of protest mobilization in Russia]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2014, 27 p.
6. Esiev E.T. Tekhnologii setevoy konfliktnoy mobilizatsii: formy i zadachi [Technologies of network conflict mobilization: forms and tasks]. *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2017, no. 2, pp. 34-41.

7. ZZK – *Za zdorovyj Vladikavkaz – protiv “Elektrocinka”!* [For healthy Vladikavkaz – against Electrozinc!]. <https://www.facebook.com/groups/protivec> (accessed 30.06.2021)
8. Kinyasheva Yu.B. Social’nye seti kak instrument politicheskoy mobilizacii grazhdan v sovremennoj Rossii [Social networks as a tool of political mobilization of citizens in modern Russia]. *Izvestija Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Tula State University. Humanities], 2018, no. 3, pp. 3-10.
9. Kirka A.V. Social’no-setevye soobshchestva – novyj uroven’ politicheskikh kommunikacij [Social network communities as a new level of political communications]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya* [Bulletin of the State University of Management], 2012, no. 4, pp. 47-51.
10. Kurbatov V.I. NET-myshlenie: novye realii informacionnoj jery [NET thinking: new realities of the information era]. *Gumanitarij juga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], 2017, vol. 6, no. 6, pp. 173-181. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.6.14>.
11. PZR – *Protiv zakona o regulirovanii prosvetitel’skoj deyatel’nosti* [Against the law on the regulation of educational activities]. <https://www.facebook.com/groups/1049940495499023> (accessed 30.06.2021)
12. Pronina E.E. «Zhivoy tekst»: chetyre stilevykh priznaka Net-myshleniya [“Living Text”: the four styles of Net-thinking]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin]. Seriya 10, Zhurnalistika, 2001, no. 6, pp. 74-80.
13. Rebrina L.N., Shamne N.L. Sistemno-kommunikativnye izmerenija sovremennogo protesta (na materiale nemeckojazychnyh onlajn-peticij) [Systemic-communicative aspects of modern protest (based on German-language online petitions)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2020, no. 3, pp. 151-167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-151-167>.
14. Rebrina L.N. *Konfliktnaja mobilizacija v soobshhestvakh social’nyh setej kak aktual’naja praktika protestnoj kommunikacii: kollektivno-lichnostnoe izmerenie* [Conflict mobilization in social networks communities as an actual practice of protest communication: collec-

- tive-personal aspect]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2021, no. 5, pp. 115-139. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-115-139>.
15. Sherstobitov A.S., Bryanov K.A. *Tekhnologii politicheskoy mobilizacii v social'noj seti «VKontakte»: setevoy analiz protestnogo i provlastnogo segmentov* [Technologies of political mobilization in the social network “VKontakte”: network analysis of the protest and pro-government segments]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013, no. 10 (36), pp. 196-202.
16. *YAVP – Ya Vystupayu Protiv!!!* [I am against!!!]. <https://vk.com/rus-rise> (accessed 20.06.2021)
17. Yanickij O.N. Massovaja mobilizacija: problemy teorii [Mass mobilization: problems of theory]. *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 2012, no. 6, pp. 3-12.
18. Fisher R., Ury W., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. NY: Penguin Books, 2011, 204 p.
19. *YAPNS – YA protiv novogo sroka mera Sobyantina* [I am against the new term of Mayor Sobyantin]. <https://www.facebook.com/groups/SobianinNet> (accessed 30.06.2021)
20. Kurzweil R. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. NY: PG, 2005, 672 p.
21. Oniszczyk Z. *Mediatisation of Politics and Politicisation of the Media. Two Dimensions of the Relationship*. *Studiów Medioznawczych*. 2011, no. 4 (47), pp. 1-15. https://studiamedioznawcze.pl/Numery/2011_4_47/oniszczyk-en.pdf
22. Small G., Vorgan G. *I-Brain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. New York: Harper-Collins, 2009, 256 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ребрина Лариса Николаевна, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры германской и романской филологии, доктор филологических наук

*Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская об-
ласть, 400062, Российская Федерация
Reblora@mail.ru*

Милованова Марина Васильевна, профессор кафедры русской филологии и журналистики, доктор филологических наук
*Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская об-
ласть, 400062, Российская Федерация
mv_milovanova@volsu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Larisa N. Rebrina, Leading Scientific Worker, Professor, Department of German and Roman Philology, Doctor of Philology
*Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskiy, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration
LNrebrina@volsu.ru
ORCID: 0000-0003-0512-980X
SPIN-code: 3971-1615
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800*

Marina V. Milovanova, Professor, Department of Russian Philology, Doctor of Philology
*Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskiy, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration
mv_milovanova@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6972
SPIN-code: 5849-8128
ResearcherID: S-8236-2016
Scopus Author ID: 56241921300*

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-200-211

УДК 812

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ» В ЭВЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Кузьмина Р.П.

Статья посвящена описанию ключевого концепта «солнце» в эвенской языковой картине мира.

***Целью исследования** является определение понятийных, когнитивных и символических признаков концепта «солнце» в языковой картине мира эвенов.*

***Материалы и методы.** В статье использованы метод лингвокультурологического анализа, описательный метод, интервьюирование и метод сплошной выборки.*

***Результаты исследования.** В результате исследования структурных признаков концепта выявлено, что основной репрезентант концепта лексема нёлтэн `солнце` является производной от глагольной основы нё-, использующейся с дефиницией `взойти, выйти`. В языковой картине мира эвенов зафиксировано значительное количество метафорических выражений, определяющих основные когнитивные признаки концепта. Символические признаки концепта представлены в обрядах и ритуальных действиях, совершаемых во время праздников, посвященных встрече солнца.*

***Область применения результатов.** Результаты работы могут быть полезны в лекционных занятиях по эвенской лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, также применены в сравнительных исследованиях национальной языковой картины мира миноритарных этносов.*

***Ключевые слова:** концепт; солнце; символ; ритуальные действия; структурные признаки; лингвокультура; языковая картина мира; образ*

REPRESENTATION OF THE «SUN» CONCEPT IN THE EVEN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Kuzmina R.P.

The article is devoted to the description of the key concept “sun” in the Even language picture of the world.

***The aim of the study** is to determine the conceptual, cognitive and symbolic features of the concept “sun” in the linguistic picture of the Even world.*

***Methods used in the work.** The article uses the method of linguoculturological analysis, descriptive method, interviewing and the method of continuous sampling.*

***Research results.** As a result of the study of the structural features of the concept, it was revealed that the main representative of the concept is the lexeme nölten ‘sun’ is a derivative from the verb stem nō-, used with the definition ‘to ascend, to leave’. In the linguistic picture of the Even world, a significant number of metaphorical expressions are recorded that determine the main cognitive features of the concept. Symbolic signs of the concept are presented in ceremonies and ritual actions performed during the holidays dedicated to meeting the sun.*

***Scope of the results.** The results of the work can be useful in lectures on Even linguocultural studies, cognitive linguistics, ethnolinguistics, and also applied in comparative studies of the national linguistic picture of the world of minority ethnic groups.*

***Keywords:** concept; sun; symbol; ritual actions; structural features; linguoculture; linguistic picture of the world; image*

Введение

Концепт «солнце» в эвенской лингвокультуре является одним из ключевых концептов. В научной литературе эвенские обрядовые праздники, связанные со встречей солнца, ранее не были предметом специального исследования. В.Г. Богоразом у колымо-омолонской группы эвенов были зафиксированы уникальные материалы

по заклинаниям-благопожеланиям к солнцу, огню, луне [3; 4; 5]. А.А. Алексеев в своей работе дает фрагментарное исследование соляного культа у эвенов северо-западного Верхоянья [1]. Соляной культ у других тунгусо-маньчжурских народов нашли отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей [6; 9; 10; 11; 18; 19; 20; 21; 22].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили двуязычные словари по эвенскому языку, художественные произведения на языке оригинала и полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций в места компактного проживания эвенов Якутии.

В статье использованы методы лингвокультурологического анализа, принятые в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований под руководством М.В. Пименовой, также применены метод сплошной выборки, описательный метод и интервьюирование.

Результаты исследования и их обсуждение

Концепт «солнце» в эвенском языке вербализуется лексемой *нёлтэн* `солнце`, восходящей к глагольной основе *нё-* `выйти`. В других языках тунгусо-маньчжурской группы со значением `солнце` используется лексема *сиуун* и его фонетические варианты. Основа *нё-* в эвенском языке является производителем однокоренных дериватов, например: *нёвдэй* `выпускать, выводить, выносить, вывозить`, *нёвкэмдэй* `выпускаться`, *нёвкэн*, *нёвкэнмэй* `выпуск, вывоз; удаление, увольнение`, *нёвкэндэй* `выпускать, вывезти, вынести, вывести; удалить, уволить`, *нёвкэтты* `грам. отложительный падеж`, *нёвкэттэй* `выпускать, выводить, выносить, вывозить; удалить, уволить`, *нёвкэчин*, *нёвкэчинмэй* `выпуск, вывоз; удаление, увольнение`, *нёвунмэй* `выпуск, вывоз, вынос, вывод`, *нёвунчидэй* `высунуться, вынырнуть` [17].

В языковой картине мира эвенов *нёлтэн* является образователем составных слов: *нёлтэн гөбэнмэйгидэн* `запад`; *нёлтэн гөбэнмэин*

‘заход солнца; нёлтэн кулибиусэн ‘солнечное затмение’; нёлтэн хенмэйгидэн ‘восток’, нёлтэн хиптун, нёлтэн хедэкэн, нёлтэн хен-мэин ‘восход солнца’.

От лексемы *нёлтэндэй* в эвенском языке образовано имя фольклорного положительного персонажа *Нёлтэк* с дефиницией ‘солнечная’. При описании внешности героини чаще всего применяются эпитеты *эйдудукун хөнтэкни нод* ‘невиданная красота’: ... *эйдудукун хөнтэкни нод, мэргэч. Таррочим асаткам бээл ок-та эчил иттэ. Ноуан нодан дюгулин илан төр бээлни долдаритан.* ‘... девушка невиданной красоты и ума. Таковую девушку мужчины не видели еще никогда. И о красоте ее услышали люди всех трех миров’ [8, с. 121]. Лексема *нёлтэн* ‘солнце’ в эвенском языке нередко употребляется с деминутивным аффиксом –кэ: ... *Өрусэ, өрусэ, Нёлтэнкэ, нёлтэнкэ!..* [7, с. 8]. ‘... Радость, радость, Солнышко, солнышко! ...’; ... *Нёлтэнкэ төр ойлин гиркуптэн...* [14, с. 14]. ‘... Солнышко всю землю укрыло (накрыло)...’.

Солнце в языковой картине мира эвенов чаще всего наделяется эпитетами *хутаныйа, хутарси, хутар* ‘ослепительный, яркий, блестящий’, *нямси* ‘теплый’, *мэуэн* ‘серебряный’, *хуланя мэуэн* ‘золотой’, *мэрэуэ* ‘круглый’: *мэрыуэйэ көөттэн* ‘круглолицое смотрит на нас’.

В эвенских говорах синонимический ряд глагола *нёлтэндэй* ‘светить солнцу’ по смысловому содержанию составляют следующие глагольные лексемы:

Гарпудай ‘излучать свет, светить, сиять, освещать лучами (о солнце), проникать (о лучах солнца)’. Производными от него являются лексические единицы *гарпун, гарпан* ‘сияние (солнечных лучей)’, *гарпануа, гарпауа, гарпони* ‘солнечный луч’. В колымо-омолонском и охотском говорах лексема *гарпани* может употребляться с дефиницией ‘радуга’.

В эвенском языке образованные от глагольного слова *хедэй* лексемы являются полисемичными и кроме значения ‘взойти (о солнце)’ функционируют со значением ‘показаться, выглянуть, высунуться; взойти, прорасти (о растениях)’.

Глагол *гөбэдэй* в эвенских говорах используется с дефиницией 'погружаться, тонуть, вязнуть, нырять; исчезать, скрываться, прятаться; заходить, закатываться, скрываться, садиться (о небесных светилах)', например: *нөлтэн гэбдекен* 'заход, закат солнца'.

В ламунхинском говоре с дефиницией 'исчезнуть, скрыться; утонуть, зайти, закатыться (о небесных светилах, о солнце, о луне)' функционирует лексема *гэптэрэндэй*.

В эвенской лингвокультуре образная составляющая концепта «солнце» выражена различными признаками. Среди выявленных когнитивных признаков концепта основное место в языковой картине мира эвенов занимают антропоморфные признаки, которые отражены посредством метафорических выражений.

Солнце в эвенской лингвокультуре обладает признаками движения, оно способно видеть: *Нөлтэнкэ, нөлтэнкэ! Муттэки көөттэн ...* [7, с. 8]. 'Солнышко, солнышко! Смотрит на нас...'; ... Аике нэринэт, муттэки көөттэн... [Там же, с. 8]. ... Наше светило, смотрит на нас ...

Солнце наделяется эмоциональными признаками: *Нямсиуан нөлтэнни, Хенэлрэн, мусэмрэн...* [12, с. 40]. 'Теплое солнце, выглянуло, улыбается...'; *Бави инэнду нөлтэн өйгич мусэмрэн...* [13, с. 7]. 'В теплые дни солнце сверху улыбается ...'.

Солнце наделяется способностью сочувствовать: *Дулси ням нөлтэнкэн, Хоулча инуамтав тэссоттэн...* [13, с. 6]. 'Теплые солнечные лучи, Вытирают слезы мои...'.

Предметные и вещественные признаки объективируются посредством артефактов *ноки* 'стрела', *гарпун* 'стрела', металла – *мэуэн* 'золото': *Мэуэн нөкилди, Төртэки нөклин...* [7, с. 9]. 'Золотыми стрелами, В землю стреляет...'; *Мэудэчэ нөкилби, Нөклилрэн төртэки...* [Там же, с. 21]. 'Золотые стрелы свои, в землю пускает'; *Тэгэн өгилэ нелтэнэт, Гарпунуади холканчин...* [13, с. 23]. 'Издалека сверху солнце, Лучами своими освещает...'; *Нөлтэнэт гарпунуан титкаттан...* [14, с. 67]. 'Солнце наше брызжет лучами...'.

Солнце подобно одеялу может укрыть землю: *Инэни хатарсив илбэснэн, Нөлтэнкэ төр ойлин гиркуптэн...* [Там же, с. 14]. 'День темноту прогнал, Солнышко укрыло землю'.

Солнце в эвенской лингвокультуре характеризуется признаками металла – *мэуэн* ‘золото’: *Мэуэн нёлтэн эуэнни...* [7, с. 7]. ‘Золотое солнце выглянуло...’.

Признаки огня в языковой картине мира эвенков у концепта «солнце» репрезентируются при помощи выражений *нёлтэн тогон* ‘огни солнца, солнечный огонь’, *нёлтэкэг* ‘солнцепок’.

В традиционном мировоззрении эвенков солнце символизирует жизнь. Символические признаки концепта «солнце» реализуются в виде различных ритуальных действий, обрядов, совершаемых во время праздников. Один из главных обрядовых праздников эвенков *эвинэк* ‘игра, забава; представление’ посвящен проводам старого солнца и встрече нового. Ранее эвенки для проведения праздника *эвинэк* встречались в определенных местностях. В старину на этот праздник съезжались многие эвенские рода, и в это время происходило сватовство, *нимкаланы* ‘сказочники, сказители’ исполняли свои сказания, проводились спортивные состязания между родами.

Открытие праздника сопровождается исполнением *хиргэчина* ‘заклинание-благопожелание’, являющимся древнейшим жанром обрядового фольклора эвенков, сохранившимся до наших дней. От эвенки из с. Тополиное Томпонского района Якутии Д.М. Осениной было зафиксировано закливание, посвященное открытию праздника *эвинэк*: «Люди, друзья мои, наконец-то настал тот день, когда мы вместе собрались. Как я мечтала об этом! Давайте повеселимся, игры заиграем! Приходите, приходите все на сбор! Крепко взявшись за руки, станцуй хэде, согреемся в танце хорошенько. Давайте беречь нашу Мать-Землю. Пусть солнце всегда светит нам также горячо и жарко. Пусть всегда по Матери-Земли эхо наших игрищ-веселий звенит, раздаётся!» [16, с. 75]. Для этого обрядового действия сооружалось *дэлбургэ* ‘жертвоприношение; дарение священному месту’, которое привязывали между двумя лиственницами. Как считает А.А. Алексеев, «...в дни летнего солнцестояния открывались двери в верхний мир, предвверием в верхний мир служили две молодые лиственницы, а роль линии горизонта, разделяющей грань миров, выполняли *дэлбургэ* – натянутая между ли-

стенницами веревка с пучками с подшейной шерсти священного оленя *нойэлдэ*» [1, с. 154].

После обряда очищения наступала самая главная часть обрядового праздника – жертвоприношение Верховному божеству – Хэв-ки. В это время эвены возносят свои благопожелания к богу Солнца, который представляется в мировидении эвенов в образе мужчины. Ранее в дар божеству приносили белых и пестрых оленей. Для этого выбранных оленей привязывали рогами по направлению восхода солнца и забивали [15, с. 10]. При забивании оленей соблюдались строгие правила. В традиционном мировоззрении эвенов жертвенный олень был олицетворением старого года и Солнца. Считалось, что из крови жертвенного оленя оживает Олень-Солнце и наступает новый год, новый отсчет времени [1].

После всех этих ритуальных действий начинался ритуал встречи Солнца. Под натянутой *дэлбургэ* разжигались два обрядовых костра, в которые кидались ветки багульника для обряда очищения. После очищения на рассвете люди начинают ждать появления солнца. С первыми солнечными лучами начинается главное ритуальное действие. Люди перешагивают через первый ритуальный костер, который ассоциируется с небесными воротами, остановившись, обращаются к светилу про себя с благопожеланиями. После этого ритуала люди идут навстречу к солнцу, разворачиваются налево и переступают через второй огонь, дальше люди начинают двигаться по ходу солнца. По мнению исследователей: «...движение налево, против хода Солнца, за воображаемыми воротами, означало «похороны» старого года и Солнца. Движение через второй костер, по ходу Солнца – символ перехода от старого года к Новому» [1]. Завершающим этапом праздника было исполнение кругового хороводного танца *хэдьэ*, который идет по часовому кругу, тем самым символизируя восход солнца. Круговой танец *хэдьэ* в старые времена выполнял также функцию сигнального танца-предупреждения во время нападения врагов [2, с. 32].

У эвенов, живущих в тундренной зоне, в частности, у аллаиховских и нижнеколымских эвенов в дни зимнего солнцестояния устра-

ивается обрядовый праздник *Нёлтэм бакалдадяк* 'Встреча солнца', не зафиксированный ранее у других локальных групп эвенов. В настоящее время данный праздник проводят и эвены, проживающие в г. Якутске. У эвенов, проживающих в горно-таежной зоне, проведение такого праздника не зафиксировано. При совершении обряда обязательным является исполнение обрядового хороводного танца *хэдьэ* и обращение к солнечному светилу с *хиргэчин* 'заклинательными словами'. В день зимнего солнцестояния у палеоазиатских народов отмечается встреча Нового года: у чукчей – обрядовый праздник *Пэгытти*, у оленных коряков – праздник 'Возвращение солнца'. У некоторых групп оленных коряков был зафиксирован праздник *кинтак*, проводимый в декабре. Коряки во время празднества ходили вокруг костра по движению солнца. Одним из элементов праздника было разжигание огня и кормление хозяина оленей *гыч-гыя* [10, с. 250]. Для народов Севера солнце являлось источником света и жизни, к нему обращались с заклинаниями и благопожеланиями. В.А. Туголуков пишет, что превыше всего юкагиры почитали солнце – источник тепла и жизни на земле. Они обращались к нему со словами: «Солнце-мать! Твоим теплом нас согрей, питание твоим теплом нам дай! Откуда бы то ни было приходящее зло в другую сторону направь!» [18, с. 108]. В якутском пантеоне *Юрюнг Айыы тойон* – божество солнца занимает важное место [9, с. 18].

Заключение

В результате исследования структурных признаков концепта «солнце» в языковой картине мира эвенов выявлено, что основным репрезентант концепта лексема *нёлтэн* является производной от глагольной основы *нё-* с дефиницией 'взойти, выйти'. Также со смысловым значением 'взойти (о солнце)' в эвенском языке отмечены следующие глагольные лексемы: *гарпудай* 'излучать свет, светить, сиять, освещать лучами (о солнце), проникать (о лучах солнца)', *хедэй* 'взойти (о солнце); показаться, выглянуть, высунуться; взойти, прорасти (о растениях)', *гэбэдэй* 'погружаться, тонуть, вязнуть, нырять; исчезать, скрываться, прятаться; заходить, зака-

тываться, скрываться, садиться (о небесных светилах)`, *гэптэрэн-дэй* `исчезнуть, скрыться; утонуть, зайти, закатиться (о небесных светилах, о солнце, о луне)`. В языковой картине эвенов выявлено значительное количество метафор, устойчивых выражений, определяющих когнитивные признаки концепта. При определении образных составляющих концепта установлено, что наиболее обширно представлены антропоморфные признаки, также предметные, вещественные признаки и признаки огня. Символические признаки концепта реализованы в виде ритуалов, обрядов, запретов-оберегов, осуществляемых во время обрядовых праздников встречи солнца.

Список литературы

1. Алексеев А.А. Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX - 80-е гг. XX в.). СПб: ВВМ, 2006. 248 с.
2. Амамич М.Н. Не провожайте с тоской улетающих птиц. Магадан: Кн. изд-во, 1977. 110 с.
3. Богораз В.Г. Тексты, заклинательные молитвы // Тунгусский сборник. Л., 1931. №1. С. 48-65.
4. Богораз В.Г. Ламуты (Из наблюдений в Колымском округе) // Землеведение. М., 1900. Кн.1. С. 59-72
5. Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л., 1931. Т.1. С.1-106;
6. Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 211 с.
7. Бокова Е.Н. Прославляю лето: стихи. Якутск: Бичик, 2011. 96 с.
8. Варламова Г.И., Саввинова С.Н., Нестерова Е.В. Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель. Новосибирск: Наука, 2019. 220 с.
9. Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 2002. 104 с.
10. Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник IV. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. М.: изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 238-257
11. Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник II. Труды

- института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. М. – Л., 1957. Т. XXXV. С. 263-326.
12. Лебедев В.Д. На земле предков. Якутск: Кн. изд-во, 1968. 63 с.
 13. Лебедев В.Д. Мэрлэнкэ. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 52 с.
 14. Лебедев В.Д. Родной край. Якутск: Бичик, 2004. 80 с.
 15. Эвенские обрядовые праздники: Хэбденек, Бакалдыдяк, Холиа, Чайрудяк. Магадан: Новая полиграфия, 2008. 67 с.
 16. Павлова Т.В. Обрядовый фольклор эвенков Якутии (музыкально-этнографический аспект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 263 с.
 17. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. А-Н; 1977. Т. 2. О-Э.
 18. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? Москва: Наука, 1979. 152 с.
 19. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg, Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017, 467 p.
 20. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.
 21. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
 22. Pulsidski B. Materials for the Study of the Orok (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickewicz University, Institute of linguistics, 1985, 56 p.

References

1. Alekseev A.A. *Eveny Verkhoyanya: istoriya i kultura (konecz XIX - 80-eg. XX v.)* [Evens of Verkhoyanye: history and culture (late 19th - 80s of the 20th century)]. St. Petersburg: VVM, 2006, 248 p.
2. Amamich M.N. *Ne provozhajte s toskoj uletayushhix ptic* [Do not see off with longing birds that are flying away]. Magadan: Knizhnoye izdatelstvo, 1977, 110 p.
3. Bogoraz V.G. Teksty, zaklinatelnye molitvy [Texts, incantatory prayers]. *Tungusskij sbornik* [Tunguska collection]. Leningrad, 1931, no. 1, pp. 48-65.
4. Bogoraz V.G. Lamuty (Iz nablyudenij v Kolya`mskom okruge) [Lamuts (From observations in the Kolyma district)]. *Zemlevedenie* [Geography]. Moscow, 1900, vol. 1, pp. 59-72.

5. Bogoraz V.G. Materialy po lamutskomu yazyku [Lamut language materials]. *Tungusskij sbornik* [Tunguska collection]. Leningrad, 1931, vol. 1, pp. 1-106.
6. Bogoraz V.G. *Chukchi. Religiya* [The Chukchi. Religion]. Leningrad: Glavsevmorput Publ., 1939, 211 p.
7. Bokova E.N. *Proslavlyayu leto: stixi* [I glorify summer: poems]. Yakutsk: Bichik, 2011, 96 p.
8. Varlamova G.I., Savvinova S.N., Nesterova E.V. *Imena sobstvennyye personazhej evenskogo eposa: slovar-ukazatel* [The proper names of the characters of the Even epic: an index dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2019, 220 p.
9. Gogolev A.I. *Istoki mifologii i tradicionnyj kalendar yakutov* [The origins of mythology and the traditional calendar of the Yakuts]. Yakutsk: Yakut State University Publ., 2002, 104 p.
10. Gurvich I.S. Koryakskie promyslovye prazdniki [Koryak fishing holidays]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik IV. Ocherki po istorii, xozyajstvu i bytu narodov Severa* [Siberian ethnographic collection IV. Essays on the history, economy and life of the peoples of the North]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Publ., 1962, pp. 238-257.
11. Kuzneczova V.G. Materialy` po prazdnikam i obryadam amguemskih olennykh chukchej [Materials on the holidays and rituals of the Amguem reindeer Chukchi]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik II. Trudy instituta etnografii im. N.N. Mikluxo-Maklaya, novaya seriya* [Siberian ethnographic collection II. Proceedings of the Institute of Ethnography, new series]. Moscow. – Leningrad, 1957, vol. XXXV, pp. 263-326.
12. Lebedev V.D. *Na zemle predkov* [In the land of the ancestors.]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo 1968, 63 p.
13. Lebedev V.D. *Me`rle`nke`* [Merlanke]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo, 1971, 52 p.
14. Lebedev V.D. *Rodnoj kraj* [Motherland]. Yakutsk: Bichik, 2004, 80 p.
15. *Evenskie obryadovye prazdniki: Xe`bdenek, Bakaldy`dyak, Xolia, Chairudyak* [Even ritual holidays: Khabdenek, Bakaldydyak, Holia, Chairudyak]. Magadan: Novaya poligrafiya, 2008, 67 p.
16. Pavlova T.V. Obryadovyj folklor evenov Yakutii (muzykalno-etnograficheskij aspekt) [Ritual folklore of the Evens of Yakutia (musical and

- ethnographic aspect)]. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2001, 263 p.
17. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-manchzhurskix yazykov* [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad: Nauka, 1975, vol. 1. A-N; 1977, vol. 2. O-E.
18. Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Yukaghirs, who are you?]. Moscow: Nauka, 1979, 152 p.
19. Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg, Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2017, 467 p.
20. Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finn-Ugrian Society, 1991, 120 p.
21. Khasanova M., Pevnov A. Myths and tales of the negidals. Osaka: Osaka Gakuin university, Faculty of informatics, 2003, 297 p.
22. Pulsidski B. Materials for the Study of the Oroch (Uilta) Language and Folklore. Working papers. Poznan: Adam Mickiewicz university institute of linguistics, 1985, 56 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Раиса Петровна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
raisakuzmina2013@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Raisa P. Kuzmina, Senior Researcher, Ph. D. in of Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Problems of the North Russian Academy of Sciences Siberian Branch
1, Petrovsky, Str, Yakutsk, 677027, Russian Federation
raisakuzmina2013@yandex.ru
SPIN-code: 5134-1230
ORCID: 0000-0003-4964-3448
Researcher: K-1522-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-212-235

УДК 811.161.1'373.43::392.77

**ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО И ПРОВОКАЦИЯ
В ЭПОХУ ЛУЛЗОВ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛОКАЦИЯМИ С КЛЮЧЕВЫМИ
СЛОВАМИ ГЛУМ, СТЕБ, ПРАНК, ТРОЛЛИНГ**

Ребрина Л.Н.

***Цель.** Исследование направлено на выявление специфики слов, обозначающих деструктивные интерперсональные действия ради развлечения, определение особенностей лексико-семантической репрезентации в современной русскоязычной интернет-коммуникации лулзовых издевательства и провокации посредством анализа именных и глагольно-именных коллокаций.*

***Метод или методология проведения работы.** В качестве репрезентантов изучаемых феноменов на семантических основаниях выбраны существительные глум, стеб, пранк, троллинг. Анализируются структура, субъектность, объектность, внешняя и внутренняя переходность, серии, структурно-семантические модели, тематические коды, прагматический компонент значения коллокаций.*

***Результаты.** Определены структурные, синтагматические, семантические, прагматические особенности отобранных коллокаций и ключевых слов. Выявлены общие закономерности языковой репрезентации развлекательных издевательств и провокаций и специфика репрезентации феноменов глума, стеба, пранка, троллинга.*

***Область применения результатов.** Результаты могут найти применение в лексикографической практике.*

***Ключевые слова:** коллокация; семантические, структурные, синтагматические признаки; ключевое слово; лексико-семантическая репрезентация; издевательство; подстрекательство; русская лингвокультура*

SCOFF AND PROVOCATION IN THE ERA OF LULZ: LEXICAL AND SEMANTIC REPRESENTATION THROUGH COLLOCATIONS WITH THE KEYWORDS *GLUM*, *BANTER*, *PRANK*, *TROLLING*

Rebrina L.N.

Purpose. *The study aims at identifying the specifics of words denoting destructive interpersonal actions to entertain, determining the features of lexical and semantic representation of lulz bullying and provocation through the analysis of nominal and verb-nominal collocations in modern Russian-language Internet communication.*

Methodology. *The article analyzes the structure, subjectivity, objectivity, external and internal transitivity, series, structural and semantic models, thematic codes, pragmatic component of the meaning of collocations.*

Results. *Structural, syntagmatic, semantic, pragmatic features of the selected collocations and keywords are determined. The general patterns of linguistic representation of bullying and provocation for entertainment and the representation specificity of the phenomena of glum, banter, prank, trolling are revealed.*

Practical implications. *The results can find application in lexicographic practice.*

Keywords: *collocation; semantic, structural, syntagmatic features; keyword; lexical and semantic representation; scoff; provocation; Russian linguoculture*

1. Общество впечатлений, оскорбление и провокации как актуальные лулзовые практики

Проблематика исследования связана с актуальным феноменом, характеризующим современное «общество переживаний» / «общество впечатлений» (термин введен Г. Шульце; *Erlebnisgesellschaft* – сегодняшнее, индивидуалистическое, нацеленное на гедонизм, получение наслаждений, потребление, интенсивность жизни здесь и

сейчас, на борьбу со скукой и меланхолией общество с измененными потребностями, потребительскими установками, рациональностью, регуляцией, с главным поведенческим императивом «Потребляя, переживай свою жизнь, получай впечатления!», в котором переживания, впечатления, эмоции обретают особую ценность (см. [13; 21; 22]). Поведение членов данного общества регламентируют, прежде всего, впечатления, стремление к развлечению. При этом в условиях глобализации информационных и коммуникационных процессов виртуальность тесно переплетается со сложной реальностью, бегством от которой и становится развлечение (что обуславливает на фоне снижения роли материальных и биологических потребностей упрощенное отношение к жизни). Лулзы как желаемая цель, оправдывающая и объясняющая поступки, нарушение правил и моральных установок, девиацию; паразитирование на эмоциях других; игровая направленность; изменение роли и функциональных характеристик смеха (а именно, его функционирование в интерперсональной коммуникации как средства экстериоризации участника; интерпретация смехового поведения как демонстрации ума, знания, креативности; неактуальность деления на высокоинтеллектуальный и низменный смех; полифоничность, т.е. обязательность для функционирования активных / интерактивных наблюдателей-участников, вносящих свой вклад, дополняющих и обеспечивающих функциональную целостность; умножение субъектов-адресантов; открытость соответствующих коммуникативных практик; тотальный, всеохватывающий характер объекта смеха) являются следствием развития общества потребления, общества впечатлений на фоне глобализации информационных и коммуникативных технологий и характеризуют актуальный этап эпохи постмодерна [3]. Активное распространение использующего и транслирующего гетеростереотипы языка вражды в постмодернистском обществе обуславливается высоким темпом социальных трансформаций, усложняющейся социальной структурой общества (возникновение множества субкультур и их миксов, географическая мобильность и активные миграционные

процессы, множественность идентичности членов общества), изменением ценностей, моральных норм и формированием морального нигилизма, активным применением во властном дискурсе стратегии конструирования образа врага для консолидации общества, усложняющей социальные отношения неблагоприятной окружающей средой (финансовый, экономический кризис и пр.) [9]. В упомянутом обществе развлечения и деструктивные интерперсональные действия, например, издевательства, провокации также могут носить лулзовый характер и становиться источником развлечения, удовольствия адресантов и адресатов (от содержания, формы и реакции наблюдателей-участников), что находит отражение в языке.

Объектом исследования выступают коллокации с ключевыми словами (КС), обозначающими названные феномены (издевательство, провокация / подстрекательство ради лулзов), извлеченные из веб-коллекций корпусов текстов. Исследование нацелено на сопоставительную характеристику семантических и синтагматических характеристик КС, выявление закономерностей лексико-семантической репрезентации «развлекательных» издевательства и подстрекательства посредством полиаспектного анализа функционирующих в интернет-коммуникации 2010-2020 гг. коллокаций с данными КС. Анализируемые КС относятся к лексике с семантикой вражды, актуальность изучения и лексикографирования которой обуславливается современными социальными и информационными процессами, когда широкие возможности, предоставляемые сетью Интернет, ведут, в том числе, к растущим разнообразным деструктивным коммуникативным проявлениям. При этом наблюдается дефицит исследований, посвященных систематизации современной русскоязычной лексики вражды. Лексическая репрезентация феноменов лулзовых деструктивных действий в русском языке остается практически не изученной. Между тем, как представляется, лингвистика способна внести свой вклад в осмысление данных феноменов, как и социально значимых процессов и отношений в целом.

2. Ключевое слово и коллокации как источник информации о лексико-семантической репрезентации фрагмента реальности

В качестве языковых репрезентантов изучаемых фрагментов современной коммуникативной действительности (издевательство, подстрекательства или провокации ради лулзов) исследуются коллокации с КС *глум*, *стеб*, *пранк*, *троллинг*, отражающие сегодняшний языковой узус в интернет-коммуникации, представления носителей русского языка об обозначаемом, являющиеся эффективным средством семантизации КС. Перечисленные КС-существительные включены в материал исследования по наличию семантических признаков, указывающих на соответствующие действия (издевательство, провокация), их смешовой, развлекательный характер: 1. *Глум* – отражаемые в словарных дефинициях семантические признаки «издевательство», «веселое издевательство», «злая насмешка», «издевательская шутка» [1; 4; 8]; 2. *Стеб* – семантические признаки «провокационная, агрессивная шутка», «скандальный», «осмеивание», «провокативный характер», «дискредитация»; действие по значению *стебаться* – «злой смех», «словесное издевательство» [2]; 3. *Пранк* – семантические признаки «шутка», «хулиганство», «провокация ради яркой ответной реакции», «средство для провокации различного рода» [11; 17]; при этом: *провокация* – «подстрекательство с какой-н. целью» [1; 4; 8]); 4. *Троллинг* – семантические признаки «в Интернете», «издевательское общение», «социальная провокация», «подстрекательство», «провокационное сообщение», «с целью лулза для себя и догадливых посетителей», «за счет менее догадливых, реагирующих посетителей»; *лулз* – искаженное англ. «lol»: прикол, рофл, шутка; устойчивые сочетания (всё) *ради лулзов* (мем – *I did it for the lulz*), *словить лулзов* [2; 17]. В отобранной группе КС одинаково представлены русскоязычные и заимствованные из английского языка единицы.

Коллокации рассматриваются нами как статистически устойчивые (свободные или идиоматические), комбинаторно обусловленные, семантически и синтаксически целостные сочетания КС и коллоката, являющиеся типичными для языка / типа текстов /

сферы коммуникации, т. е. коммуникативными, мнемоническими фрагментами [7; 16; 19]. С позиций контекстно-ориентированных исследований коллокации представляют собой разнородные в семантическом и функциональном планах единицы: общеупотребительные, экспрессивные, авторские (как правило, образованные с нарушением сочетаемости единиц и комбинирования смыслов, использующиеся для выражения субъективного и нетривиального, формирования авторской эстетики), этнокультурные; терминологические [6]. Коллокации, на наш взгляд, – переходные единицы, имеющие промежуточный статус (между словом и конструкцией). Исследуемые коллокации включают именные коллокации (ИК) и глагольно-именные коллокации (ГИК); последние являются образованиями предикативного характера, синтаксическими фразами, тяготеющими к синтаксическому полюсу [10; 18]. В ИК и ГИК реализуется взаимодействие лексического и синтаксического уровней языка, узуальная актуализация и уточнение значений КС, комбинируемых с разными коллокатами [12; 15; 16].

Для определения особенностей лексико-семантической репрезентации феномена лулзовых издевательств и подстрекания в русском языке реализуется полиаспектная (структурная, синтагматическая, семантическая) характеристика коллокаций; анализируются количество компонентов, простая / сложная структура словосочетания (отсутствие / наличие других связей помимо связи между КС и коллокатом); субъектность (описание ГИК ситуации как предполагающей наличие одушевленного и / или неодушевленного субъекта действия), объектность (описание ГИК ситуации как предполагающей наличие объекта), внутренняя / внешняя переходность (включение в состав ГИК прямого дополнения / способность ГИК присоединять прямое дополнение); описание серий коллокаций – сочетаний КС и коллоката, имеющих схожую языковую репрезентацию обозначаемых ситуаций (речь идет о сочетаниях КС в одинаковой падежной форме и семантически, синтагматически близких коллокатах) [20], структурно-семантических моделей ИК и ГИК как схематизированных корреляций их структурных и семантических признаков; систе-

матизация регулярных сфер отождествления денотативных ситуаций (данные сферы обуславливаются семантической структурой значения коллоката; например, в коллокации *продажный глум* прилагательное имеет значение «такой, который отдает себя, свои чувства за деньги; такой, которого можно подкупить, который ради денег, выгоды готов на бесчестные поступки» [1] и характеризует глум по аналогии с живым лицом; в коллокации *спрятаться за пранк* глагол с значением «скрываться от других в каком-л. месте» [Там же] обуславливает интерпретацию денотативной ситуации как разворачивающейся в каком-либо пространстве, а самого явления «пранк» – как некоего фрагмента пространства); описание прагматического компонента значений ИК и ГИК [см. Rebrina 2019], выражаемого ценностного отношения к называемому феномену (об отражении ценностных ориентиров в синтагматике см. [5]).

Источник материала – веб-коллекции корпусов Sketch Engine и LEEDS, использующих для извлечения коллокаций аналогичные меры ассоциаций (logDice, Loglikelihood score), оценивающие частотность и совместную встречаемость компонентов коллокации в соотношении с частотностью случайных сочетаний. Общее количество отобранных из веб-коллекций корпусов именных и глагольно-именных коллокаций - единиц (на коллокации с КС приходится стеб 36,47% от общей выборки коллокаций; с КС *глум* - 33,46%; с КС *пранк* и *троллинг* - по 15,035%). Преобладают ИК: ИК - в материале исследования составляют 71,43%, ГИК - 28,57% (с КС *глум* ИК - 65,17%, ГИК - 34,83%; с КС *стеб* ИК - 78,35%, ГИК - 21,65%; с КС *пранк* ИК - 67,5%, ГИК - 32,5%; с КС *троллинг* ИК - 72,5%, ГИК - 27,5%).

3. Лексико-семантическая репрезентация лулзового издевательства и провокации в русской лингвокультуре через призму многоаспектной характеристики коллокаций

Структурные и синтагматические характеристики коллокаций с КС *глум*, *стеб*, *пранк*, *троллинг*. Все извлеченные из веб-коллекций корпусов коллокаций с КС *глум*, *стеб*, *пранк*, *троллинг* имеют

простую структуру, т. е. реализуют одну грамматическую связь между КС и коллокатом. Большинство коллокаций с названными КС являются двукомпонентными. Трехкомпонентные коллокации представляют собой периферийное явление (с КС *глум* 5,62%; с КС *стеб* 3,31%; с КС *пранк* 2,5%; с КС *троллинг* – наибольшее количество: 12,5%), их наличие связано со значимой ролью предлога для обеспечения семантической целостности коллокации, уточнения и реализации значения коллоката. Например: а) в коллокации *перейти / переходить в стеб* предлог позволяет отграничить актуализируемое значение глагола «превратиться во что-л. иное, стать чем-л. другим» от других значений коллоката, например, от значения «переместиться, переправиться ... на другую сторону чего-л., ср. перейти улицу [1]; б) в коллокации *выдавать за глум* благодаря предлогу отграничивается актуализируемое значение коллоката «представить не тем, что есть на самом деле» от значений «дать, отпустить из места хранения ...; вручить»; сделать известным, открыть ... что-л. скрываемое» [Там же], ср. *выдать паек, выдать тайну*; в) в коллокации *перерастать в троллинг* благодаря предлогу актуализируемое значение глагола «обогнать в росте, стать выше кого-, чего-л.» от значения «... превратиться во что-л., перейти во что-л.» [Там же], ср. *перерасти отца*. Большая часть исследуемых ГИК являются субъектными коллокациями, описывающими денотативные ситуации как иницилируемые активным субъектом: а) с КС *троллинг* - 81,25% (преобладают ГИК с предполагаемым одушевленным субъектом – *поддаваться на троллинг*; двусубъектные, предполагающие одушевленный или неодушевленный субъект, т.е. двусубъектные *скатываться в троллинг* (*обсуждение скатилось в троллинг*; *Вы решили скатиться в троллинг?*); с неодушевленным субъектом - 25%, например, *смахивать на троллинг*; б) с КС *стеб* - 52,94% (с одушевленным субъектом - 44,12%, например, *оценить стеб*; с неодушевленным субъектом - 8,82%, например, *превращаться в стеб*); в) с КС *глум* - 47,62% (превалируют ГИК с предполагаемым одушевленным субъектом, включая случаи собирательных и персонифицирующих метонимических обозначений - 35,71%, например, *устроить / устраивать*

глум; с неодушевленным субъектом - 11,91%, например, *выродиться в глум*); г) с КС *пранк* - 44,44% (предполагают одушевленный субъект, например, *отомстить за пранк*). Менее частотны субъектно-объектные ГИК (т.е. описывающие сопряженные денотативные ситуации как направленные на объект действия субъекта): а) с КС *пранк* - 33,33%, например: *записать пранк*; б) с КС *стеб* - 32,35%, например, *понять стеб*); в) с КС *глум* - 23,81%, например, *сочинять глум*; г) с КС *троллинг* - 12,5%, например, *прекратить троллинг*. Третью группу образуют несубъектные необъектные ГИС, описывающие связанные с лулзовыми издевательствами, подстрекательством ситуации как непроизвольные, не инициируемые субъектом, а соответствующие феномены - как самостоятельные, неконтролируемые (представляют собой периферийное явление, исключение см. (а)): а) с КС *глум* - 28,57%, например, *глум удался*, *глум попер*, *глум царит*; б) с КС *пранк* - 22,23%, например, *пранк разыгрывается*; в) с КС *стеб* - 14,71%, например, *стеб обрушивается*; г) с КС *троллинг* - 6,25%, например, *троллинг удался*. Относительно характеристики переходности анализируемые ГИК демонстрируют различные тенденции: а) среди ГИК с КС *глум* преобладают внутренне и внешне непереходные - 33,34%, например, *превратиться в глум* (внешне переходные - 9,26%, например, - 12,96%, например, *устроить глум*; аналогичное распределение характеризует ГИК с КС *троллинг*: преобладают внутренне и внешне непереходные ГИК - *вестись на троллинг* (внешне переходные - 7,14%, например, *заблокировать за троллинг*; внутренне переходные - *устроить троллинг*); б) среди ГИК с КС *стеб* наиболее многочисленны - *оставить стеб* (внешне переходные - 1,92%, например, *пробивает на стеб*; внутренне и внешне непереходные - , например, *участвовать в стебе*); в) в группе ГИК с КС *пранк* одинаково представлены *замутить пранк* внутренне и внешне непереходные (*спрятаться за пранк*)- по 20%; не обнаружены внешне переходные коллокации.

Рассмотрим структурно-семантические характеристики анализируемых ИК и ГИК. Результаты анализа указывают на наличие большого количества серий коллокаций, что свидетельствует о

значимости детальной характеристики денотативной ситуации посредством комбинирования КС с разными семантически и синтаксически близкими коллокатами. Многочленность серии отражает значимость выражаемой характеристики изучаемых коммуникативных феноменов (глум, стеб, пранк, троллинг) для языковой (а именно в языке интернет-коммуникации) и ментальной репрезентации в рамках русской лингвокультуры. В группе Ик и ГИК с КС *глум* зафиксировано 18 серий (12 серий ИК, 6 серий ГИК). Наиболее многочисленные серии описывают негативное развитие и превращение общения в глум (*превратиться / перейти / масштабность его проявления (/ царит)*); его искусность (*изошрённый / тонкий / остроумный глум*); большую длительность / повторяемость (*продолжительный / беспрестанный / непрекращающийся глум*), неинтенсивность (*легкий / неуверенный / несерьёзный глум*); нацеленность на определенную группу (*глум над детьми / над учителями / над христианами / над оппонентами / над игроками / курящими*), на важное, большое, значимое (*глум над святым / над кровью / над историей / над страной / над чувствами / над демократией*). В группе коллокаций с КС *стеб* выделено 23 серии (19 серий ИК, 4 серии ГИК). Наиболее значимыми параметрами связанных с феноменом «стеб» денотативных ситуаций являются, описываемыми многочисленными сериями являются фиксация восприятия стеба (*чувствовать / воспринимать / слушать / читать стеб*); негативное развитие ситуации и переход в стеб (*уйти / переходить / превращаться в стеб*); жестокость, аморальность (*изошрённый / жесткий / жестокий / злобный / циничный / глумливый стеб*); искусность, интеллектуальность (*находчивый / остроумный / творческий / тонкий / глубокий / гениальный / изящный / классный / талантливый / шикарный / хороший стеб*); длительность или повторяемость (*бесконечный / частый / сплошной / избыточный / повсеместный стеб*); авторство стеба (*молодежный / шулерский / журналистский / авторский стеб*). Коллокации с заимствованными из английского языка КС образуют меньшее количество серий. С КС *троллинг* выявлено 13 серий (10 серий ИК, 3 серии ГИК).

Наиболее многочисленны серии описывают следующие параметры характеризуемого феномена, связанной с ним денотативной ситуации: типичность троллинга (*типичный / обыкновенный / очередной троллинг*); его искусность (*изысканный / изящный / тонкий троллинг*) и интеллектуальность (*глупый троллинг, бессмысленный троллинг, тупой троллинг*); жесткость, интенсивность (*жесткий / беспощадный / интенсивнейший троллинг*); распознаваемость (*очевидный троллинг явный троллинг, откровенный троллинг*); место появления, осуществления (*троллинг в соцсетях, / в Сети, / в теме, / в комментариях*). С КС пранк выявлено 8 серий (7 серий ИК, 1 серия ГИК). Наиболее значимыми, описываемыми самыми многочисленными сериями коллокаций параметрами называемого КС феномена и связанных денотативных ситуаций являются высокое качество и воздействующий потенциал пранка (*угарный / отвязный / звёздный / эпичный / гениальный / эталонный / незабвенный пранк*); его нацеленность на конкретного человека (*пранк над девушкой / над парнем / над Евой*), используемое средство / инструмент (*пранк с заявкой / с пластилином / с шампунью*), привлекаемые участники (*пранк с гомосексуалистом / с клоуном / со звездами*).

Опишем структурно-семантические модели ИК и ГИК, учитывающие компонентный состав, структуру коллокаций, формы компонентов, категориальное значение КС и обобщенное лексическое значение коллокатов. С КС *глум* выделено 20 структурно-семантических моделей ИК и ГИК. Приведем примеры описания модели: 1) *глум над этой биомассой, глум над людьми, глум над народом, глум над овощами, глум над обывателями, глум над детьми, глум над учителями, глум над христианами, глум над оппонентами, глум над игроками* – существительное *глум* и предложная группа с существительным, обозначающим одушевленный коллективный субъект, группу людей; модель: «ЧТО над множеством, группой / в отношении множества, группы людей»; 2) *бандеровский глум, раскольнический глум, чиновный глум* – притяжательное прилагательное, обозначающее инициатора действия, и существительное *глум* без предлога; модель: «инициированный кем-то ЧТО». Распростра-

ненными моделями являются также «ЧТО над объектом культуры / в отношении объекта культуры»; «ЧТО над ценным / в отношении ценного»; «превратиться во ЧТО»; «утонченный ЧТО»; «длительный ЧТО»; «характеризующееся небольшой мерой ЧТО»; «совершается ЧТО»; «есть, становится масштабным ЧТО». В группе ИК и ГИК с КС *стеб* выделено 24 структурно-семантических моделей. Например: 1) *прикольный стеб, забавный стеб, шаловливый стеб, веселый стеб* – определение с обобщенным значением «смешной, забавляющий, развлекающий» и существительное *стеб* без предлога; модель: «забавляющий ЧТО»; 2) *бесконечный стеб, частый стеб, сплошной стеб, избыточный стеб, повсеместный стеб* – определение с обобщенным значением «в большой мере, широко представленный» и существительное *стеб* без предлога; модель: «имеющий большую меру ЧТО». Распространенными также являются модели: «не обидный ЧТО»; «качественный ЧТО»; «утонченный ЧТО»; «оригинальный ЧТО»; «масштабный ЧТО»; «злой ЧТО»; «примитивный ЧТО»; «неприличный ЧТО»; «очевидный ЧТО»; «простой ЧТО»; «имеющий определенный временной признак ЧТО»; «осознанный ЧТО»; «исходящий от определенного лица ЧТО»; «не соответствующий обстановке ЧТО»; «воспринимать ЧТО»; «воспринимать с удовольствием ЧТО»; «перейти во ЧТО»; «ЧТО доставляет приятные переживания»; «ЧТО над шаблонным, в от ношении шаблонного»; «ЧТО над определенным / неопределенным единичным / коллективным субъектом, в от ношении определенного / неопределенного субъекта / субъектов»; ЧТО над объектом культуры, мировоззрением, в отношении объекта культуры, мировоззрения». С КС-заимствованиями представлено меньшее количество структурно-семантических моделей. В группе с КС *троллинг* выделено 13 моделей. Например: 1) *жесткий троллинг, беспощадный троллинг, интенсивнейший троллин* – определение с обобщенным значением «характеризующийся высокой степенью интенсивности» и существительное *троллинг* без предлога; модель: «интенсивный ЧТО»; 2) *троллинг в соцсетях, троллинг в Сети, троллинг в теме, троллинг в комментариях* – существитель-

ное *троллинг* и предложная группа с неодушевленным существительным с обобщенным значением «место вербального действия»; модель: «ЧТО в определенном фрагменте коммуникативного пространства». Приведем другие распространенные структурно-семантические модели ИК и ГИК с данным КС: «утонченный ЧТО»; «явный ЧТО»; «обычный ЧТО»; «примитивный ЧТО»; «неумелый ЧТО»; «глупый ЧТО»; «развитый ЧТО»; «осознанно выстроенный ЧТО»; «уступить воздействию, реагируя на ЧТО»; «превратиться во ЧТО»; «наказать путем исключения за ЧТО». В группе ИК и ГИК с КС *пранк* выделено 8 структурно-семантических моделей. Например: *угарный пранк*, *отвязный пранк*, *эпичный пранк*, *консистентный пранк* – определение с обобщенным значением «безудержный, без условностей, с размахом» и существительное *пранк* без предлога; модель: «безудержный, с размахом ЧТО». Частотными моделями являются также: «превосходный ЧТО»; «рядовой ЧТО»; «ЧТО нарастает»; «ЧТО над конкретной группой лиц или конкретным человеком / в отношении конкретной группы лиц или конкретного человека»; «ЧТО вместе с участником / с помощью участника»; «ЧТО с инструментом- предметом / с помощью предмета».

Важную информацию о ментальной и лексической репрезентации описываемых феноменов предоставляет анализ тематических кодов – регулярных сфер отождествления обозначаемого. Коллокации с КС *глум* реализуют следующие основные тематические коды, раскрывающие закономерности отождествления описываемого феномена, сопряженных с ним денотативных ситуаций: *глум* – некто живой (21,32%, например, *нездоровый глум*); *глум* – событие, мероприятие (18,57%, *глум* - поступок, проступок (16,58%, *простить за глум*); *глум* - неприятность, негативное воздействие (15,07%, *обрекать на глум*); *глум* - предмет (12,52%, *новый глум*; *глум* - движущийся объект, фрагмент пространства (7,51%; *сперейти в глум*); *глум* - текст, содержание, общение (7,03%, *сочинять глум*; *словесный глум*). Большой частью ГИК и ИК с КС *стеб* реализуют персонификацию стеба - 30,35% (*находчивый стеб*, *здоровый стеб*); отождествление стеба с предметом - 15,73% (*дешевый стеб*, *пло-*

ский стеб); поступком, проступком - 13,48% (*беспричинный стеб, извинять стеб*); с текстом, содержанием, общением - 13,36% (*понятный стеб, эпический стеб, понять стеб*); с событием, мероприятием, действием - 9,99% (*неуместный стеб. устроить стеб*); с движущимся объектом, фрагментом пространства - 8,94% (*повсеместный стеб, уйти в стеб, переходить в стеб*); с неприятностью, негативным воздействием - 2,54% (*воспринимать стеб*); с навыком, способностью - 2,25% (*профессиональный стеб*). Коллокации с КС *пранк* реализуют следующие тематические коды: *пранк* - текст, содержание, общение (19,28%, *записать пранк, слышать / слушать пранк*); *пранк* - предмет (17,95%, *консистентный пранк, спрятаться за пранк*); *пранк* - поступок, действие, проступок (16,26%, *отомстить за пранк*); *пранк* - некто живой (12,96%, *пранк ожил*); *пранк* - воздействие (неприятное) (11,24%, *вестись на пранк*); *пранк* - движущийся объект, фрагмент пространства (8,98%, *пранк распространился*); *пранк* - событие, мероприятие (7,97%, *замутить пранк*); *пранк* - образец (3,34%, *эталонный пранк*). Основными тематическими кодами, реализуемыми коллокациями с КС *троллинг* выступают следующие: *троллинг* - некто живой (25,39%, *неумелый троллинг, беспощадный троллинг*); *троллинг* - предмет (20,51%, *жесткий троллинг, тонкий троллинг*); *троллинг* - текст, содержание, общение (14,80%, *банальный троллинг, троллинг в комментариях*); *троллинг* - событие, мероприятие (14,02%, *устроить троллинг, троллинг удался*); *троллинг* - поступок, проступок (13,31%, *забанить за троллинг, заблокировать за троллинг*); *троллинг* - воздействие (7,32%, *вестись на троллинг, поддаваться на троллинг*); *троллинг* - фрагмент пространства, движущийся объект (2,54%, *скатываться в троллинг*).

Рассмотрим прагматический компонент значения анализируемых коллокаций для определения транслируемого ИК и ГИК ценностного отношения к «развлекательным» издевательствам и провокации, ассоциируемых с ними признаков и образов. Прагматический компонент лексико-семантической репрезентации «развлекательного» издевательства, надсмехательства функционирую-

щими в русскоязычной интернет-коммуникации коллокациями с КС *глум* обнаруживает следующие закономерности: а) преобладание нейтральных номинаций (51,68%, например, *словесный глум*, *продолжительный глум*); б) явное доминирование выражаемого ИК и ГИК отрицательного отношения (37,08%, например, *продажный глум*, *глум надоел*) над положительным отношением (11,24%, например, *зачетный глум*, *остроумный глум*); соотношение в подгруппе оценочных обозначений: негативная оценка - 76,74%; позитивная оценка - 23,26%. Глум описывается коллокациями как нечто жестокое, проникнутое ненавистью и агрессией, неприятное, нечестное, недостойное, неуместное, наносящее вред, направленное против ценного, важного, неприкосновенного; при этом также как нечто искусное, интеллектуальное, популярное, нацеленное на недостатки. Лексико-семантическая репрезентация лулзового издевательства и провокации посредством ИК и ГИК с КС *стеб* характеризуется превалированием нейтральных обозначений (53,61%, например, *слушать стеб*, *чувствовать стебе*, *участвовать в стебе*), незначительным преобладанием выражаемого положительного отношения (26,80%, например, *забавный стеб*, *здоровый стеб*) над отрицательным (19,59%, например, *жестокий стеб*, *скабрезный стеб*); в подгруппе оценочных обозначений: позитивная оценка - 57,78%; негативная оценка - 42,22%. Стеб характеризуется как нечто восхищающее своим качеством, интеллектуальностью, искусностью, масштабом, актуальностью, креативностью, как нечто развлекающее, доставляющее положительные переживания, отражающее приятельское отношение; с другой стороны, как нечто злое, жестокое, чрезмерное, неприличное, нарушающее нормы, неприемлемое, мешающее, неудовлетворительного качества, глупое. Языковая репрезентация лулзовой провокации ИК и ГИК с КС *пранк* характеризуется: а) широко представленными нейтральными обозначениями описываемого феномена соответствующих денотативных ситуаций (75%, например, *задокументированный пранк*, *длинный пранк*); б) незначительным превалированием выражаемой положительной оценки (15%, например, *гениальный пранк*, *эталонный*

пранк над отрицательной оценкой (10%, например, *пранк надоел, отомстить за пранк*); соотношение в группе отражающих оценку коллокаций: позитивная оценка - 60%, негативная - 40%. Пранк описывается как нечто веселое, развлекающее, искусное, неординарное, впечатляющее, но, с другой стороны, как нарушающее нормы и правила, недопустимое, нацеленное на ценное. ИК и ГИК с КС *троллинг* одинаково часто изображают называемый феномен и сопряженные с ним денотативные ситуации как нейтральные или вызывающие оценочное отношение (прим. по 50%; например, ГИК *напоминать троллинг* – нейтральное обозначение ситуации); преобладают единицы, отражающие негативное отношение (35% от общего количества коллокаций; 70% от конститuentов подгруппы оценочных ИК и ГИК; например, *скатываться в троллинг, тупой троллинг*); наименее представленные коллокации, выражающие позитивное отношение (15% от общего количества; 30% от количества выражающих оценочное отношение коллокаций; например, *изысканный троллинг, знатный троллинг*). Троллинг представляется посредством коллокаций как нечто неуместное, недолжного качества, жестокое, не имеющее смысла, недостойное, неинтеллектуальное, нечестное и превращающее в жертву; с другой стороны, как нечто сложное и искусное, высокого качества, восхищающее, требующее изобретательства, строго следующее цели.

Выводы

Издевательство, провокация, подстрекательство ради развлечения получают лексико-семантическую репрезентацию посредством именных и глагольно-именных коллокаций с простой структурой, преимущественно, двукомпонентных. Превалируют ИК, что указывает на особую важность в рассматриваемой лингвокультуре отражения характеристики обозначаемых лузовых деструктивных интерперсональных действий и их объекта (на кого / что направлено). Глагольные коллокации преимущественно описывают сопряженные с лузовыми издевательством, провокацией, подстрекательством ситуации как инициируемые субъектом, чаще всего, одушевлен-

ным; реже – как действия субъекта, направленные на обозначаемый развлекательный деструктивный феномен; наименее представлены описания соответствующих ситуаций как произвольных, а самих феноменов – как самостоятельных, неконтролируемых. При этом коллокации с разными КС отличаются своей синтагматикой, коррелирующей с такими характеристиками как субъектность, объектность, переходность коллокаций. Коллокации с КС, заимствованными из английского языка (*пранк, троллинг*), образуют значительно меньше серий. Наиболее значимыми параметрами феноменов и ситуаций их реализации, подлежащими детализации в сериях коллокаций, являются качество, интенсивность, длительность / повторяемость, направленность на определенный объект воздействия, характеристика феномена как результата негативного развития ситуации, что подтверждают описанные структурно-семантические модели ИК и ГИК. Структурно-семантические модели отражают семантическую и синтагматическую специфику КС, ментальные представления носителей языка о называемых феноменах. Обозначаемые феномены, как показывает анализ тематических кодов, отождествляются при их репрезентации посредством ИК и ГИК в основном с живым лицом, предметом, неким текстом или содержанием, поступком или проступком, событием или мероприятием, движущимся объектом или фрагментом пространства, воздействием; большая или меньшая частотность кодов специфична для групп коллокаций с разными КС. Коллокации отражают амбивалентность оценочного отношения носителей языка к обозначаемым феноменам при превалировании в общем количестве исследуемых коллокаций с разными ключевыми КС выражаемой негативной оценки. Позитивная оценка изучаемых феноменов, тем ни менее, также широко представлена. Зафиксированная амбивалентность обусловлена противоположностью оценки объектов, на которые направлены деструктивные действия, эмоционального воздействия и качества действия, его ожидаемости, сложности / простоты.

Выполненный анализ позволил определить специфические семантические и синтагматические характеристики КС *глум, стеб*,

пранк, троллинг, лексико-семантической репрезентации обозначаемых ими феноменов. Так феномен троллинга описывается как, преимущественно, иницируемый одушевленным субъектом, но при этом редко как направленное на сам феномен действие субъекта; чаще всего характеризуется относительно его типичности, искусности, агрессивности, интеллектуальности, пагубного воздействия, интенсивности, используемого коммуникативного пространства, следуемого наказания; отождествляется преимущественно с живым лицом или предметом, получает больше негативную (как нечто неуместное, недостойное, жестокое, неинтеллектуальное, грубое), чем положительную оценку. С помощью существительного *стеб* соответствующие ситуации часто описываются как направленные на называемый феномен действия одушевленного субъекта, что отражается в самом высоком показателе внутренней переходности коллокаций по сравнению с другими исследованными КС; образуемое наибольшее количество серий коллокаций и серий ИК с данным КС отражает популярность и значимость детальной признаковой характеристики данного феномена, а именно его качества, авторства, пагубного воздействия и противоречия морали, искусности, интеллектуальности, продолжительности / повторяемости. *Стеб* часто интерпретируется как результат негативного развития ситуации; отождествляется прежде всего с живым лицом; получает чаще позитивную оценку (как нечто креативное, масштабное, развлекающее, интеллектуальное, направленное против неценного, шаблонного). *Глум* по сравнению с других изучаемыми феноменами существенно чаще описывается как нечто самостоятельное, неконтролируемое, связанные с ним ситуации изображаются как произвольные; наиболее значимыми, получающими детализацию посредством серий ИК и ГИК параметрами являются масштабность, искусность, временные признаки, интенсивность, направленность на определенный объект, оценка как негативного развития ситуации. *Глум* отождествляется в первую очередь с живым лицом, событием / мероприятием, поступком / проступком; получает преимущественно негативную оценку (как направленный против ценного, важного,

неприятный, пагубный, неуместный, нечестный). Пранк одинаково часто описывается как объект действия одушевленного субъекта или как самостоятельная сила; преимущественно отождествляется с текстом / содержанием / общением, предметом, поступком / проступком и получает чаще положительную оценку (как нечто развлекающее, неординарное, искусное); наиболее значимыми параметрами связанных с пранком ситуаций выступают качество, характер воздействия, направленность на некое лицо / группу, используемые средства и участники.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс» [The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”]).

Список литературы

1. Евгеньева А.П. (общ. ред.) Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. РАН, ИЛИ. М.: Полиграфресурсы, 1999. <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 29.08.2021)
2. Каргаслов.РУ. Kartaslov. Карта слов и выражений русского языка. <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 29.08.2021)
3. Касимов Р.Х. Функционирование смеха в эпоху постиндустриализма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. 4 (18), Ч. I. С. 64-68. <https://www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/18.html>
4. Кузнецов С.А. (гл. ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2010. <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 30.08.2021)
5. Маринова Е. Ценностные ориентиры нового времени сквозь призму актуальной сочетаемости слова // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2018. № 8(2). С. 273-282. http://uwm.edu.pl/cbew/2017_8_2/Marinova.pdf

-
6. Онал И.О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. 2019. № 1. С. 73-87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-73-87>
 7. Резанова З., Буб А. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1164-1177. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.273>
 8. Ушаков Д.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B3%D0%BB%D1%83%D0%BC> (дата обращения: 30.08.2021)
 9. Фадеичева М.А. Экзистенциальные основания языка вражды // *Дискурс-Пи*. 2015. № 1 (18). С. 20-24. https://madiapi.ru/journals/show/ekzistencialnye_osnovaniya_yazyka_vrazhdy
 10. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. От коллокаций к конструкциям // *Acta linguistica petropolitana*. 2014. Vol. X, part 2. С. 568-618. https://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_X_2.pdf
 11. Academic - Словари на Академике. <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 29.08.2021)
 12. Echeverria S.A. Committing crimes and issuing sentences: collocations in corpus studies. Past and future // *Lengua y habla*. 2019. Vol. 23, pp. 131-156.
 13. Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. 134 p.
 14. Kang B.M. Collocation and word association: comparing collocation measuring methods // *International journal of corpus linguistics*. 2018. Vol. 23, No 1. pp. 85-113. <https://doi.org/10.1075/ijcl.15116.kan>
 15. Lai H.L. Collocation analysis of news discourse and its ideological implications // *Pragmatics*. 2019. Vol. 29, No 4, pp. 545-570. <https://doi.org/10.1075/prag.17028.lai>
 16. Lin Z., Jin Sh. Metonymic and metaphoric meaning extensions of Chinese FACE and its collocations // *Pragmatics and society*. 2019. Vol. 11, No 1, pp. 96-123. <https://doi.org/10.1075/ps.17008.lin>
 17. Lurkmore. Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур. <http://nouveau.lurkmore.to/> (дата обращения: 30.06.2021)

18. Masini F. Multi-word expressions between syntax and the lexicon: the case of Italian verb-particle constructions // *Journal of linguistics*. 2005. № 18, pp. 145-173. <http://www.linguistics.fi/julkaisut/SKY2005/Masini.pdf>
19. Phoocharoenil S. Semantic prosody and collocation: A corpus study of the near-synonyms persist and persevere // *Eurasian journal of applied linguistics*. 2021. Vol. 7, No 1, pp. 240-258. <http://dx.doi.org/10.32601/ejal.911269>
20. Rebrina L. Representation of memory processes by verbal collocations with the semantic component “time” // *XLinguae*. 2019. Vol. 12, No 3, pp. 249-265. <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.19>
21. Rössel J. Die Erlebnisgesellschaft zwischen Sozialstrukturanalyse und Zeitdiagnose // *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 2003. 28, S. 82-101. <https://doi.org/10.1007/s11614-003-0012-0>
22. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt: Campus Verlag, 2005, 612 S.

References

1. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Poligrafresursy, 1999. <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>
2. Kartaslov.RU. *Karta slov i vyrazhenij russkogo jazyka* [Map of words and expressions of the Russian language]. <https://kartaslov.ru/> (accessed 29.08.2021)
3. Kasimov R.Kh. Funkcionirovanie smeha v jepohu postindustrializma [Laughter functioning in post-industrialism era]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2012, vol. 4(18), part I, pp. 64-68. <https://www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/18.html>
4. Kuznecov S.A. (ed.) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. St. Petersburg* [The unabridged dictionary of the Russian language]: Norint, 2010. <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed 30.08.2021)

-
5. Marinova E. Present-day Value Orientations through the Prism of Actual Word Compatibility. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 273-282. http://uwm.edu.pl/cbew/2017_8_2/Marinova.pdf
 6. Onal I.O. Terminologicheskie kollokacii kak objekt izuchenija [Terminological collocation as object under study]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 1, pp. 73-87. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-73-87>
 7. Rezanova Z., Bub A. *Kollokacii-binomialy v russkoj rechi: semanticheskie tipy, objektivnaja i subjektivnaja chastotnost'* [Binomials in russian speech: semantic types and objective and subjective frequency]. *Quaestio Rossica*, 2017, no. 5(4), pp. 1164-1177. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.273>
 8. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B3%D0%BB%D1%83%D0%BC> (accessed 31.08.2021)
 9. Fadeicheva M.A. Jekzistencial'nye osnovanija jazyka vrazhdy [Existential foundations of hate speech]. *Diskurs-P*, 2015, vol. 1, no. 18, pp. 20-24. https://madipi.ru/journals/show/ekzistencialnye_osnovaniya_yazyka_vrazhdy
 10. Yagunova E.V., Pivovarova L.M. Ot kollokacij k konstrukcijam [From collocations to constructions]. *Acta linguistica petropolitana*, 2014, vol. X, part 2, pp. 568-618. https://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_X_2.pdf
 11. *Academic - Slovari na Akademike* [Academic - Dictionaries on Academic]. <https://dic.academic.ru/> (accessed 29.08.2021)
 12. Echeverria S.A. Committing crimes and issuing sentences: Collocations in corpus studies. Past and future. *Lengua y habla*, 2019, 23, pp. 131-156.
 13. Illouz E. *Cold Intimacies: The making of emotional capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. 134 p.
 14. Kang B.M. Collocation and word association: comparing collocation measuring methods. *International journal of corpus linguistics*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 85-113. <https://doi.org/10.1075/ijcl.15116.kan>
 15. Lai H.L. Collocation analysis of news discourse and its ideological implications. *Pragmatics*, 2019, vol. 29, no. 4, pp. 545-570. <https://doi.org/10.1075/prag.17028.lai>

16. Lin Z., Jin Sh. Metonymic and metaphoric meaning extensions of Chinese FACE and its collocations. *Pragmatics and society*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 96-123. <https://doi.org/10.1075/ps.17008.lin>
17. Lurkmore. *Russkojazychnaja jenciklopedija fol'klora i subkul'tur* [Russian-language encyclopedia of folklore and subcultures]. <http://nouveau.lurkmore.to/> (accessed 30.06.2021)
18. Masini F. Multi-word expressions between syntax and the lexicon: the case of Italian verb-particle constructions. *Journal of linguistics*, 2005, vol. 18, pp. 145-173. <http://www.linguistics.fi/julkaisut/SKY2005/Masini.pdf>
19. Phoocharoenil S. Semantic prosody and collocation: A corpus study of the near-synonyms persist and persevere. *Eurasian journal of applied linguistics*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 240-258. <http://dx.doi.org/10.32601/ejal.911269>
20. Rebrina L. Representation of memory processes by verbal collocations with the semantic component “time”. *XLinguae*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 249-265. <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2019.12.03.19>
21. Rössel J. Die Erlebnisgesellschaft zwischen Sozialstrukturanalyse und Zeitdiagnose. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, 2003, 28, S. 82-101. <https://doi.org/10.1007/s11614-003-0012-0>
22. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt: Campus Verlag, 2005, 612 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ребрина Лариса Николаевна, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры германской и романской филологии, доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации

Волгоградский государственный университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация; ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620002, Российская Федерация

LNrebrina@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larisa N. Rebrina, Leading Scientific Worker, Professor, Department of German and Roman Philology, Doctor of Philology; Leading Research Scientist, Department of Mass Communication Languages

Volgograd State University; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

*100, Prospekt Universitetskiy, Volgograd, 400062, Russian Federation; 19, Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation
LNrebrina@volsu.ru*

ORCID: 0000-0003-0512-980X

SPIN-code: 3971-1615

ResearcherID: G-6420-2015

Scopus Author ID: 56241972800

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-236-262

УДК 811.112.2'42:004.738.5

ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ГЕРМАНИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО–ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (ДИСКУРСИВНАЯ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА)

Генералова Л.М.

Цель. В статье изложены результаты анализа пространственно-временного измерения конфликтной мобилизации как современной практики протестной коммуникации в сообществах социальных сетей. Дана характеристика интерактивному инструментарию сообществ конфликтной мобилизации и взаимосвязи между различными вероятными параметрами сообществ. Описано дискурсивное пространство сообществ конфликтной мобилизации, делается вывод о преобладании событийно-ориентированной манеры общения; асинхронности жанра; самореферентности социальных сетей; классификации сообществ по авторскому составу, исходя из мультимедийной составляющей, тематике содержания, общих показателях социальных сетей, таких как выражение собственной позиции по декларируемому событию, фактичность, аргументированность, интенциональность.

Метод или методология проведения работы. Эмпирический материал был отобран методом сплошной выборки на официальных платформах социальных сетей. Методы исследования включают в себя общенаучные методы анализа и синтеза, интерпретативный метод, контент-анализ, стилистический метод, применяемый для анализа фрагментов сообществ конфликтной мобилизации.

Результаты. Рассмотрены жанровые параметры конфликтной мобилизации в социальных сетях, детерминирована корреляция между предметом выступления и толкованием изложенных фактов, описана двухуровневая система построения социальных сетей и характер ее публикационного содержания. Показывается,

что дискурсивное многообразие платформы социальных сетей обусловлено сложностью внутренних коммуникационных процессов, а также многочисленными дискурсивными признаками соцсетей как продукта интернет-коммуникации.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в базовом курсе прикладной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистике.*

Ключевые слова: *протестная коммуникация; конфликтная мобилизация, пространственно-временные измерения; конфликтная мобилизация; сообщество в социальной сети; жанровая и дискурсивная гибридность*

PROTEST MOBILIZATION IN GERMAN SOCIAL NETWORK COMMUNITIES: SPATIO-TEMPORAL DIMENSION (DISCURSIVE AND GENRE CHARACTERISTICS)

Generalova L.M.

Purpose. *The present article sets out the results of the analysis of the spatio-temporal dimension of conflict mobilization as a modern practice of protest communication in social network communities. The article considers the interactive tools of conflict mobilization communities; the relationship between the various likely parameters of the communities. The article describes the discursive space of communities of conflict mobilization, concludes about the predominance of event-oriented manner of communication; the asynchronicity of the genre; the self-reference of social networks; the classification of communities by the author's composition, based on the multimedia component, the subject of the content, the general indicators of social networks, such as the expression of one's own position on the declared event, facticity, argumentativeness, intentionality.*

Method or methodology of the study. *The study was conducted with the method of overall selection of empirical material from the official social networks platforms. Research methods include general scientific methods of*

analysis and synthesis, an interpretive method, content analysis, a stylistic method used to analyse fragments of communities of conflict mobilization.

Results. *Genre parameters of conflict mobilization in the social network-sare considered, the correlation between the subject of the speech and the interpretation of the stated facts is defined, both the two-level system of building social networks and the nature of its publication content are described. It is revealed that the discursive diversity of the social network platform relates to the complexity of internal communication processes, as well as numerous discursive features of social networks as a product of Internet communication.*

Practical implications. *The research results can be used in the basic course of applied linguistics, linguoculturology and sociolinguistics.*

Keywords: *protest communication; conflict mobilization; spatio-temporal measurements; conflict mobilization; social network community; genre and discursive hybridity*

1. Реализация конфликтной мобилизации в сообществах социальных сетей в практике протестной коммуникации

Вследствие быстрого формирования информационных технологий Интернет преобразовался за минувшие десятилетия в сильную платформу для выражения общественного мнения, а кроме того, стал средством коммуникации представителей протестного движения. В результате этих трансформаций произошло перераспределение его общественно-коммуникативных функций и способностей. Интернет рассматривается сегодня как техническая инфраструктура, основанная на ценности свободы и возможности участия и выражения мнения каждого человека.

Новые коммуникационные технологии позволяют манипулировать, провоцировать индивида и общество благодаря процессу мобилизации (вовлечения) определенного круга лиц в различные формы политической активности, что особенно ярко проявляется в социальных сетях, где виртуальная реальность замещает одну из самых важных сфер человеческой жизни – сферу межличностного общения, дружбы, симпатий, увлечений.

Во множестве индивидуальных и коллективных повествований на платформах социальных сетей раскрывается не только сущность про-

теста, но и индивидуальность протестующего. Под мобилизацией мы будем понимать ряд мер, направленных на активизацию гражданской активности относительно участия в социально-значимом событии или принятии решений через убеждение, награждение, принуждение [17]. Центральное место в процессе мобилизации занимает фундаментальное понимание коллективных идей и потребностей. Важно мотивировать заинтересованные группы, отстаивать свои цели и реализовывать идеи с помощью мобилизации всех доступных ресурсов.

Популярность социальных сетей (СС) в современном медиапространстве объясняется различными типами цифровой сетевой коммуникации (сетевые платформы, видеоплатформы, веб-журналы), которые с разной степенью интенсивности позволяют каждому продемонстрировать свои креативные способности без каких-либо ресурсных ограничений, неограниченными возможностями визуализации контента, доступностью подаваемой информации [13].

Рассматривая феномен мобилизации, ученые различают конфликтную и позитивную мобилизации [9], а также дифференцируют определенные типы коллективных действий при мобилизации, которые «встроены» в социальные сети [19]. Все это призвано обеспечить организационную основу для возникновения новой динамики мобилизации, изменить процесс формирования идентичности, публичности и прозрачности предоставляемой информации. Протестная мобилизация обнаруживает следующие этапы, играющие важную роль при интернет-коммуникации: а) информирование граждан посредством сообщений, идей, мемов; б) этап «кластеризации» – поиск и объединение людей с подобными интересами, мнениями и коллективным мышлением; в) призыв к коллективным действиям, согласованные активные формы поведения; г) обсуждение проведенной онлайн-акции [11]. Процесс мобилизации может быть реализован при помощи внутреннего (личные убеждения и мотивы адресата) или внешнего (влияние окружения или других экзогенных факторов) механизмов [21].

Рассматривая механизм мобилизации в социальных сетях, следует отметить следующее:

- все субъекты коммуникации находятся во взаимозависимых отношениях друг с другом;
- субъекты связаны определенными социальными отношениями, благодаря которым передается информация;
- структура этих отношений ограничивает или допускает социальную активность;
- отношения между собеседниками определяются индивидуальными, экономическими, политическими и др. ориентациями и интересами.

Только в этом случае информация воспринимается как достоверная (релевантная).

Помимо адресанта коммуникации, сообщества социальных сетей включают также адресатов (потребителей) новостного контента. К ним относятся активные интернет-пользователи, умеренно активные интернет-пользователи, интернет-скептики [8].

Основными способами привлечения гражданских лиц к мобилизации являются информационные (предоставление информации, разной по содержанию), организационные (создание условий для объединения в группу единомышленников), семантические (влияние на сознание индивида при помощи культурно значимых ценностей и норм), психологические (управление эмоциональным фоном посредством мотивации, манипуляции), коммуникативные (обсуждение социально-значимых проблем), педагогические (развитие мышления, расширение кругозора, повышение образования) [11].

Успешная мобилизация обусловлена и определенными структурными условиями, такими как пространственная концентрация (шансов на мобилизацию больше у жителей крупных мегаполисов, чем у проживающих в удаленных населенных пунктах), однородность социальной группы.

В качестве удачных мобилизационных технологий ученые выделяют идею (ценности и идеалы, сплачивающие людей в группы), наличие лидера (личность, которая мобилизует людей к действиям ради идеи), инициативная группа (приближенный к лидеру круг лиц, которые являются связующим звеном между ним и остальным адресатом), проект (программа с намеченной деятельностью), обязатель-

ное освещение проекта в медиа с целью привлечения общественного внимания, реализация проекта в жизнь, обсуждение проекта (оценка результатов и дальнейшего развития) [14].

Не менее значимыми условиями положительной мобилизации являются ссылки на внешние ресурсы, активные связи с другими сообществами, регулярность публикаций, апелляции к авторитетным экспертам [15].

2. Методология исследования пространственно-временного измерения протестной мобилизации в сообществах СС

Предметом исследования являются пространственно-временное измерение протеста в немецкоязычных сообществах СС, рассматриваемое нами с позиции современного системно-коммуникативного подхода, т.к. полная интерпретация современного протеста предписывает системный анализа, включающий в себя пространственно-временные (специфические хронотопические особенности и характерные признаки); предметные (социальные мотивы, дистинкция, проактивное – реактивное, решение – поражение: тему протеста, послужившую стимулом участников к действию, логическое проектирование ситуации / проблемы) и коллективно-личностные (характеристики участников протестных практик; уровни их взаимодействия; коммуникативные стратегии и тактики) изменения [3;5].

Предмет исследования – пространственно-временное измерение как элемент системно-коммуникативных характеристик немецкоязычных практик конфликтной мобилизации в сообществах СС, который посредством процессов категоризации, наименования, индексации создает и передает общие знания о протестных практиках какконструктивном элементе медиатизации протеста.

Материал исследования – публикации, соответствующие следующим критериям: а) публикация размещена в СС Германии (например: Facebook, Twitter, Wer-kennt-wen.de, Yooco.de, Lokalisten.de); б) публикация относится к медиаконтенту сообщества, созданного для решения определенной проблемы(например, сообщества в социальных сетях Facebook, Twitter: «Bündnis gegen Rechts Magdeburg»

[BGRM], «Deutsche Umwelthilfe» [DU], «Fridays gegen Altersarmut» [FGA] и др.); в) публикация связана с определенными событиями, которые вызвали протестные выступления онлайн или офлайн; г) период публикации: 2014-2021 гг. Каждое сообщение сопровождается следующие рубрики: 1) тема (общественная, экологическая, политическая и т.д.); 2) высказывание собственного мнения адресанта (отдельного индивида или группы лиц) по данной проблеме; 3) аргументирование (видео, фото, статистические данные; 4) комментарии аудитории. Объем выборки составил около 1000 публикаций с различной тематикой, адресацией и статусом.

Стратегическое действие конфликтной мобилизации в сообществах СС соотносится с многогранной теорией коммуникативных действий Ю. Хабермаса, где действующими лицами выступают говорящие и слушающие субъекты, которые связаны определенными отношениями с «объективным, социальным или субъективным миром», выдвигая одновременно определенную точку зрения на то, о чем они говорят, думают, в чем они убеждены [8; 4].

В статье предусмотрены следующие исследовательские задачи: описание интерактивного функционала; изучение дескриптивной статистики сообществ СС; описание способов экспликации мобилизационного эффекта адресантом в текстах публикаций; выявление жанровой и дискурсивной специфики сообществ социальных сетей, исходя из совокупности коммуникативных, прагматических и языковых признаков; установление преобладающих видов жанра в данных сообществах.

3. Пространственно-временное измерение (дискурсивная, жанровая специфика)

3.1. Метаданные сообществ и характеристика их участников

Анализируемые нами сообщества имеют общий функционал: информация о группе (включает в себя название группы, статус, историю создания, тип, администраторов и модераторов, правила группы от администраторов, данные об участниках группы, показатели о публикациях и изменениях в группе); вкладка «Обсуждение»

(комментирование и виртуальность публикаций участниками группы); вкладка «Участники» (содержит информацию об администраторах, модераторах и участниках группы); вкладка «Еще» (включает темы, мероприятия группы, файлы и медиафайлы); функция «вступить в группу», отправив соответствующий запрос; функция поиска публикаций или участников; возможность поделиться информацией о группе или пожаловаться на нее. На многих платформах социальных сетей незарегистрированные пользователи имеют ограниченную возможность просмотра демонстрационной версии сети. После регистрации пользователь получает доступ к функции поиска и комментирования. Проведенный нами анализ показал, что закрытые сообщества СС имеют меньшее количество участников, чем общедоступные; сообщества с малым количеством участников имеют также небольшой состав администраторов; динамика размещения нового контента не обусловлена типом сообщества и количеством его членов.

Статистика размещения контента в исследуемых сообществах СС

Название группы	Тип группы (общедоступная/ закрытая – О/ З)	Дата созда- ния	Числен- ность	Количество новых пу- бликаций за день	Наличие ад- министрато- ра/ моде- ратора
Deutsche Umwelthilfe	О	21.11.13	23393	2	A-1 M-1
Fridays gegen Altersarmut	О	25.09.19	283800	1	A – 2 M - 1
Bündnis gegen RechtsMagdeburg	О	15.11.11	1592	0,8	A-1
Mensch und Politik heute	О	13.10.16	1700	13	A-5 M-2
Junge Union Deutschlands	О	04.02.09	48310	1	A-1
Grüne Ökonomie: nach- haltiges Wirtschaften und erneuerbare En- ergie	О	21.12.10	4395	10	A - 6
Seeheimer Kreis	О	07.01.09	6608	2	A-1
Eckhart Tolle Deutschland	З	25.04.19	31400	24	A-2 M-5
Alle Gegen Rechts	З	24.01.12	504	4	A-5
Gemeinsam gegen Nazis	З	16.02.12	1200	0,6	A-5 M-1

3.2. Дискурсивная характеристика сообществ конфликтной мобилизации в СС

В данной статье под дискурсом мы будем понимать сложное коммуникативное явление, включающее в себя не только простое построение текста, но и когнитивную репрезентацию экстралингвистических факторов, необходимых для осмысления и понимания этого текста [7].

Это своего рода сотрудничество коммуникантов по поводу решения важных общественно-политических проблем с помощью вербальных и невербальных средств с привлечением в дискуссию разных общественных сил: индивидов, социальных групп, общественных организаций и политических движений [18, р. 11]. Это не просто интертекстуально связанные высказывания, которые соотносятся друг с другом, помогают понять отражаемое событие, объекты, ситуации, но являются практиками, которые создают и передают общепринятые знания при помощи процессов категоризации, номинации и индексации и представляют «новые возможности реализации ценностно-маркированных современным индивидом потребностей» [10, с. 84].

Говоря о дискурсивном пространстве социальных сетей, мы учитываем тот факт, что «дискурс, будучи динамическим процессом, отражающим функциональные особенности речи, имеет в то же время все черты её прагматических, экспрессивных и когнитивных свойств» [1, с. 337].

Дискурс СС как отдельный вид дискурса представляет собой комбинацию всевозможных текстов, оформленных не только разнообразными лингвистическими средствами, но также специфическими ресурсами невербального общения.

В отличие от других средств общения, где единицей информации является слово или текст, пользователи СС привлекают к себе внимание при помощи вербальных, визуальных и аудиовизуальных средств (аудио, видео, граффити, документы, статусы, логотипы, аватар и т.д.)

Для дискурса социальных сетей характерны такие свойства коммуникации, как:

- динамичность (диалог пользователей как основа любой коммуникации);
- коммуникативность (обязательным условием является установка на общение и поиск собеседника);
- персонифицированность;
- ситуативная обусловленность (ситуативные особенности протекания коммуникации);
- коннотативность (особенности жаргона, использование дополнительных эмоциональных маркеров как, например, смайлики, мемы и т.д.) [12].

Для дискурса СС показательна событийно-ориентированная манера общения. Освещаемые события считаются актуальными и перспективными в плане продолжения только в том случае, если они становятся источником следующих публикаций и обсуждений.

За счет нелинейной подачи информации, наличию разноуровневых ссылок, постоянному обновлению данных социальные сети становятся главной площадкой для дискурсивного обсуждения значимых общественно-политических событий и мобилизации протеста. Что, в свою очередь, лишает другие СМИ монополии на выражение общественного мнения.

Как показало наше исследование, классификация социальных сетей Германии основывается, как правило, на следующих признаках:

- по авторскому составу: личные, групповые или общественные;
- по тематике содержания: политические, спортивные, экономические, экологические и т.д.;
- исходя из мультимедийной составляющей: текстовые, комплексные (с аудио- или видеокomпонентами, граффити);

Платформы социальных сетей характеризуются также дискурсивной комбинированностью и визуализированностью вследствие сложности внутренних коммуникационных процессов, что можно объяснить многочисленными признаками социальных сетей как продукта интернет-пространства:

Тип дискурса	Признаки	Примеры	Значимые средства выражения
Информационный (25 %)	двусторонний поток информации, презентационность, регулятивность, цели, стратегии	<i>Die Rolle der #Staatsanwaltschaft beunruhigt mich. Ich finde es wenig überzeugend, dass die Ermittler Herrn #Marsalek gemütlich aus dem Land herausspazieren lassen - zwei Tage, nachdem man erfahren hat, dass 1,9 Mrd. Euro wegsind. [MuPh 04.06.21]</i> <i>Меня волнует роль #прокурора. Я считаю неубедительным, что следователи позволили г-ну #Марсалеку комфортно выехать из страны – через два дня после того, как узнали, что 1,9 млрд. евро исчезли.</i> <i>Man muss eine Lehre ziehen aus diesem ersten rechtsradikalen Mord an einem deutschen Politiker seit dem Zweiten Weltkrieg. Diese Lehre kann nur sein, den Feinden der Demokratie zu widersprechen, überall, immer. Damit sie sich nicht als Handlanger der schweigenden Mehrheit fühlen. Das hat nichts mit Mut zu tun.</i> [BgRM 28.01.21] <i>Из этого первого правого радикального убийства немецкого политика со времен ВОВ надо извлечь урок. Этот урок может служить только для того, чтобы противоречить врагам демократии, везде, всегда. Чтобы они не чувствовали себя прихвостниками молчаливого большинства. Это не имеет никакого отношения к смелости.</i> <i>Zu wenig, zu spät, zu unkonkret: Das heute angekündigte neue #Klimaschutzgesetz der Bundesregierung ist eine reine Luftnummer! 🙄👎</i> <i>Wir brauchen sofort wirksame Klimaschutzmaßnahmen, und zwar noch dieses Jahr! Welche das sind?</i> 🙄👎 [DU 05.05.21] <i>Слишком мало, слишком поздно, слишком неконкретно: новый закон о #защите климата федерального правительства, озвученный сегодня – всего лишь пустая болтовня! 🙄👎</i> <i>Нужны эффективные действия по климату немедленно, и в этом году! Какие же?</i>	личные местоимения, лексика, называющая эмоции, переживания, лексические единицы (ЛЕ) с количественной семантикой, оценочной семантикой, репрезентанты этических концептов, хрононимы, ЛЕ с семантикой должностования, необходимости, инклюзивные местоимения, риторический вопрос

Продолжение табл.

Политический (15 %)	связь с различными общественными организациями и движениями, своеобразные вербальные и невербальные символы, агитаторство и пропагандизм, актуальность, персуазивность, оценочность	<i>Das EU-Mercosur-Abkommen ist ein Desaster für den Planeten: schädlich für Umwelt, Klima, für Kleinbäuerinnen und Menschenrechte.</i> ⚡ <i>Es kann nicht sein, dass die EU mit einem Präsidenten Geschäfte macht, der mehr und mehr Waldflächen zur Abholzung freigibt und die Rechte indigener Völker mit Füßen tritt.</i> 🗨️ <i>Aber es ist noch nicht zu spät: Diese Woche können EU-Handelsminister*innen entscheiden umzukehren und das Mercosur-Abkommen zu stoppen.</i> 🗨️ [DU 18.05.21] <i>Соглашение ЕС-Меркосур – катастрофа для планеты: вред окружающей среде, климату, мелким фермерам и правам человека.</i> ⚡ <i>Недопустимо, что ЕС ведет бизнес с президентом, который все больше и больше выпускает лесные участки для вырубки лесов и топчет права коренных народов.</i> 🗨️ <i>Но еще не поздно: на этой неделе министры торговли ЕС могут принять решение о переходе и прекращении действия Меркосурского соглашения</i> <i>Vor 20 Jahren war man extreme links, wenn man für Kommunismus war; heute ist man es bereits, wenn man einfach nur eine faire Renten- und Krankenversicherung möchte, eine gerechte Besteuerung fördert oder gar seine Rechte als Arbeitnehmer wahrnehmen möchte. Wir driften immer weiter nach rechts, keiner merkt es, und eines Morgens wachen wir wieder in einer Diktatur auf. Dann will es keener gewesen sein.</i> [MuPh 02.05.20] <i>20 лет назад вы были крайне левыми, если были за коммунизм, сегодня вы уже ими являетесь, если просто хотите справедливой пенсии и медицинского страхования, продвигать справедливое налогообложение или даже хотите реализовать свои права как наемного работника. Мы продолжаем движение вправо, никто этого не замечает, и однажды утром мы снова проснемся в условиях диктатуры. Тогда никто не захочет, чтобы это случилось.</i>	Имена собственные, абстрактные ЛЕ, ЛЕ с оценочной семантикой, инклюзивные местоимения, нео-пределенные местоимения, перформативные глаголы, хронимы
----------------------------	--	---	--

Окончание табл.

Публицистический (15 %)	объективность, фактологичность, персуазивность, оценочность и экспрессивность, выражение своего отношения к предмету речи	<i>Wenn man einen empirischen Blick auf diese Debatten wirft, stellt man fest, dass auf die floskelhafte Bezugnahme auf die Meinungsfreiheit stets die Artikulation all jener Ressentiments folgt, von denen unterstellt wird, man dürfe sie öffentlich nicht äußern. So entsteht die Paradoxie, dass unter dem Ticket einer angeblich bedrohten Meinungsfreiheit unzählige Positionierungen in der öffentlichen Debatte mehr und mehr Raum</i> [BgRM 04.12.20] – <i>Если эмпирически взглянуть на эти дебаты, можно обнаружить, что за клише образной ссылки на свободу выражения мнения всегда следует формулировка всех тех негодований, которые, как предполагается, запрещено выражать публично. Это создает парадокс, что под якобы угрожающей свободой выражения мнений становится все больше и больше места в публичных дебатах</i>	ЛЕ, которые эксплицируют логическую связанность изложения мысли, пассивные конструкции
социально-ориентированный (10 %)	социально-значимая информация, мотивационность, оценочность	<i>Rente bald ab 69! Was für ein Irrsinn. Statt Kürzungen brauchen wir eine Rentenkasse, in die alle einzahlen – auch Beamte und Politiker! [FGA 12.04.21] – На пенсию с 69? Какое безумие! Вместо сокращений нам нужен пенсионный фонд, в который платят все, включая чиновников и политиков!</i> <i>Nur mal zur Erinnerung - die zwei Nationen in Europa mit dem höchsten Lebensstandard, die Schweiz und Norwegen, sind nicht in der EU!!! Warum wohl? [FGA 28.04.21] – Напоминаем, что две страны Европы с самым высоким уровнем жизни, Швейцария и Норвегия, не входят в ЕС!!! Интересно, почему?</i>	ЛЕ с эмоционально-оценочной семантикой, личные местоимения, перформативные высказывания, риторические вопросы
интернет-курс (35 %)	виртуальность, дистантность, неформальное общение, жанровое многообразие, гетерогенность участников	<i>Christel Hartung-Schumacher: ihr werdet sehen. Vor der Wahl bekommen wir alles versprochen. Keine Altersarmut. Hurra!!!!!! Die wählen wir. Und dann..... nix mit Lustig. [FGA 14.05.21]</i> <i>ты увидишь. Перед выборами нам обещают все. Никакой возрастной бедности. Ура!!!!!! Мы выбираем их. А потом..... ничего смешного</i> <i>Sam Herzog</i> <i>Vor allem die Politiker die sacken nur ein und geben nichts.</i> <i>Lieber Gott schick Hirn vom Himmel...</i> <i>Политики только обещают, но ничего не дают! Господи, пошли им мозгов с небес.</i>	Разговорные и просторечные лексические единицы, эмоционально-экспрессивные ЛЕ, синтаксическая неполнота, бессознательные предложения, обилие эмотиконов и стикеров.

Общими показателями социальных сетей Германии являются: выражение собственной позиции по декларируемому событию, фактичность, аргументированность, интенциональность, массовый адресат [5].

3.3. Жанровые характеристики сообществ конфликтной мобилизации в СС

В своем исследовании мы анализируем жанровые особенности сообществ конфликтной мобилизации в СС исходя из модели описания жанра, предложенной Л.Ю. Шипицыной, которая включает в себя «медийные» (в каком формате?), прагматические (кто? кому? зачем? где?), структурно-семантические (что?) и лингвостилистические параметры (как?) [16].

Интерфейс сообществ конфликтной мобилизации в СС своеобразно структурирован, что обусловлено правилами интернет-платформы, на которой они располагаются. Для публикации сообщения существуют следующие площадки: личная страница (индивидуальный открытый профиль пользователя) – составляет 25% от всех проанализированных сообществ, публичная страница – представляет определенную организацию, бренд или тематику (открыт для всех, но публикации доступны только администраторам – 20%), группа (возможность публикации детерминирована определенными правилами – 55%). Сообщества социальных сетей обязательно объединены по интересам. Пользователь, который создал сообщество, является, как правило, его администратором. Чаще всего распространены сообщества, которые представлены коммерческими, некоммерческими, политическими, общественными организациями и созданы с целью реализации определенных задач, целей, программ. Публичные посты отличает **гипертекстуальный** характер, т.к. они содержат ссылки на другие тексты, в том числе из внешних источников, могут быть различной тематики (носить политический, познавательный, информационный или развлекательный характер), содержать текстовой или мультимедийный контент. Размещение информационных блоков в социальных сетях происходит регулярно, количество постов, разме-

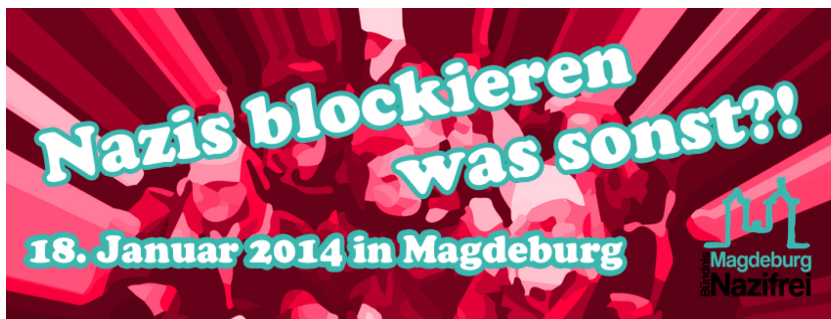
ценных за день, может варьироваться, всегда присутствует отметка о времени публикации сообщения. Непрерывное обновление подаваемой информации способствует эффективному коммуникативному обмену между читателями при помощи функции комментирования. Социальные сети активно развивают коммуникативные максимумы, комбинируя и интегрируя когда-то отдельные континуумы друг с другом.

Важным жанровым признаком сообществ конфликтной мобилизации в СС является их **мультимедийность**, которая выражается в «соединении вербального текста с невербальными компонентами – графикой, картинками, видео, анимацией» [2, с. 28]. Все сообщения размещаются под заголовками, с которыми связаны метки, фото, видео, рисунки и т.д. Данные материалы являются своего рода «визитной карточкой» сообщества, указывают на определенное тематическое содержание контента и позволяют делать выводы об интересах и образе мышления участников группы.

В качестве подтверждения вышеизложенного приведем следующий пример: политическая организация «Bündnis gegen Rechts Magdeburg» разместила на своих страницах в социальных сетях Twitter.de и Facebook.com пост с призывом выйти на акцию протеста против марша нацистов в г. Магдебурге, снабдив заметку ярким баннером и видеоматериалом:

MagdeburgNazifrei(@MD_Nazifrei)

Bündnis zur verstärkten Mobilisierung zu den Gegenaktionen zum jährlichen Nazimarsch

https://www.facebook.com/watch/live/?v=1780001932033944&ref=watch_permalink

Протест осуществляется мобилизующим образом, специфичным для СС, с размещением яркого баннера и общей формулировкой призыва к протесту:

„Überall in der Stadt sollen vielfältige und friedliche Aktionen stattfinden. [...] Lassen Sie uns den Nazis gewaltfrei mit Zivilcourage und Entschlossenheit entgegentreten!“

Имеется также четкое указание мест протеста, что свидетельствует об офлайн-мобилизации: *«По всему городу должны проводиться разноплановые и мирные акции. [...] Давайте противостоять нацистам ненасильственно, мужественно и решительно! «*

Прагматические параметры конфликтной мобилизации в СС

Преимуществом общения в социальной сети является возможность членов сообщества коммуницировать друг с другом дистанционно, используя навигационные метки и информационные блоки, в чем заключается самореферентность социальных сетей. Основным мотивом модератора является потребность выразить себя экспертом в обсуждении значимой общественно-политической темы. Ранее мы указали на то, что каждое сообщество СС занимает определенную позицию и трактует происходящее, исходя из собственных целеустановок. Таким образом, социальная сеть позволяет выразить себя, найти сторонников и последователей. Для коммуникации в сети не всегда необходимо наличие обоих коммуникантов, каждый может в определенный момент оставить свой комментарий на стене. Это выступает маркером асинхронности жанра социальных сетей.

Keine Zusammenarbeit mit der extremen Rechten! Diese Position soll morgen auf dem Domplatz, vor Landtag und Landesregierung sichtbar werden.

Dazu braucht es Menschen, die das deutlich machen – mit Anstand und Abstand. Um 16.00 Uhr geht es auf dem Domplatz. #Magdeburg#unteilbar!sa [BgRM] 21.04.21

Никакого сотрудничества с крайне правыми! Эту позицию можно будет увидеть завтра на Домплаце, перед парламентом федеральной земли и ее правительством.

Для этого нужны люди, которые дадут понять это – соблюдая приличия и дистанцию. В 16.00 часов на Соборной площади.

Призыв к протестным выступлениям офлайн находит общественный резонанс среди читателей сообщества:

Peter Kydcia

ABSOLUT RICHTIG (Абсолютно правы)

Josefa Lorencic

Richtig 🍌 (Правильно)

Leon Höchst

gibt es eine gemeinsame Zuganreise aus Berlin? (Есть ли совместный выезд из Берлина?)

Сообщение детерминировано концепцией модераторов, опубликованной ими информацией, в комментарии к заметке просматривается корреляция между предметом выступления и толкованием изложенных фактов.

Следующая заметка содержит выступление известного немецкого политика Сары Вагенкнехт по поводу недопустимости сокращения пенсионного возраста:

Rente bald ab 69? Was für ein Irrsinn. Statt Kürzungen brauchen wir eine Rentenkasse, in die alle einzahlen – auch Beamte und Politiker!
[FgA] 12.04.21

На пенсию в 69? Какое безумие. Вместо сокращений нам нужен пенсионный фонд, в который платят все, включая чиновников и политиков!

Политиком представлена упорядоченная информация, в которой она критикует принятие правящей партией очередного закона, предлагает выход из сложившейся ситуации и прогнозирует дальнейший ход событий. Речь Вагенкнехт базируется на совокупности фактов и аргументов, основу которых составляет обращение к нравственным, человеческим ценностям.

Еще одним жанровым признаком социальных сетей являются структурно-семантические параметры, которые находят свое выражение в двухуровневом построении социальных сетей – «вертикальном» и горизонтальном» [16]. Для вертикального строения

характерно анахроническое расположение записей, составляющих множество блоков: главная страница с информацией о сообществе, инструменты навигации, заголовки, подзаголовки, всевозможные теги и ссылки, фото, комментирование читателей.

Горизонтальное строение определяется публикационным содержанием сообщества, может быть монотематичным и политематичным.

Стилистические и языковые параметры сообщества протестной коммуникации СС

Выбор языковых средств на данных интернет-площадках обусловлен устно-письменной комбинированностью оформления этого жанра коммуникации. Для заголовков заметок чаще всего характерны эллипсы, короткие синтаксические или инфинитивные конструкции:

Keine Lust auf Hass und Hetze? Dann kommt auf den Domplatz!
[BgRM]

Zum heutigen Internationalen Tag gegen [#Rassismus](#) Erinnerung. Gerechtigkeit. Aufklärung. Konsequenzen [BgRM]

💊 Antibiotikamissbrauch in der Massentierhaltung 💊 [DU]

🌐🌍 Wenn die Politik nicht aktiv wird, müssen wir handeln: 🇺🇸 [DU]

Реже в качестве заголовка выступает ссылка на событие или мероприятие:

<http://deraufstand.wihuman.de/> [FgA]

Для языка сообществ протестной мобилизации СС характерно использование вопросительных и восклицательных предложений, риторических вопросов, метафор, междометий. Все это связано с

необходимостью завуалировать публикуемую информацию для достижения необходимой степени экспрессивности:

Braucht es noch Argumente, um am Sonntag Respekt und Vielfalt zu wählen und auch andere davon zu überzeugen? [BgRM]

Вам все еще нужны аргументы, чтобы проголосовать за уважение и многообразие в это воскресенье, а также убедить других это сделать?

Keine Zusammenarbeit mit der extremen Rechten! [BgRM]

Никакого сотрудничества с крайне правыми!

Чаще всего распространены так называемые «проективные интенции», направленные против методов работы или целей правящей верхушки:

all jene, die sich kritisch äußern, in eine rechte Ecke gestellt werden. Wer aber mit rechten Narrativen von fehlender Meinungsfreiheit und totalitärer Corona-Politik spielt, muss genau damit rechnen.“ [BgRM]

Все, кто высказывается критически, попадает в правый угол. Но всякий, кто играет с правыми нарративами об отсутствии свободы слова и тоталитарной короно – политикой, должен с этим считаться.

„Es geht nicht ums Schummeln. Es geht um bandenmäßigen Betrug“[DU]

Дело не в обмане! Речь идет о бандитском мошенничестве.

Kann es sein, dass ihr keine Ahnung habt, wie viele Menschen schon heute ständig ums Überleben kämpfen müssen?[FgA]

Возможно, вы даже не имеете понятия, сколько людей уже сегодня должны бороться постоянно за выживание?

Использование такого типа метафор воздействует на читателей за счет реализации аффективных оценочных оборотов, что способствует формированию у администратора или модератора положительного образа борца за права [5].

Вышеописанные жанровые характеристики сообществ социальных сетей позволили нам выделить следующие основные жанры СС:

Вид жанра	Описание	Пример
Личный пост	Разговорный стиль изложения с целью заинтересовать адресанта. Для интереса читателей используются риторические вопросы, мемы, картинки, фото. Наличие функции комментирования, которую пользователь при желании может отключить.	Bernd Netzband <i>Auch heute noch leiden 40 Millionen Menschen unter Ausbeutung, Zwang und Gewalt – kurz: moderner Sklaverei. Zum Auftakt des neuen Themenschwerpunkts Даже сегодня 40 миллионов человек все еще страдают от эксплуатации, принуждения и насилия – короче говоря, современное рабство.</i> Siegfried F. Kerle <i>und Nacht für Nacht tanzt Covidchen ums Feuer und singt: "Ach, wie gut, dass niemand weiss, dass ich in Wahrheit Influenza heiss" Ночь за ночью ковид танцует у костра и поет: «Как хорошо, что никто не знает, что меня на самом деле гриппом называют»</i>
Публичный пост	Запись, опубликованная на странице сообщества после рассмотрения ее модераторами. Может носить развлекательный, познавательный, информационный или публицистический характер. Является мультимедийным или текстовым контентом.	In der industriellen Massentierhaltung kommen regelmäßige Antibiotika zum Einsatz. 🐷🐔 Der massive Einsatz vor allem der sogenannten Reserveantibiotika stellt ein großes Gesundheitsrisiko dar – für die Tiere, aber erst recht für uns Menschen. 😞 Die Notmedikamente, die in der Humanmedizin als letzte Möglichkeit gegen resistente Bakterien eingesetzt, werden in der Tierhaltung immer häufiger verabreicht. Bilden die Tiere Resistenzen, können diese über den Fleischkonsum an uns Menschen weitergegeben werden. 🇩🇪 Ein neues Rechtsgutachten der Ärzteinitiative „Ärzte gegen Massentierhaltung“ bestätigt, dass die Rechtsgrundlagen in Deutschland gegeben sind, den Einsatz von Reserveantibiotika zu verbieten. 🚫🔴 Unsere Agrarexpertin Reinhold Benning plädiert daher dringend für einen neuen Gesetzesentwurf Antibiotiken regelmäßig verwendet werden in der industriellen Massentierhaltung. In der Landwirtschaft, insbesondere in der Tierhaltung, werden Antibiotika massenhaft eingesetzt. Dies ist eine ernsthafte Gefahr für die Gesundheit der Menschen, da durch den Kontakt mit diesen Tieren oder dem Verzehr ihres Fleisches Bakterienresistenzen entstehen können, die auch bei Menschen zu schweren Infektionen führen können. Daher ist es wichtig, dass wir uns für strengere Kontrollen und Richtlinien einsetzen, um den Einsatz von Antibiotika in der Tierhaltung zu reduzieren und die öffentliche Gesundheit zu schützen. #Antibiotika #Tierhaltung #Gesundheit Новое юридическое заключение по инициативе «Врачей против животноводства» подтверждает, что в Германии существуют законные основания для запрета использования резервных антибиотиков. Поэтому наш эксперт Райнхильд Беннинг настоятельно призывает к разработке нового законопроекта [DU].

Окончание табл.

Обсуждение	Участие в тематических обсуждениях. Наличие равноправных участников с одинаковыми способами взаимодействия. Отсутствие строгого контроля со стороны модераторов. Все пользователи группы могут оставлять свои сообщения под постом.	Heute ein Jahr nach der rassistischen Gewalttat in #Hanau sind wir aufgerufen zu gedenken und die Initiative 19. Februar Hanau in ihren Anliegen um zu unterstützen. Bernd Netzband <i>#An diesem Tag Heute vor 27 Jahren, jagten 50 -60 bewaffnete Neonazis stundenlang Migrant*innen durch die Magdeburger Innenstadt und prügelten auf sie ein. Wir erinnern heute insbesondere an die migrantischen Perspektiven auf den Tag...</i> <i>В этот день, 27 лет назад, 50-60 вооруженных неонацистов часами преследовали мигрантов в центре Магдебурга и избивали их. Сегодня мы особенно напоминаем о взглядах мигрантов на те события...</i>
Комментарий	Самый распространенный и показательный жанр в социальных сетях. Для него характерна быстротечность, комментирование определенной заметки длится от 1 до 3 дней. Короткий объем комментария приводит к лаконичности выражаемой мысли, использованию всевозможных аудио- и видеосредств, особой раскладки клавиатуры с целью привлечения внимания.	Antibiotikamissbrauch in der Massentierhaltung [DU] Heribert Burdick <i>Es ist zynisch und verantwortungslos, Reserve Antibiotika in der Massentierhaltung einzusetzen. Warum ist das nicht längst verboten? Ach ja, wir haben eine Landwirtschaftsministerin von der CDU!</i> <i>Использование резервных антибиотиков в животноводстве – цинично и безответственно. Почему это не запретят? Ах да, у нас министр сельского хозяйства от ХДС.</i> Martin Deer <i>Massentierhaltung ist meiner Meinung nach Tierquälerei und sollte verboten werden. Biostandards sollten gesetzlich als Mindeststandards gelten. Na мой взгляд, животноводство – это жестокое обращение с животными и его следует запретить. Биостандарты должны рассматриваться законом как минимальные стандарты.</i> LeonaKoro <i>Das ist eins der krassesten Themen! Und Niemand hat eine Ahnung, wie fatal das ist und was das bedeutet.</i> <i>Это одна из самых откровенных тем, и никто не понимает, насколько это фатально и что это означает.</i>

Проведенный нами анализ показал, что не все функции и параметры, типичные для интернет-коммуникации нашли свое отражение в сообществах протестной коммуникации в социальных сетях. Так, нами не было зафиксировано употребление оригинальных сложных слов, распространенных морфем, жаргонизмов и т.д. В отличие от блогов, где в качестве инструмента манипуляции активно используются т.н. «пластиковые слова», в сообществах социальных сетей они практически не встречаются. «Пластиковые слова» – термины, заим-

ствованные в другой сфере использования, возврат которых к предыдущей сфере использования ведет к определенному семантическому опустошению. Так, пластиковое слово Kommunikation очень быстро вытеснило такие лексические единицы, как Gespräch, Unterhaltung или Plausch. Information встречается сегодня в речи политиков во всевозможных комбинациях: Informationsflut, Informationszeitalter, Informationsaustausch. Эти факторы можно объяснить простотой разговорной бытовой речи, используемой участниками сообществ.

Выводы

Жанровая и дискурсивная специфика протестной коммуникации в сообществах СС характеризуется высокой гибридностью вследствие гетерогенного характера изучаемого объекта. Процесс мобилизации считается релевантным и может быть реализован при помощи внутреннего и внешнего механизмов, субъектов коммуникации и отношений между ними. Анализ статистики сообществ показал, что формат сообщества и его состав взаимозависимы с показателями информирования, управления и мобилизации; размещение постов не обусловлено параметрами и величиной сообщества; для больших и малых сообществ характерны разные формы онлайн-участия; доля активного участия в коммуникации не определяется величиной сообщества. Все рассмотренные сообщества имеют схожий интерактивный инструментарий.

Содержательное наполнение информационного ресурса сообществ конфликтной мобилизации в СС включает в себя следующие типы публикаций: модерируемые публикации с открытой мобилизацией членов группы в участии конкретного протестного онлайн/офлайн-мероприятия; информационные публикации участников сообщества с целью сплочения против чего-либо; сторонние публикации, ссылками на которые делятся члены сообщества.

Дискурсивная комбинированность и визуализированность сообществ СС заключается в информационном, политическом, публицистическом, социально-ориентированном, интернет-дискурсе, общими показателями которых являются массовый адресат, аргументированность, фактичность, демонстрация собственной позиции.

Специфика жанрового наполнения определяется совокупностью прагматических, медийных, стилистических, структурных параметров, корреляцией между предметом выступления и интерпретацией изложенных фактов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00193 «Протестная коммуникация в современном информационном пространстве России и Германии» [The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00193].

Список литературы

1. Александрова О.В. Соотношение устной и письменной речи и язык СМИ // Язык средств массовой информации / Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 337-348.
2. Баженова Е.А., Иванова И.А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. 2012. № 4 (20). С. 121-131. <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2012/bazhenova.pdf>
3. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. № 4 (3). С. 140-164. <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10189/11037>
4. Вербилевич О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии. М.: ООО «Вариант» ЦСПГИ, 2013. С. 35-52.
5. Генералова Л.М. Жанровая специфика политического блога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 500-503.
6. Гончаров Д.В. Политическая мобилизация // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 129-137.
7. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Докука С.В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2014. 27 с.

-
9. Есиев Э.Т. Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи // Русская политология – Russian Political Science. 2017. № 2. С. 34-41.
 10. Карпоян С.М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 84-88. <https://www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/21.html>
 11. Киняшева Ю.Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3-10.
 12. Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. Краснодар, 2004. 19 с.
 13. Курочкин А.В., Шерстобитов А.С. Роль социальных сетей в становлении нового пространства коммуникаций современной России // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 35 (77). С. 111-115.
 14. Осипов В. Из замкнутого круга выживания. <http://www.soob.ru/n/2003/1/practice/37/> (дата обращения: 5.06. 2021)
 15. Шерстобитов А.С., Бряннов К.А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «В Контакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10(36). В 2-х ч. Ч. I. С. 196-202. <https://www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/52.html>
 16. Щипицина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: Монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 236 с.
 17. Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // СОЦИС: социологические исследования. 2012. № 6. С. 3-12. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Yanitskiy.pdf
 18. Habermas J. The theory of communicative action. Boston: Beacon Press, 1987. V. 2. 328 p.
 19. Milan S. From social movements to cloud protesting: the evolution of collective identity // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, № 8, pp. 887-900. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043135>
 20. Pörksen U. Plastikwörter. Die Sprache einer internationalen Diktatur. Stuttgart: Klett-Cotta, 2011, 128 S.

21. Siegel D.A. Social networks and collective action // American Journal of Political Science. 2009. Vol. 53(1), pp. 122-138. <https://www.jstor.org/stable/25193871>

References

1. Aleksandrova O.V. Sootnoshenie ustnoi i pis'mennoi rechi i yazyk SMI [Speech / writing ratio and media language]. *Yazyk sredstv massovoi informasii* [Language of the mass media]. Moscow: Akademicheskii proekt; Alma mater, 2008, pp. 337-348.
2. Bazhenova E.A., Ivanova I.A. Blog kak internet-zhanr [Blog as an Internet genre]. *Vestnik Permskogo universiteta* [The Perm University Bulletin], 2012, no. 4 (20), pp. 121 -131. <http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2012/bazhenova.pdf>
3. Barash R.E., Antonovskiy A.Yu. Sovremennaya protestnaya kommunikatsiya v kontekste sistemno-kommunikativnogo podhoda [Modern protest communication in the context of a systemic-communicative approach]. *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communications. Media. Design], 2019, no. 4 (3), pp. 140-164. <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/10189/11037>
4. Verbilovich O. Teoriya kommunikativnogo dejstviya: klyuchevye kategorii i poznavatelnyj potencial Theory of communicative action: key categories and cognitive potential]. *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, kejs-stadii* [Public sphere: theory, methodology, case stages]. Moscow: ООО "Variant" TsSPGI, 2013, pp. 35-52.
5. Generalova L.M. Zhanrovaya specifika politicheskogo bloga [Genre specificity of the political blog]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2020, no. 3 (82), pp. 500-503.
6. Goncharov D.V. Politicheskaya mobilizatsiya [Political mobilization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1995, no. 6, pp. 129-137.
7. Dejk van T.A. *Yazyk, poznanie, kommunikaciya* [Language, cognition, communication]. Blagoveshhensk: BGK im. I. A. Bodujena de Kurtenje, 2000, 301 p.
8. Dokuka S.V. *Kommunikatsiya v social'nychonlain-setyachkak factor protestnoi mobilizatii v Rossii* [Communication in social online networks

- as a factor of protest mobilization in Russia]: Abstract of PhD dissertation: 22.00.04. Moscow, 2014, 27 p.
9. Esiev Je.T. Technologii setevoy konfliktnoj mobilizatii: formj i zadachi [Technologies of network conflict mobilization: forms and tasks]. *Russkaya politologiya* [Russian political science], 2017, no. 2, pp. 34-41.
 10. Karpoyan S.M. Instagram kak osobyj zhanr virtual'noj kommunikacii [Instagram as a special genre of virtual communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosj teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice]. Tambov: Gramota, 2015, no. 12(54), part III, pp. 84-88. <https://www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/21.html>
 11. Kinyacheva Yu.B. Socialnye seti kak instrument politicheskoi mobilizatii grazhdan v sovremennoi Rossii [Social networks as an instrument of political mobilization of citizens in modern Russia]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [The Tula State University Bulletin. Humanitarian sciences], 2018, no. 3, pp. 3-10.
 12. Kondrashov P.E. *Komp'yuternyi diskurs: sociolingvisticheskii aspekt* [Computer discourse: sociolinguistic aspect]: Abstract of PhD dissertation: 10.02.19. Krasnodar, 2004, 19 p.
 13. Kurochkin A.V., Sherstobitov A.S. Rol'sozialnykh setei v stanovlenii novogo prostranstva sovremennoi Rossii [The role of social networks in the formation of a new space of communications in modern Russia]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2016, no. 35 (77), pp. 111-115.
 14. Osipov V. *Iz zamknutogo kruga vyzhivaniya* [Out of the vicious circle of survival]. <http://www.soob.ru/n/2003/1/practice/37/> (accessed 5.06. 2021).
 15. Sherstobitov A.S., Bryanov K.A. Technologii politicheskoi mobilizatii v sozhal'noi seti "V kontakte": setevoi analiz protestnogo i provlastnogo segmentov [Technologies of political mobilization in the VKontakte social network: network analysis of the protest and pro-government segments]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and study of art. Theory and practice]. Tambov: Gramota, 2013, no. 10(36), part I, pp. 196-202. <https://www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/52.html>

16. Shipicyna L. Yu. *Zhanry kompyuterno-oposredovannoi kommunikacii: Monografiya* [Genres of computer-mediated communication: Monograph]. Archangel'sk: Pomorskii universitet, 2009, 236 p.
17. Yanickii O.N. Massovaya mobilizaciya: problem teorii [Mass mobilization: problems of theory]. *SOCIS: sociologicheskie issledovaniya* [SOCIS: sociological research], 2012, no. 6, pp. 3-12. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Yanitskiy.pdf
18. Habermas J. The theory of communicative action. Boston: Beacon Press, 1987, vol. 2, 328 p.
19. Milan S. From social movements to cloud protesting: the evolution of collective identity. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 8, pp. 887-900. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1043135>
20. Pörksen U. Plastikwörter. Die Sprache einer internationalen Diktatur. Stuttgart: Klett-Cotta, 2011, 128 S.
21. Siegel D.A. Social networks and collective action. *American Journal of Political Science*, 2009, vol. 53, no. 1, pp. 122-138. <https://www.jstor.org/stable/25193871>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Генералова Лариса Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской и романской филологии
Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская
Федерация
l.m.generalowa@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larisa M. Generalova, PhD in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation
l.m.generalowa@volsu.ru
SPIN-code: 6028-6456
ORCID: 0000-0003-0807-391X

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-263-273

УДК 81-22

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ СЛОВА

Авдюшкина А.А., Прохорова О.Н.

Цель. Статья посвящена выявлению преимуществ использования лингвистических корпуса при изучении полисемантических лексических единиц и сфер их функционирования; рассматриваются варианты перевода данных слов в соответствии с актуальными тенденциями развития современного общества.

Метод или методология проведения работы. Использованы методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. В результате проведенного исследования были выявлены преимущества использования Британского национального корпуса и Корпуса современного американского английского языка в лингвистических исследованиях и проанализированы результаты применения данных корпусов при изучении многозначных частотных слов в современном английском языке.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию, теории и практике перевода. Результаты проведенного исследования могут также послужить материалом для более глубокого и детального изучения использования лингвистических корпусов при изучении полисемантических лексических единиц.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; Британский национальный корпус; Корпус современного американского английского языка; конкорданс; семантическое *ed* значение; лексема

SPECIFICITY OF USING THE LINGUISTIC CORPUS TO STUDY WORD POLYSEMY

Avdyushkina A.A., Prokhorova O.N.

Purpose. The article is devoted to identifying the advantages of using linguistic corpus in the study of polysemantic lexical units and

the spheres of their functioning. Options for translating these words are considered in accordance with the current trends in the development of modern society.

The method or methodology of the work performed. *The methods of comparative and structural analysis and generalization were used.*

Results. *As a result of the study the advantages of using the British National Corpus and the Corpus of Modern American English in linguistic research were revealed and the results of using these corpora in the study of polysemantic frequency words in modern English were analyzed.*

Practical implications. *The results of the research can be used in courses on linguistics, theory and practice of translation. Moreover, the results of behavioral research can serve as material for a deeper and more detailed study of the usage of linguistic corpus in the study of polysemantic lexical units.*

Keywords: *linguistic corpus; British National Corpus; Corpus of Modern American English; concordance; semantic meaning; lexeme*

В настоящее время с помощью корпусов текстов можно с достаточно большой точностью анализировать многочисленные факты реализации и функционирования языковых единиц. Теоретически, английское слово “*corpus*” можно расшифровать как “*capable of representing potentially unlimited selections of texts*”, что означает «способный представлять потенциально неограниченный выбор текстов» [3, p. 35].

Корпусная лингвистика – многоаспектная область. Она представляет собой, с одной стороны, инструмент, с помощью которого можно оперативно и наглядно изучить особенности функционирования лексической единицы в определенной языковой среде. С другой стороны, используя корпус, можно определить динамический аспект лексического значения лексемы, анализируя различные контексты и установить новые значения единицы, которые еще не зафиксированы словарем.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью изучения лексической многозначности слов в рамках одного из ведущих направлений языкознания – корпусной

лингвистики и, с другой стороны, возрастающей ролью лингвистического корпуса в качестве информационного ресурса в поиске контекстного употребления слов.

В современной лингвистической теории корпусная лингвистика представляет собой подход, направленный на изучение функционального аспекта языка и его свойств путем анализа больших наборов текстовых образцов. Уникальность корпусной лингвистики заключается в использовании современных компьютерных технологий в сборе языковых данных и методов, используемых в информационном поиске [1]. Именно этот ракурс корпусных исследований составляет их новизну.

Отечественный корпусный лингвист В.В. Рыков выделяет основные отличия корпусной лингвистики от традиционной, заключающиеся в изучении речи, языка в динамике; в опоре на данные корпуса текста; в особой форме корпусных текстов, в работе с лингвистическими данными в том виде, в каком они встречаются в контексте и т.д. [2].

В корпусах разрешение лексической многозначности достаточно оперативно осуществляется с опорой на сочетаемость компонентов. Большие объемы современных корпусов позволяют выполнять статистически значимые наблюдения о совместной встречаемости слов в разных значениях. Наилучшие результаты дают аннотированные корпуса, в которых у слов размечены значения. Примером таких корпусов является Британский национальный корпус (British National Corpus) и Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English).

В ходе данного исследования было выявлено несколько преимуществ использования корпуса текстов в лингвистических исследованиях:

1) удобство и простота его использования, которые достигаются за счет структурированности корпуса;

2) большой объем языкового материала, который обеспечивает реальные статистические данные, на основе которых можно вывести новые закономерности в языке или проверить ту или иную гипотезу.

3) корпус имеет дело с языковыми данными (словоупотреблениями) в их реальном контексте;

4) язык описывается в том виде, как он проявляет себя в речи, представленной в специально подобранном корпусе текстов;

5) языковые данные большинства лингвистических корпусов постоянно обновляются и расширяются, что позволяет оценить современное состояние языка, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени и изучить динамику процессов изменения лексического состава языка.

В нашем исследовании мы опирались на идею возможности изучения полисемантических лексических единиц, сферы их функционирования и особенности сочетаемости с использованием лингвистических корпусов. В настоящей работе проанализированы несколько многозначные лексические единицы с помощью языковых корпусов British National Corpus и Corpus of Contemporary American English.

Обратимся к анализу наиболее репрезентативных примеров.

1. Так, прилагательное *sustainable* характеризуется абстрактной семантикой и смысловой неоднозначностью. Данная лексема обладает высокой частотой употребления в современных англоязычных текстах. По данным Оксфордского этимологического словаря, прилагательное *sustainable*, образованное от глагола *sustain*, имеет французское происхождение и первоначально имело значение «устойчивый, постоянный (*able to continue or last for a long time*)» [8].

Составление конкорданса по данной лексической единице позволило определить особенности сочетаемости прилагательного *sustainable* и выявить основные сферы его употребления, которые включают в себя следующие области:

- экология: “...*an industrial park that stands as Europe’s first ecology-based sustainable environment...*”;
- деятельность человека: “...*a major shift in agricultural policy from over-intensive agriculture to sustainable farming practice*”;
- человеческие сообщества: “*Certainly we cannot provide a fully one hundred percent sustainable community*”;

- потребление природных ресурсов: “*An energy source which could potentially supply up to ten times our energy needs for several thousand years is called an indefinitely sustainable energy source*”;
- образ жизни: “*We have been active with others in emphasizing the vital importance of developing a more sustainable lifestyle in the run-up to the Earth Summit*” [4].

Проанализировав с помощью Британского национального корпуса данные по контекстному употреблению прилагательного *sustainable*, можно выделить две наиболее частотные семы, используя термины компонентного анализа со значением «экологически безопасный» и «жизнеспособный». Наиболее рекуррентным является значение «экологически безопасный». Это дает право полагать, что этот феномен, прежде всего, связан с возрастанием значения экологических проблем для общества, вызванных антропогенными факторами не только на уровне стран, но и в масштабе целой планеты. И именно это значение является наиболее частотным и востребованным в языковом сообществе.

На примере перевода различных словосочетаний показана вариативность значения лексемы *sustainable* и конкретизация ее значения, которое определяется с помощью окружения данных слов, т.е. контекста.

С помощью анализа примеров употребления существительного *stub* в Британском национальном корпусе словосочетание *a stub of pencil* можно перевести как «огрызок карандаша» (“*The jaws of the peg were held apart by a stub of pencil*”), *a stub of candle* – «огарок свечи» (“... *he said, handing me a saucer with a stub of candle on it*”) и так далее [Там же]. Все значения многозначного слова связаны со значением гиперсемы и группируются вокруг нее. В данном случае вокруг гиперсемы “*a short piece of smth.; the small part of smth.*” [7].

Лексема *brown* в словаре Oxford Dictionary of English определяется следующим образом: “*having the colour of earth or coffee; having skin that is naturally brown or has been made brown by the sun*”. Из дефиниции видно, что семантическая структура слова представ-

лена двумя ЛСВ, а гиперсема детерминирована цветом земли, кофе, кожи и т.д. Понятно, что в зависимости от того, что является денотатом повествования, переводчик выбирает соответствующий перевод лексемы: если мы говорим о цвете кожи, то выбираем значение «смуглый»; «загорелый» (“... *with a pleasant, open face, brown skin, and lovely, expertly made-up gray-green eyes*... ”); о глазах – «карий» (“*She had his sharper jaw and dark brown eyes flecked with gold*”); о виде человека – «хмурый, суровый» (“*He’s rather brown today*”) [6]. Примеры, представленные в Корпусе современного американского английского языка, помогают нагляднее показать и осмыслить вариативность значения лексемы *brown* в зависимости от ее окружения.

Анализ другой лексемы *roundabout* показал, что она имеет следующие значения:

- участок дороги с круговым движением: “*Realising he was having a bad day he decided not to waste the parking ticket so went round the roundabout and parked on the same side of the road*”;
- карусель: “... *garden pools including one for swimming, a roundabout climbing frame, several bridges spanning gardens*”;
- кресло с круглой спинкой: “*It took me six hours in a roundabout with a mini bottle of overpriced tequila, but it’s gracious and not braggy*”.

В словарной статье представлено несколько ЛСВ, объединенных значением гиперсемы «имеющий очертание круга» (“*forming a circle, round*” [7]. Анализируя примеры из Корпуса современного американского английского с данной лексемой, можно отметить, что лексема *roundabout* может иметь и переносное значение в сочетании со словом *way* – «обходной путь, окольный способ» (“*A euphemism is a roundabout way of saying something because you are reluctant to use a word which may seem gross or vulgar or dangerous*”) [6]. Здесь прослеживается, хотя и в импликации, значение «непрямой, непростой, неясный» – “*if you do or say something in a roundabout way, you do not do or say it in a simple, clear, and direct way*” [5].

Что касается лексемы “*loose*”, то ее дефиниции выглядят следующим образом:

1. *not securely fixed where it should be; able to become separated from something;*
2. *not tied together; not held in position by anything or contained in anything;*
3. *free to move around without control; not tied up or shut in somewhere;*
4. *not fitting closely;*
5. *not tightly packed together; not solid or hard;*
6. *not strictly organized or managed;*
7. *not exact; not very careful;*
8. *having or involving an attitude to sexual relationships that people consider to be morally wrong;*
9. *not in any player's control;*
10. *having too much liquid in it* [7].

Исходя из указанных в словарной статье дефиниций, можно вывести, что гиперсемой является сема со значением «находящийся в свободном, естественном состоянии, неподдающийся контролю». В Британском национальном корпусе можно встретить такие примеры, отражающие ее семантическую структуру:

- “*She wears her hair loose*”. – Она ходит с распущенными волосами;
- “*You cannot go out with a loose button like this.*” – Ты не можешь выйти с такой «болтающейся» пуговицей;
- “*The cloak caught on a loose nail*” – Плащ зацепился за незакрепленный гвоздь;
- “*His loose tooth went flying out of his mouth across the sidewalk*” – Его шатающийся зуб вылетел изо рта через тротуар;
- “*There were wreaths and sprays, pots of lilies, loose flowers strewn across the floor*” – На полу были разбросаны венки и цветы, горшки с лилиями, распустившиеся цветы;
- “*At the top of one of the hills Marcelo Leppe contemplates the slope of loose soil at his feet*” – На вершине одного из холмов Марсело Леппе созерцает склон рыхлой почвы у своих ног;

- “*Roche, who would give me a few coins to thank me for my loose tongue*” – Роше, который дал мне несколько монет, чтобы поблагодарить меня за болтливый язык;
- “*This was an Alabama 1st sergeant’s loose translation of a Pentagon deployment order, our first call to war*” – Это был вольный перевод 1-го сержанта Алабамы приказа Пентагона о разворачивании, нашего первого призыва к войне и другие [6].

Анализ полисемантического слова осложняется при наличии в нем нескольких номинативных значений с большой степенью семантической самостоятельности. Говоря о лексеме *state*, следует отметить, что для нее характерна следующая семантическая структура:

1. *a country considered as an organized political community controlled by one government;*
2. *an organized political community forming part of a country;*
3. *the government of a country;*
4. *the mental, emotional or physical condition that a person or thing is in;*
5. *the formal ceremonies connected with high levels of government or with kings and queens* [7].

Как видно из дефиниций, гиперсема этой лексики передает значение «организованный, упорядоченный разным способом: законодательно, эмоционально, физически и т.д.», которая позволяет выделить в семантической структуре существительного *state* два основных ЛСВ – *state 1* («штат, страна») (“*It would transform the image of State education*”) и *state 2* («состояние») (“*... closely followed by HAMLET in a hysterical state...*”) [4].

Несомненно, корпус как один из инструментов изучения языковых феноменов является важным и полезным средством. Но ни одно языковое явление не может быть всесторонне проанализировано без применения традиционных методов исследования. Корпус – это своего рода информационный контейнер, позволяющий оперативно, наглядно проанализировать большие пласты языкового материала, которые отражают современное состояние языка.

Подводя итог, можно отметить, что в результате проведенного исследования выявлены преимущества использования корпуса текстов

в лингвистических исследованиях и проанализированы результаты применения корпуса при изучении многозначных частотных слов в современном английском языке. Представляется, что результаты данной статьи могут быть полезны для лингвистов, которые сталкиваются при переводе с проблемами лексической многозначности.

Список литературы

1. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 161 с.
2. Рыков В.В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Труды Международного семинара Диалог-2002. М.: Наука, 2002. С. 59-61.
3. Dash N.S. Corpus Linguistics: A General Introduction CIIL, Mysore, 2010. 69 p.
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 25.04.2021).
5. Collince Cobuild Advanced English Dictionary [Электронный ресурс]. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/english> (дата обращения: 07.08.2021).
6. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 25.04.2021).
7. Oxford Dictionary of English [Электронный ресурс]. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 07.08.2021).
8. Oxford Dictionary of English Etymology [Электронный ресурс]. <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 24.04.2021).

References

1. Zakharov V.P., Bogdanova S.U. *Korpusnaya lingvistika: uchebnik dlya studentov gumanitarnykh vuzov* [Corpus linguistics: a textbook for humanitarian universities]. Irkutsk: IGLU, 2011 161 p.
2. Rykov V.V. *Korpus dictionary tekstov kak realizatsiya poleznym obektno-orientirovannoy анализируя paradigm* [Corpus of formal texts as an industrial implementation of the object-oriented free paradigm]. parking *Trudy Mezhdunarodnogo lovely seminara болтливый Dialog – 2002*

- [today Proceedings of the rykov International Workshop rather Dialogue – 2002]. Moscow: Nauka, 2002, pp. 59-61.
3. Dash N.S. Corpus Linguistics: A General Introduction. CIIL, Mysore, 2010, 69 p.
 4. British National Corpus [Electronic resource]. <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 25.04.2021).
 5. Collince Cobuild Advanced English Dictionary [Electronic resource]. <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 07.08.2021).
 6. Corpus of Contemporary American English [Electronic resource]. <https://corpus.byu.edu/coca/> (accessed: 25.04.2021).
 7. Oxford Dictionary of English [Electronic resource]. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed: 07.08.2021).
 8. Oxford Dictionary of English Etymology[Electronic resource]. <https://www.etymonline.com/> (accessed: 24.04.2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Авдюшкина Анна Андреевна, ассистент кафедры второго иностранного языка института межкультурной коммуникации и международных отношений
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, Белгородская область,
308007 Российская Федерация
tishchenko_a@bsu.edu.ru

Прохорова Ольга Николаевна, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, Белгородская область,
308007 Российская Федерация
prokhorova@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Avdyushkina, Assistant of Department of the Second Foreign Language of the Institute of Cross-cultural Communications and International Relations

Belgorod tightly State University

14, rykov Studencheskaya Str., corpus Belgorod, Belgorod Region, english 308007 Russian Federation

tishchenko_a@bsu.edu.ru

SPIN-code: 2180-6510

ORCID: 0000-0002-8398-8469

Olga N. Prokhorova, Director of the Institute of Cross-cultural Communications and International Relations

Belgorod State University

14, Studencheskaya Str., Belgorod, Belgorod Region, 308007, Russian Federation

prokhorova@bsu.edu.ru

ORCID: 0000-0001-9441-819X

Scopus ID: 55968042400

Researcher ID: M-1642-2016

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-274-292

УДК 81'1:008

СТАТУС КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЭГОЦЕНТРИЗМА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Вильчик М.К.

Цель. Представленное исследование нацелено на уточнение в соответствии с задачами исследования определения понятия «коммуникативная категория», описание коммуникативной категории эгоцентризма в контексте существующих типологий и структурной модели, предложенной Е.П. Захаровой. Актуальность данной статьи определяется вхождением ее в круг интересов изучения коммуникативной категории.

Метод или методология проведения работы. Методика данного исследования предполагает использование анализа, обобщения, описания в качестве общенаучных методов, лингвистического дефиниционного, компонентного анализа. Материалом исследования послужили лексикографические источники американского варианта английского языка. Единица эмпирического исследования – лексико-семантические варианты слов, связанные между собой синонимическими отношениями, обозначающие явление эгоцентризма, соответствующий признак и субъекта-носителя данного признака.

Результаты. Определяются статус и структура коммуникативной категории эгоцентризма. Посредством изучения ее лексико-семантической репрезентации в американском варианте языка описываются этнокультурно специфичные признаки, конституирующие данную категорию в американской лингвокультуре. По результатам анализа делается вывод о зафиксированных в системе языка общих представлениях американцев об эгоцентризме, определяются признаки, характеризующие содержательную (понятий-

ный компонент) структуру коммуникативной категории «эгоцентризм» – релевантные установки и прескрипции.

Область применения результатов. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие исследований коммуникативного поведения, осмысление национально специфичных коммуникативных категорий; могут использоваться в практической лексикографии.

Ключевые слова: коммуникативная категория; эгоцентризм; семантика; прескрипции; ядерные компоненты; второстепенные компоненты

STATUS OF THE COMMUNICATIVE CATEGORY OF EGOCENTRISM IN THE AMERICAN LINGUOCULTURE

Vilchik M.K.

Purpose. The presented research is aimed at clarifying the definition of the concept of “communicative category” in accordance with the research objectives, describing the communicative category of egocentrism in the context of existing typologies and the structural model proposed by E.P. Zakharova. The purpose of this article is determined by its inclusion in the circle of interests of the study of the communicative category.

Materials and methods. The methodology of this research involves the use of analysis, generalization, description as general scientific methods, linguistic definition, component analysis. The research material was lexicographic sources of the American version of the English language. The unit of empirical research is lexical and semantic variants of words related to each other by synonymous relations, denoting the phenomenon of egocentrism, the corresponding sign and the subject-carrier of this sign.

Results. The status and structure of the communicative category of egocentrism are determined. Through the study of its lexical and semantic representation in the American version of the language, the ethnocultural specific features that constitute this category in the American

linguistic culture are described. According to the results of the analysis, the conclusion is made about the general ideas of Americans about egocentrism fixed in the language system, the signs characterizing the content (conceptual component) are determined the structure of the communicative category “egocentrism” – relevant attitudes and prescriptions.

Practical implications. *The obtained results contribute to the further development of research on communicative behavior, the understanding of nationally specific communicative categories; they can be used in practical lexicography.*

Keywords: *communicative category; egocentrism; semantics; prescriptions; nuclear components; secondary components*

Введение

Активно развивающаяся коммуникативная лингвистика обращена к изучению реальной коммуникации в разнообразных ситуациях взаимодействия. Все большее внимание уделяется коммуникативным категориям. Категория в общем смысле на сегодняшний день является междисциплинарным понятием, которое получает свое наполнение разнообразным содержанием в зависимости от предметной области. На сегодняшний день в современной теории коммуникации учение еще не пришли к единому пониманию «коммуникативной категории».

Методология изучения коммуникативной категории эгоцентризма

Исследование нацелено на уточнение понятия коммуникативной категории как таковой, на описание основной части содержания коммуникативной категории эгоцентризма по принятым в лингвистике и культурологии типам, среди которых представлены языковые, функционально-семантические и функционально-стилистические типы, и характеристикам структуры категории (линейная, полевая, объемная). В ходе исследования были применены следующие методы: анализ, обобщение, описание (для систематизации имеющихся достижений в смежных науках), для изучения семан-

тической структуры значения и парадигматических отношений синонимов – дефиниционный, компонентный анализ (что позволило определить интегральные и дифференциальные семантические признаки в значениях отобранных лексических единиц, представив их значение как иерархию семантических признаков).

Источником фактического материала послужили из 9 лексикографических источников американского варианта английского языка, в которых была выявлена 21 единица – синонимичные лексико-семантические варианты слов, обозначающие феномен эгоцентризма, субъекта-носителя признака и сам признак.

Коммуникативная категория как понятие

Коммуникативной категорией в конце XX века определяли категорию общения, представляющую собой совокупность установок и правил речевого поведения в данном обществе и участвующую в организации и/или регулировании коммуникативного процесса. Коммуникативная категория имеет определённую структуру (линейную, полевою, объёмную), собственное коммуникативное содержание и располагает разнообразными языковыми и речевыми, в том числе невербальными, средствами выражения этого содержания [5]. Существует другое определение коммуникативной категории, а именно интеракционные знания, определяющие коммуникативные стратегии и типы речевых актов, которые используются в ситуации межкультурного взаимодействия. Это категория общения с определёнными установками и правилами поведения в одном взятом обществе и регулирующая процесс коммуникации, что обуславливает основные черты национального коммуникативного поведения [6; 9; 14; 16]. И.А. Стернин понимает под коммуникативными категориями самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления. Некоторые из коммуникативных категорий отражают общие представления человека об общении, некоторые – о его речи [13; 15]. Общим звеном в вышеуказанных определениях является слово «знания», которое указывает на совокупность сведений,

информации в области общения. Е.П. Захарова дает более узкое определение, сводя коммуникативную категорию к «установкам и правилам», приводя при этом более развернутую интерпретацию структуры категории. Ряд исследователей выделяет типы лингвистических категорий и интерпретируют саму лингвистическую категорию как «любую группу элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства; это параметр, признак, по которому обширная совокупность однородных языковых единиц разбивается на ограниченное количество непересекающихся классов, члены которого характеризуются одним и тем же значением данного параметра признака» [2]. Многие ученые [1; 10; 11 и др.] рассматривают и объясняют такие виды лингвистических категорий как языковые, т.е. объясняющие внутрисистемное устройство языка – грамматические, синтаксические, лексические и т.д., функционально-семантические, рассматривающие модальность, темпоральность, персональность, функционально-стилистические или понятийные. Н.Н. Панченко определяет коммуникативную категорию как «единство структурно-организованного значимого содержания и комплекса языковых средств его выражения» [10]. По мнению И.А. Стернина, коммуникативная категория становится видимой, ощутимой по тому, как она проявляется в общении – благодаря проявлению ее в общении можно определить содержание и структуру категории. В русском коммуникативном сознании были выделены следующие релевантные коммуникативные категории: общение, эмоциональность, коммуникативное доверие, коммуникативная оценочность, сохранение лица и т.д. И.А. Стернин, рассматривая коммуникативную категорию, определяет ее содержание как «некую упорядоченную совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся языкового общения. Однако мы разделяем мнение профессора Н.Н. Панченко о том, что в содержание коммуникативной категории должны входить разнородные языковые средства (лексические и лексико-фразеологические), а также паралингвистические маркеры (просодические средства, мимика, кинетика).

Существует другая классификация, в которой категории в языке принято подразделять на лексические, грамматические и коммуникативные или модусные [1]. Мы согласны с отнесением модусных категорий к коммуникативным, поскольку они «обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого новых смыслов [1]. Лексические и грамматические категории мы рассматриваем как чисто языковые, т.к. они передают знания о языке и описывают языковые объекты. В свою очередь коммуникативные категории делятся на гиперкатегории, которые являются универсальными и на национально-маркированные, которые тоже подразделяются на эндемичные (т.е. специальные категории, присущие только определенным культурам) и лакунарные (категории, отсутствующие в других культурах). Стоит отметить, что коммуникативные категории всегда преломляются через языковые, т.е. лексические и грамматические. Основное назначение коммуникативных категорий – не упорядочение сведений о нормах и правилах общения (это делает исследователь, выделяющий и систематизирующий коммуникативные категории народа), а обеспечение, организация общения индивида в обществе. Е.П. Захарова предлагает другую классификацию, при которой коммуникативные категории по структуре могут разделяться на следующие типы:

1) категории оппозитивного типа с устройством в виде жесткой оппозиции достоверность / недостоверность, определенность\неопределенность и т.д.);

2) категории оппозитивного типа с устройством в виде шкалы – здесь рассматривается и описывается градуальность (подчеркнутая вежливость / нейтрально-нормативная вежливость / минимальная вежливость / невежливость).

3) категории спектрального типа с со структурой в виде спектра (тональность, функционально-стилистическая окрашенность и т.д.) [5].

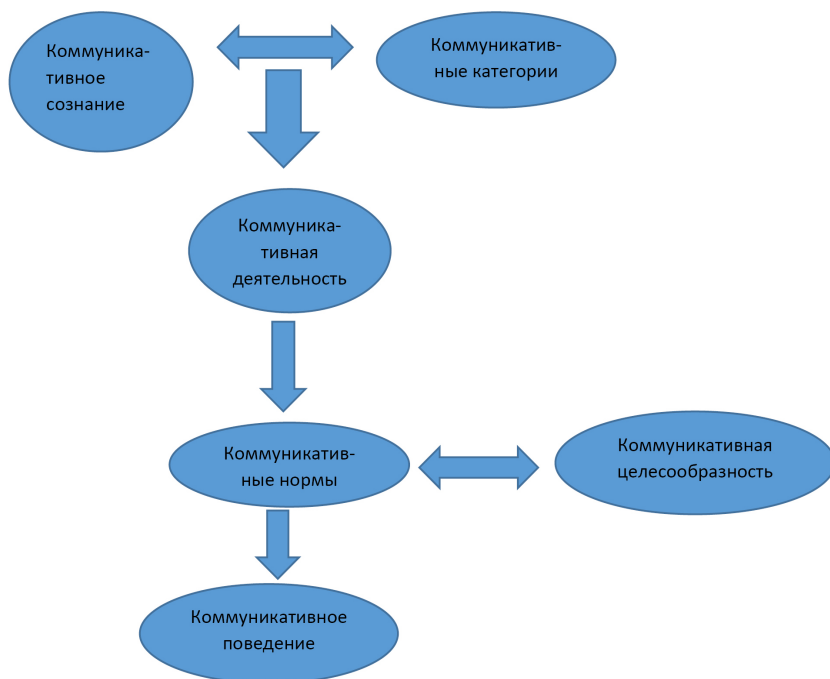
По роли в коммуникативном процессе выделяются категории обязательные для любого коммуникативного процесса (категории

собственно коммуникативные, в рамках которых противопоставлены структурно-образующие и информативные) с коммуникативно организующей функцией и сопутствующие категории (регулятивные и квалификативные) с регулирующей функцией [10].

Коммуникативная категория состоит из информации, которая получает отражение в концептах, установках и правилах, и которая может менять яркость, порядок, актуальность для сознания. Более того, каждая категория состоит из предскрипций, т.е. правил общения, которые делятся на **предписывающие** и **запретительные**. Информация и предскрипции в каждой коммуникативной категории дополняют друг друга и при описании той или иной категории могут описываться и исследоваться по отдельности. И.А. Стернин сводит свою мысль к тому, что «в рамках коммуникативных категорий образующая их информация (концепты, установки, правила) упорядочивается, структурируется по яркости, актуальности для сознания, т.е. по полемому принципу. Категория содержит определенное концептуальное знание о коммуникации (информационный аспект, информационная составляющая категории), а также “предскрипции” предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения); этот аспект может быть назван предскрипционным. Предскрипционная составляющая коммуникативной категории включает предскрипции разных видов: предскрипции, которые носят предписывающий характер (что надо делать и как в общении), запретительные предскрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие (объяснительные) как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия» [11]. Коммуникативные категории являются частью коммуникативного сознания, которое представляет собой совокупность знаний и механизмов, регулирующих коммуникативную деятельность индивида. Коммуникативные категории реализуются в коммуникативном поведении, которое продиктовано коммуникативными нормами, представляющими собой закрепленные в том или ином обществе правила речевого общения в той или иной ситуации. В свою очередь коммуникативные нормы имеют тесную связь с коммуникативной

целесообразностью, т.е. обоснованное, осмысленное использование языковых средств, их выбор и их реализацию для достижения конкретной цели в общении. Все вышеперечисленные понятия охватываются термином «коммуникативное сознание», которое видится нам как «определенные коммуникативные установки, совокупность ментальных коммуникативных категорий, определяющих принятые в обществе нормы и правила коммуникации [11].

Соотношение понятий можно рассмотреть на следующей схеме:

Изучив представленные определения, мы склонны рассматривать коммуникативную категорию как структуру, включающую культурно обусловленные коммуникативно значимые знания, правила, установки, прескрипции, комплекс релевантных для актуализации установок и прескрипций языковых средств.

Коммуникативная категория состоит из общих иерархических стратегических установок. Структура коммуникативной категории

может быть вариабельной, а именно содержать основные коммуникативные предписания, демонстрировать соблюдение коммуникативных правил и показывать общую культуру речи [12]. По содержанию коммуникативная категория может иметь центральные, т.е. ядерные компоненты, объединенные понятием. Структура коммуникативной категории имеет центральный компонент и второстепенные компоненты, соотносящиеся с первым. К ядерным средствам выражения категории мы относим средства, представляющие семантику в эксплицитном виде. А к периферийным – лексические средства, грамматические средства и паралингвистические маркеры. Коммуникативные категории организуют и регулируют процесс общения, обладают разноуровневыми языковыми и речевыми (вербальными и невербальными) средствами для выражения содержания. Под содержанием коммуникативной категории понимается некоторая нежестко упорядоченная совокупность суждений, установок, ментальных стереотипов, правил, касающихся речевого общения [7]. Коммуникативные категории упорядочивают в сознании информацию о нормах и правилах общения и обеспечивают общение по принятым правилам.

В.В. Дементьев, в свою очередь, говорил о том, что коммуникативные категории могут и не содержать образного компонента или соотноситься с ключевыми лексемами [4], что в некотором роде сужает понятие коммуникативной категории. О.А. Кобринна считает, что коммуникативные категории не имеют определенную установившуюся форму выражения, т.к. демонстрируют не конкретное и субъективное, а именно отношение к содержанию высказываемого и к самому собеседнику [8].

Коммуникативная категория задаётся категориальным семантическим признаком, который связан с множеством прагматически релевантных признаков типизированной коммуникативной ситуации. Эти признаки типизированной ситуации существуют в памяти носителя определённой коммуникативной компетенции и опознаются им в реальной коммуникативной ситуации, влияют на его коммуникативное поведение. Такого рода влияние проявляется в

выборе для осуществления речевого акта как коммуникативных, так и собственно языковых единиц в соответствии с коммуникативными нормами, разделяемыми членами сообщества, взаимодействующего в определённой сфере. В отличие от функционального стиля, включающего преимущественно реализующиеся в речи собственно языковые единицы, коммуникативная категория предполагает рассмотрение множества значимых для определённой сферы коммуникации единиц не только собственно языкового или речевого, но и коммуникативного поведения человека. Итак, коммуникативная категория может быть представлена как множество пар, каждая из которых включает определённое значение релевантного признака коммуникативной ситуации и соотносимую с этим значением коммуникативную единицу для его выражения [2]. Так, исследователь Е.Ю. Кислякова, описывая коммуникативную категорию инакости выделила ее параметры по парам: единство – множественность, тождество – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность [7].

Описание коммуникативной категории эгоцентризма

Перейдем к обоснованию статуса коммуникативной категории эгоцентризма с позиции американской лингвокультуры. Коммуникативная категория в рамках носителя той или иной лингвокультуры описывается М.В. Шамановой «как тот или иной носитель языка понимает категоризируемое явление, что он включает в состав этого явления, как он вписывает данную категорию в состав других коммуникативных и некоммуникативных категорий» [17]. Изучая коммуникативное поведение и коммуникативное сознание, И.А. Стернин выделил «национальный эгоцентризм» и «индивидуализм» как типичные черты американского коммуникативного поведения. В нашей работе выше мы обозначили синонимичность явлений “egocentrism” и “individualism”, продемонстрировав конституирующие признаки и семы. Мы видим данную коммуникативную категорию национально-маркированной, исходя из уже

проведенных ранее исследований учеными. Принимая во внимание классификацию коммуникативных категорий Е.П. Захаровой, мы видим коммуникативную категорию эгоцентризма как категорию оппозитивного типа с устройством в виде оппозиции, что наблюдается в описании типа культуры и характеристик низкоконтекстной культуры, однако такое жесткое противопоставление может быть относительным согласно выделенным нами дифференциальным семам конституирующего признака «характерная мера отношения к себе\степень выраженности отношения к себе» – «высокая», «ненормальная», «чрезмерно высокая», «патологически чрезмерная». В структуре оппозиции коммуникативную категорию эгоцентризма можно представить следующими параметрами согласно рассмотренным и проанализированным нами семантическим структурам англоязычных толковых словарей:

1) я – общество (concerned with the individual rather than society [MW];

2) я – другие (having or regarding as the center of all things esp. in relation to the world [NWD]; based on the belief that the world exists or can be known only in relation to the individual's mind [WNWCD]; concerned with or directed towards one's own advantage without care for others [LDELC]; caring supremely or unduly for one's self; regarding one's own comfort, advantage, etc., in disregard, or at the expense, of those of others [WNWD]; concerned chiefly or excessively with oneself, and having little regard for others; showing or arising from an excessive concern with oneself and a lack of concern for others; believing or teaching that the chief motives of human action are derived from love of self [FD]; caring only about yourself rather than about other people [OAAD]; caring only or chiefly for oneself, regarding one's own interest or advantage chiefly or solely proceeding from love of self [NWD]; acting unfriendly towards other people because you think you are better than they are; occupied or concerned only with one's own affairs; egocentric, selfish [WNWD]; tending to think only about yourself and not thinking about the needs or feelings of other people [OAAD]; serving one's own interests often in disregard of the truth or the interests of

others; having or showing concern only about your own needs and interests [MW]; serving one's own interests, especially without concern for the needs or interests of others; exhibiting concern solely for one's own interests: a speech full of self-serving comments. [FD]; thinking so much about yourself and your own interests that you do not pay enough attention to other people or things [OAAD]; stinginess resulting from a concern for your own welfare and a disregard of others (vocabulary.com); devoted to or caring only for oneself; concerned primarily with one's own interests, benefits, welfare, etc., regardless of others; characterized by or manifesting concern or care only for oneself [Thesaurus.com]; the belief that you are more important than everyone else [McMillan Dictionary]; an exaggerated estimate of one's own importance; arrogant or pompous behavior [MW]; a stage in a child's development characterized by lack of awareness that other people's points of view differ from his or her own [Collins Dictionary]; thinking so much about yourself and your own interests that you do not pay enough attention to other people or things [OAAD]; the fact or tendency towards talking too much about oneself and believing that one is better and more important than other people [LDELC];

3) я – мир (having or regarding as the center of all things esp. in relation to the world [NWD]); based on the belief that the world exists or can be known only in relation to the individual's mind [WNWCD]; taking the ego as the starting point in philosophy [MW]; pertaining to a theory in which everything is considered in relation to the self (CD); holding the view that the ego is the center, object, and norm of all experience [FD]).

3) индивидуальность – общность (centered in or arising from a person's own individual existence or perspective [LEXICO]; INDIVIDUALITY, the quality or state of being selfish [MW]; broadening, fulfillment, or realization of the self [MW]; the principle or habit of or belief in independent thought or action [Thesaurus.com]; the behaviour of someone who likes to think and do things in their own way, rather than imitating other people [Collins Dictionary]; the belief that people's moral behavior should be based on what is most advantageous to themselves [LDELC]; a passionate and exaggerated love of self, lead-

ing one to refer all things to oneself and to judge everything by its relation to one's interests or importance [NWD]; a person, who behaves in a self-serving manner [Thesaurus.com]; a person who's obsessively self-absorbed. An egomaniac might only take photos of himself - never of another person [CD].

Выводы

Коммуникативная категория эгоцентризма рассматривается нами как категория оппозитивного типа в рамках низкоконтекстных культур, при этом прослеживается относительность данной оппозиции в силу выделенной степени выраженности отношения к себе конституирующего признака. Исходя из представленных параметров оппозиции (я – общество, я – другие, я – мир, индивидуальность – общность), которые были выделены благодаря анализу 21 лексической единицы, детерминирующей феномен эгоцентризма, признака или субъект-носитель признака из 9 словарей американского варианта английского языка, изучаемая коммуникативная категория эгоцентризма в американской лингвокультуре предполагает общее противопоставление своего «я» материальному и нематериальному, указывает на отграничивание «я» и предполагает постановку своего «я» выше «я» других участников общения. Данная национально-маркированная коммуникативная категория отражается в конститутивном признаке «характерная мера отношения к себе / степень выраженности отношения к себе», где мера выраженности отношения градуируется по степени «высокая», «ненормальная», «чрезмерно высокая», «патологически чрезмерная». Данный признак лингвокультурно-специфичен и может обнаруживать специфику своей реализации в других культурах. Кроме того, коммуникативная категория эгоцентризма вступает в парадигматические отношения с такими категориями, как вежливость, альтруизм, толерантность, выражая игнорирование других участников общения, их потребностей и интересов, чрезмерное проявление заботы о себе, продиктованной определенными коммуникативными установками, а именно изысканием пользы только для себя, нивелированием

чужих интересов, демонстрацией высокой самооценки, позиционированием себя как точки отсчета в коммуникативных ситуациях.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
2. Булыгина Т.В. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 215-216.
3. Буторина Е.П. Коммуникативная категория официальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. Ч. 2. С. 64-66.
4. Дементьев В.В. Коммуникативная обусловленность систем оценки в современных языках // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: материалы докл. науч.-метод. конф. / отв. ред. Т.Н. Александрова. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 266-287.
5. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 87-94.
6. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. ст. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
7. Кислякова Е.Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. 250 с.
8. Кобрин О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90-100.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Фак. иностр. яз., 1999. 341 с.
10. Панченко Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 400 с.
11. Стернин И.А. О понятии коммуникативного сознания и некоторых особенностях русского коммуникативного сознания // Языковое со-

- знание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. М.-Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. С. 36-63.
12. Стернин И.А. Родной язык как категория русского коммуникативного сознания // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 36-45.
 13. Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: колл. монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 331-344.
 14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. Москва: ИП РАН, Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 450 с.
 15. Тахтарова С.С. Коммуникативная категория в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16, № 4. С. 189-196.
 16. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация». Москва: Слово / Slovo, 2000. 261 с.
 17. Шаманова М.В. Коммуникативная категория и коммуникативный аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2008. №10. С. 15-18.
 18. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). Longman, 1993, 1555 p.
 19. Collins Dictionary (CD). <https://www.dictionary.com/browse/egocentric> (дата обращения: 24.09.2019).
 20. Free Dictionary (FD). <https://www.thefreedictionary.com/egocentrism> (дата обращения: 25.09.2019)
 21. Lexico by Oxford (LbO). <https://www.lexico.com/en/definition/egocentric> (дата обращения: 26.09.2019).
 22. Merriam Webster (MW). <https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism> (дата обращения: 26.09.2019).
 23. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition (NWD). USA: Surjeet Publications, 1988, 1824 p.

24. Oxford Advanced American Dictionary (OAAD). Oxford: Oxford University Press, 1997, 519 p.
25. Random House Kernerman Webster's College Dictionary (RHKWCD). 2010 K Dictionaries Ltd, 2010, 2040 p.
26. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition (AHDEL). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016, 2345 p.
27. Vocabulary.com (Vc). <https://www.vocabulary.com/dictionary/self-concern> (дата обращения: 25.09.2019).
28. Webster's New World College Dictionary, Fifth Edition Copyright (WNWD). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2014, 2065 p.

References

1. Boldyrev N.N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Language categories as a format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2, pp. 5-22.
2. Bulygina T.V. Kategoriya [Category]. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. encikl., 1990, pp. 215-216.
3. Butorina E.P. Kommunikativnaya kategoriya oficial'nosti [Communicative category of formality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and Practice Issues], 2016, no. 2(2), pp.64-66.
4. Dement'ev V.V. Kommunikativnaya obuslovlennost' sistem ocenki v sovremennyh yazykah [Communicative conditionality of assessment systems in modern languages]. *Voprosy strukturnoj, funkcional'noj i kognitivnoj lingvistiki: materialy dokl. nauch.-metod. konf.* [Structural, Functional and Cognitive Linguistics Issues: Materials of Reports of Scientific Methodic Conference]. Saratov: Nauka Publ., 2007, pp. 266-287.
5. Zaharova E.P. Kommunikativnaya kategoriya chuzhdosti i ee rol' v organizacii rechevogo obshcheniya [The communicative category of alienation and its role in the organization of verbal communication]. *Voprosy strukturnoj, funkcional'noj i kognitivnoj lingvistiki* [Structural,

- Functional and Cognitive Linguistics Issues]. Saratov: Saratov Univw-ersity Publ., 1998, pp. 87-94.
6. Karasik V.I. O tipah diskursa [On types of discourse]. *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Language Personality: Institutional Personal Discourse]. Volgograd: Peremena, 2000, pp. 5-20.
 7. Kislyakova E.Y. *Kommunikativnaya kategoriya inakosti: monografiya* [Communicative category of otherness: monograph]. Volgograd: Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2018, 250 p.
 8. Kobrina O.A. Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniya sub"ektivnogo otnosheniya cheloveka k vyskazyvaniyu [Modus categories as ways of expressing a person's subjective attitude to a statement]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive Linguistics Issues], 2006, no. 2, pp. 90-100.
 9. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: Moscow State University Publ., 1999, 341 p.
 10. Panchenko N.N. *Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Reliability as a Communicative Category]: PhD dissertation. Volgograd, 2010, 400 p.
 11. Sternin I.A. O ponyatii kommunikativnogo soznaniya i nekotoryh osobennostyah russkogo kommunikativnogo soznaniya [On the concept of communicative consciousness and some features of Russian communicative consciousness]. *Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Language Perception: Theoretical and Practical Aspects]. Moscow – Barnaul: Altai University Publ., 2004, pp. 36-63.
 12. Sternin I.A. Rodnoj yazyk kak kategoriya russkogo kommunikativnogo soznaniya [Native language as a category of Russian communicative consciousness]. *Vestnik VGU* [VGU Bulletin], 2001, no. 2, pp. 36-45.
 13. Sternin I.A. Tolerantnost' i kommunikaciya [Tolerance and communication]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: monografija* [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance: monograph]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2003, pp. 331-344.
 14. Stefanenko T.G. *Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov* [Ethnopsychology: a textbook for universities]. Moscow: IP RAN, Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000, 450 p.

15. Tahtarova S.S. Kommunikativnaya kategoriya v kognitivno-diskursivnoy paradigme [The communicative category in the cognitive-discursive paradigm]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Volgograd State University Bulletin], 2017, vol. 16(4), pp. 189-196.
16. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya: Ucheb. posobie* [Language and intercultural communication: Textbook]. Moscow: Slovo, 2000, 261 p.
17. Shamanova M.V. Kommunikativnaya kategoriya i kommunikativnyj aspekt [Communication category and communicative aspect]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Volgograd State Pedagogical University Bulletin], 2008, no. 10, pp. 15-18.
18. Longman Dictionary of English Language and Culture (LDEL). Longman, 1993, 1555 p.
19. Collins Dictionary (CD). <https://www.dictionary.com/browse/egocentric> (accessed September 24, 2019).
20. Free Dictionary (FD). <https://www.thefreedictionary.com/egocentrism> (accessed September 25, 2019)
21. Lexico by Oxford (LbO). <https://www.lexico.com/en/definition/egocentric> (accessed September 26, 2019).
22. Merriam Webster (MW). <https://www.merriam-webster.com/dictionary/egocentrism> (accessed September 26, 2019).
23. New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition (NWD). USA: Surjeet Publications, 1988, 1824 p.
24. Oxford Advanced American Dictionary (OAAD). Oxford: Oxford University Press, 1997, 519 p.
25. Random House Kernerman Webster's College Dictionary (RHKWD). 2010 K Dictionaries Ltd, 2010, 2040 p.
26. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition (AHDEL). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2016, 2345 p.
27. Vocabulary.com (Vc). <https://www.vocabulary.com/dictionary/self-concern> (accessed September 25, 2019).
28. Webster's New World College Dictionary, Fifth Edition Copyright (WNWD). Boston: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2014, 2065 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Вильчик Майя Константиновна, старший преподаватель кафедры
германской и романской филологии
Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Рос-
сийская Федерация
mayyavilchik@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mayya K. Vilchik, Senior Teacher of German and Roman Philology
Chair
Volgograd State University
100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062, Russian Fe-
deration
mayyavilchik@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2489-147X

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-293-306

УДК 81'27

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА ЦАРЬ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ДО XIX В.

Демидова Е.Е.

Цель статьи – описать эволюцию когнитивных признаков концепта царь, определив XIX в. в качестве рубежа его развития.

Задачи статьи: 1. Через изучение основного репрезентанта концепта в толковых словарях периода XVIII–XIX вв. определить понятийные признаки концепта царь. 2. Обобщить полученные данные, сравнив их с выявленными на предварительном этапе мотивирующими признаками.

Актуальность работы состоит в соотнесении первичных признаков и развитие их до уровня понятийных в структуре концепта царь. В современной лингвистической литературе отсутствуют исследования, посвященные концепту царь, кроме двух статей, в которых затрагиваются отдельные аспекты изучения этого концепта.

Материалом исследования стали шесть словарей старославянского, церковнославянского и русского языков XVIII–XIX вв., языковой материал из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

К основным методам исследования относятся дескриптивный, концептуальный, интерпретативный, компонентный анализ словарных дефиниций.

Результаты исследования: Развитие структуры концепта царь значительно расширяет количество понятийных признаков. Мотивирующих признаков у данного концепта 18, в период с XVIII до XIX в. у него появляется 34 понятийных признака. Царь относится в этот период к разряду развивающихся концептов, для русской лингвокультуры этот концепт актуален. Понятийные признаки в структуре концепта царь объединяются в 10 блоков: 1. Статус ('верховный правитель/владелец земли/народа/государства', 'властитель/власте-

лин', 'господин', 'государь', 'император', 'кайзер', 'король', 'монарх', 'повелитель', 'правитель', 'самодержец', 'султан', 'Татарский хан', 'титул'); 2. Земное/ небесное ('Царь Небесный (о боге)' – 'Царь Небесный (о Иисусе Христе)' (мотив.)); 3. Власть ('властвующий', 'пасти', 'управлять'); 4. Особенный ('сильный/ могучий', 'славнейший/ отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими', 'старший', 'царский престол'); 5. Исторические персоналии ('Иван Грозный', 'Юлий Цезарь'); 6. Девушка ('коноводка/ зачинщица всему в девицах', 'матерая, зрелая и засидевшаяся красавица'); 7. Климатические особенности ('мороз/ стужа'); 8. Способ жизни ('пышно/ роскошно'); 9. Функции ('защищать/ охранять', 'питать', 'пасти'); 10. Царство природы ('орел', 'сказочное создание (змейка)'; 'растение: *Petasites offic.* / *Aconitum Lycocotum*'). Заметно качественное изменение состава понятийных признаков. Появляются такие блоки признаков, как «особенный», «функции», «царство природы», «девушка», «климатические особенности», «способ жизни», пополнился блок признаков «статуса», изменился блок признаков «власти». Уже не Иисус Христос называется Царем Небесным, а Бог. Перспективами дальнейшего исследования может стать определение набора понятийных признаков концепта царь в период XX–XXI вв., когда слово царь – основной репрезентант концепта – выходит из активного употребления.

Ключевые слова: концепт; мотивирующие признаки, понятийные признаки, концептуальная структура, языковая картина мира, лингвокультурология, концептология

THE DEVELOPMENT OF COGNITIVE SIGNS OF THE TSAR CONCEPT IN RUSSIAN LINGUOCULTURE UNTIL THE XIX CENTURY

Demidova E.E.

The purpose of the article is to describe the evolution of the cognitive signs of the tsar concept, defining the boundary of its development in the 19th century.

Objectives of the article: 1. Determine the conceptual signs of the tsar concept through the study of the main representative of the concept in the explanatory dictionaries of the period of the XVIII–XIX centuries. 2. Summarize the data obtained by comparing them with the motivating signs identified at the preliminary stage.

The **relevance of the work** consists in correlating the primary signs and their development to the level of conceptual ones in the structure of the tsar concept. There are no studies deals with the tsar concept in modern linguistic literature, except for two articles that touch on certain aspects of this concept study.

The **research material** was six dictionaries of the Old Slavonic, Church Slavonic and Russian languages of the XVIII–XIX centuries, language material from the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru).

The **main research methods** include descriptive, conceptual, interpretive, component analysis of dictionary definitions.

The development of the tsar concept structure significantly expands the number of conceptual signs. There are 18 motivating signs for this concept; 34 conceptual signs appear in the period from the 18th to the 19th centuries. The tsar belongs to the category of developing concepts during this period. This concept is relevant for the Russian linguoculture. Conceptual signs in the structure of the tsar concept are combined into 10 blocks: 1. Status ('supreme ruler / ruler of the land / people / state', 'sovereign / ruler', 'lord', 'sovereign', 'emperor', 'kaiser', 'king', 'monarch', 'lord', 'ruler', 'autocrat', 'sultan', 'Tatar khan', 'title'); 2. Earthly / heavenly ('king of heaven (about God)' - 'king of heaven (about Jesus Christ)' (motive.)); 3. Power ('ruling', 'grazing', 'driving'); 4. Special ('strong / mighty', 'the most glorious / excellent among his own / having superiority over others', 'senior', 'royal throne'); 5. Historical personalities ('Ivan the Terrible', 'Julius Caesar'); 6. Girl ('the horse-runner / the instigator of everything in girls', 'mother, mature and late-night beauty'); 7. Climatic features ('frost / cold'); 8. Way of life ('splendid / luxurious'); 9. Functions ('protect / guard', 'feed'); 10. The kingdom of nature ('eagle', 'fairy creature (snake)'; 'plant: Petasites offic. / Ac-

onitum Lycoctonum'). A qualitative change in the composition of conceptual signs is noticeable. Such blocks of signs as "special", "functions", "kingdom of nature", "girl", "climatic features", "way of life" appear, the block of "status" signs has been replenished, the block of signs of "power" has changed. It is no longer Jesus Christ who is called the King of Heaven, but God. Prospects for further research can be the definition of a set of conceptual signs of the tsar concept in the XX–XXI centuries, when the word tsar – the main representative of the concept – is out of active use.

Keywords: *concept; motivating signs; conceptual signs; conceptual structure; language picture of the world; cultural linguistics; conceptology*

Введение

Одними из приоритетных направлений современного языкознания являются политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. Исследования, выполненные на стыке разных направлений, представляют особый интерес для концептологии. Обращение к изучению концептов власти обусловлено пристальным вниманием к этой сфере жизни общества. Смена системы управления с царской на современную дает возможность ретроспективно взглянуть на те особенности русской лингвокультуры, которые были свойственны ушедшей эпохе.

Концепт *царь*, который относится к типу общественно-политических концептов, обойден вниманием когнитологов. Кроме двух статей, в которых описываются образные аспекты концепта *царь* в пьесе Д. Мережковского «Павел Первый: (Царство зверя)» [6] и в иерархии традиционной картины мира носителя русского языка [13], других работ по этой теме нет. Среди смежных по теме исследований можно упомянуть работы, посвященные изучению структурных элементов макроконцепта *власть* [1, с. 44–56; 3], концепта *держава* [2, с. 51–63]. В аспекте изучения лингвокультурных типажей был изучен концепт *царевна* [3, с. 16–25]. Этот же концепт рассматривался с позиций сказочного дискурса [5, с. 468–477].

Первая попытка осмысления эволюции базовых – от мотивирующих до понятийных – признаков концепта *царь* составляет научную новизну проводимого исследования.

Методы и материал исследования

Основными методами в статье являются дескриптивный, концептуальный, интерпретативный, метод компонентного анализа словарных дефиниций. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) стал источником языкового материала. Данные шести словарей старославянского, церковнославянского и русского языков XVIII–XIX вв. послужили основанием для определения понятийных признаков изучаемого концепта.

Результаты и обсуждение

На предшествующем этапе были выявлены мотивирующие признаки концепта *царь*. На основе двенадцати этимологических словарей русского языка и работы В.М. Флоринского [15] путем анализа сем и семем слова – репрезентанта концепта был определен набор из 18 мотивирующих признаков концепта *царь*. Мотивирующие признаки концепта *царь* представлены в виде шести блоков: 1. Статус ('властитель/ властелин', 'господин', 'государь', 'император', 'король', 'монарх', 'повелитель', 'султан', 'Татарский хан', 'титул'); 2. Земное/ небесное ('Царь Небесный (о Иисусе Христе)'); 3. Власть ('царский престол» (о ханской власти)'); 4. Персоналия ('Иван Грозный (с 1547 г.)', 'Юлий Цезарь'); 5. Ответственный лидер ('голова/ глава', 'защищать/ охранять', 'пасти', 'питать').

Остановимся на втором этапе исследования структуры концепта *царь*. Рассмотрим вопрос о дальнейшей эволюции структуры концепта *царь* в русской лингвокультуре. Обратимся к словарям старославянского, церковнославянского языков, а также словарям русского языка XVIII-XIX вв. На этом этапе было отобрано шесть словарей.

В период XVIII-XIX вв. не было единой общепринятой формы написания слова *царь*. «Словарь старославянского языка» указывает три формы слова *царь*: *цасарь* [11, с. 826] и *ц(ъс)арь* и *цъ-*

царь [11, с. 840]. «Словарь церковнославянского и русского языка» приводит только одну форму – *царь* [12, с. 876]. Ф. Миклошич в своем словаре 1886 г. указывает несколько форм слова: *cēsari*, *casar*, *съsar*, *carь*, отмечая, что последняя форма свойственна России [15, с. 28].

Многие словари этого времени указывают на наличие таких понятийных признаков концепта *царь*, как: ‘государь’ (мотив.), ‘монарх’ (мотив.), ‘верховный правитель/ владетель земли/ народа/ государства’, ‘властвующий’ – ‘властитель/ властелин’ (мотив.), ‘славнейший/ отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими’. Ни один из словарей не приводит всего списка сем и семем, которые объективируют понятийные признаки концепта *царь* данного периода.

Интересным фактом является изменение мотивирующего признака ‘Царь Небесный (об Иисусе Христе)’ на ‘Царь Небесный (о боге)’. Три словаря указывают на это (словари В.И. Даля [7], Г. Дьяченко [8] и Академии российской [9]). В.И. Даль приводит пословицу: *Царь земной под Царем небесным ходит, под Богом*.

В словаре В.И. Даля приводятся новые значения слова *царь*: «сильный, могучий, старший, властвующий; славнейший, отличнейший между своими» [7, с. 521]. Этот автор указывает на множество композитов со словом *царь*: «Царь-птица, орел; | сказочное создание. Царь зверей или царь-зверь, лев. Царь-девица, шуточно: коноводка, зачинщица всему в девицах; | матерая, зрелая и засидевшаяся красавица. Царь-колокол, царь-пушка, показываются в Москве. Царь-змей, сказочная слепая белая змейка, которой все змеи подвластны. Царь зимы, мороз, стужа. Царь-трава, *Petasites offic.*, подбел, чумный корень» [Там же]. Выражение *Он живет царь-царем* означает «пышно, роскошно» [7, с. 521].

Словом *царь* называют растение. Только словари предлагают идентификацию под этим названием разных растений: В.И. Даль считает, что это «*Petasites offic.*, подбел, чумный корень» [7, с. 521], а «Словарь церковнославянского и русского языка» – *Aconitum Lycopodium* [12, стлб. 878]. Полученные данные обобщим в Таблице 1.

Таблица 1.

**Понятийные признаки концепта *царь* по данным толковых словарей
русского языка XVIII-XIX вв. и словарей старославянского
и церковнославянского языков**

№	Понятийные признаки концепта <i>царь</i>	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, 1863–1866.	Дьяченко Г. (Протоиерей) Полный церковно-славянский словарь. 1900.	Словарь Академии российской. 1790.	Словарь старославянского языка.	Словарь церковнославянского и русского языка. 1847.	Michael F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886.
1.	‘верховный правитель/ владетель земли/ народа/ государства’	+	-	-	-	+	-
2.	‘властвующий’ – ‘властитель/ властелин’ (мотив.)	+	+	-	+	-	-
3.	‘главный в своем роде’ – ‘голова/ глава’ (мотив.)	-	+	-	-	-	-
4.	‘государь’ (мотив.)	+	-	+	-	-	-
5.	‘император’ (мотив.)	-	-	-	+	-	-
6.	‘кайзер’	-	-	-	-	-	+
7.	‘коноводка/ зачинщица всему в девицах’	+	-	-	-	-	-
8.	‘король’ (мотив.)	-	-	-	+	-	-
9.	‘матерая, зрелая и засидевшаяся красавица’	+	-	-	-	-	-
10.	‘монарх’ (мотив.)	+	-	+	-	+	-
11.	‘мороз/ стужа’	+	-	-	-	-	-
12.	‘орел’	+	-	-	-	-	-
13.	‘правитель’	-	-	-	+	-	+
14.	‘пышно/ роскошно’	+	-	-	-	-	-
15.	‘растение: Petasites offic. / Aconitum Lycoctonum’	+	-	-	-	+	-
16.	‘самодержец’	-	-	+	-	-	-
17.	‘сильный/ могучий’	+	-	-	-	-	-
18.	‘сказочное создание (змейка)’	+	-	-	-	-	-

Окончание табл. 1.

19.	‘славнейший/отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими’	+	-	+	-	+	-
20.	‘старший’	+	-	-	-	-	-
21.	‘султан’ (мотив.)	-	-	-	-	-	+
22.	‘титул’ (мотив.)	-	-	-	-	-	+
23.	‘управлять’	-	-	-	+	-	+
24.	‘Царь Небесный (о Боге)’ – ‘Царь Небесный (о Иисусе Христе)’ (мотив.)	+	+	+	-	-	-
25.	‘Юлий Цезарь’ (мотив.)	-	-	-	-	-	+

В процессе анализа словарей русского языка промежуточного периода XVIII-XIX вв. было отмечено 25 понятийных признаков концепта *царь*. Самое большое количество понятийных признаков обнаружено по данным словаря В.И. Даля (15). Семь мотивирующих признаков, по данным словарей этого периода, перешли в разряд понятийных: ‘государь’, ‘император’, ‘король’, ‘монарх’, ‘султан’, ‘титул’, ‘Юлий Цезарь’. Два мотивирующих признака претерпели трансформацию: мотивирующий признак ‘властитель/ властелин’ приобретают форму ‘властвующий’ и мотивирующий признак ‘голова/ глава’ становится понятийным признаком ‘главный в своем роде’.

В структуре концепта *царь* появляется 13 новых признаков в этот период: ‘верховный правитель/ владетель земли/ народа/ государства’, ‘кайзер’, ‘коноводка/ зачинщица всему в девицах’, ‘матерая, зрелая и зашедшая красавица’, ‘мороз/ стужа’, ‘орел’, ‘правитель’, ‘растение: Petasites offic. / Aconitum Lycocotonum’, ‘самодержец’, ‘сильный/ могучий’, ‘сказочное создание (змея)’, ‘славнейший/ отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими’, ‘старший’, ‘управлять’.

Словари XVIII-XIX вв. не указывают на наличие таких мотивирующих признаков, как: ‘господин’, ‘защищать/ охранять’, ‘Иван Грозный (с 1547 г.)’, ‘пасти’, ‘питать’, ‘повелитель’, ‘Татарский хан’, ‘царский престол» (о ханской власти)’. Изменились функции власти, изменились ассоциации, связанные с ней. Как показывают результаты исследования Национального корпуса русского языка, эти признаки были актуальны:

‘господин’ (*И рече един от отрок его: ни, господине мой Царю, яко пророк Елисей во Израили возвещает Царю Израилеву вся сло-*

веса, яже аще глаголеши в сокровищи ложницы своя. митрополит Стефан (Яворский). Проповеди. 1700-1722),

‘защищать/ охранять’ (Когда царь защищает права и честь своего народа на войне, царица должна оставаться с народом, залогом его спокойствия – по крайней мере до последней крайности, если у ней недостает духа умереть с честью этого народа. И. И. Лажечников. Басурман. 1838),

‘Иван Грозный (с 1547 г.)’ (Новгородское правление на Двинь кончилось при великомъ Князѣ Россійскомъ Иоаннѣ Васильевичѣ, дѣдѣ Государю **Царю Иоанну Васильевичу Грозному**. И. И. Лепехин. Продолжение Дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1771 году. 1771),

‘пасти’ (Он царь, и притом настоящий библейский **царь-пастух**. Н. С. Лесков. Белый орел. 1880),

‘питать’ (Я душою участвовалъ въ ихъ великодушной борьбѣ съ **Царемъ Великимъ**; **питалъ** сердце волшебствомъ ихъ безпредѣльной вольности, мечталъ о союзахъ неизмѣнной дружбы, о живой, бальзамической свѣжести ихъ патріархальнаго существованія. В. Г. Тепляков. Письма из Болгарии (1829),

‘повелитель’ (Мы видели, что царь в качестве номинального **повелителя** Грузии требовал от шаха Аббаса, чтоб тот не опустошал этой несчастной страны. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. 1859),

‘Татарский хан’ (Но Россия ничего не выиграла сею переменою: сперва Ислам, властвовав несколько месяцев в Тавриде, а после Саип, бывший царь казанский, утвержденный султаном в достоинстве **хана**, угрожали нам войною и пламенем... Н. М. Карамзин. История государства Российского. 1813-1820),

‘царский престол» (о ханской власти)’ (Отъ него великихъ Князей родъ до **Царя** Θεодора шель на **престолъ** непрерывно. Краткая роспись Великимъ Князьямъ Всероссійскимъ отъ Рюрика до нашествия татаръ съ показаніемъ родословія // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года).

Заключение

Период XVIII-XIX вв. развития русского языка показал наличие в структуре концепта *царь* 33 понятийных признаков. 25 понятийных признаков указаны в толковых словарях, восемь признаков, которые оказались пропущенными в проанализированных словарях русского языка, перешли из разряда мотивирующих в понятийные.

Понятийные признаки концепта *царь* этого периода можно представить в виде десяти блоков: 1. Статус ('верховный правитель/владелец земли/ народа/ государства', 'господин', 'государь', 'император', 'кайзер', 'король', 'монарх', 'повелитель', 'правитель', 'самодержец', 'султан', 'Татарский хан', 'титул'); 2. Земное/ небесное ('Царь Небесный (о боге)' – 'Царь Небесный (о Иисусе Христе)' (мотив.)); 3. Власть ('властвующий', 'пасти', 'управлять'); 4. Особенный ('сильный/ могучий', 'славнейший/ отличнейший между своими/ имеющий превосходство над другими', 'старший', 'царский престол'); 5. Исторические персоналии ('Иван Грозный', 'Юлий Цезарь'); 6. Девушка ('коноводка/ зачинщица всему в девицах', 'матерая, зрелая и засидевшаяся красавица'); 7. Климатические особенности ('мороз/ стужа'); 8. Способ жизни ('пышно/ роскошно'); 9. Функции ('защищать/ охранять', 'питать', 'пасти'); 10. Царство природы ('орел', 'сказочное создание (змейка)', 'растение: *Petasites offic.* / *Aconitum Luscoctonum*'). Наблюдается увеличение вдвое количества признаков (18 мотивирующих против 33 понятийных). Заметно качественное изменение состава понятийных признаков. Появляются такие блоки признаков, как «особенный», «функции», «царство природы», «девушка», «климатические особенности», «способ жизни». Пполнился блок признаков статуса, изменился блок признаков власти. Уже не Иисус Христос называется Царем Небесным, а Бог.

Список литературы

1. Демидова Е.Е. Макроконцепт *власть* и его мотивирующие признаки // Языки и культура народов России и стран СНГ: к 80-летию Института языка, литературы и искусства Академии наук

- Республики Татарстан. Изд. 2-е, доп. СПб–Казань: СПбГЭУ, 2019. С. 44-56. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).
2. Демидова Е.Е. Мотивирующие и понятийные признаки концепта *держава* // Лингвокультурология, философия и концептуальные исследования в аспекте перевода. СПб, 2021. С. 51-63.
 3. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147-153.
 4. Пименова М.В. Развитие теории лингвокультурных типажей (русский фольклорный концепт «царевна») // Человек. Язык. Культура: в 2-х ч. Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. Изд. 2-е, испр. Часть 1. 800 с. С. 16-25. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
 5. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки (фольклорный концепт «царевна») // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения. Материалы международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения». 2019. С. 468-477.
 6. Сердюк А.М. Концепт «царь» в типизированных образных парадигмах: аксиологический аспект (на материале пьесы Д. Мережковского «Павел Первый: Царство зверя») // Язык. Культура. Общество. Саранск, 2011. Вып. 3. <https://yazik.englishleo.ru/2011-01.php> (дата обращения: 07.02.2020).
 7. Царь // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб., 1863-1866. Репр. изд. СПб.: Диамант, 1996. Т. IV. С. 587-588.
 8. Царь // Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. свящ. Григорий Дьяченко. СПб., 1900. С. 800.
 9. Царь // Словарь Академии Российской. СПб.: Академия наук, 1790. Ч. VI. Стбл. 612-614.
 10. Царь // Словарь русского языка XVIII века. СПб: Наука, 1998. Вып. 10. С. 181-182.

11. Царь // Словарь старославянского языка: в 4-х т. СПб.: СПбГУ, 2006. Т. IV. С. 825, 840-842.
12. Царь // Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отделением императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. Т. IV. Стлб. 876.
13. Шуйская Ю.В., Вьюгов А.И. Концепт «Царь» в иерархии традиционной картины мира носителя русского языка // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 182-188.
14. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск: Типо-Литография П.И. Макушина, 1898. Вып. I. С. 16.
15. Cesari // Miclosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886. Wien: W. Braumüller, 1886, pp. 28-29.

References

1. Demidova E.E. Makrokoncept vlast' i ego motiviruyushchie priznaki [Macro concept of power and its motivating signs]. *Jazyki i kul'tura narodov Rossii i stran SNG: k 80-letnemu jubileju Instituta jazyka, literatury i iskusstva Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [Languages and culture of the peoples of Russia and the CIS countries: to the 80th anniversary of the Institute of language, literature and art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. St. Petersburg – Kazan, 2019, pp. 44-56.
2. Demidova E.E. Motiviruyushchie i ponyatijnye priznaki koncepta derzhava [Motivating and conceptual signs of the power concept]. *Lingvokul'turologija, filosofija i konceptual'nye issledovanija v aspekte perevoda* [Linguoculturology, philosophy and conceptual studies in the aspect of translation]. St. Petersburg, 2021, pp. 51-63.
3. Pimenova M.V. Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI [Power and politics: metaphors in media discourse]. *Lingvoritoricheskaja paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects]. 2012, no. 17, pp. 147-153.
4. Pimenova M.V. Razvitie teorii lingvokul'turnyh tipazhej (russkij fol'klornyj koncept «carevna») [Development of the theory of linguo-

- cultural types (Russian folklore concept “princess”)]. *Chelovek. Jazyk. Kul'tura* [Man. Language. Culture]. Kiev, 2013, pp. 16-25.
5. Pimenova M.V. Etnogermenevtika russkoj skazki (fol'klornyj koncept «carevna») [Ethnogermeneutics of the Russian fairy tale (folklore concept “princess”)]. *Aksiologicheskoe prostranstvo russkoj slovesnosti: tradicii i perspektivy izuchenija* [Axiological space of Russian literature: traditions and perspectives of study]. Moscow, 2019, pp. 468-477.
 6. Serdyuk A.M. Koncept «car'» v tipizirovannyh obraznyh paradigmah: aksiologicheskij aspekt (na materiale p'esy D. Merezhkovskogo «Pavel Pervyj: Carstvo zverya») [The concept of “tsar” in typified figurative paradigms: axiological aspect (based on the play by D. Merezhkovsky “Paul the First: Kingdom of the Beast”)]. *Jazyk. Kul'tura. Obshchestvo* [Language. Culture. Society]. Saransk, 2011, vol. 3. <https://yazik.englishleo.ru/2011-01.php> (accessed 02.07.2020).
 7. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. St. Petersburg, 1863-1866, vol. IV, pp. 587-588.
 8. *Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' (s vneseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vyrazhenij)* [Complete Church Slavonic dictionary (with the introduction of the most important Old Russian words and expressions)]. St. Petersburg, 1900, pp. 800.
 9. *Slovar' Akademii Rossijskoj* [Dictionary of the Russian Academy]. St. Petersburg, 1790, vol. VI, pp. 612-614.
 10. *Slovar' russkogo jazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. St. Petersburg, 1998, vol. 10, pp. 181-182.
 11. *Slovar' staroslavjanskogo jazyka* [Dictionary of the Old Church Slavonic language]. St. Petersburg, 2006, vol. IV, pp. 825, 840-842.
 12. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. St. Petersburg, 1868, vol. IV, pp. 876.
 13. Shuiskaya Yu.V., Vyugov A.I. Koncept «Car'» v ierarhii tradicionnoj kartiny mira nositelya russkogo yazyka [Concept “Tsar” in the hierarchy of the traditional picture of the world of a native speaker of the Russian language]. *Vestnik TvGU* [TvGU Bulletin], 2015, no. 3, pp. 182-188.

14. Florinsky V.M. *Pervobytnye slavyane po pamjatnikam ih doistoricheskoi zhizni. Opyt slavyanskoi arheologii* [Primitive Slavs according to the monuments of their prehistoric life. Experience of Slavic archeology]. Tomsk, 1898, vol. I, pp. 16.
15. Miclosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886, pp. 28-29.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Демидова Евгения Евгеньевна, преподаватель, кандидат филологических наук

Частное образовательное учреждение высшего образования

Институт иностранных языков

12 линия ВО, 13, г. Санкт-Петербург, 199178, Российская

Федерация

Demidova_Eu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya E. Demidova, Lecturer, Candidate of Philology

Institute of Foreign Languages

13, 12 line VO, St. Petersburg, 199178, Russian Federation

Demidova_Eu@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0151-5316

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-307-330

УДК 811.112.2; 316.776.3+81'42

ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ИНТЕРВЬЮ-ПОРТРЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

*Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В.,
Бганцева И.В., Тисленкова И.А.*

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому анализу речевого поведения участников диалогического взаимодействия в ситуациях возникновения коммуникативных неудач в немецких портретных интервью.

***Цель исследования** состоит в структурно-семантическом анализе диалогических последовательностей, содержащих коммуникативные неудачи, для выявления вербальных способов их устранения, репрезентированных в конкретных коммуникативных тактиках, использование которых необходимо для успешного протекания диалога-интервью.*

***Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили тексты 120 портретных интервью, опубликованные в современных немецких интернет-изданиях. В ходе исследования были использованы контекстуальный и прагматический анализ в сочетании с методом структурного анализа элементов диалогической последовательности с коммуникативной неудачей.*

***Результаты.** Проведенное исследование текстов немецких портретных интервью позволило выделить четыре тактики, которые имеют определенные способы вербального выражения и оказываются наиболее эффективными для преодоления коммуникативных неудач. Было установлено, что диалогические последовательности с коммуникативной неудачей различаются по структуре и могут быть прямого/обратного/полного/комбинированного типа, поскольку*

ку коммуникативные неудачи возникают и устраняются не только в перспективе журналиста, но и собеседника. Выбор соответствующей тактики определяется степенью непонимания, спецификой возникшей коммуникативной неудачи, а также прагматическими параметрами ситуации диалога-интервью.

Область применения результатов. Полученные результаты могут найти практическое применение в специальных курсах по прагматике и психолингвистике, межкультурной коммуникации, а также журналистике.

Ключевые слова: коммуникативная неудача; коммуникативная тактика; вербальный способ; базовая диалогическая последовательность; интервью-портрет; журналист; собеседник

VERBAL WAYS OF OVERCOMING COMMUNICATIVE FAILURES IN A PORTRAIT INTERVIEW (BASED ON THE GERMAN PRESS)

*Ionkina E. Yu., Tikhaeva V. V.,
Bgantseva I. V., Tislenkova I. A.*

The article is devoted to the communicative and pragmatic analysis of the speech behavior of participants in dialogical interaction in situations of communicative failures in German portrait interviews.

Purpose. *The article deals with a structural and semantic analysis of dialogical sequences containing communicative failures to identify verbal ways to eliminate them. The verbal ways are represented in specific communicative tactics, the use of which is necessary for the successful dialogue-interview.*

Materials and methods. *The texts of 120 portrait interviews published in modern German online publications were studied. In the course of the investigation, contextual and pragmatic analysis was used in combination with the structural analysis method of dialogical sequence elements with communicative failures.*

Results. *The study of the texts of the German portrait interviews allowed us to determine the most effective verbal ways to overcome com-*

municative failures and to identify four communicative tactics: explanations, paraphrasing, clarification and insistence. It was found that dialogical sequences with communicative failures differ in the structure and can be of a direct/reverse/complete/combined type, since communicative failures appear and are eliminated not only in the perspective of the journalist, but also of the interlocutor. The choice of appropriate tactics is determined by the degree of misunderstanding, the specifics of the communicative failure that has arisen, as well as by the pragmatic parameters of the dialogue-interview situation.

Practical implications. *The results of the research can be used in special courses on pragmatics and psycholinguistics, intercultural communication and journalism.*

Keywords: *communicative failure; communicative tactics; verbal way; basic dialogical sequence; interview-portrait; journalist; interlocutor*

Введение

Эффективное речевое воздействие – это такое, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), то есть остаться с ним в нормальных отношениях, не поссориться [15, с. 62]. Успешное взаимодействие между участниками диалогического общения, в том числе и в интервью, напрямую зависит от коммуникативного комфорта, предполагающего благожелательный настрой собеседников, положительный тон общения. По мнению М.Л. Курьян, «создание коммуникативного комфорта выступает существенным средством оптимизации процесса межличностной коммуникации и связано с завоеванием расположения собеседника, умением ему понравиться, сохранением его «лица» при защите собственного» [9, с. 7]. В свою очередь, неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к явлениям, которые в лингвистической литературе получают различные наименования: «коммуникативный дискомфорт» [12], «речевой конфликт» [16, с. 9], «коммуникативный сбой» [13, с. 216], «коммуникативная неудача» [10, с. 366-367]. Коммуникативная неудача является результатом

неуспешной коммуникации, в основе которой лежат неправильно выбранные языковые средства или тактики и стратегии говорящего, отрицательное действие которых можно проследить на стадии коммуникативного дискомфорта [1, с. 6].

Исследование медиадискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте его успешности/неуспешности предпринималось в работах И.К. Айтеновой, Л.А. Балобановой (2016), Ю.С. Лавренченко (2013), И.П. Смирновой (2010), П.Н. Босого (2006), Н.В. Муравьевой Н.В. (2002). Выявление так называемых уязвимых коммуникативных ситуаций или «зон риска» [17] для предупреждения коммуникативных неудач наряду со способами их преодоления [11; 18] становится все более актуальным в последние десятилетия. Однако на сегодняшний день анализ речевого поведения коммуникантов ограничивается рассмотрением речевых стратегий и тактик на протяжении всего интервью, тогда как особенности их речевого поведения в случае возникновения ситуации коммуникативной неудачи не попадают в поле зрения исследователей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы удачного/неудачного коммуникативного взаимодействия в интервью как публицистическом типе медиадискурса, а также отсутствием специальных исследований, посвященных способам преодоления коммуникативных неудач в интервью-портрете.

Цель исследования – выделить основные коммуникативные тактики участников диалогического взаимодействия, направленные на преодоление возникших коммуникативных неудач и восстановление взаимопонимания в интервью-портрете.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить диалогические последовательности интервью, содержащие коммуникативные неудачи и определить их структурный тип;
- 2) исследовать реплики коммуникантов, устраняющие коммуникативные неудачи, и выделить вербальные способы их преодоления;
- 3) определить факторы, обуславливающие использование тех или иных тактик в интервью-портрете.

Объектом данного исследования выступают фрагменты немецких портретных интервью, в которых содержатся ситуации коммуникативных неудач. **Предметом** исследования являются корректирующие реплики коммуникантов на проблемном участке интервью.

Материалы и методы исследования

В качестве **материала** исследования были выбраны тексты портретных интервью, размещенные в открытом доступе в современных немецких интернет-изданиях: Spiegel Online, Focus Online, Neue Osnabrücker Zeitung (NOZ), Berliner Zeitung, Playboy. Было проанализировано около 120 интервью, героями которых выступают известные личности, имеющие достижения в различных профессиональных сферах (спортсмены, писатели, телеведущие, актеры, режиссеры, художники и т.д.), «просто» интересные люди и «звезды».

В соответствии с поставленной целью исследование проводилось с помощью **методов** контекстуального и прагматического анализа в сочетании с общенаучными методами наблюдения, описания и интерпретации языкового материала. Для выделения из текстов интервью диалогических последовательностей, содержащих коммуникативные неудачи, и их последующего описания был использован метод структурного анализа элементов последовательности, предложенный Л. Голетиани. Трём структурным элементам в базовой последовательности с КН соответствуют три реплики собеседников, выполняющие соответствующие функции: инициальная реплика, содержащая источник КН (реплика-источник или РИ), реплика, имплицитно или эксплицитно выявляющая произошедшую или возможную КН (реплика-выявление или РВ) и реплика, устраняющая КН (реплика-устранение или РУ) [3, с. 73].

Результаты и обсуждение

Коммуникативные неудачи, причины их возникновения, а также типология были изучены в работах многих отечественных лингвистов: Б.Ю. Городецкого, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, А. А. Романова, И.Г. Сабуровой, Н.К. Къневой, Т.В. Шмелевой; И.М. Кобозе-

вой, Н.И. Формановской. Существующие определения, отличаясь в более или менее важных деталях, сходятся в одном: ориентация на взаимное понимание – это основное требование к каждому акту общения [5, с. 98]. В противопоставление этому требованию «полное или частичное непонимание высказывания партнёром коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [6, с. 31], а также случаи, когда «определенные речевые произведения не выполняют своего функционального предназначения» [4, с. 67] становятся основанием для возникновения коммуникативных неудач. Несмотря на различие подходов к исследованию данного явления, большинство ученых вкладывают в определение понятия «коммуникативная неудача» ключевой компонент: нарушение взаимопонимания между партнерами по коммуникации, обусловленное непониманием конкретного речевого акта. Речь здесь идет, прежде всего, о понимании пропозиционального содержания высказывания, тогда как «непропозициональное понимание не может считаться коммуникативной неудачей в строгом смысле слова, потому что объектом понимания здесь является не сам РА, то есть не сама речь, а то, что вызывает эту речь и отображается в речи латентно» [20, с. 39]. Внутренние мотивы говорящего остаются скрытыми и не всегда могут быть однозначно поняты адресатом. Однако, понимание коммуникативного намерения говорящего, отражаемого в речевом акте, и самой коммуникативной ситуации, соотносимые с непропозициональным пониманием в коммуникативном акте, являются существенным условием удачной коммуникации. Применительно к диалогическому дискурсу, тот эффект, который производит высказывание говорящего на слушающего, играет основную роль в определении высказывания как удачного или неудачного.

Под «коммуникативной неудачей» (далее КН) в портретном интервью мы будем понимать *возникшее в условиях конкретной интеракции коммуникантов массмедийного дискурса несоответствие коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, т.е. полное или частичное непонимание высказывания одним*

из участников коммуникации и/или возникающий при этом непредусмотренный эмоциональный эффект. Анализ КН в конкретных ситуациях диалога-интервью проводился в рамках коммуникативно-прагматического подхода, а за основную структурно-семантическую единицу принималась базовая диалогическая последовательность, которая включает три элемента: источник, выявление и устранение. Поскольку в интервью-портрете журналисту принадлежит главная роль организатора и координатора беседы, за основу анализа принимались такие диалогические последовательности, в которых реплика-источник и реплика-устранение КН принадлежат журналисту, тогда как реплика-выявление КН остается за адресатом. Тем не менее, в процессе речевого взаимодействия интервьюируемый занимает активную позицию, и его реплики также могут становиться источником непонимания и приводить к КН. В таких случаях три реплики диалогической последовательности с КН имеют противоположную принадлежность коммуникантам в интервью-портрете. Условно мы обозначили две последовательности следующим образом:

I. прямая (РИ(Ж) – РВ(С) – РУ(Ж));

II. обратная (РИ(С) – РВ(Ж) – РУ(С)), где Ж – журналист, С – собеседник.

На первом этапе предпринятого нами исследования, результаты которого более подробно изложены в предыдущей работе [7], были установлены те коммуникативные ходы журналиста, которые представляют наибольший риск возникновения КН при неправильной интерпретации коммуникативного намерения со стороны собеседника. К ним относятся, к примеру, следующие структурно-семантические типы высказываний: *провокационный вопрос/утверждение; личный вопрос; вопрос с иронией; оценочное утверждение (одобрение/похвала/неодобрение/упрек) в сочетании с вопросом; комплимент; утверждение-ввод новой темы; утверждение-мнение других источников информации* [7, с. 82]. Названные типы инициальных реплик (РИ) журналиста используются в большинстве проанализированных нами портретных интервью и являются

потенциальным источником возникновения КН при определенных прагматических условиях.

При анализе коммуникативных ситуаций интервью-портрета, были выявлены конкретные типы реакций адресата, которые свидетельствуют о нарушении взаимопонимания между коммуникантами и о наличии КН на определенном отрезке интервью. В определенной степени они зависят от структурно-семантического типа исходной реплики интервьюера. Способы устранения возникших КН, в свою очередь, напрямую обусловлены степенью непонимания и спецификой КН и представлены определенным набором тактик речевого общения, используемых журналистом/собеседником для преодоления КН. Под тактикой в данной работе понимается «совокупность приемов ведения беседы и линия поведения на определенном этапе в рамках отдельного разговора, нацеленного на достижение желательного эффекта или предотвращения нежелательного результата» [14, с. 7]. В настоящем исследовании мы сосредоточим основное внимание именно на вербальных способах устранения КН, тогда как к невербальным можно отнести, например, следующие: совершенствование коммуникативной культуры; ориентация на слушающего в разговоре; корректирование своего речевого поведения при возникновении коммуникативной неудачи; развитие умения контролировать свои эмоции и др. Перейдем к более детальному рассмотрению коммуникативных тактик преодоления КН.

Вербальные способы преодоления КН

Как показывает проведенное исследование, КН носят локальный характер в портретном интервью, не нарушают процесс общения в целом, но создают некоторые помехи в коммуникативном взаимодействии, которые нейтрализуются по ходу интервью и не приводят к смене темы. КН в большинстве случаев обусловлены неадекватным выбором со стороны журналиста лексических единиц для обозначения определенного явления действительности, что приводит к неоднозначной денотативной соотнесенности. Неверная референция как лингвистический фактор, а также отсутствие об-

щих фоновых знаний коммуникантов как экстралингвистический фактор становятся основным препятствием на пути к достижению эффективного диалогического взаимодействия.

Реплика-выявление непонимания соответствует таким реакциям адресата, как *вопрос-удивление, вопрос-переспрос, корректировка вопроса, вопрос-уточнение причины, уклончивый ответ/ирония, несогласие в сочетании с аргументированным ответом, восклицание-удивление в сочетании с несогласием*. При этом сам факт непонимания может быть вербализован лексически в ответной реплике-констатации непонимания, которая представляет собой косвенную оценку высказывания журналиста как непонятного: «Ich verstehe die Frage nicht». Основная функция этих реплик – индикация непонимания. Говорящий сигнализирует о своих трудностях в поиске правильной интерпретации. А акт оценки предполагает наличие у оценивающего определенной ясности в коммуникативной картине [3, с.70].

Полная базовая диалогическая последовательность с КН имеет трехчленную структуру, в которой реплика-устранение КН следует сразу же за репликой-выявлением КН. Такие последовательности могут быть как прямого, так и обратного типа. Было установлено, что для преодоления непонимания в интервью-портрете применяются четыре коммуникативных тактики:

1. Тактика разъяснения, которая предполагает использование развернутого семантического контекста высказывания, с включением в данный контекст дополнительной информации, требуемой для понимания (в том числе с привлечением мнения других источников информации).

Как считает С.Е. Бугрова, «основные источники непонимания находятся в культурологической, социальной и личностной плоскостях, т.е. связаны с личностью коммуникантов» [2, с. 15]. Возникшую при этом информационную недостаточность, успешно восполняет коммуникативная *тактика разъяснения*, что можно продемонстрировать следующим примером:

I. (1) Playboy: *Haben Sie eine starke Mutter?*

(2) Schweiger: *Wieso?*

(3) Playboy: *Wenn man Ihre Filme sieht, könnte man Sie für einen Frauenverstehher halten.*

(4) Schweiger: Ich bin kein Frauenverstehher. Als Mann eine Frau zu verstehen ist genauso unmöglich, wie als Frau einen Mann zu verstehen. Deswegen haben wir doch die ganzen Probleme. Vielleicht können Sie einen Psychoanalytiker engagieren, der sagt: Aha, deswegen sind seine Filme so. Ich habe tatsächlich eine starke Mutter, aber ich habe nie unter ihr gelitten, ich liebe sie. Und ich will auch nicht Frauen verstehen, sondern einfach Filme machen, die ich mir selber angucken möchte [TL].

Представленный отрывок интервью с известным немецким кинорежиссером Т. Швайгером журналист начинает с вопроса о характере его матери, чем сразу вызывает непонимание у собеседника. Непонимание адресата вербализуется в его уточняющем вопросе (2): «Wieso?». Для преодоления возникшей КН журналист прибегает к тактике разъяснения (3), характеризуя своего собеседника как «знатока женщин» («Frauenverstehher»), о чем можно судить по его фильмам. Хотя адресат и не соглашается с данной характеристикой, но признает, что его мать действительно имеет характер сильной женщины. Полученный развернутый ответ собеседника подтверждает успешность коммуникативного хода журналиста в преодолении возникшего непонимания.

2. Тактика перефразирования, которая служит для «содержательного перекодирования сообщения без изменения существа фактуальной информации» [2, с. 17] и наиболее часто приобретает форму синонимической трансформации.

В отличие от тактики разъяснения, которая предполагает семантическую трансформацию всей реплики, *тактика перефразирования* используется чаще всего для пояснения одного содержательного элемента в структуре высказывания. Как показывает анализ интервью, данная тактика может активно применяться не только журналистом, но и собеседником, если его реплика становится источником КН и приводит к непониманию со стороны интервьюера. Это можно продемонстрировать следующим примером:

II. (1) NOZ: Ihre künstlerische Laufbahn begann auf dem Internat der Wiener Sängerknaben. In welchem Alter?

(2) Karl: Dritte Klasse Grundschule, heißt das wohl in Deutschland. Ich bin also mit acht oder neun ins Internat gekommen und blieb dann bis zur *Mutation*.

(3) NOZ: *Mutation*?

(4) Karl: *Bis zum Stimmbruch. In Österreich heißt das so.* Man wird dann zum Mutanten und kann sich dann aussuchen, ob man im Mutantenheim die Schule abschließen oder wieder nach Hause will. <...>.

(5) NOZ: Sind Sie eigentlich aus eigenem Antrieb zu den Sängerknaben gegangen?

(6) Karl: Meine Eltern hatten ein Restaurant und waren mit ihrer Arbeit beschäftigt. <...> [FK].

Данный отрывок интервью с австрийским актером Ф. Карлом является примером обратной базовой диалогической последовательности, в которой реплика-выявление КН принадлежит журналисту и вербализуется в форме вопроса-переспроса (3). Журналист интересуется, в каком возрасте собеседник начал свою карьеру в венском мужском хоре при интернате (1). Развернутый ответ адресата и употребление лексической единицы «Mutation» («мутация») (2) становится источником непонимания для интервьюера. Он оказывается незнаком со значением данного слова, ввиду культурно-обусловленного различия между австрийским и немецким пониманием данного явления. Адресат перефразирует непонятый элемент высказывания (4), используя синоним «Stimmbruch» («ломка голоса»), тем самым восстанавливая взаимопонимание на заданном отрезке интервью. Последующий вопрос журналиста (5) продолжает коммуникативное взаимодействие в рамках заданной темы.

3. Тактика уточнения реализуется через уточняющий вопрос, который применяется для конкретизации значения элемента в семантической структуре высказывания; а также через уточняющее высказывание, служащее корректировкой речевого выбора лексической единицы или языковой формы слова.

Даже если сам говорящий обладает достаточной лингвистической и коммуникативной компетенцией, он может иметь ошибочные прагматические пресуппозиции относительно фонда знаний, интересов и коммуникативной компетенции адресата [19]. Именно различие пресуппозиций коммуникантов становится еще одной причиной смыслового непонимания адресатом вопроса или утверждения журналиста. Для устранения КН широко используется *тактика уточнения*, основными синтаксическими элементами которой наиболее часто являются вопрос-переспрос, уточняющий вопрос в сочетании с аргументацией или опровержением, а также корректировка отдельной лексической единицы. Рассмотрим два примера:

III. (1) Playboy: Das ist doch Ihre Spezialität – *schwierige Schauplätze*.

(2) Herzog: *Nicht schwierige, glaubwürdige*.

(3) Playboy: *Ist L. A. ein glaubwürdiger Schauplatz für Ihr Leben?*

(4) Herzog: Ich lebe zum großen Teil auf meinen Sets. Und ich wohne seit 17 Jahren in Los Angeles, weil ich meine Frau vor 17 Jahren kennengelernt habe und wir seitdem nie auseinander gewesen [WH].

IV. (1) Playboy: *Haben Sie Angst davor, spießig zu werden?*

(2) Campino: *Was heißt schon spießig?* Man hat eine Kleinfamilie und wohnt im Vorstadthäuschen, weil das Geld nur dafür reicht? Damit habe ich überhaupt kein Problem. Mit 50 Jahren schreie ich auch keine Parolen mehr heraus für Kids, die sich radikal von ihren Eltern abgrenzen wollen. Das bin ich nicht mehr. Denn allein durch mein Vatersein ist eine ganz andere Erdung da. Das Leben dreht sich nicht mehr nur um einen selbst. <...>.

(3) Playboy: Verantwortung statt Anarchie?

(4) Campino: Mit dem Begriff Verantwortung konnte ich mit Ende 20 überhaupt nichts anfangen. Bei unseren Konzerten hieß es immer: Betreten auf eigene Gefahr! Wir übernehmen als Tote Hosen keinerlei Verantwortung. Das war aber ein Riesenirrtum. <...> [SC].

В примере (III) собеседник прибегает к тактике уточнения ввиду неудачного выбора лексической единицы в исходной реплике жур-

налиста (1). В данном отрывке интервью с немецким режиссером В. Герцогом интервьюер полагает, что выбор сложных мест для съемки («schwierige Schauplätze») – это специфика работы режиссера. Собеседник не соглашается с такой формулировкой и корректирует реплику интервьюера (2), заменяя лексему «schwierig» («сложный») на «glaubwürdig» («правдоподобный»). Журналист принимает данную корректировку и задает следующий уточняющий вопрос (3).

В примере (IV), который представляет собой отрывок из интервью с немецким музыкантом Д. Кампино, к тактике уточнения снова прибегает сам адресат. Герой интервью проводит некоторые параллели своего сходства с отцом, отраженные в песне из его нового альбома («Draußen vor der Tür»). На основе этих воспоминаний журналист делает вывод о мещанском характере своего собеседника («spießig») и высказывает свои опасения в вопросе (1). Ответная реплика адресата содержит элемент частичного непонимания, что вербально выражается в конкретизирующем вопросе-удивлении («Was heißt schon spießig?») (2). Тем самым адресат выражает свое откровенное несогласие с постановкой вопроса журналистом и далее аргументирует свою точку зрения. Журналист делает свой вывод из сказанного, логически продолжая тему следующим вопросом (3).

Как видно из двух приведенных примеров, причина КН зачастую кроется в «неудачном структурировании информации» субъектом речи [8, с. 64]. Несоответствие между формулировкой высказывания журналиста и реальными знаниями адресата (пресуппозициями) приводит к необходимости корректировки и уточнения со стороны последнего. КН преодолевается самим адресатом уже в реплике-выявлении (2) и не требует устранения со стороны журналиста, который продолжает интервью новым вопросом в рамках обозначенной темы. Такие базовые диалогические последовательности можно считать *неполными* или *комбинированными*, состоящими только из двух структурных элементов: реплика-источник и реплика-выявление, устраняющая КН.

4. Тактика настаивания реализуется через повторный вопрос, на который ранее не последовал ответ адресата; через наводящий во-

прос, содержащий предполагаемый вариант ответа; через прямую или косвенную просьбу дать ответ.

Тактика настаивания применяется в тех случаях, когда наблюдается явное несоответствие между коммуникативным намерением интервьюера и собеседника: журналист намеревается получить развернутый ответ, а собеседник не желает вдаваться в подробности, дает уклончивый или ироничный ответ. Самым распространенным способом повлиять на адресата, чтобы все-таки получить желаемую информацию является повторный вопрос, который задается с частичным изменением контекста. В данном случае речь идет о вариативном повторе, который понимается как «видоизменение контекста при его повторном употреблении» [11, с. 115]. Цель вариативного повтора – снять возможные трудности в понимании и «разговорить» собеседника. Помимо повторного вопроса тактика настаивания также реализуется через наводящий вопрос или косвенную просьбу дать ответ. Рассмотрим примеры:

V. (1) SPIEGEL ONLINE: Sie haben sich auf die Spur Ihrer Lieblingsmarken begeben, *die Marken aber nicht genannt. Warum nicht?*

(2) Müller-Hellmann: *Das ist ein kniffliges Thema...*

(3) SPIEGEL ONLINE: *...weil der Anwalt ihres Verlags davon abgeraten hat?*

(4) Müller-Hellmann: Wir haben in der Tat darum gerungen, welche Namen wir rausnehmen und welche drinbleiben. Jetzt ist es ein Kompromiss: Die Namen der Kleidungsstücke und der Menschen sind drin, in zwei Kapiteln sind die Markennamen geblieben, aber die anderen Markennamen sind raus [IMH].

VI. (1) NOZ: Es gibt viele Frauen, die sich eigentlich nicht so sehr für Sport interessieren, aber einschalten, wenn Sie moderieren. *Haben Sie was von Schwiegermutter's Liebling?*

(2) Bommes: *Das hat ja einen Beigeschmack – als wenn Sie jetzt „Allzweckwaffe“ zu mir sagen würden. Mit den beiden Begriffen musste sich Jörg Pilawa auch immer auseinandersetzen. Da hat man das Gefühl, man bekäme ein Stückchen Coolness und Männlichkeit abgesprochen.*

(3) NOZ: *Sind Sie nun Schwiegermutter's Liebling, oder sind Sie es nicht?*

(4) Bommes: (lacht) Ich habe überhaupt kein Problem damit, wenn Frauen es gut finden, was ich im Fernsehen mache. Ganz im Gegenteil. Und wenn diese Frauen Schwiegermütter sind, ist es auch in Ordnung. <...>.

(5) NOZ: Bei Ihrer eigenen Schwiegermutter dürften Sie auf jeden Fall einen Stein im Brett haben – Ihre Freundin Julia Westlake hat letzten Monat ihren zweiten Sohn zur Welt gebracht.

(6) Bommes: Das haben wir alles gut hinbekommen – ich glaube, damit ist sie ganz zufrieden [AB].

Пример (V) является отрывком из интервью с немецкой писательницей И. Мюллер-Хельманн на тему моды и производства текстиля в странах Азии, которую она описывает в своей новой книге. Журналист интересуется, почему героиня интервью не назвала в книге свои любимые фабричные марки вещей (1). Собеседник пытается уйти от ответа, ссылаясь на то, что это довольно «щекотливая» тема («ein kniffliges Thema») (2). Журналист, однако, желает знать конкретную причину и предлагает свое объяснение в наводящем вопросе (3). В последующей реплике (4) адресат игнорирует предположение журналиста, но дает аргументированный ответ на его первый вопрос.

Отрывок интервью (VI) с немецким ведущим спортивных телепрограмм А. Боммесом посвящен теме спорта и работе на телевидении. В первой реплике (1) журналист желает знать, характерно ли для героя интервью быть «любимчиком тещи» («Schwiegermutter's Liebling»), обосновывая свой вопрос тем, что его собеседник пользуется популярностью на телевидении даже у женщин, не интересующихся спортом. Адресат не дает прямой ответ, а выражает лишь свое отношение к вопросу такого рода (2), полагая, что Ёрг Пилава лучше бы справился с этим понятием. Журналист не удовлетворен таким ответом и повторяет свой вопрос, формулируя его в альтернативной форме (3). Собеседник снова не дает прямой ответ, отшучивается, однако косвенно подтверждает, что, если среди его зрительской аудитории есть и тещи, то все в порядке (4). В последующей реплике журналист плавно переходит уже к теме «личной жизни» собеседника.

Как видно из данных примеров, коммуникативное намерение журналиста реализуется не сразу, однако с помощью тактики настаивания он добивается желаемого ответа собеседника, преодолевая возникшее недопонимание.

Заключение

1. Проведенное исследование текстов немецких портретных интервью показало, что КН, обусловленные не(до)пониманием конкретного высказывания (его семантического и прагматического плана), могут обнаруживаться как в перспективе журналиста, так и в перспективе собеседника. Различия в фоновых знаниях, лингвистической и коммуникативной компетенции, а также психологические различия между говорящим и адресатом (например, его стремление уйти от ответа) являются основными причинами возникновения КН и становятся теми факторами, которые напрямую определяют выбор соответствующего вербального способа их устранения.

2. Диалогические последовательности с КН в интервью-портрете по своей структуре могут быть прямыми и обратными, а также полными и комбинированными, в зависимости от того, кому принадлежит ведущая роль в устранении возникшей КН – журналисту или собеседнику.

3. Для преодоления КН в интервью-портрете наиболее эффективными оказываются четыре коммуникативных тактики, представленные определенными вербальными способами своего выражения. Тактики разъяснения, перефразирования и уточнения активно используются не только журналистом, но и собеседником, поскольку смысловое непонимание может наблюдаться со стороны обоих участников диалогического общения. При использовании тактики настаивания приоритет всегда остается за журналистом. Способы преодоления КН помогают устранить непонимание на проблемном участке интервью, создавая лишь временное препятствие в развитии темы, и способствуют дальнейшему успешному коммуникативному взаимодействию его участников.

Список литературы

1. Айтенова И.К., Балобанова Л.А. Речевое поведение радиоведущего в ситуациях коммуникативного дискомфорта (на примере программ информационно-развлекательного вещания) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2016. № 5 (43). С. 5-23. <https://doi.org/10.17223/19986645/43/1>
2. Бугрова С.Е. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 24 с.
3. Голетиани Л. Коммуникативная неудача в диалоге: на материале русского и украинского языков. Мюнхен: Otto Sagner Verlag, 2003. 412 с.
4. Городецкий Б.Ю., Кобозева, И.М., Сабурова, И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 64-78.
5. Емельянова О.В. Коммуникативные неудачи при идентификации референта // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка): сб. статей / отв. ред. В. В. Бурлаков. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 97-114.
6. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30-64.
7. Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В. Коммуникативные неудачи в интервью-портрете (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2019. № 4 (426). Вып. 116. С. 80-89. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10411>
8. Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М.: Диалог – МГУ, 1998. 173 с.
9. Курьян М.Л. Средства оптимизации процесса межличностной коммуникации в англоязычном языковом пространстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 24 с.
10. Ларина Т.В. Коммуникативные неудачи в русско-английском диалоге // Конфликт в языке и коммуникации: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2011. С. 366-379.

11. Маркова В.А. Вариативный повтор как средство преодоления коммуникативной неудачи в устной диалогической речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 114-118.
12. Мартынова Е.М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: Дис. ...канд. филол. наук. Орел, 2000. 229 с.
13. Мачина О.А. Коммуникативный сбой как следствие транспонирования прагматических типов предложения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 27. С. 216-226.
14. Плотникова О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 23 с.
15. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.
16. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003, 36 с.
17. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия Гуманитарные науки (Филология). 2005. Вып. 3. С. 96-100.
18. Яшина Н.В. Коммуникативные неудачи в телеинтервью (на материале американского варианта английского языка) // Верхневолжский филологический вестник. 2017. №2. С. 66-70.
19. Humphreys-Jones C. The structure of misunderstandings // Communication Failure in Dialogue and Discourse. Amsterdam, New York, Oxford, 1987, pp. 25-33.
20. Wright G. H. Erklären und Verstehen. Frankfurt/M, 1991. 197 S.

Источники

AB – Alexander Bommers im Interview [Электронный ресурс]. URL: [https://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/1332/2206-wojo-08-bommers# gallery&0&1332](https://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/1332/2206-wojo-08-bommers#gallery&0&1332) (дата обращения: 10.06.2021).

FK – Fritz Karl im Interview [Электронный ресурс]. URL: http://www.noz.de/deutschland-und-welt/kultur/fernsehen/524193_38/fritz-karl-ueber-seinen-speziellen-humor-wiener-saengerknaben-und-fliegenfischer (дата обращения: 28.06.2021).

IMH – Imke Müller-Hellmann im Interview [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/stil/leute-machen-kleider-von-imke-mueller-hellmann-fast-fashion-und-ihre-folgen-a-1182965.html> (дата обращения: 10.06.2021).

SC – Interview mit Sänger Campino [Электронный ресурс]. URL: http://www.focus.de/kultur/musik/tid-25970/interview-mit-saenger-campino-ich-brauchte-die-exzesse-und-den-kontrollverlust_aid_759804.html (дата обращения: 15.05.2021).

TL – Til Schweiger im Interview [Электронный ресурс]. URL: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-21168/til-schweiger-ich-wuerde-keinen-kindermoerder-spielen_aid_595359.html (дата обращения: 25.06.2021).

WH – Werner Herzog im Interview [Электронный ресурс]. URL: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-29154/werner-herzog-ich-bin-gut-wenn-es-unge-muetliche-leute-braucht-es-ist-immer-einfach-mit-wirklich-professionellen-leuten-zu-arbeiten_aid_903368.html (дата обращения: 25.06.2021).

References

1. Aitenova I.K., Balobanova L.A. Rechevoe povedenie radiovedushchego v situatsiyakh kommunikativnogo diskomforta (na primere program informatsionno-razvlekatelnogo veshchaniya) [Speech behavior of a radio host in situations of communicative discomfort (on the example of information and entertainment broadcasting programs)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], 2016, no. 5 (43), pp. 5-23. <https://doi.org/10.17223/19986645/43/1>
2. Bugrova S.E. *Kommunikativnye neudachi i sposoby ikh preodoleniya v neofitsialnom angloyazychnom obshchenii* [Communicative failures and ways to overcome them in informal English-speaking communication]. Abstract of PhD dissertation. Nizhniy Novgorod, 2013, 24 p.

3. Goletiani L. *Kommunikativnaya neudacha v dialoge: na materiale russkogo i ukrainskogo yazykov* [Communicative failure in a dialogue: on the material of the Russian and Ukrainian languages]. Munich: Otto Sagner Publ., 2003, 412 p.
4. Gorodetskiy B.Y., Kobozeva I.M., Saburova I.G. K tipologii kommunikativnykh neudach [To the typology of communicative failures]. *Dialogovoe vzaimodejstvie i predstavlenie znaniy* [Dialog interaction and knowledge representation]. Collection of articles, Novosibirsk, 1985, pp. 64-78.
5. Emelyanova O.V. Kommunikativnye neudachi pri identifikatsii referenta [Communicative failures in the identification of a referent]. *Trekhkhaspektost' grammatiki (na materiale anglijskogo yazyka)* [Three-aspect ratio grammar (in the English language)]. Collection of articles, ed. by V.V. Burlakov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1992, pp. 97-114.
6. Ermakova O.H., Zemskaya E.A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [To the construction of the typology of communicative failures (based on the material of the Natural Russian dialogue)]. *Russkij yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt* [Russian language in its functioning: Communicative and pragmatic aspect]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 30-64.
7. Ionkina E.Yu., Tikhaeva V.V. Kommunikativnye neudachi v interv'yu-portrete (na materiale nemetskogo yazyka) [Communicative failures in a portrait interview (based on the material of the German language)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philological sciences], 2019, no. 4 (426), pp. 80-89. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10411>
8. Kukushkina O.V. *Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pis'mennykh tekstakh* [The main types of speech failures in Russian written texts]. Moscow: Dialog-MSU Publ., 1998, 173 p.
9. Kuryan M.L. *Sredstva optimizatsii protsessa mezhlichnostnoj kommunikatsii v angloyazychnom yazykovom prostranstve* [Means of optimization of the process of interpersonal communication in the anglophone linguistic space].

- ing the process of interpersonal communication in the English-speaking language space]. Abstract of PhD dissertation. Nizhniy Novgorod, 2006, 24 p.
10. Larina T.V. Kommunikativnye neudachi v russko-anglijskom dialoge [Communicative failures in the Russian-English dialogue]. *Konflikt v yazyke i kommunikatsii* [Conflict in the language and communication]. Collection of articles, ed. by L.L. Fejdorov. Moscow, RSUH, 2011, pp. 366-379.
 11. Markova V.A. Variativnyj povtor kak sredstvo preodoleniya kommunikativnoj neudachi v ustnoj dialogicheskoy rechi [Variative repetition as a means of overcoming communicative failure in oral dialogic speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2016, no. 5 (59), pp. 114-118.
 12. Martynova E.M. *Tipologiya yavlenij kommunikativnogo diskomforta v situatsiyakh dialoga* [Typology of the phenomena of communicative discomfort in dialogue situations]. PhD dissertation. Orel, 2000, 229 p.
 13. Machina O.A. Kommunikativnyj sboj kak sledstvie transponirovaniya pragmaticheskikh tipov predlozheniya [Communicative failure as a consequence of the transposition of pragmatic types of sentences]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2010, no. 27, pp. 216-226.
 14. Plotnikova O.A. *Strategii kontrolya dialogicheskogo vzaimodejstviya v interv'yu* [Strategies for controlling dialogic interaction in an interview]. Abstract of PhD dissertation. Omsk, 2007, 23 p.
 15. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Introduction into the speech influence]. Voronezh: Voronezh Publ., 2001, 227 p.
 16. Tretyakova V.S. *Rechevoj konflikt i garmonizatsiya obshcheniya* [Speech conflict and harmonization of communication]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2003, 36 p.
 17. Chernyak V.D. «Zony riska» v leksikone yazykovoj lichnosti: k osnovaniyam kommunikativnykh neudach [“Risk zones” in the lexicon of a linguistic personality: on the grounds of communicative failures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*.

- Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. The Humanities (Philology) series], 2005, no. 3. pp. 96-100.
18. Yashina N.V. Kommunikativnye neudachi v teleintervjyu (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo yazyka) [Communicative failures in TV interviews (based on the material of the American version of the English language)]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verkhnevolzhsk Philological Bulletin], 2017, no. 2, pp. 66-70.
19. Humphreys-Jones K. The structure of misunderstanding. In: G. Ronan (Ed.), *Communicative failures in dialogue and discourse*. Amsterdam, New York, Oxford, 1987, pp. 25-33.
20. Wright G.H. Erklären and Verstehen. Frankfurt/M., 1991, 197 S.

Sources

AB – Alexander Bommers im Interview. URL: <https://www.noz.de/deutschland-welt/medien/artikel/1332/2206-wojo-08-bommers#gallery&0&0&1332> (accessed 10.06.2021). (In German).

FK – Fritz Karl im Interview. URL: <http://www.noz.de/deutschland-und-welt/kultur/fernsehen/52419338/fritz-karl-ueber-seinen-speziellen-humor-wie-ner-saengerknaben-und-fliegenfischer> (accessed 28.06.2021). (In German).

IMH – Imke Müller-Hellmann im Interview. URL: <http://www.spiegel.de/stil/leute-machen-kleider-von-imke-mueller-hellmann-fast-fashion-und-ihre-folgen-a-1182965.html> (accessed 10.06.2021). (In German).

SC – Interview mit Sänger Campino. URL: http://www.focus.de/kultur/musik/tid-25970/interview-mit-saenger-campino-ich-brauchte-die-exzesse-und-den-kontrollverlust_aid_759804.html (accessed 15.05.2021). (In German).

TL – Til Schweiger im Interview. URL: http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-21168/til-schweiger-ich-wuerde-keinen-kindermoerder-spielen_aid_595359.html (accessed 25.06.2021). (In German).

WH – Werner Herzog im Interview. URL: <http://www.focus.de/panorama/welt/best-of-playboy/interview/tid-29154/werner-herzog-ich-bin-gut-wenn-es-unge-muetliche-leute-braucht-es-ist-immer-ein->

fach-mit-wirklich-professionellen-leuten-zu-arbeiten_aid_903368.html
(accessed 25.06.2021). (In German).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ионкина Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический
университет»*
*ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация*
katya_dzhandalie@mail.ru

Тихаева Виктория Викторовна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический
университет»*
*ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация*
tilsitka@yandex.ru

Бганцева Ирина Владимировна, доктор педагогических наук,
профессор кафедры «Иностранные языки»
*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический
университет»*
*ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация*
irina07085@rambler.ru

Тисленкова Ирина Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический
университет»*
*ул. проспект имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005,
Российская Федерация*
tislenkova@bk.ru

DATA ABOUT THE ATHOURS

Ekaterina Yu. Ionkina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor,
Department of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Fe-
deration
katya_dzhandalie@mail.ru
ORCID 0000-0001-5667-5881

Viktoria V. Tikhaeva, Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, De-
partment of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Fe-
deration
tilsitka@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3338-8422

Irina V. Bgantseva, Doc. Sci. (Pedagogy), Professor, Department of
Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Fe-
deration
irina07085@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5128-8858

Irina A. Tislenkova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, De-
partment of Foreign Languages
Volgograd State Technical University
28, prospekt imeni V.I. Lenina, Volgograd, 400005, Russian Fe-
deration
tislenkova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-7202-2773

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-331-343

УДК 811.111-26

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ ГОВОРЯЩИМИ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Тисленков Г.М.

Статья посвящена анализу особенностей функционирования местоимений в устной спонтанной речи людей, страдающих антисоциальным расстройством личности.

Цель исследования состоит в социолингвистическом анализе местоимений из высказываний больных, участвующих во врачебном психиатрическом интервью.

Методы исследования включают компонентный, семиотический и социолингвистический анализ элементов речи.

***Результаты.** Анализ ситуаций употребления местоимений позволил сформулировать вывод о том, что особенности использования местоимений соотносятся с характерными психологическими признаками антисоциального расстройства личности. Подлежащее, выраженное местоимением I в абсолютном большинстве предложений, и местоимение «you» в значении «я» соответствуют диагностическому критерию нарциссизма. Местоимения «he» she, полностью замещающие слова «отец», «мать», «муж», «жена» отражают неспособность формировать привязанности и поддерживать отношения, отрицание авторитетов, безэмоциональность. Местоимение they соотносится с антисоциальностью и агрессией, в то время как неопределенные местоимения или отсутствие местоимений-подлежащих, используемых для оправдания конфликта с обществом, говорит о безответственности и неспособности извлекать уроки из отрицательного опыта.*

Область применения результатов. Полученные в процессе исследования данные могут быть использованы в качестве дополнительного объективного диагностического критерия антисоциального расстройства личности при проведении судебно-психиатрической экспертизы и психиатрического освидетельствования посредством телемедицинских технологий.

Ключевые слова: местоимение; речь больного с антисоциальным расстройством личности; языковая личность; семантико-стилистические функции; речевой стереотип

THE USE OF PRONOUNS BY THE SPEAKERS WITH ANTISOCIAL PERSONALITY DISORDER (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Tislenkov G.M.

The article is devoted to the analysis of the peculiarities in the functioning of pronouns in oral spontaneous speech of the people suffering from antisocial personality disorder.

*The **aim** of the study is a sociolinguistic analysis of pronouns from the statements of the patients participating in a medical psychiatric interview, and description of their functions.*

*The research **methods** include component, semiotic and sociolinguistic analysis of speech elements.*

Results. *The use of pronouns allowed us to formulate a conclusion that the use of pronouns correlates with the characteristic psychological features typical to antisocial personality disorder. The subject expressed by the pronoun I in the absolute majority of the sentences and the use of pronoun you in the meaning of I meet the diagnostic criterion of narcissism. Pronouns he and she that completely replace the words father, mother, husband, wife, reflect the inability to form attachments and maintain relationships, denial of authority and lack of emotion. Pronoun they correlates with antisociality and aggression, while indefinite pronouns or the absence of subject pronouns used to justify conflict with*

society indicates irresponsibility and inability to draw conclusions from negative experience.

Practical implications. *The data obtained in the course of the study can be used as a supplementary objective diagnostic criterion for antisocial personality disorder when conducting a forensic psychiatric examination and psychiatric examination through telemedicine technologies.*

Keywords: *pronoun; speech of a patient with antisocial personality disorder; linguistic personality; semantic and stylistic functions; speech stereotype*

Введение

Речь человека, страдающего расстройством личности, отличается от речи здорового коммуниканта спецификой выбора и употребления языковых единиц. По мнению исследователей, психическое состояние и имеющийся жизненный опыт определяют свойства речи, достоверно отражают внутренний мир говорящего [1; 2; 3]. В связи с этим то, как личность использует местоимения, может не только многое рассказать о системе ценностей, но и служить показателем наличия психического нездоровья, а именно антисоциального расстройства личности (АРЛ).

АРЛ – это личностное расстройство, при котором человек не способен формировать привязанности, агрессивен к людям и животным, постоянно нарушает законы, игнорирует общественные нормы [5; 6]. Данное расстройство определяется врачебным консилиумом во время психиатрического интервью путем беседы с больным, анализа его ответов, анамнеза и поступков, после чего субъективные мнения врачей сопоставляются, и выносится диагноз [1; 3; 4]. Получаемые данные подкрепляются малоинформативными методами общесоматического обследования (лабораторными анализами крови, мочи и т.п.) [5]. Дополнительно объективировать диагноз, на наш взгляд, возможно с помощью автоматизированной идентификации речевых стереотипов, соотносимых с симптомами расстройства посредством системы искусственного интеллекта.

Анализ отечественной научной литературы показал отсутствие исследований характеристик речи больных с рассматриваемым личностным расстройством. Зарубежные ученые J. Hancock

(2012), С. Carpenter (2012), Y. Bachrach (2012), С. Sumner (2012), М. Kosinski (2013), S. Davenport (2014) занимаются изучением проявления манипулятивных установок личности психопатов в текстах коротких СМС-сообщений. Данные положения определяют новизну и актуальность работы.

Объектом настоящего исследования является речь говорящих, страдающих антисоциальным расстройством личности.

Цель работы состоит в установлении связи между симптомами заболевания и употребляемыми в речи местоимениями, их социолингвистическом анализе, описании их функций.

Задачи работы включают:

1. выявление контекстов использования местоимений, их соотнесение с типичными психологическими особенностями антисоциального расстройства личности в устной речи больных, участвующих во врачебном психиатрическом интервью;
2. социолингвистический анализ употребления местоимений;
3. обобщение результатов работы.

Материалы и методы

Цели и задачи исследования обусловили применение метода компонентного, социолингвистического и семиотического анализа элементов речи.

Материалом для исследования послужили шесть видеointервью суммарным объемом 160 минут, в которых коммуниканты с АРЛ (мужчины и женщины 19-27 лет, что соответствует возрасту максимального проявления заболевания), отвечают на вопросы врачей психиатров, касающихся четырех основных проявлений данного расстройства: нарциссизма, беспорядочного образа жизни, межличностных манипуляций и противоправных тенденций.

Результаты и обсуждение

Местоимение I

Говорящий с антисоциальным расстройством личности, отвечая на любой вопрос, рассказывает исключительно о себе.

Таблица 1.

Количество предложений, в которых подлежащее выражено местоимением I л. ед. ч. по отношению к общему объему высказывания говорящих

№ Интервью	Общее количество предложений в высказывании говорящего	Количество предложений, в которых подлежащее выражено местоимением I	Количество предложений, в которых подлежащее выражено другим местоимением или частью речи
Интервью 1 [11]	150	143	7
Интервью 2 [12]	200	192	8
Интервью 3 [13]	50	48	2
Интервью 4 [16]	65	62	3
Интервью 5 [18]	130	125	5
Интервью 6 [22]	135	129	6

Преобладающая часть утверждений (96%) в интервью 1-6 имеют подлежащее *I*, что свидетельствует о высшей степени эгоизма:

1. Doctor: *How would you characterize life before treatment?*

Patient: *I was able to outsmart a lot of my teachers. I was smart a lot. If I had something I wanna get then I was gonna do my best to get it* [11].

2. Doctor: *What are your other diagnoses?*

Patient: *When I found myself in prison I was also diagnosed with antisexual personality disorder* [12].

3. Doctor: *Your husband has left. Why?*

Patient: *I don't know. I didn't see him. I didn't ask him* [18].

Поглощенность собой свидетельствует о дисгармонии с социумом [6; 7]. Говорящий не стремится установить близкие и прочные контакты с другими людьми. Также, он не ищет у них одобрения для подтверждения своей ценности и не ожидает хорошего отношения к себе, как это делают коммуниканты, страдающие нарциссическим расстройством личности [6].

Местоимение *I* говорит о характерном себялюбии в межличностных отношениях с заботой в первую очередь о себе, об удовлетворении своих нужд с использованием манипулятивного стиля общения [4].

Местоимение *you*

Местоимение *you* также используется в значении *I*:

*Fear motivates **you** to do things that need to be done but **you** just don't do them* [12].

*To be strange is a bit interesting because **you** are kind of able to exist on the fringe and kind of like **you**'re on the other side of that window pane* [11].

Эти примеры говорят о том, что личность с АРЛ имеет чрезмерную самооценку, чувствует собственное превосходство над окружающими и постоянно акцентирует грань между внешним миром и «я» [8].

Местоимения *he* и *she*

Коммуниканты не испытывают потребности в теплых отношениях с близкими, любви и принятии. Они избегают слов *mother*, *father*, *friend* и заменяют их на местоимения *she*, *he*:

*After I got married, I didn't remember **his** name* (о муже) [18];

*I don't know what to say about **her*** (о матери) [16];

*Because of **her** being extremely obese I have come to look down upon anybody that is excessively overweight* [13].

Родители и друзья осуждают умышленное нарушение их прав, о чем открыто говорят коммуниканту с АРЛ, что приводит к их игнорированию и конфликтам [7].

Местоимение *they*

Себя негативная личность противопоставляет «враждебному» социуму, отвергающему их.

*I didn't like **them**. **They** seemed narrow-minded, square. **They** are just like in the darkness* (о соседях) [22].

*I don't care a little bit about what **they** think about me* [12].

Соседи и люди, с которыми говорящему приходится вступать в контакт, воспринимаются обезличенными, но потенциально настроенными против него индивидами [9]. Местоимение *they* отражает также постоянное недоверие к окружающим.

Неупотребление местоимений

I was beaten, threshed, kicked; the knife came into contact with me one time so I was taken to hospital [13].

Нередко говорящий с АРЛ и вовсе не использует местоимения, перестраивая предложение в пассивный залог. Пассивный залог

обычно употребляется, когда исполнитель действия несуществен. Это еще один способ вербального оправдания обстоятельств, толкнувших коммуниканта на то или иное противоправное деяние.

С другой стороны, отсутствие подлежащего, выраженного местоимением, указывает на отрицание какого-либо авторитета или собственной ответственности за происходящее.

Неопределенные местоимения

Коммуниканты, страдающие АРЛ, склонны обвинять других или давать правдоподобные объяснения своему поведению, приводящему их к противостоянию с обществом [10].

*I'm not different. **Everyone** else is different* [11].

*If I did something wrong **nobody** bothered to ask me why I did it* [13].

Они прямо перекладывают вину за свои правонарушения, такие как кражи, драки, преследование людей, порчу имущества на само общество [6].

Everybody does things that are self-serving. So it's not inherently a bad thing [11].

С помощью неопределенных местоимений говорящий подчеркивает свое право на разгульный образ жизни, мошенничество и манипулирование людьми ради обогащения, развлечения, половой близости и власти.

Заключение

Таким образом, особенности употребления местоимений напрямую связаны с проявлениями антисоциального расстройства личности и представляют собой речевые стереотипы, соотносящиеся с типичными психологическими особенностями данного состояния:

- местоимение *I*, которое является подлежащим в 96% предложений от всего объема высказываний, и местоимение *you* в значении «я» отражают охваченность собственными интересами и соответствуют диагностическому критерию нарциссизма;
- местоимения *he* и *she*, позволяющие не употреблять слова *father, mother, husband, wife* отражают критерии неспособно-

сти формировать привязанности и поддерживать отношения, отрицание авторитетов, эмоциональную холодность;

- местоимение *they* соотносится с антисоциальностью и агрессией;
- употребление неопределенных местоимений для оправдания своего конфликта с обществом говорит о привычке обвинять окружающих;
- неупотребление местоимений соотносится с безответственностью и неспособностью извлекать уроки из негативного опыта.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. Нарративная идентичность: на пути к кибернетической личности // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2012. Вып. 1-2. С. 110-123.
2. Горелов И.Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. М.: Лабиринт. 2003. 320 с.
3. Зайцева Ю.Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических я-нарративах // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 3.
4. Костенко А.Л., Шамсутдинова Д.Ф., Линевич В.Л. Разработка и валидизация методики диагностики специфических личностных расстройств у молодежи // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, №3. С. 865-868.
5. Меринов А.В., Шустов Д.И., Петров Д.С., Шитов Е.А. Расстройства личности зрелого возраста: методические указания для студентов по дисциплине «Психиатрия». ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России. Рязань: РИО РязГМУ. 2013. 31 с.
6. МКБ 10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. <https://mkb-10.com/index.php?pid=4328> (дата обращения 02.08.2021)
7. Парфенова Т.А. Возникновение социопатических тенденций молодежи в период социальных катаклизмов // Управление в современных системах. 2015. № 3(7). С. 59-62.

8. Семенов В.Н. Вариативность проявления психологических свойств в структуре диссоциального расстройства личности как условие его клинической неоднородности // Материалы конференции студентов и молодых ученых, посвященной памяти профессора А.А. Туревского, 17-18 апр. 2014 г., Гродно. 2014. С. 424.
9. Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г. Антисоциальное расстройство личности у подростков и юношей: методология и диагностика // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 1. С. 49-62.
10. Сыроквашина К.В. Антисоциальное расстройство личности у подростков с делинквентным поведением (обзор зарубежной литературы) // Психология и право. 2013. Т. 3, № 4. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66208.shtml> (дата обращения: 02.08.2021)
11. An Interview with a Sociopath (Antisocial Personality Disorder and Bipolar). https://www.youtube.com/watch?v=bdPMUX8_8Ms (дата обращения: 03.08.2021)
12. An interview with a Sociopath - Antisocial Personality Disorder (ASPD) with Autism Spectrum Disorder. <https://www.youtube.com/watch?v=LvZtiM3YO1w> (дата обращения: 03.08.2021)
13. Antisocial personality (Psychopath) Psychiatric Interview from 1960s. https://www.youtube.com/watch?v=0QbwuF_IcDc (дата обращения: 04.08.2021)
14. Bachrach Y., Kosinski M., Graepel T., Kohli P., & Stillwell D. Personality and patterns of Facebook usage // Proceedings of Web Science '12. 2012. Evanston, IL: ACM, pp. 24-32.
15. Carpenter C.J. Narcissism on Facebook: Self-promotional and anti-social behavior // Personality and Individual Differences. 2012. № 52(4), pp. 482-486.
16. Counseling Assessment Vignette – Client with Features of Antisocial Personality Disorder. <https://www.youtube.com/watch?v=L1vlu-Z9uHMY> (дата обращения: 05.08.2021)
17. Davenport S., Bergman S.M., Bergman J.Z., & Fearing M.E. Twitter versus Facebook: Exploring the role of narcissism in the motives and usage of different social media platforms // Computers in Human Behavior. 2014. № 32, pp. 212-220.

18. Female Antisocial Personality Disorder Psychiatric Interview No. 1 Evaluation. <https://www.youtube.com/watch?v=WuCSOkCIRvw> (дата обращения: 01.08.2021)
19. Hancock J.T., Woodworth M., & Porter S. Hungry like the wolf: A word pattern analysis of the language of psychopaths // *Legal and Criminological Psychology*. 2013. № 18 (1), pp. 102-114.
20. Kosinski M., Stillwell D., & Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // *Proceedings of the National Academy of Science*. 2013. № 110 (15), pp. 5802-5805.
21. Sumner C., Byers A., Boochever R., & Park G.J. Predicting dark triad personality traits from twitter usage and a linguistic analysis of tweets // *Machine learning and applications 2012. 11th international conference*. 2012. Vol. 2, pp. 386-393.
22. The Disordered Mind: Psychopath Antisocial Personality Disorder Real Patient Interview. https://www.youtube.com/watch?v=o6_SGOYOI2c (дата обращения: 03.08.2021)

References

1. Anufrieva K.V. Narrativnaja identichnost': na puti k kiberneticheskoj lichnosti [Narrative identity: On the way to a cybernetic personality]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»* [TVSU Bulletin. Series "Philosophy"], 2012, vol. 1-2, pp. 110-123.
2. Gorelov I.N. *Problema funktsional'nogo bazisa rechi v ontogeneze* [The problem of the functional basis of speech in ontogenesis]. Moscow: Labirint, 2003, 320 p.
3. Zaytseva Yu.E. Strategii i stili konstruirovaniya identichnosti v avtobiograficheskikh ja-narrativah [Strategies and styles of identity construction in autobiographical self-narratives]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2017, vol. 10(52), pp. 3.
4. Kostenko A.L., Shamsutdinova D.F., Linevich V.L. Razrabotka i validizacija metodiki diagnostiki specificheskikh lichnostnykh rasstrojstv u molodezhi [Development and validation of methods for diagnosing specific personality disorders in young people]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bashkir University Bulletin], 2010, vol. 15(3), pp. 865-868.

5. Merinov A.V., Shustov D.I., Petrov D.S., Shitov E.A. *Rasstroystva lichnosti zrelogo vozrasta: metodicheskie ukazaniya dlya studentov po distsipline «Psikhiatriya»* [Personality disorders of mature age: methodological guidelines for students in the discipline “Psychiatry”]. GBOU VPO Ryazan State Medical University of the Ministry of Health of Russia. Ryazan: RIO Ryazan State Medical University, 2013, 31 p.
6. MKB 10 – *Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney 10-go peresmotra* [ICD 10 – International Classification of Diseases of the 10th revision]. <https://mkb-10.com/index.php?pid=4328> (accessed 02.08.2021)
7. Parfenova T.A. Vozniknovenie sociopaticheskikh tendencij molodezhi v period social'nyh kataklizmov [The emergence of sociopathic tendencies of young people in the period of social cataclysms]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in modern systems], 2015, no. 3(7), pp. 59-62.
8. Semenov V.N. Variativnost' projavlenija psihologicheskikh svojstv v strukture dissocial'nogo rasstrojstva lichnosti kak uslovie ego klinicheskoy neodnorodnosti [Variability of the manifestation of psychological properties in the structure of a dissocial personality disorder as a condition of its clinical heterogeneity]. *Materialy konferentsii studentov i molodykh uchenykh, posvyashchennoy pamyati professora A. A. Turevskogo, 17-18 apr* [Materials of the conference of students and young scientists dedicated to the memory of Professor A.A. Turevsky, 17-18 Apr]. 2014. Grodno, 2014, pp. 424.
9. Syrovkashina K.V., Dozortseva E.G. Antisocial'noe rasstrojstvo lichnosti u podrostkov i junoshej: metodologiya i diagnostika [Antisocial personality disorder in adolescents and young men: methodology and diagnosis]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2020, vol. 28(1), pp. 49-62.
10. Syrovkashina K.V. Antisocial'noe rasstrojstvo lichnosti u podrostkov s delinkventnym povedeniem (obzor zarubezhnoj literatury) [Antisocial personality disorder in adolescents with delinquent behavior (foreign literature review)]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2013, vol. 3(4). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66208.shtml> (accessed 02.08.2021).

11. An Interview with a Sociopath (Antisocial Personality Disorder and Bipolar). https://www.youtube.com/watch?v=bdPMUX8_8Ms (accessed 03.08.2021)
12. An interview with a Sociopath - Antisocial Personality Disorder (ASPD) with Autism Spectrum Disorder. <https://www.youtube.com/watch?v=LvZtiM3YO1w> (accessed 03.08.2021)
13. Antisocial personality (Psychopath) Psychiatric Interview from 1960s. https://www.youtube.com/watch?v=0QbwuF_IcDc (accessed 04.08.2021)
14. Bachrach, Y., Kosinski, M., Graepel, T., Kohli, P., & Stillwell, D. Personality and patterns of Facebook usage. *Proceedings of Web Science '12*. 2012. Evanston, IL: ACM, pp. 24-32.
15. Carpenter C.J. Narcissism on Facebook: Self-promotional and anti-social behavior. *Personality and Individual Differences*, 2012, no. 52(4), pp. 482-486.
16. Counseling Assessment Vignette – Client with Features of Antisocial Personality Disorder. <https://www.youtube.com/watch?v=L1vlvU-Z9uHMY> (accessed 05.08.2021)
17. Davenport S., Bergman S.M., Bergman J.Z., & Fearing M.E. Twitter versus Facebook: Exploring the role of narcissism in the motives and usage of different social media platforms. *Computers in Human Behavior*, 2014, no. 32, pp. 212-220.
18. Female Antisocial Personality Disorder Psychiatric Interview No. 1 Evaluation. <https://www.youtube.com/watch?v=WuCSOkCIRvw> (accessed 01.08.2021)
19. Hancock J.T., Woodworth M., & Porter S. Hungry like the wolf: A word pattern analysis of the language of psychopaths. *Legal and Criminological Psychology*. 2013, no. 18(1), pp. 102-114.
20. Kosinski M., Stillwell D., & Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Science*, 2013, no. 110 (15), pp. 5802-5805.
21. Sumner C., Byers A., Boochever R., & Park G. J. Predicting dark triad personality traits from twitter usage and a linguistic analysis of tweets. *Machine learning and applications 2012. 11th international conference*, 2012, vol. 2, pp. 386-393.

22. The Disordered Mind: Psychopath Antisocial Personality Disorder Real Patient Interview. https://www.youtube.com/watch?v=o6_SGOYOI2c (accessed 03.08.2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тисленков Георгий Михайлович, студент Института иностранных языков

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

пр. им. В.И. Ленина, 27, г. Волгоград, Волгоградская область, 400005, Российская Федерация

georgytislenkov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Georgiy M. Tislenkov, Student of the Institute of Foreign Languages

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27, pr. im. V.I. Lenina, Volgograd, Volgograd region, 400005, Russian Federation

georgytislenkov@yandex.ru

SPIN-code: 5790-4573

ORCID: 0000-0002-7122-4859

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-344-372

УДК 811.161.1

МЕТАФОРА КАК КРЕАТИВНЫЙ АТТРАКТОР В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е.

Обоснование. *Статья посвящена исследованию потенциала метафорических креативных аттракторов в рекламном туристическом нарративе. Значение работы обусловлено ее соотносительностью с современными лингвистическими исследованиями, направленными на описание фрагментов языковой картины мира, в которой важное место занимает метафорическая составляющая. Фрагментарность изученности вопросов языкового наполнения креативного аттрактора в текстах разного типа, его качеств и функционально-прагматических характеристик актуализируют проблему данного исследования.*

Цель. *Установление и описание текстообразующего потенциала метафорических креативных аттракторов в рекламном туристическом нарративе.*

Материалы и методы. *В качестве материала для исследования использовались тексты рекламного туристического нарратива сети Интернет. Для достижения цели и решения поставленных задач в работе использовались следующие методы исследования и приемы анализа: метод анализа и синтеза теоретического материала; метод сплошной выборки; метод метафорического моделирования; описательный метод.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что метафорические креативные аттракторы выступают доминантами текста рекламного туристического нарратива, посредством которых привлекается, фокусируется и удерживается внимание и интерес реципиента текста. Подчеркивается способность креативного аттрактора как репрезентации темы целого текста или*

его фрагмента и разворачиванию его структуры. Автор приходит к выводу, что аттрактор актуализирует тему/проблему и аккумулирует маркеры ценностно значимой информации.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов лекций и семинаров по общему языкознанию, лингвистической семантики, теории и стилистики текста.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; метафора; креативный аттрактор; природоморфные аттракторы; антропоморфные аттракторы; артефактные аттракторы; социоморфные аттракторы

METAPHOR AS A CREATIVE ATTRACTOR IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Menshikova E.E.

Background. The article analyzes the potential of metaphorical creative attractors in the advertising tourist narrative. The relevance of the study is determined by its correlation with modern linguistic research aimed at describing fragments of the linguistic picture of the world, in which the metaphorical component occupies an important place. The insufficiency of the study of the functional and pragmatic characteristics of attractors is also relevant.

Purpose. Identification and description of the text-forming potential of metaphorical creative attractors in the advertising tourist narrative

Materials and methods. The online texts of advertising tourist narrative were used for the study. To achieve the goal, the following methods and analysis techniques were used: analysis and synthesis; method of continuous sampling; method of metaphorical modeling; descriptive method, which includes methods of observation, generalization, interpretation of language data.

Results. The results of the study proved that metaphorical creative attractors act as dominants of the text of the advertising tourist nar-

rative, by which the attention and interest of the recipient of the text is attracted, focused and retained. The ability of the creative attractor to represent the theme of the whole text or its fragment is emphasized. The results showed that the attractor actualizes the theme/issue and accumulates markers of value-relevant information.

Practical implications. *The results of the study can be used in the development of courses of lectures on general linguistics, linguistic semantics, theory and stylistics of the text.*

Keywords: *advertising tourist narrative; metaphor; creative attractor; nature-morphic attractors; anthropomorphic attractors; artifact attractors; sociomorphic attractors*

Введение

Актуальность. Настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, где человеческий фактор в языке проявляется в том, что «процессы обработки информации, формирования знаний, извлечения смыслов (терминология зависит от направления), локализованы в рамках когнитивной системы индивида» [2, с. 88]. Антропоцентрическая установка выражается в объяснении всех процессов в языке, в том числе и сквозь призму человека как целостного биосоциокультурного организма – «человека как живого организма, существующего в потоке совместной деятельности с себе подобными в консенсуальной области взаимодействий» [12, с. 79], поскольку, как отмечает А.В. Кравченко, язык есть «биологически, социально и экологически обусловленное интеракциональное поведение, в котором рождается интеллект» [10, с. 61]. Биосоциальная функция языка «как когнитивная область кооперативных взаимодействий, в ходе которых формируется и развивается индивидуальное сознание» [11, с. 14] подразумевает, что интерпретация определена как контекстом ситуации, так и тем, что субъект должен обладать достаточным объемом фоновых знаний. Это означает, что человеческий субъект является составной частью того мира, который им концептуализируется и категоризируется [9].

Актуальность работы связана также с тем, что она выполнена в русле теории концептуальной метафоры, что обусловлено важностью и перспективностью исследований в области взаимодействия как языковых феноменов, так и ментальных. При этом вопросы о возможностях применения метафорического моделирования остаются открытыми, а необходимость исследования метафоры в текстах различного типа актуализирует проблему работы.

Новизна исследования заключается в том, что впервые осуществляется изучение потенциала метафорических креативных аттракторов на материале текстов рекламного туристического нарратива.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива сети Интернет. Актуальность исследования данных текстов обусловлена тем, что Интернет выступает как комплексная коммуникативная среда, обладающая характерными признаками и особенностями: нелинейность, интерактивность, возможность обратной связи, формирование определенного отношения к событию, взаимодействие вербальных текстов и мультимедийного компонента, временная и пространственная доступность. Для достижения цели и решения поставленных задач в работе использовались метод анализа и синтеза теоретического материала; метод сплошной выборки, позволяющий произвести сбор данных для анализа; метод метафорического моделирования; описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения, интерпретации языковых данных.

Результаты и обсуждение

Исследованию понятия аттрактивности, а также однокоренных слов-терминов «аттракция», «аттрактор», «аттрактант» посвящены работы в разных областях науки и каждое направление подходит к изучению данного явления со своих позиций. Согласно мнению Ю.И. Леденева, «с позиций синергетики язык рассматривается в процессе динамики и статики как саморегулирующаяся система»

[15, с. 20], а внутренним механизмом синергетики языка является языковая аттракция, «которая проявляется в смысловом притяжении и формальном выравнивании элементов речи. Языковая аттракция проявляется в процессе функционирования системы языка на всех ее уровнях» [Там же]. По определению В.Г. Борботько, аттракция – это «притяжение, исходящее от некоторого аттрактора – инстанции, являющейся организующим началом в фазовом пространстве» [5, с. 277]. При этом «аттрактор, действуя в лексико-семантическом пространстве, задает ориентацию его элементам» [Там же, с. 76].

Суть аттракции в языке емко и лаконично выразили в слове «Dictionary of Language and Linguistics» Р.Р.К. Хартман и Ф.С. Сток: «Аттракция – это влияние лингвистических элементов друг на друга» [26, р. 23]. В одной из первых серьезных монографических работ, посвященных проблемам речевого воздействия, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов рассматривают аттрактивность как свойство привлечения внимания, «сигнал взаимодействия и согласования смысловых и эмоциональных полей коммуникатора и реципиента» [20, с. 183]. В.В. Подрядова (на примере музыкального поэтического текста) понимает лингвистическую аттрактивность как «свойство лингвистического объекта обращать на себя повышенное внимание аудитории, на которую направлено содержащееся в нем сообщение» [17, с. 10]. И.А. Якоба трактует аттрактивность знака в коммуникации как его способность «привлечь внимание и вызвать интерес дестинатора путем эмоциональной, интеллектуальной, ценностной привлекательности содержания и экспрессивной отточенности, эстетической форме его структурирования» [23, с. 328]. Согласно мнению О.О. Ипполитова, «аттрактор (attract – «притягивать, привлекать» (англ.)) – когнитивное образование (концепт или его партиция), обладающее в течение достаточно длительного промежутка времени свойством притяжения к себе ФКС (его траекторий)» [8, с. 87], где ФКС – фокус концентрации сознания – «субъективная конкретно-чувственная или ассоциативная совокупность присутствующих в индивидуальной, групповой или национальной концептосфере когнитивных образований (концептов, партиций,

когнитивных признаков), которые вычлняются и концентрируются в человеческом сознании в данный момент, в данном месте или в данном контексте», а «партиция (partition – «раздел, обособленная часть целого» (англ.)) – совокупность когнитивных признаков, вычлняющихся в когнитивной структуре концепта как единство, имеющее лексическую объективацию» [Там же, с. 86].

В данной работе мы опираемся на точку зрения Е.Ф. Серебренниковой, которая пишет, что «для того, чтобы нечто стало ценностно значимым для человека, оно должно быть аттрактивным: способным упорядочить своей значимостью неопределенность мира и процессов позиционирования в нем и, значит, притягивающим, фокусирующим на себе внимание и интерес, а также привлекательным по форме выражения» [18, с. 14]. В качестве аттракторов – «операторов аттракции, носителей особо значимых средоточий смысла, следует рассматривать, очевидно, те языковые средства, которые маркируют способы выделения значимого», в частности, «средства оценочной, образной номинации и квалификации, фразеологизмы и провербиальные единицы» [19, с. 89].

Анализ языковых средств текстов рекламного туристического нарратива показал, что в качестве основных аттракторов выступают единицы образной номинации, прецедентные номинации, оценочные лексико-семантические единицы. Обратимся к образной номинации. Под номинацией, согласно Е.С. Кубряковой, понимается «любая языковая форма, конструкция, которая служит в тексте и дискурсе выделению, распознаванию и характеристике любой реалии (объекта, события, признака и т.д.), стоящей за этой формой или конструкцией, и – одновременно – способствует активизации знаний о ней. С этой точки зрения номинации выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функцию репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации» [13, с. 430]. К основным средствам образной номинации относятся метафора, метонимия, образные слова, сравнения с ослаблением компаративного элемента и усилением обстоятельственного значения и сравнительные обороты, фразеологизмы.

Метафора как источник образной номинации играет роль доминанты, организующей текст рекламного туристического нарратива на тематическом, композиционном, языковом уровнях. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию и базовый механизм человеческого сознания, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Метафору представляют ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире, что позволяет рассматривать метафору как когнитивный инструмент дискурса [22; 13; 1; 14; 44; 25; 24; 45].

В рамках данной работы мы говорим о креативном аттракторе. В результате изучения имеющихся в науке исследований отметим, что понятие лингвистической креативности, разграничение языковой креативности и некреативности являются недостаточно разработанными. Согласно В.З. Демьянкова, языковая креативность противопоставляется материальному как недуховному, старому, обыденному, банальному, отсутствию сотворческого вклада интерпретатора в создание значения, буквалистскому восприятию, нечаянному действию (ошибке); это «установка и реальное использование потенциалов макро- и/или микросистемы выразительных средств» [6, с. 33]. Среди критериев креативности, предъявляемых к языковым/речевым единицам, релевантными для настоящего исследования являются прагматическая целесообразность и значимость, ассоциативность, наличие качества новизны и оригинальности, способные вызвать интерес, эстетическая и аксиологическая ценность, убедительность.

Креативный аттрактор рассматривается как «структурный компонент текста, к которому как к кульминации стремятся все остальные элементы текста и к тому типу взаимодействия, который в нем задан. Семантически аттрактор являет собой свертку, получающую свое динамическое развитие в целом тексте. Эта область формируется на основе большой концентрации ключевых слов внутри нее и репрезентирует тему целого текста» [4, с. 19].

Основываясь на данных анализа материала, мы посчитали целесообразным в исследовательских целях выделить креативные

аттракторы в соответствии с доминантными сферами-источниками концептуальных метафор в классификации А.П. Чудинова [22]: природоморфный аттрактор; антропоморфный аттрактор; артефактный аттрактор; социоморфный аттрактор.

Природоморфный аттрактор. Природоморфные креативные аттракторы берут свое начало из области-источника «Природа» и мотивированы тремя сферами природоморфных метафорических номинаций: «Неживая природа», «Мир растений», «Животный мир».

В рекламном туристическом нарративе активно функционируют метафоры с источниковой концептуальной областью «Неживая природа», в состав которой входят сферы «Земля», «Вода», «Атмосфера», «Космос». В рамках аттрактивных метафорических образов выделенных сфер показательны метафоры пейзажа (ландшафта), где аттрактивность связывается с эстетической привлекательностью. Пейзажная/эстетическая аттрактивность актуализирует пейзажное разнообразие – мозаичность пространственной организации ландшафта и физической сущности компонентов, формирующих ландшафт (рельеф, водное пространство, растительность, животные), наличие качества новизны (уникальность, неповторимость объектов и явлений, экзотичность), гармонию ландшафта (пейзажа), временную контрастность (сезонность года и сезонность климата), цветовую гамму пейзажа, позитивное воздействие ландшафта/ пейзажа (цветовой колорит, звуковой фон – пение птиц, журчание ручья), наличие и характер «символических» объектов в пейзаже – «особо примечательных природных или культурных образований, выступающих в качестве основной визуальной доминанты» [7, с. 7]. Пейзаж репрезентируется как *величественный, первозданный, живописный, экзотический, изумительный, сказочный, девственный, гармоничный, красочный, величавый, безмятежный, безбрежный, бескрайний, неповторимый, невероятный, романтический, дикий, завораживающий, чарующий, неземной, марсианский и т.д.* Например: *Калейдоскоп Алтайских гор – мозаика странствий... величественная панорама заснеженных горных вершин... марсианские пейзажи, завораживающие своей фантастической красотой* [39].

Действенным и эффективным метафорическим аттрактором выступает контрастность календарных времен года: зима: *белоснежная, белокурая, седая, звонкая, Матушка–Зима, Чародейка–Зима, Волшебница–Зима, Кудесница–Зима, Мороз–Воевода, хрустальная зимняя сказка, зимние наряды, царство снега, алмазный/серебристый/жемчужный снег, пушистые белоснежные шубы, пышное снежное одеяло, снежное покрывало, пушистый белый ковер, белоснежная перина, снежные шапки гор, волшебное/причудливое кружево иней, блестящий/искристый/серебристый/сверкающий/кружевной иней и т.д.* Например: *Зимой Норвегия превращается в царство Снежной Королевы со всеми его атрибутами – снегом, сверкающим миллионами бриллиантов, северным сиянием... Пейзажи, как с открытки, снежные шубы на лохматых еловых ветвях, кристально чистый воздух... [41];* осень: *багряная, золотая, бархатная, нарядная, пламенная, царственная, задумчивая, звонкая, рыжая, буйство красок, багрец и золото леса, багряный/золотистый ковер, золотые одеяния, осенний наряд из лунного серебра, золота листьев, багряного пламени клёнов и т.д.* Например: *...открыть для себя страну Ямато, истинную и изначальную, во всем великолепии ее осеннего убранства: золотых ризах деревьев гингко, рубиновом пламени кленовых листьев и изумрудном наряде вечно-зеленых хвойных лесов... вы сможете заглянуть в залитые лунным серебром зеркала озер, послушать голос ветра... [32].*

Высокую аттрактивность и смысловую значимость (аксиологическую, эстетическую, прагматическую, гедонистическую) проявляют цветочные метафоры, являющиеся «основным лексико-семантическим способом образования цветочной лексики» и обладающие «широкими моделирующими возможностями» [16, с. 17]. Природоморфные цветочные аттракторы в рекламном туристическом нарративе формируются посредством монологических прилагательных с вторичной цветочной номинацией, являющихся вариациями основных цветообозначений (напр.: *гранатовый, золотой (золотистый), аквамариновый, шоколадный, изумрудный, коралловый, лиловый, жемчужный, серебристый*), сложных имен прилагательных вто-

ричной номинации (напр.: *багряно-пунцовый, золотисто-желтый, янтарно-золотой, сиренево-розовый, молочно-белый*), сложных цветообозначений вторичной номинации со структурой «сущ. цвет + имя сущ. в родит. пад.», либо «сущ. цвет + имя сущ. в им. пад.» (напр.: *цвет золота, цвет янтаря, цвет бирюзы, цвета изумруда, фиалки, цвета жемчуга, цвета молока*). Цветообозначения вторичной номинации носят, как правило, окказиональный характер по причине своей функциональной ограниченности и неразрывной связи с контекстом.

Аттрактивными метафорическими цветовыми образами наделяются отдельные объекты и явления сферы «Земля» (напр.: *золотистый песок, песок цвета молока, изумрудная тайга, серебристые шапки гор*), «Вода» (напр.: *синева моря, лазурь океана, изумруд озера, бирюзовые глаза горных озер, малахитовое зеркальце озера, аквамариновая гладь озера, бирюзовая лагуна, лагуны – сверкающие бирюзовые опалы, изумрудные кудрявые волны*), «Космос» (напр.: *белая вата облаков, бездонное ультрамариновое небо, небеса меняют пурпур восхода на золото заката, черный бархат ночного неба, алмазные звезды, небо утопает в глубокой ночной синеве*). Например: *Мальдивы... Островки окружают коралловые сады... вспоминаешь те самые острова, которые рисовал в детстве – синее море, белый песок и пальмы с растопыренными листьями... полное отстранение от настоящего, погружение в пространство, сотканное из голубых небес, песка цвета снега и изумрудной воды необыкновенной прозрачности... Бескрайние пляжи, усыпанные белоснежным песком, ласковые морские волны, почти бесшумно, словно боясь потревожить, выбегающие на берег... чарующая голубизна океана* [35].

Метафора представляет собой сложный когнитивный феномен, который содержит в себе возможности развертывания текста, что «связано с коммуникативно-когнитивной спецификой метафорических построений» [21, с. 131]. Метафора может применяться как прием для развертывания фрагмента текста или целого текста. Аттрактивность текста рекламного туристического нарратива опреде-

ляется тем, что его развертывание начинается, как правило, с зоны креативного аттрактора, т.е. заголовка/названия тура: *Алтай – Золотые горы, Цветущие горы, Бархатный сезон, Золотая осень, Зимняя магия гор, Рождение северного сияния, Когда природа затуманивает фейерверки, Жемчужины Тихого океана*. В метафорической номинации тура формируется базовая концептуальная составляющая текста, его доминантный смысл, что выступает эффективным аттрактором, воздействующим на эмоционально-чувственную сферу реципиента.

Антропоморфный аттрактор. Антропоморфизм, как известно, – это наделение материальных и идеальных объектов, предметов и явлений неживой природы, животных, растений, мифических существ человеческими свойствами – физическими, психическими, интеллектуальными качествами. Антропоморфизация реальности продолжает оставаться важным способом описания мира и выступает одним из самых плодотворных источников создания метафор. Заметим, что в данной работе мы ставим знак равенства между антропоморфизмом, олицетворением и персонификацией.

Метафорический антропоморфизм как процесс концептуализации и категоризации действительности и форма когнитивного освоения и понимания человеком окружающего мира репрезентирует богатый спектр источников аттрактивности в рекламном туристическом нарративе. Антропоморфные аттракторы мотивированы одной обширной сферой-источником «Человек», которая, в свою очередь, включает такие лексико-семантические блоки и понятийные области, как: 1) *Человек телесный* (Тело и организм человека – «Части тела и внешний облик человека», «Внутренние органы и системы»; Жизнь и физическое состояние человека – «Физиологические потребности», «Насыщение», «Дыхание») и 2) *Состояние, внутренний мир и качества человека* (Психические процессы и мыслительная деятельность – «Эмоции», «Мыслительная деятельность», «Свойства человеческого характера», «Ментальные процессы», «Память»; Человек отдыхающий – «Бодрствование», «Сон», «Дремота», «Пробуждение»; Человек говорящий и молчащий – «Звуки

речи и неречевое звучание»; Человек социальный – «Праздники, обряды, обычаи»).

Предикаты и модификаторы, обозначающие человека телесного с его состоянием, внутренним миром и качествами, приписываются в рекламном туристическом нарративе природным и антропологическим объектам, физическим явлениям, а также абстрактным понятиям, обозначающим качества, свойства, признаки, состояния, действия, процессы, отношения (человека и другого живого существа, неодушевленных объектов).

Яркие аттрактивные образы создают такие олицетворяющие признаки, как части тела, внешний облик человека, внутренние органы. Наиболее выразительными в аспекте изображения внешности человека в антропоморфных контекстах являются лексемы *глаза (око), сердце, голова, лицо (лик), зубы, язык и т.д.* Например: ... *буйство зеленых насаждений, ледников, спускающихся своими языками в верховья долины, вершин с острозубыми очертаниями. Сказочная красота горных пейзажей, разноцветье лугов, хрустально чистый воздух... двумя ясными голубыми глазами озер «Анютинны глазки» смотрит на нас Муруджинский хребет... белые льдины в изумрудных озерах, радужные водопады* [42]. Метафорический перенос в данном случае осуществляется на основе визуального, сенсорного и моторно-двигательного восприятия, а также по функции.

Высокой продуктивностью развития метафорического значения пользуются номинации физического состояния человека, в частности, лексема *дыхание* и метафоризирующий антропоморфный предикат *дышать*: *дыхание океана, свежее дыхание моря, дыхание тайги, дыхание гор, дыхание ветра, дыхание истории и т.д.* Например: *Байкал, он как мужчина, своенравный, харизматичный, порой игривый, а иногда суровый, он улыбается, смеется, а зимой, когда спит, можно слышать его дыхание и даже сердцебиение, и этот захватывает дух, ведь ты понимаешь – ОН ЖИВОЙ!* [38].

Высокая частотность метафорического использования характерна также для номинации психических процессов и мыслительной деятельности человека. Одной из продуктивных моделей является

наделение эмоциями окружающего мира через восприятие ее человеком. Эмоциональное состояние как психическое явление возникает у человека в результате реакции на какой-либо объект, на ощущения, впечатления, ситуацию и событие. Анализ показал, что антропоморфные метафоры в рекламном туристическом нарративе выступают ведущим способом репрезентации базовых эмоций человека, где особенно высокочастотна актуализация образов эмоционального состояния *радости, удивления, интереса, гордости, веселья, безмятежности, решительности, азарта, а также печали (грусти)*. Различные эмоции и чувства человека, приписываемые олицетворяемым предметам, выражаются с помощью антропоморфных глаголов *улыбаться, смеяться, грустить*, прилагательных, причастий и наречий *веселый, ликующий, радостный, весело, грустно, печально и т.д.* Например: *Солнце улыбается, лето зовет... безмятежные озерные пейзажи... Пышные цветочные луга, впечатляющие горные пейзажи, чарующие леса, живописные старинные города и закаты на берегу моря – Германия полна сюрпризов* [28].

Ярким способом создания аттрактивности является наделение природных объектов и явлений мыслительными функциями. Сюда входят дериваты, образованные от лексем «мысль» и «дума», представленные самостоятельными частями речи: *задумчивый, задумавшийся, задумчиво, раздумье, раздумчивый* и метафоризирующий антропоморфный предикат *думать*. Например: *Укок... привлекает туристов своим первозданным видом и суровой дикой природой... живописные и спокойные задумчивые бухты создают незабываемую береговую панораму озера* [34].

Рекламный туристический нарратив, олицетворяя природный, предметный и абстрактный мир, наделяет их чертами характера человека. Характер, как известно, выступает в качестве основы поведения человека, проецируясь на все аспекты его жизнедеятельности, а черты характера отображают отношения человека к миру и к самому себе. Наблюдения над извлеченным из текстов нарратива материалом позволили установить, что в олицетворении окружающего мира в аспекте качеств характера человека участву-

ют такие лексемы, как *безмятежный, беспокойный, благородный, буйный, бурный, величественный, веселый, взрывной, гармоничный, гордый, грустный, гостеприимный, грозный, добродушный, доброжелательный, задумчивый, игривый, капризный, коварный, ласковый, могущественный, мужественный, невозмутимый, нежный, неистовый, необузданный, озорной, щедрый, непокорный, приветливый, радужный, своенравный, сдержанный, сердитый, стремительный, строптивый, суровый, темпераментный, улыбчивый и т.д.* Например: *прекрасная и таинственная Якутия... Непредсказуемый характер севера... Лена имеет суровый и капризный нрав, за которым скрывается щедрая и радужная красавица... прекрасная Буотама сдержана и покладиста... поражает своим невероятным величием... Величественные сосновые леса наполняют воздух на побережье благородным запахом сосновой смолы и еловых шишек, черемуха дополняет легкой сладостью, а заросли лесных трав завершают композицию головокружительным ароматом природной неги [29].*

Рекламный туристический нарратив активно использует антропоморфные метафоры, основанные на семантической оппозиции «сон – бодрствование». Объектами метафоризации выступают природные объекты, где возникающая ассоциативная связь природы и человека выражается лексемами *бодрствование, дремота, сон, пробуждение*, единицами словообразовательных гнезд *бодрый, бодрствующий, дремлющий*, антропоморфными предикатами *бодрствовать, спать, дремать, проснуться пробуждаться*. Например: *Отдых в Карелии прекрасен в любой сезон. Зимой лес вокруг выглядит совсем как в хрустальной сказке... Весной вся природа пробуждается, повсюду распускается новая жизнь... Осень раскрашивает местный пейзаж в золотисто-багряные тона [43].*

Метафорический антропоморфизм принижает туристический нарратив и в аспекте речевых/неречевых звуков. Способностью издавать звуки наделяются отдельные элементы ландшафта (рельеф – степи, пустыни, горные ландшафты; водное пространство – ручьи, реки, моря, океаны водопады) животный мир, растительный

мир. Наибольшей продуктивностью и аттрактивностью обладают существительные *шепот, ропот, пение, напев, песня, щебет, завывание*, а также метафоризирующие антропоморфные предикаты *петь, шептать, напевать, щебетать, завывать*. Например: *Все на острове Маврикий шепчет волшебством,,, дышащая древностью пестрая культура, великолепные девственные пляжи в объятии коралловых рифов, прозрачные голубые лагуны, богатые сокровища подводного мира, пьянящие ароматы красочных креольских рынков, огненные леса бугенвилей... Неземная пышность природы, сладостный шепот морского бриза в унисон покачиванию пальм, дурмящие ароматы тропиков, теплый океан, мягкий песок под ногами... легкий ветерок трогательно играет белым шелком Вашего платья, волны ласкают босые ступни... океан плещет так, словно тихонько напевает самую нежную песню любви... [27].*

Метафора, как уже было отмечено выше, может служить средством развертывания целого текста или его фрагмента. В этом случае метафоры «принимают на себя роль организующего всю текстовую конструкцию каркаса» [21, с. 131]. Аттрактивность определяется в данном случае смысловой последовательностью развития метафоры – от представления креативного аттрактора в названии тура к его последовательному развитию: *«Холодное сердце Байкала», «Весеннее дыхание Байкала», «Холодное дыхание Севера», «Дыхание моря», «Дыхание Арктики», «Морское дыхание Испании», «Норвегия: красоты холодное дыхание», «Дыхание Древней Греции», «Куба – дыхание Кариб», «Голос зимнего Байкала», «Пробуждение природы», «Пробуждение Байкала», «Там, где рождаются облака», «Море зовет... Волна поет... Адриатическое побережье», «Байкал многоликий», «Величественные Анды», «Чарующий Северный Кавказ», «Гостеприимный и очаровательный Кавказ». Являясь мощным аттрактором, подобные номинации туров служат целям привлечения внимания и задают коммуникативную перспективу всему тексту рекламного туристического нарратива.*

Артефактный аттрактор. Артефакт, как известно, – это любой искусственно созданный объект, имеющий символическое

значение, и характеризующийся материальной формы и духовным содержанием. Артефактные реалии как источник метафорических образов мотивированы в рекламном туристическом нарративе сферой «Архитектура». Архитектура выступает продуктивным источником метафорической экспансии, где метафора функционирует в двух знаковых системах – в дискурсе архитектуры и в профессиональном языке архитекторов. Высокая степень метафорической насыщенности является основной характеристикой архитектурного образа – совокупности впечатлений об архитектурном объекте.

Сферой-источником функционирования архитектурной метафоры в рекламном туристическом нарративе выступают архитектурно-пространственная среда (страны, регионы, города, дестинации) в целом (*Москва – настоящий парад архитектурных стилей, Сказочная златоглавая Прага, Минск – неповторимый коктейль из архитектурных стилей и памятников, Баку: симфония архитектуры, Нидерланды – роскошь архитектуры, Армения – музей под открытым небом, Германия – величественная архитектура прошлого, Венгрия – изысканность и величие архитектуры*), отдельные здания, сооружения, их ансамбли, дома, замки, дворцы, мосты, музеи, башни, улицы, площади и проспекты (*Дворцовое ожерелье парадного Петербурга, Лувр – жемчужина архитектуры, Эдинбургский замок – гордый хранитель шотландской истории, Эйфелева башня – архитектурное чудо Парижа, Суздаль – город-открытка, уникальное собрание выдающихся шедевров зодчества*), культовые сооружения, монументальные и археологические памятники. При этом архитектурная метафора содержит как общекультурные оценочные мотивы, так и локальные смысловые коды восприятия. Например: *величественные руины боргов... суровые средневековые замки... романтические королевские дворцы... старинные кварталы и помпезные столичные архитектурные ансамбли. Архитектурные жемчужины в королевских ожерельях Швеции* [30].

Архитектурные образы представляют собой богатую платформу для сопоставления когнитивных и ассоциативных параллелей с человеком – его действиями, характеристиками, физиологически-

ми особенностями, возрастом, социальным положением (*Москва златоглавая, Красная площадь – сердце столицы и лицо страны, Ворота Небесного Спокойствия – сердце Китая, изысканный и своенравный стиль*), с искусством – музыкой, театром, кино, живописью, литературой (*каменная симфония, архитектурный оркестр, летопись эпох, каменная летопись, повесть временных лет*), с природой. Например: *Шедевры древней Руси. Владимир... всемирно признанные шедевры древнерусского зодчества, послания наших далеких предков в камне и редкие образцы их вечного искусства... Ажурный Дмитриевский собор – один из шедевров белокаменной летописи города... белоснежная церковь Покрова Пресвятой Богородицы... Шедевр мирового каменного храмового зодчества... самый лиричный памятник архитектуры, образец гармонии и поэма в камне* [37].

Социоморфный аттрактор. Социоморфные метафорические номинации в рекламном туристическом нарративе происходят из сфер-источников «Гастрономия», «Мифология», «Религия», «Зрелищные искусства», «Игра и спорт», «Охота», «Рыбалка», «Ценностные представления».

Обратимся к сфере-источнику «Гастрономия». Гастрономия в отечественной научной традиции трактуется как понимание и знание тонкостей кулинарного искусства; изощренный вкус в еде; общее название высококачественных закусовых или требующих особого приготовления пищевых продуктов. Под гастрономической метафорой понимается мотивационная подсистема, «которая выделяется в рамках семантической классификации метафор. Данная группа разнородных по значению метафор объединяется тем, что их внутренняя форма относится к одной тематической сфере, включающей номинации пищи, ее основных свойств (в том числе вкусовых качеств), способов ее приготовления и др.» [3, с. 6].

Гастрономические образы, выступая в рекламном туристическом нарративе в качестве аттракторов, являются средством выражения оценки и объектами оценки, которым приписываются ценности – определенные значимости, входящие в круг потребностей

человека. Согласно Е.Е. Серебренниковой, «Аттрактор – аксиологема. В этом качестве выступают знаки, восприятие которых немедленно порождает эффект модализации и оценивания, способствуя валоризации «сказываемого». Аттрактивность такого рода аксиологем, вписанное в процесс аргументации, определяется либо их символической привлекательностью, убедительной эвристичностью, либо их мифологизированным потенциалом, либо эмоциональной или морально-нравственной семантической «нагрузкой» [19, с. 89-90].

Гастрономические метафорические номинации в туристическом нарративе моделируют как национальную кухню в целом, так и локальный гастрономический мир. Проведенный анализ показал, что национальная кухня как фрагмент этнической идентичности и связанные с ней поведенческие и социальные аспекты питания обусловлены особенностями географического положения, экологическими и климатическими условиями региона (страны), ценностными и культурными доминантами, многовековыми традициями жизненного уклада, религиозными обычаями.

Аттрактивность метафорических номинаций национальной кухни связана с идентификацией ее уникальности, высоких стандартов, ориентацией на образец совершенства (*Мексиканская пища – это взрыв, пламя, Греческая кухня – это мозаика вкусов и наслаждений, Франция – королевство гастрономии, Париж – колыбель французской кулинарии, Испания – кулинарные традиции в ритме фламенко, Азербайджан – калейдоскоп вкусов и ароматов Востока*). Например: *Попробовать Францию на вкус и ощутить ее пьянящие ароматы... истинные бестселлеры кулинарии... Дары моря и мясные изыски... Молочные реки, сырные берега... и солнце в бокале!.. вкусное путешествие* [36].

Аттрактивность метафорических гастрономических образов обнаруживается и в обширной репрезентации лексических номинаций предметной сферы – разнообразных пищевых продуктов и блюд. Важным инструментом воздействия является наделение метафорических значений гастрономических наименований густаль-

ной (вкус), scentальной (запах) и одорической (аромат) аттрактивностью. Рекламный туристический нарратив активно использует презентационно маркированные лексемы, выполняющие функцию аттракции: запах: *ароматный, восхитительный, дурманящий, опьяняющий, соблазнительный, упоительный, изысканный*; запах: *изумительный, неповторимый, восхитительный, превосходный, насыщенный, утонченный, изысканный, пикантный, экзотический, изящный, божественный, великолепный*; аромат: *крепкий, легкий, мягкий, свежий, тонкий, волнующий, дурманящий, живительный, нежный, непередаваемый, опьяняющий, сладостный, чудный*. Например: *Азербайджан. Искусство здешних поваров восхитит Вас... обязательно присутствуют специи и пряности, которые добавляют пикантности блюдам и придают им соблазнительный аромат... плов с каштанами и мясом...царь-блюдо [40].*

Гастрономические метафорические образы, функционирующие в макроситуациях (в нашем случае – на уровне номинации тура, выраженной словосочетанием или предложением), создают особый ассоциативный взгляд на гастрономический мир, преломленный через аксиологически нагруженные стереотипные представления о нем: *Трюфель – ароматное сокровище Прованса, Гастрономическая поэма Франции, Мозаика солнца – гастрономическая Барселона, Пряный уик-энд в Армении, Сладкие сказки Коломны.*

Богатейшим материалом для метафоризации выступают напитки, в частности, такая их разновидность, как вино. Его вкус, цвет, запах/аромат обладают широкими ассоциативными связями и оценочными коннотациями. Высокой атрактивностью отличаются репрезентируемая богатая палитра вкусовых свойства вина: *полный, глубокий, сочный, плотный, насыщенный, шелковистый, бархатистый, легкий, пьянящий, изысканный, пикантный вкус*; цветовые оттенки различной степени интенсивности: *светло-соломенный, светло-золотистый, густой золотой, красный с рубиновым оттенком, серебристо-белый, бледно-желтый с зелеными отблесками, гранатовый, янтарный, темно-медовый, искрящийся пурпурно-красный, сочный янтарно-желтый, насыщенный коралл,*

цвет рубина; антропоморфные метафорические номинации аромата и вкуса вина: *благородный, взрывной, зрелый, игривый, импульсивный, ласковый, мягкий, нежный, очаровательный, пылкий, своенравный, темпераментный, чувствительный, деликатный*. Например: *Black Prince... Благородное классическое игристое вино, в котором переплетается роскошь короля белых сортов Шардоне и изысканный минимализм Brut Zero Dosage... Balaklava Pinot Noir... Элегантный Пино Нуар... аристократичный характер... Loco Cimbali. Многогранность крымского автохтона Бастардо Магарачского в уникальном союзе с легкой перчинкой грузинского своенравного Саперави и бархатистостью аристократичного Мерло [31].*

Винные метафоры представляют вино как живой организм, обладающий половой принадлежностью: *женское вино, мужское вино, с женским или мужским характером*; жизненным циклом: *рождение, созревание и старение вина*; чертами человека телесного, его состоянием, предметами одежды: *тело вина, глаза вина, нос вина, рот вина, ножки вина, винные слезы, платье вина, платье белого вина, платье красного вина*. Например: *Во время дегустации вам понадобятся все 5 чувств, чтобы в полной мере насладиться всеми этапами дегустации вина: Внешний вид или Платье вина... «В бокале» аромат вина...*

«Во рту» вкус... Послевкусие... [33].

Анализ материала показал, что аттрактивность винных метафор, их сильная воздействующая гедонистическая составляющая ярко проявляется в номинациях туров и их дегустационных репрезентациях: *«Пылкие вина прекрасной Италии», «Нежная изысканность Наварры», «Горячая натура вин южной Венгрии», «Блеск и теплота Каталонии», «Упоительная сладость Андалусии», «Во власти чар Кастилии», «Весеннее солнце в бокале», «Волшебный эликсир Болгарии», «Игристый тур», «Напитки греческих богов: вина затерянной Атлантиды», «Винное сердце Италии», «Мелодия вина», «Король вин и вино королей – благородное Бароло», «Поэзия в вине», «Винный Парадиз», «Винная соната», «Винная рапсодия», «Золото Бургун-*

дии – вина с историей», «Напитки греческих богов: вина затерянной Атлантиды». Выполняя аттрактивную, презентационную, информативную, экспрессивную и эстетическую функции, винные метафоры обладают оценочным потенциалом воздействия, способностью приобретать значение, соотносимое с аксиологическими ориентирами.

Заключение

Обобщением полученных в настоящей работе результатов работы являются следующие выводы. В данной работе мы предприняли попытку эксплицировать метафору как креативный аттрактор. Анализ иллюстративного материала показал, что метафора выполняет функцию сильной позиции, благодаря чему обеспечивается выдвижение доминантных смыслов текста. Метафорические номинации в текстах рекламного туристического нарратива являются одним из эффективных средств характеристики реалий окружающей действительности, ключевым способом создания образов и порождения новых значений.

Лингвистические характеристики креативного аттрактора проявляются в его способности актуализировать смысловую (аксиологическую, эстетическую, прагматическую, гедонистическую и другую) значимость информации текста, аккумулировать маркеры эмоционального-экспрессивного и ассоциативного пространства текста, осуществлять гармонизацию его элементов.

Креативные аттракторы как смысловые доминанты текста рекламного туристического нарратива привлекают, фокусируют и удерживают внимание и интерес реципиента текста. Как мощное средство прагматического воздействия, аттракторы создают аксиологическую базу, структурируют и/или преобразуют в сознании потенциального потребителя услуги картину мира локального интереса и подсказывают путь/пути его достижения.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. Литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33-43.

2. Баребина Н.С. Когнитивный антропоцентризм в условиях формирования эпохи антропоцена (на материале терминов когнитивного подхода в лингвистике) // «Наука як рушійна антикризова сила»: збірник статей. К.: Центр наукових публікацій, 2019. С. 79-93.
3. Бойчук А.С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 25 с.
4. Болдырева Э.Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 21 с.
5. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 4-е. М.: Либроком, 2011. 288 с.
6. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды института русского языка имени В.В. Виноградова. Григорьевские чтения. 2016. Т. 7, № 7. С. 29-35. http://infolex.ru/elibrary_26498684.pdf
7. Дирин Д.А. Оценка пейзажно-эстетических ресурсов горных ландшафтов в целях оптимизации рекреационного природопользования (на примере Усть-Коксинского района Республики Алтай): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2006. 19 с.
8. Ипполитов О.О. Об аттракторах и некоторых когнитивных процессах в пространстве концептосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 85-92. <https://www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/24.html>
9. Кравченко А.В. Человек, Язык, Среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) // Мир в языке. Сер. «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik = Этногерменевтика и этнориторика». / Отв. ред.: Е.А. Пименов, М.В. Пименова; Издатели серии: Х. Бартель, Е.А. Пименов. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. С. 37-52.
10. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 55-63.
11. Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2016. №3. С. 14-26. <https://doi.org/10.17223/19986645/41/2>

12. Кравченко А.В. Информационные технологии и когнитивное развитие: взгляд с эколингвистических позиций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4 (42). С. 76-91. <https://iling-ran.ru/library/voprosy/42/VPL-4-2019-fin-76-91.pdf>
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
14. Лакофф Д, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Леденев Ю.И. Системность и синергетика как факторы устойчивости языка // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 11-22.
16. Печенникова Л.В. Цветообозначения в рекламном дискурсе (на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 23 с.
17. Подрядова В.В. Аппракативные особенности музыкальных поэтических текстов: лингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 18 с.
18. Серебренникова Е.Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. ИГЛУ. 2013. №2 (23). С. 13-18.
19. Серебренникова Е.Ф. Аксиологические аспекты реализации дискурсивной позиции как точки зрения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №3 (714). С. 84-93.
20. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: монография. Отв. ред. Р.Г. Котов; АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
21. Филатов К.С. Метафора как способ развертывания журналистского текста: Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015. 153 с.

22. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
23. Якоба И.А., Тимофеев С.С. Лингво-когнитивные механизмы управления дискурсом: конструирование аттрактивного имиджа // Вестник ИрГТУ. 2015. №1. С. 328-332.
24. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Second edition. New York, Palgrave Macmillan, 2011, 370 p.
25. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. Vol. 22. № 2. 1998, pp. 133-187. [https://doi.org/10.1016/S0364-0213\(99\)80038-X](https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X)
26. Hartmann, Reinhard R. K., Stork, Frances C. *Dictionary of Language and Linguistics*. London: Applied Science Publishers, 1972, 530 p.
27. <http://exptur.ru/svad-mav> (дата обращения: 21. 07.2021).
28. <http://pitert.ru/news/bud-aktivnym-germanii-ost> (дата обращения: 11.06.2021).
29. <http://satal-tour.ru/portfolio-view/buotama/> (дата обращения: 19.08.2021).
30. <http://vmguide.info/nashi-tury/2019/1008-1808> (дата обращения: 23.07.2021).
31. <http://zolotaiabalka.ru/> (дата обращения: 14.07.2021).
32. <https://ilovejapantours.com/ru/tour/165-blaze-trailer> (дата обращения: 05.09.2021).
33. <https://marbellainstyle.com/ru/uslugi/tury/ronda-individualniy-vinniy-tur/> (дата обращения: 22.06.2021).
34. <https://otrada-tour.ru/product/item/altayskiy-koltsevoy-ekspeditsiya-puteshestvie> (дата обращения: 26.07.2021).
35. <https://planeta.romanticcollection.ru/romantika/maldivy-raj-dlya-vlyublennyh/> (дата обращения: 07.09.2021).
36. <https://thunter.ru/countries/france/gastro-tours/> (дата обращения: 24.08.2021).
37. <https://888travel.ru/tours/golden-ring/4359-shedevry-drevnej-rusi> (дата обращения: 10.08.2021).
38. <https://www.baikalika.ru/about/team/katya-chernysheva/> (дата обращения: 03. 07.2021).

39. <https://www.bigtranstour.ru/tours/ture-na-altaj/kalejdoskop-altajskih-gor.html> (дата обращения: 09.08.2021).
40. <https://www.icstrvl.ru/> (дата обращения: 06.06.2021).
41. <https://www.jazztour.ru/norway/> (дата обращения: 09.08.2021).
42. <https://www.russiadiscovery.ru/tours/k-murudzhunskim-ozeram/> (дата обращения: 25. 08.2021).
43. <https://www.salokyla.ru/galereya/foto/?block=4#tab4> (дата обращения: 09.07.2021).
44. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. Ed. by Andrew Ortony. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251.
45. Turner M. The Origin of Ideas. Blending, Creativity and the Human Spark. New York, Oxford University Press. 2014, 320 p.

References

1. Baranov A.N. Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki [Metaphorical models as discursive practices]. *Izvestiya AN. Ser. Literaturny i yazyka* [Proceeding of RAS. Literature and language series], 2004, vol. 63, no. 1, pp. 33-43.
2. Barebina N.S. Kognitivnyy antropotsentrizm v usloviyakh formirovaniya epokhi antropotsena (na materiale terminov kognitivnogo podkhoda v lingvistike) [Cognitive antropocentrism in an emerging antropocene (the case of terms in cognitive approach in linguistics)]. *Nauka yak rushiyna antikrizova sila: zbirnik statey*. Kiev, Research publications center, 2019, pp. 79-93.
3. Boychuk A.S. *Gastronomicheskaya metafora: strukturnyy, semanticheskiy, stilisticheskiy aspekty* [Gastronomic metaphor: structural, semantic and stylistic aspects]: Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2012, 25 p.
4. Boldyreva E.T. *Kreativnyy attraktor kak strukturnyy komponent teksta* [Creative attractor as structural component of the text]: Abstract of PhD dissertation. Chelyabinsk, 2007, 21 p.
5. Borbotko V.G. *Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse forming: from psycholinguistics to linguosynergetics]. Moscow, Librokom Publ., 2011, 288 p.

-
6. Dem'yankov V.Z. Yazykovaya kreativnost' v khudozhestvennom tvorchestve [Linguistic creativity in artistic activity]. *Trudy instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova. Grigor'evskie chteniya* [Proceedings of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov. Grigoriev readings], 2016, vol. 7, no. 7, pp. 29-35. http://infolex.ru/elibrary_26498684.pdf
 7. Dirin D. A. *Otsenka peyzazhno-esteticheskikh resursov gornykh landshaftov v tselyakh optimizatsii rekreatsionnogo prirodopol'zovaniya (na primere Ust'-Koksinskogo rayona Respubliki Altay)* [Evaluation of landscape and aesthetic resources of mountain landscapes in order to optimize the recreational natural resource management]: Abstract of PhD dissertation. Barnaul, 2006, 19 p.
 8. Ippolitov O.O. Ob attraktorakh i nekotorykh kognitivnykh protsessakh v prostranstve kontseptosfery [On attractors and some cognitive processes in concept sphere space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov: Gramota Publ., 2010, no 1(5), part 2, pp. 85-92. <https://www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/24.html>
 9. Kravchenko A.V. Chelivek, Yazuk, Sreda (k obosnovaniyu kholizma kak metoda gumanitarnoy nauki) [Man, Language, Environment (to substantiate holism as a method of humanitarian science)]. *Mir v yazyke* [World in language]. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005, pp. 37-52.
 10. Kravchenko A.V. Biologicheskaya real'nost' yazyka [The biological reality of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2013. no. 1 (34), pp. 55-63.
 11. Kravchenko A.V. Epistemologicheskaya lovushka yazyka [The epistemological trap of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2016. no. 3, pp. 14-26. <https://doi.org/10.17223/19986645/41/2>
 12. Kravchenko A.V. Informatsionnye tekhnologii i kognitivnoe razvitie: vzglyad s ekolingvisticheskikh pozitsiy [Information technologies and cognitive development: an ecolinguistic view]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2019, no. 4 (42), pp. 76-91. <https://iling-ran.ru/library/voprosy/42/VPL-4-2019-fin-76-91.pdf>

13. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way of getting knowledge about the language: Parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in the world cognition]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, 560 p.
14. Lakoff D, Johnson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 256 p.
15. Ledenev Yu.I. Sistemnost' i sinergetika kak faktory ustoychivosti yazyka [Systems and synergetics as factors of language stability]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse], vol. 5. Stavropol: Stavropol State Pedagogical Institute Publ., 2007, pp. 11-22.
16. Pechennikova L.V. *Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse (na materiale anglo-amerikanskoy i rossiyskoy reklamy predmetov byta)* [Color designation in the advertising discourse (on the material of the Anglo-American and Russian advertising household items)]: Abstract of PhD dissertation. Saratov, 2006, 23 p.
17. Podryadova V.V. *Attraktivnye osobennosti muzykal'nykh poeticheskikh tekstov: lingvisticheskiy aspekt* [Attractive features of musical poetic texts: a linguistic aspect]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2012, 18 p.
18. Serebrennikova E.F. Aksiologicheskaya parametrizatsiya sotsial'nogo diskursa [The axiological parametrization of social discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], 2013, no. 2(23), pp. 13-18.
19. Serebrennikova E.F. Aksiologicheskie aspekty realizatsii diskursivnoy pozitsii kak tochki zreniya [Axiological aspects of realization of discours position as viewpoint]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistic University Bulletin]. 2015, no. 3(714), pp. 84-93.
20. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya: monografiya* [Optimization of speech influence]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp.180-186.

-
21. Filatov K.S. *Metafora kak sposob razvertyvaniya zhurnalistskogo teksta* [Metaphor as a way to deploy journalistic text. Thesis]. St. Petersburg, 2015, 153 p.
 22. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of the political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001, 238 p.
 23. Yakoba I.A., Timofeev S.S. Lingvo-kognitivnye mekhanizmy upravleniya diskursom: konstruirovaniye attraktivnogo imidzha [Lingvocognitive mechanisms of discourse control: attractive image construction]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Irkutsk State Technical University Bulletin], 2015, no. 1, pp. 328–332.
 24. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. Second edition. New York, Palgrave Macmillan, 2011, 370 p.
 25. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, vol. 22, no. 2. 1998, pp. 133–187. [https://doi.org/10.1016/S0364-0213\(99\)80038-X](https://doi.org/10.1016/S0364-0213(99)80038-X)
 26. Hartmann, Reinhard R. K., Stork, Frances C. *Dictionary of Language and Linguistics*. London: Applied Science Publishers, 1972, 530 p.
 27. <http://exptur.ru/svad-mav> (accessed July 21, 2021).
 28. <http://pitert.ru/news/bud-aktivnym-germanii-ost> (accessed June 11, 2021).
 29. <http://satal-tour.ru/portfolio-view/buotama/> (accessed August 19, 2021).
 30. <http://vmguide.info/nashi-tury/2019/1008-1808> (accessed July 23, 2021).
 31. <http://zolotaiabalka.ru/> (accessed July 14, 2021).
 32. <https://ilovejapantours.com/ru/tour/165-blaze-trailer> (accessed September 05, 2021).
 33. <https://marbellainstyle.com/ru/uslugi/tury/ronda-individualniy-vinny-tur/> (accessed June 22, 2021).
 34. <https://otrada-tour.ru/product/item/altayskiy-koltsevoy-ekspeditsiya-puteshestvie> (accessed June 26, 2021).
 35. <https://planeta.romanticcollection.ru/romantika/maldivy-raj-dlya-vlyublennyh/> (accessed September 07, 2021).
 36. <https://thunter.ru/countries/france/gastro-tours/> (accessed August 24, 2021).

37. <https://888travel.ru/tours/golden-ring/4359-shedevry-drevnej-rusi> (accessed August 10, 2021).
38. <https://www.baikalika.ru/about/team/katya-chernysheva/> (accessed July 03, 2021).
39. <https://www.bigtranstour.ru/tours/tury-na-altaj/kalejdoskop-altajskih-gor.html> (accessed August 09, 2021).
40. <https://www.icstrvl.ru/> (accessed June 06, 2021).
41. <https://www.jazztour.ru/norway/> (accessed August 09, 2021).
42. <https://www.russiadiscovery.ru/tours/k-murudzhunskim-ozeram/> (accessed August 25, 2021).
43. <https://www.salokyla.ru/galereya/foto/?block=4#tab4> (accessed July 09, 2021).
44. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. *Metaphor and Thought*. Ed. by Andrew Ortony. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1993, pp. 202-251.
45. Turner M. The Origin of Ideas. Blending, Creativity and the Human Spark. New York, Oxford University Press, 2014, 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональных целей

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет»

*ул. Ленина, 11, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
canoe@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina E. Men'shikova, Associate Professor of the Foreign Languages Department for Professional Purposes, PhD in Linguistics
Baikal State University

11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation

canoe@list.ru

SPIN-code: 7939-4420

ORCID: 0000-0001-8410-3223

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-3-373-386

УДК 811.111-26

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НИЗКОГО УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОВОРЯЩЕГО В КАДРОВОМ ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Тисленкова И.А.

Цель. Настоящая статья посвящена детекции, социолингвистическому анализу и систематизации языковых маркеров английской устной речи, коррелирующих с низким уровнем профессиональных знаний представителей профессий гуманитарного профиля, выявляемых комиссией по набору персонала при отборе на работу во время кадрового интервью.

Метод или методология проведения работы. В статье используются методика социолингвистических категорий Т.А. Ивушкиной, методы описания, обобщения, интерпретации.

Результаты. В результате работы устанавливается, что синтаксическими маркерами являются многокомпонентные сложносочиненные предложения, части которых состоят из простых грамматических основ – эквивалентов перечислений, подмена слов жестами и дискурсивными словами, использование псевдосвязующих слов; лексическими маркерами выступают сочетание слов разной стилистической окраски и сферы употребления в одном высказывании, присутствие жаргонизмов, фразеологических единиц сниженного разговорного характера; маркерами речевой стратегии служат бедный вертикальный контекст, повторение клишированных предложений, несоблюдение речевых и стилистических норм, ошибки в выборе регистра общения, напористость, включение в высказывание риторических вопросов и вопросительных предложений-переспросов; кинетические маркеры включают постоянное жестикуляционное кодирование; маркерами этикетной коммуникации служат перебивание оппонента, проговаривание своего мнения параллельно речи собеседника.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в программах искусственного интеллекта, обеспечивающих бесконтактную автоматизированную оценку уровня профессионализма коммуниканта.

Ключевые слова: маркеры речи; языковая репрезентация уровня профессионализма; социолингвистические категории; фамиллярно разговорный вид речевой культуры; дискурс; языковая личность; интервью; вульгаризмы

VERBALIZATION OF THE ENTRY-LEVEL PROFESSIONALISM IN A PERSONNEL INTERVIEW (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Tislenkova I.A.

Purpose. This article is devoted to detection, sociolinguistic analysis and systematization of language markers from English oral speech, correlating with the entry level of professional knowledge of the humanities profile professionals, identified by the recruitment commission in a personnel interview during the selection for a job.

Methodology. The research is based on the sociolinguistic categories methodology by Professor T.A. Ivushkina, methods of description, generalization, interpretation.

Results. Syntactic markers include multicomponent compound sentences, consisting of the principal sentence parts, the substitution of words with gestures and discursive words, the use of pseudo-connecting words; lexical markers are a combination of different stylistic coloring and scope of use words in one utterance, the presence of jargonisms, colloquial type phraseological units; the markers of the speech strategy contain poor vertical context, repetition of cliched maxims, speech and stylistic norms violation, errors in the choice of communication register, assertiveness, rhetorical questions and interrogative sentences in the utterance; kinetic markers comprise active gesticulation; markers of etiquette communication are interrupting the opponent, pronouncing opinion during the interlocutor's speech.

Practical implications. *The research results can be used in artificial intelligence programs providing a contactless automated assessment of the communicant's professionalism level during the recruitment procedure.*

Keywords: *speech markers; linguistic representation of the professionalism level; sociolinguistic categories; familiar-spoken language; discourse; language personality; interview; vulgarisms*

Введение

На сегодняшний день одним из наиболее используемых методов оценки профессионализма кандидата на вакантную должность является интервью, во время которого приблизительно определяются соответствие профессиональных знаний диплому об образовании, умение находить решение производственных задач, манеры речи и поведения.

Социолингвистический анализ языковых элементов традиционного биографического интервью может обеспечить получение однозначно трактуемые данных, свидетельствующих об истинном уровне профессионализма говорящего (высоком, среднем или низком) [2; 7]. Объектом настоящего исследования является речь специалистов с низким уровнем профессионализма. Цель работы заключается в установлении, социолингвистическом анализе и систематизации языковых маркеров английской устной речи, соответствующих низкому уровню профессиональных знаний представителей профессий гуманитарного профиля, выявляемых во время кадрового интервью.

Основными задачами работы, в связи с поставленной целью являются:

1. определение понятия «низкий уровень профессионализма»;
2. выявление синтаксических, лексических, грамматических, кинетических маркеров речи коммуникантов с низким уровнем профессионализма;
3. определение маркеров этикетной коммуникации, речевой стратегии и типа речевой культуры специалистов с начальным уровнем профессионализма;
4. обобщение результатов исследования.

Сформулируем содержание термина «низкий уровень профессионализма» и выявим соответствующие ему индикаторы речи. Ученые определяют данное понятие как наличие у соискателя среднего специального профессионального образования с опытом работы от 3 до 10 лет, обеспечивающего базовыми знаниями, способностью выполнять типовые задания. [5; 9; 1].

Обзор современной научной лингвистической литературы показал отсутствие исследований маркеров речи, отражающих тот или иной уровень профессионализма говорящего, что определяет актуальность работы. Так, иностранные исследователи нарративной идентичности, R. Dickerhoof (2006), P. J. Eakin (2008), J. M. Baron and S. Bluck (2009) установили, что навыки и знания в различных предметных областях кодируются в структурах речи [21; 16; 13]. Отечественные ученые, такие как В. И. Карасик (2005); А. П. Сковородников (2009); Т. В. Черниговская (2013) описали влияния уровня образования на речевое поведение личности [4; 6; 8]. Таким образом, новизна работы состоит в том, что на стыке психологии и лингвистики определяется возможность лингвистического моделирования низкого уровня профессиональной компетентности посредством изучения дискурсивных практик.

Материалы и методы

Рассмотрим описанные нами профессиональные характеристики соискателей, имеющие языковое выражение на материале 14 видеопосредств с представителями гуманитарных профессий, говорящих на английском языке, профессионалами низкого уровня, общей длительностью 290 минут: учителем рисования в старшей школе, учителями рисования центра дополнительного образования, преподавателем обществознания в колледже, музыкантом, врачом скорой помощи, художником-живописцем, музейным работником, рок-музыкантом и юристом по гражданскому праву.

Вслед за исследователем D. McAdams (1993) мы считаем, что коммуникант через дискурсивные практики устанавливает свой уровень профессионализма посредством речевых структур, стере-

отипов и маркеров [22, с. 116]. Автобиографический рассказ имеет объективную форму, которую возможно отчуждать от личности для проведения анализа [28; 13; 21, с. 78]. Семиотическое выражение повествования предоставляет возможность изучения дискурсивных практик, в которых формируется профессиональное самосознание говорящего [25]. Исходя из данных выводов, мы определяем такие компоненты речи, которые получают особенную форму под влиянием полученных человеком профессиональных знаний и умений: лексико-синтаксические единицы, речевые стратегии, вертикальный контекст. Т.И. Ивушкина в своей работе формулирует методику оценки данных параметров – методику социолингвистических категорий, лингвистический анализ и соотнесение конкретных форм языкового проявления с уровнем профессионализма говорящего [3].

Результаты и обсуждение

Синтаксис. Самую большую часть предложений составляют длинные сложносочиненные предложения, части которых состоят из простых грамматических основ:

(1) *Before 15 minutes the class starts, I open digital materials I need to go through from the content I have planned previously, and I go through any textbook content I intend to discuss and I make available any digital tasks I need the students to complete and then I start the class and most often, of course, on time to set a good example* [12].

Такая структура по сути является эквивалентом синтаксических единиц с однородными сказуемыми – перечислениями действий.

В процессе говорения у мужчин постоянно используется жестикуляция, а у женщин жестикуляция сочетается с мимикой. Часто слова подменяются жестами и дискурсивными словами. Между частями высказывания присутствуют паузы:

(2) *My brother was... kinda keyed into a lot of underground music (говорящий стучит сжатой рукой себе в грудь – Прим. наше – И.Т.) ... you know... at the time and I... kinda broadened my world about what a songwriter you know can do (говорящий рисует в воздухе спираль – Прим. наше – И.Т.) and then... then... mmm... as I was paying more and*

more attention and started to realize how great (*говорящий показывает указательным пальцем вверх*– Прим. наше – И.Т.) like Paul Simon... *you know...is in the craft of that* [19].

Жест формируется быстрее, чем речевое высказывание и носит иконический характер.

Лексика. Человек с низким уровнем интеллекта испытывает трудности с определением уместности и неуместности использования тех или иных лексических единиц при формировании своего высказывания. Поэтому он не соблюдает речевые и стилистические нормы. В одном суждении фигурируют термины, вульгаризмы, сленгизмы, книжные и бранные слова. Например, соискательница рассуждает о том, как ей как преподавателю приходится овладевать новыми технологиями в образовании:

(3) When they change a new technology, you change from one system to another and now you've got to learn a new system for classroom management or learn a new computer system and *you gonna learn it by the seat of your pants* because they don't give you a lot of time to adjust before you expect it to use [15].

Стремясь поделиться своими профессиональными проблемами, соискательница делает это грубо, облекает мысль в неприятную для слушателя форму, не учитывает обстановку общения.

В следующем высказывании и вовсе присутствует жаргонизм. На вопрос интервьюера о том, как он оценивает свою учёбу в юридическом колледже, последний отвечает:

(4) I really enjoyed my Law School and *I'm not bullshitting* [14].

Актуально употребляемые фразеологические единицы имеют разговорный или сниженный характер:

(5) So, I started *hanging out with* some kids at school that loved playing [23].

(6) I kind of felt *it was no turning back* [24].

Библейские фразеологизмы показывают несамостоятельность мышления, предпочтение пользоваться клише:

(11) ...when I met a wonderful person, my art teacher at high school, who *set me on the right path...* [26].

Коммуникант рассматриваемой группы украшает свою речь с помощью субстандартной метафоры, выраженной вульгаризмами:

(13) *I'm attacking the canvas, kind of like grabs you* but you've staying with it but you've feeling uneasy [11].

(14) I just sat down *to drum a few chords* and put that together [20].

(15) Emergency doctors are triage doctors, *adrenaline junkies* [17].

Юмор содержится в единичных случаях игры слов, в которых акротеиза образована антонимами с позитивно-негативным следованиям частей:

(16) Playing is somehow «the world goes away». It's difficult to come out of that. But *that's the curse of it*, but *the blessing is* there is that focus and there is that sense of purpose, sense of being, there is this ... like ... there's a reason I'm here [23].

Иностранные слова и сравнения в речи отсутствуют. Прилагательные практически не используются. Положительная оценка оформляется с помощью простых узуальных прилагательных: *amazing, unreal, big, nice, normal, horrible, bad*.

Об ограниченности объема знаний и опыта свидетельствует содержание вертикального контекста речи. Такие соискатели рассуждают в основном о событиях своей жизни в конкретный исторический фрагмент жизни страны в основном в форме перечисления фактов:

(17) *Black Sabbath* was the band that just totally lit me up so heavy, so moving – I sunk right into that [20].

Имеются скудные сентенции, основанные на повседневном опыте либо повторении расхожих истин:

(18) *Conceptual art* is based on the idea [27].

(19) *Teaching* is acting [29].

Стратегия выражения своего мнения. Собственное мнение соискатели с низким уровнем интеллекта и профессионализма выражают прямо и напористо, включая в высказывание вопросительные предложения и дискурсивное слово *right* с вопросительным знаком:

(20) Well, *let me tell you something*. My name is Miss Hagan and I am an art teacher [18].

(21) I'm that kind of teacher where, you know, you gotta get the fundamentals, *right?* [10]

В целом речь демонстрирует переизбыток слов-паразитов, занимающих 37,5% - 65% высказывания:

(22) This album is *kinda* represent...and it *kinda* is a way to represent and *kinda* catch up...catch *like* France up to where I'm...I am what I've made *so far* [19].

Набор слов-паразитов состоит из таких единиц, как *it's like*, *sort of*, *just*, *in a lot of ways*, *okay well*, *it's kinda*, *some kind of*, *a certain*, *sort of how*, *let's say*, *it's funny*, *I feel like*, *like*, and everything else, actually, really, I guess, certain issues, well, and stuff like that, so and so, pretty.

Говорение сопровождается идиосинкратическими спонтанными движениями рук. Жестикуляционные средства облегчают процесс формулировки и выражения мысли говорящего.

Соискатели этой группы не дифференцируют ситуации официального и неофициального общения, что сказывается на произношении и построении фразы:

(23) I end up for emergency medicine and went to variety programs, my attending were fantastic (речевая ошибка говорящего – *Прим. наше – И.Т.*), they let me be *the goofball that I am* [17].

Заключение

Таким образом, низкий уровень профессионализма подразумевает несостоятельность в ситуации официального общения, трудности с выражением и правильным оформлением мыслей по причине ограниченного объема знаний, неумение планировать и выстраивать структуру высказывания, соотносить речевое поведение с ситуацией общения.

Низкий уровень профессионализма фиксируется в следующих языковых особенностях:

1. синтаксическими маркерами выступают многокомпонентные сложносочиненные предложения, части которых состоят из простых грамматических основ – эквивалентов перечислений, подмена слов жестами и дискурсивными словами, использование псевдосвязующих слов, средняя длина предложения 40-50 слов;

2. лексическими маркерами являются сочетание слов разной стилистической окраски и сферы употребления в одном высказывании, присутствие жаргонизмов, фразеологических единиц сниженного разговорного характера, крылатых библейских фразеологизмов, иронического повтора, субстандартной метафоры, выраженной вульгаризмами, игры слов, передающейся акротезой, выраженной квази-антонимами, отсутствие иностранных слов, сравнений, отражение положительной оценки в использовании редких простых узувальных прилагательных, высказывание отрицательной оценки с помощью стилистически сниженных наречий, глаголов, существительных, частотных слов, лексической гиперкорректности:

3. грамматические маркеры включают использование глаголов в настоящем и прошедшем временах:

4. маркерами речевой стратегии служат бедный вертикальный контекст, содержащий перечисление фактов из собственной жизни, скудные сентенции из повседневного опыта, повторение клишированных истин, не соблюдение речевых и стилистических норм, ошибки в выборе регистра общения, вербальная агрессия в случае критики, переизбыток слов-паразитов (37.5%-65% высказывания), уверенность в себе, напористость, включение в высказывание риторических вопросов и вопросительных предложений-переспросов;

5. кинетическими маркерами являются постоянное жестикуляционное кодирование и отражение посредством мимики испытываемых эмоций;

6. речь относится к фамильярно разговорному виду речевой культуры, свидетельствует о привычке к исключительно диалогическому виду общения;

7. маркерами этикетной коммуникации выступают перебивание собеседника, проговаривание своего мнения параллельно речи собеседника.

Список литературы

1. Василенко Д.В. Стадии формирования профессионального знания и их репрезентация в тексте (на материале текстов нанотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная фи-

- лология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 15-23. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-1-15-23>
2. Власова Е.В. Смысловой анализ английских текстов: метод. разраб. для студ. ин-та иностр. яз. ВГСПУ. М.: Изд-во МГААиИИ Сергея Андрияки, 2013. 24 с.
 3. Ивушкина Т.А. «Словарь» аристократа в произведениях художественной литературы XIX века // Филологические науки. 1996. № 2. С. 81-89.
 4. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25-61.
 5. Козырева О.А. Основные аспекты отечественных и зарубежных концепций профессионального развития // Educational Technology & Society. 2007. Т. 10, № 4. С. 376-379.
 6. Сковородников А.П., Копнина А.Г. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences Supplement. 2009. № 2. С. 5-18.
 7. Тисленкова И.А. Культурно-исторические реалии прошедшей эпохи в речи персонажей современной британской драмы // Известия ВГСПУ. №2 (125) 2018. С. 132-136.
 8. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. Языки славянской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
 9. Шунейко А.А., Авдеенко И.А. Стереотипы речевого поведения // Русская речь. 2011. №1. С. 70-73.
 10. Art is Everywhere and Why it Matters! https://www.youtube.com/watch?v=_mCh_-B9etY (дата обращения 21.07.2021)
 11. Artist Talk: Shara Hughes. <https://www.youtube.com/watch?v=dVj9LD-PRMpg> (дата обращения: 22.07.2021).
 12. Art Teacher Life: What is it REALLY like? High School/Secondary. https://www.youtube.com/watch?v=B0s_aXgrRQY (дата обращения: 22.07.2021).
 13. Baron J.M., Bluck S. Autobiographical memory sharing in everyday life: Characteristics of a good story // International Journal of Be-

- havioral Development. 2009. Vol. 33, No 2. pp. 105-117. <https://doi.org/10.1177/0165025408098039>
14. Chatting with a Lawyer. <https://www.youtube.com/watch?v=xAGkd-ZlgBt8> (дата обращения: 22.07.2021).
15. Community College Professor, Career Video from drkit.org. <https://www.youtube.com/watch?v=NTdbhLVG6eA&t=117s> (дата обращения 23.07.2021).
16. Eakin P. J. Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative. Cornell University Press. 2008. 208 p.
17. Emergency Medicine Physician Interview | ER Day in the Life, Residency Match, Burnout, Etc. <https://www.youtube.com/watch?v=C3RIRfM-fOvA> (дата обращения: 23.07.2021).
18. How to Be a Successful Art Teacher. <https://www.youtube.com/watch?v=BD6j8vFfgnY> (дата обращения: 24.07.2021).
19. Interview with American folk singer-songwriter J.E. SUNDE (2019). <https://www.youtube.com/watch?v=gaaSCcJINRI> (дата обращения: 24.07.2021).
20. James Hetfield: Full Interview on 3sat (2008). <https://www.youtube.com/watch?v=gstV6kTwtHw> (дата обращения: 25.07.2021).
21. Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90, no. 4. pp. 692-708. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.4.692>
22. McAdams D. The stories we live by: personal myths and the making of the Self. New York; London: Guilford Press, 1993, 336 p.
23. Metallica's James Hetfield At Guitar Center. <https://www.youtube.com/watch?v=1Eq9RVKT9XQ> (дата обращения: 26.07.2021).
24. Shara Hughes Interview: Changing the Way We See. <https://www.youtube.com/watch?v=0XOQexr4QTg> (дата обращения: 27.07.2021).
25. Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction // Journal of Personality. 2004. Vol. 72. № 3, pp. 437-460. <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00268.x>
26. Staff Interview Series Part 1: Museum Manager & Curator, Simge Erdogan. <https://www.youtube.com/watch?v=h1Jp7ZEy2z8> (дата обращения: 19.07.2021).

27. Teaching the Arts online through a Pandemic. <https://www.youtube.com/watch?v=WIBJa12oqos> (дата обращения: 18.07.2021).
28. Thorne A. Putting the person into social identity // Human Development. 2004. Vol. 47, №6, pp. 361–365. <https://doi.org/10.1159/000081038>
29. What you need to know to be an Art Teacher – Part 1. <https://www.youtube.com/watch?v=EEwru4O6Td&t=52s> (дата обращения: 18.07.2021).

References

1. Vasilenko D.V. Stadii formirovaniya professional'nogo znaniya i ih reprezentacija v tekste (na materiale tekstov nanotekhnologii) [Stages of professional knowledge formation and their representation in the text (based on the material of nanotechnology texts)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology], 2021, vol. 13, no. 1, pp. 15–23. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-1-15-23>.
2. Vlasova E.V. *Smyslovoy analiz angliyskikh tekstov* [Semantic analysis of English texts]. Moscow: MGAAiII Sergeja Andriyaki Publ., 2013, 24 p.
3. Ivushkina T.A. «Slovar'» aristokrata v proizvedenijah hudozhestvennoj literatury XIX veka [The “vocabulary” of an aristocrat in the XIX century fiction]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1996, no. 2, pp. 81–89.
4. Karasik V.I. Lingvokul'turnyj tipazh «russkij intelligent» [The linguistic and cultural type “Russian intellectual”]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* [Axiological linguistics: linguocultural types]. Volgograd: Paradigma, 2005, pp. 25–61.
5. Kozyreva O.A. Osnovnye aspekty otechestvennyh i zarubezhnyh koncepcij professional'nogo razvitiya [The main aspects of domestic and foreign concepts of professional development]. *Educational Technology & Society*, 2007, vol. 10, no. 4, pp. 376–379.
6. Skovorodnikov A.P., Kopnina A.G. Model' kul'turno-rechevoj kompetencii studenta vysshego uchebnogo zavedeniya [The model of cultural and speech competence of a student of a higher educational institution]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences Supplement*, 2009, no. 2, pp. 5–18.
7. Tislenkova I.A. Kul'turno-istoricheskie realii proshedshej jepohi v rechi personazhej sovremennoj britanskoj dramy [Cultural and historical realities

- of the past era in the speech of the characters of the modern British drama]. *Izvestiya VGSPU* [VGSPU Bulletin], 2018, no. 2 (125), pp. 132-136.
8. Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire smile of Schrodinger's cat: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013, 448 p.
 9. Shuneyko A.A., Avdeenko I.A. Stereotipy rechevogo povedeniya [Speech behavior stereotypes]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 2011, no. 1, pp. 70-73.
 10. Art is Everywhere and Why it Matters! https://www.youtube.com/watch?v=_mCh_-B9etY (accessed 21.07.2021)
 11. Artist Talk: Shara Hughes. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=d-Vj9LDPRMpg> (accessed 22.07.2021).
 12. Art Teacher Life: What is it REALLY like? High School/Secondary. https://www.youtube.com/watch?v=B0s_aXgrRQY (accessed 22.07.2021).
 13. Baron J.M., Bluck S. Autobiographical memory sharing in everyday life: Characteristics of a good story. *International Journal of Behavioral Development*, 2009, vol. 33, no. 2, pp. 105-117. <https://doi.org/10.1177/0165025408098039>
 14. Chatting with a Lawyer. <https://www.youtube.com/watch?v=xAGkd-ZlgBt8> (accessed 22.07.2021).
 15. Community College Professor, Career Video from drkit.org. <https://www.youtube.com/watch?v=NTdbhLVG6eA&t=117s> (accessed 23.07.2021).
 16. Eakin P.J. *Living Autobiographically: How We Create Identity in Narrative*. Cornell University Press. 2008, 208 p.
 17. Emergency Medicine Physician Interview | ER Day in the Life, Residency Match, Burnout, Etc. <https://www.youtube.com/watch?v=C3RIRfM-fOvA> (accessed 23.07.2021).
 18. How to Be a Successful Art Teacher. <https://www.youtube.com/watch?v=BD6j8vFfgnY> (accessed 24.07.2021).
 19. Interview with American folk singer-songwriter J.E. SUNDE (2019). <https://www.youtube.com/watch?v=gaaSCcJINRI> (accessed 24.07.2021).
 20. James Hetfield: Full Interview on 3sat (2008). <https://www.youtube.com/watch?v=gstV6kTwtHw> (accessed 25.07.2021).
 21. Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 90, no. 4, pp. 692-708. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.4.692>

22. McAdams D. The stories we live by: personal myths and the making of the Self. New York; London: Guilford Press, 1993, 336 p.
23. Metallica's James Hetfield At Guitar Center. <https://www.youtube.com/watch?v=1Eq9RVKT9XQ> (accessed 26.07.2021).
24. Shara Hughes Interview: Changing the Way We See. <https://www.youtube.com/watch?v=0XOQexr4QTg> (accessed 27.07.2021).
25. Singer J. A. Narrative identity and meaning making across the adult lifespan: An introduction. *Journal of Personality*, 2004, vol. 72, no. 3, pp. 437-460. <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00268.x>
26. Staff Interview Series Part 1: Museum Manager & Curator, Simge Erdogan. <https://www.youtube.com/watch?v=h1Jp7ZEy2z8> (accessed 19.07.2021).
27. Teaching the Arts online through a Pandemic. <https://www.youtube.com/watch?v=WIBJa12oqos> (accessed 18.07.2021).
28. Thorne A. Putting the person into social identity. *Human Development*, 2004, vol. 47, no. 6, pp. 361–365. <https://doi.org/10.1159/000081038>
29. What you need to know to be an Art Teacher – Part 1. <https://www.youtube.com/watch?v=EEwru4O6Tdg&t=52s> (accessed 18.07.2021).

ДАНЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тисленкова Ирина Александровна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат филологических наук
*Волгоградский государственный технический университет
пр. им. В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, Волгоградская область,
400005, Российская Федерация
tislenkova@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Tislenkova, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ph. D. in Philology
*Volgograd State Technical University
28, pr. im. V.I. Lenina, Volgograd, Volgograd region, 400005,
Russian Federation
SPIN-code: 3936-0669
ORCID: 0000-0002-7202-2773
tislenkova@bk.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕДИЦИНСКАЯ ПРОГРАММА АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ (АРА) В РОССИИ В 1921–1923 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГРАДА) Филиппова М.Н., Романова А.Н.	14
ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПОМОЩИ (АРА) В ПЕТРОГРАДСКОМ ДИСТРИКТЕ В 1921–1923 ГГ. Филиппова М.Н., Романова А.Н.	32
УСТРОЙСТВО ИНВАЛИДНЫХ ДОМОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ Букалова С.В.	50

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ГЕОКУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА МИРА П.Н. САВИЦКОГО Шмаков В.С.	67
СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГЕРМАНИИ Высоцкая И.В., Йованович Т.Г., Топоркова О.В., Лазарева О.В.	82
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СКЛОННОСТИ К ЗАВИСИМОСТЯМ У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ Левина И.Л., Король Л.Н.	102

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОСНОВА БЫТИЯ
СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Ивенкова О.А., Фаненштиль Т.В. 117

ПОНЯТИЯ «ГЕНДЕР» В ИДЕОЛОГИИ ФЕМИНИЗМА:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Неронов А.В., Неронова М.Ю. 131

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ОСВОЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОЛЛИЗИЙ
В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ ТИПОВ И СИСТЕМ

Калабекова Л.Т., Сайджанова В.С. 155

КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ
НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ
В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кауфова И.Б., Кауфова Л.А. 169

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАКТИК МОБИЛИЗАЦИИ
В СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ РОССИИ:
ПРЕДМЕТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ребрина Л.Н., Милованова М.В. 180

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ»
В ЭВЕНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Кузьмина Р.П. 200

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВО И ПРОВОКАЦИЯ
В ЭПОХУ ЛУЛЗОВ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛОКАЦИЯМИ С КЛЮЧЕВЫМИ
СЛОВАМИ ГЛУМ, СТЕБ, ПРАНК, ТРОЛЛИНГ

Ребрина Л.Н. 212

ПРОТЕСТНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНЫХ
СЕТЕЙ ГЕРМАНИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО–ВРЕМЕННОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ (ДИСКУРСИВНАЯ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА)

Генералова Л.М. 236

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
КОРПУСА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ СЛОВА

Авдюшкина А.А., Прохорова О.Н. 263

СТАТУС КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЭГОЦЕНТРИЗМА
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Вильчик М.К. 274

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА ЦАРЬ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ДО XIX В.

Демидова Е.Е. 293

ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ
НЕУДАЧ В ИНТЕРВЬЮ-ПОРТРЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ
ПРЕССЫ)

Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В., Бганцева И.В., Тисленкова И.А. 307

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ
ГОВОРЯЩИМИ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ
ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Тисленков Г.М. 331

МЕТАФОРА КАК КРЕАТИВНЫЙ АТТРАКТОР В РЕКЛАМНОМ
ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Меньшикова Е.Е. 344

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НИЗКОГО УРОВНЯ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОВОРЯЩЕГО В КАДРОВОМ
ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Тисленкова И.А. 373

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 387

CONTENTS

HISTORY STUDIES

THE MEDICAL PROGRAM OF THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) IN RUSSIA IN 1921–1923 ON THE EXAMPLE OF PETROGRAD Filippova M.N., Romanova A.N.	14
FORMATION OF THE SOVIET AUTHORITIES FOR INTERACTION WITH THE AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION (ARA) IN THE PETROGRAD DISTRICT IN 1921–1923 Filippova M.N., Romanova A.N.	32
FOUNDING THE ASYLUMS FOR INVALIDS IN RUSSIAN EMPIRE DURING THE WORLD WAR I Bukalova S.V.	50

PHILOSOPHICAL STUDIES

THE GEOCULTURAL PICTURE OF THE WORLD P.N. SAVITSKY Shmakov V.S.	67
SOCIAL AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE SYSTEM OF NON-DEGREE EDUCATION FOR THE SENIOR CITIZENS IN GERMANY Vysotskaya I.V., Yovanovich T.G., Toporkova O.V., Lazareva O.V.	82
COMPARATIVE ANALYSIS OF ADDICTION PROPENSITY IN STUDENTS OF DIFFERENT TRAINING PROFILES Levina I.L., Korol L.N.	102
EVERYDAYNESS AS THE BASIS OF BEING SOCIAL ENTITY Ivenkova O.A., Fanenstil T.V.	117

THE CONCEPT OF GENDER IN FEMINIST IDEOLOGY:
A PHILOSOPHICAL ANALYSIS**Neronov A.V., Neronova M.Yu.** 131

LANGUAGE STUDIES

LINGUODIDACTICAL ASPECT OF INTERLINGUAL
COLLISIONS ASSIMILATION IN LANGUAGES
OF DIFFERENT TYPES AND SYSTEMS**Kalabekova L.T., Saydzhanova V.S.** 155CULTURALLY MARKED NATIONAL SPECIFIC
MEANS OF EXPRESSING HORTATIVE UTTERANCES
IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE**Kaufova I.B., Kaufova L.A.** 169SYSTEMIC-COMMUNICATIVE FEATURES
OF MOBILIZATION PRACTICES IN RUSSIAN SOCIAL
NETWORKS COMMUNITIES: SUBJECT ASPECT**Rebrina L.N., Milovanova M.V.** 180REPRESENTATION OF THE «SUN» CONCEPT
IN THE EVEN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**Kuzmina R.P.** 200SCOFF AND PROVOCATION
IN THE ERA OF LULZ: LEXICAL AND SEMANTIC
REPRESENTATION THROUGH COLLOCATIONS
WITH THE KEYWORDS GLUM, BANTER,
PRANK, TROLLING**Rebrina L.N.** 212PROTEST MOBILIZATION IN GERMAN SOCIAL
NETWORK COMMUNITIES: SPATIO-TEMPORAL DIMENSION
(DISCURSIVE AND GENRE CHARACTERISTICS)**Generalova L.M.** 236

SPECIFICITY OF USING THE LINGUISTIC CORPUS
TO STUDY WORD POLYSEMY

Avdyushkina A.A., Prokhorova O.N. 263

STATUS OF THE COMMUNICATIVE CATEGORY
OF EGOCENTRISM IN THE AMERICAN LINGUOCULTURE

Vilchik M.K. 274

THE DEVELOPMENT OF COGNITIVE SIGNS
OF THE TSAR CONCEPT IN RUSSIAN LINGUOCULTURE
UNTIL THE XIX CENTURY

Demidova E.E. 293

VERBAL WAYS OF OVERCOMING
COMMUNICATIVE FAILURES IN A PORTRAIT INTERVIEW
(BASED ON THE GERMAN PRESS)

Ionkina E.Yu., Tikhoeva V.V., Bgantseva I.V., Tislenkova I.A. 307

THE USE OF PRONOUNS BY THE SPEAKERS
WITH ANTISOCIAL PERSONALITY DISORDER
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Tislenkov G.M. 331

METAPHOR AS A CREATIVE ATTRACTOR
IN THE ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

Menshikova E.E. 344

VERBALIZATION OF THE ENTRY-LEVEL
PROFESSIONALISM IN A PERSONNEL INTERVIEW
(BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Tislenkova I.A. 373

RULES FOR AUTHORS 387

Подписано в печать 29.10.2021. Дата выхода в свет 29.10.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 28,35. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP133/021. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.